

ВЕСТНИК Сибирского юридического института МВД России

№ 4 (57)
2024
ISSN 2542-1735
16+

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Пресса России» 33356

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ N ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Включен в систему РИНЦ (договор N 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Подписан в печать 16.12.2024
Вышел в свет 27.12.2024
Формат Р 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 35,25.
Тираж 100 экз.
Заказ 421.
Цена свободная.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО.
Сибирский юридический институт МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.

VESTNIK
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia

№ 4 (57)

2024

ISSN 2542-1735

16+

Scientific and practical journal

Subscription index «The Press of Russia» 33356

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Federal State Educational Institution of Higher Education

«SIBERIAN LAW INSTITUTE» MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

OF THE RUSSIAN FEDERATION»

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences).

Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations.
The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Signed to the press on 16.12.2024
It was released on 27.12.2024
P 60x84 1/8 format. Offset paper.
Souvenir headset.
Offset printing. Table of baking sheets 35,25.
The circulation is 100 copies.
Order 421.
The price is free.

The address of the editorial office and publishing house:

Research and editorial and publishing department.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.

Printed at the NIRIO printing house.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
6 Kutuzova str., Krasnoyarsk, 660050.

Редакционный совет:

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);
заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);
ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакционного отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва) (по согласованию);

Адилов Айбек Насырович, доктор юридических наук, профессор (г. Бишкек) (по согласованию);

Анохин Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (г. Барнаул) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (по согласованию);

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный работник сферы образования Российской Федерации (г. Улан-Удэ) (по согласованию);

Грязнова Татьяна Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Омск) (по согласованию);

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент (г. Белгород) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Краснодар) (по согласованию);

Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Кожевина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Омской области, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Омск) (по согласованию);

Лубенков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Могилев, Республика Беларусь) (по согласованию);

Макарчук Иван Юрьевич, кандидат юридических наук, эксперт Российской академии образования (г. Красноярск);

Самсонов Валерий Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Белгород) (по согласованию);

Сейтжанов Олжас Темиржанович, кандидат юридических наук, доцент (г. Караганда, Республика Казахстан) (по согласованию);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Красноярск);

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк) (по согласованию).

Editorial council:

Chairman – Kim Dmitry Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Tsukanov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Leontieva Yulia Vadimovna, Chief Specialist of the Editorial Department of the Research and Editorial Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

editorial council members:

Avakian Suren Adibekovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow) (by agreement);

Adilov Aibek Nasyrovich, Doctor of Law, Professor (Bishkek) (by agreement);

Anokhin Yuri Vasilyevich, Doctor of Law, Professor (Barnaul) (by agreement);

Bezrukov Andrey Viktorovich, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Bertovsky Lev Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Moscow) (by agreement);

Garmaev Yuri Petrovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Honorary Worker of Education of the Russian Federation (Ulan-Ude) (by agreement);

Gryaznova Tatyana Evgenievna, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Omsk) (by agreement);

Dizer Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod) (by agreement);

Zheleznyak Nikolay Semenovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Krasnodar) (by agreement);

Kondrashev Andrey Alexandrovich, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kozhevina Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Omsk region, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Omsk) (by agreement);

Lubnikov Alexander Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor (Mogilev, Republic of Belarus) (by agreement);

Makarchuk Ivan Yuryevich, Candidate of Law, expert of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk);

Samsonov Valery Nikolaevich, Doctor of Law, Professor (Belgorod) (by agreement);

Seitzhanov Olzhas Temirzhanovich, Candidate of Law, Associate Professor (Karaganda, Republic of Kazakhstan) (by agreement);

Teplyashin Pavel Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk);

Alexander Viktorovich Shesler, Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk) (by agreement).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

Грушин Ф.В., Зубкова В.И. Применение пожизненного лишения свободы: законодательное регулирование и практическая реализация	9
Антонов А.Г. Новое основание освобождения от уголовной ответственности как разновидность деятельного раскаяния	15
Шашин Д.Г. О модели института частного постановления в процедуре судебного контроля законности оперативно-розыскной деятельности	22
Кохан Р.Ю. О проблемных вопросах обеспечения конституционных прав граждан в процессе информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности, использования технологий OSINT-анализа	33
Вормсбехер И.А. Обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите, как функция полиции	39
Тетерятников Н.Ю. Склонение сотрудника органа внутренних дел к совершению коррупционных правонарушений как правовое явление	48
Нуриев И.Н. Двухмесячный срок производства предварительного следствия: анахронизм, требующий законодательного пересмотра	56
Судницын А.Б. Отвод вопросов обвиняемого, адресованных несовершеннолетнему потерпевшему, свидетельствующему против него	65
Стебенева Е.В. Минимизация, ликвидация последствий коррупционных правонарушений как составляющие механизма противодействия коррупции (отдельные аспекты)	71
Бабин С.В. Проблемные вопросы применения сотрудниками полиции статьи 27.12.1 КоАП РФ «Медицинское освидетельствование на состояние опьянения»	82
Машковцев А.А., Моляров Е.А. Электронное наблюдение как современный способ оперативно-розыскного документирования преступлений	91

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

Суров О.А. Понятие, содержание и структура криминалистической характеристики незаконного международного наркотрафика	100
Заварыкин И.Н. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	107
Абрамова Л.Л. К вопросу о проблемах использования результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве по уголовному делу (на примере преступлений о незаконном обороте наркотиков)	112
Пустовойт Е.С. Криминологическая характеристика личности лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности	125

Зарубежный опыт

Алимпиев А.А. О социальной обусловленности нормативно-правовой регламентации ответственности за массовые беспорядки в Российской Федерации и зарубежных государствах	131
--	-----

Гамзина А.В., Янчин В.О. К вопросу о повышении эффективности деятельности подразделений по делам несовершеннолетних: опыт Республики Беларусь	138
Баярмагнай Р. Методологические вопросы расследования коррупционных преступлений в Монголии	148

Взгляд. Размышления. Точка зрения

Грудинин Н.С. Современные векторы конституционного развития России	157
Цуканов Н.Н. Эффект Соляриса: о проблеме понимания административного процесса	165
Борков В.Н., Москаленко Г.Е. Реализация принципа баланса интересов в правоохранительной деятельности	173
Ткачева Н.В. Природа правоотношений подсудимого и защитника на этапе производства в суде первой инстанции	180
Праскова С.В. К вопросу о понимании в социальных науках территории как физического пространства	187
Потапов П.Н., Сургутсков В.И. Историко-правовые аспекты развития нормативного регулирования в сфере качества и безопасности реализуемых пищевых продуктов в России (X – начало XX вв.).....	194
Шатилов С.П., Шатилова О.А. Деятельность судов по уголовным делам экономической направленности в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) (на материалах Алтайского края)	202
Гайкин М.С. Криминалистический подход в информационном освещении фактов военных преступлений, совершаемых с использованием боеприпасов и взрывных устройств	209
Парфенов А.В. О положительном опыте кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России по установлению творческих связей с оперативными Главками и образовательными организациями как важной составляющей оперативно-розыскной политики Российской Федерации	214
Молоков В.В. Региональные тенденции развития преступности на примере Красноярского края.....	225
Шепель Н.В., Янгаева М.О. Использование возможностей искусственного интеллекта при создании дипфейков.....	233
Сидорова Е.З. Скулшутинг как форма проявления экстремизма в образовательной среде.....	240

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Агарзаев С.К. Участие органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения на современном этапе: теоретические, правовые и организационные аспекты	246
Клишина А.Г. Стадия возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса: продолжение дискуссии	254
Манакова Е.А. Психотропное оружие как разновидность боевого отравляющего вещества диверсионного назначения: криминалистический аспект....	260
Павлик А.М. О возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим при совершении преступления с двумя объектами (на примере ст. 264 УК РФ)	265
Фарахiev Д.М. О некоторых особенностях документирования хищений бюджетных денежных средств путем фиктивного трудоустройства граждан.....	273

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Grushin F.V., Zubkova V.I.</i> Life imprisonment: legislative regulation and practical implementation	9
<i>Antonov A.G.</i> A new ground for exemption from criminal liability as a type of active repentance	15
<i>Shashin D.G.</i> On the model of the institution of particular resolution in the procedure of judicial review of the lawfulness of operational-search activities	22
<i>Kokhan R.Yu.</i> On problematic issues of ensuring the constitutional rights of citizens in the process of information and analytical support for operational investigative activities, the use of OSINT- analysis technologies	33
<i>Vormsbeher I.A.</i> Ensuring the safety of persons subject to state protection as a police function	39
<i>Teteryatnikov N.Yu.</i> Inducing an employee of an internal affairs body to commit corruption offenses as a legal phenomenon	48
<i>Nuriev I.N.</i> Two-month period of preliminary investigation: anachronism requiring legislative review	56
<i>Sudnitsyn A.B.</i> Challenging the accused's questions addressed to a minor victim testifying against them	65
<i>Stebeneva E.V.</i> Minimization, elimination of consequences from corruption offenses as components of the mechanism anti-corruption measures (selected aspects)	71
<i>Babin S.V.</i> Problematic issues of applying by police officers of Article 27.12.1 of the Administrative Code of the Russian Federation «Medical examination for the state of intoxication».....	82
<i>Mashkovtsev A.A., Molyarov E.A.</i> Electronic surveillance as a modern method of operational-search documentation of crimes.....	91

Counteraction to Drug Treat: Problems and Ways of their Solution

<i>Surov O.A.</i> Concept, content and structure of the forensic characteristics of international illicit drug trafficking	100
<i>Zavarykin I.N.</i> Current issues of countering drug trafficking committed using information and telecommunication technologies	107
<i>Abramova L.L.</i> To the issue of problems of using the results of operational investigative activities in criminal proceedings (by the example of drug trafficking crimes).....	112
<i>Pustovoit E.S.</i> Criminological characteristics of the identity of a person committing crimes related to drug trafficking in the region of responsibility of the Member States of the Collective Security Treaty Organization.....	125

Foreign experience

<i>Alimpiev A.A.</i> On the social conditionality of the legal regulation of responsibility for mass riots in the Russian Federation and foreign countries	131
---	-----

<i>Gamzina A.V., Yanchin V.O.</i> On the issue of improving the effectiveness of the juvenile affairs units: the experience of the Republic of Belarus	138
<i>Bayarmagnai R.</i> Methodological issues of investigation of corruption crimes in Mongolia	148

Views. Reflections

<i>Grudin N.S.</i> Modern vectors of the constitutional development of Russia	157
<i>Tsukanov N.N.</i> The Solaris effect: to the issue of comprehension of administrative procedure	165
<i>Borkov V.N., Moskalenko G.Ye.</i> Implementation of the principle of balance of interests in law enforcement activity	173
<i>Tkacheva N.V.</i> The nature of the legal relationship between the defendant and the defender at the stage of proceedings in the court of first instance	180
<i>Praskova S.V.</i> On the issue of understanding the territory as a physical space in the social sciences	187
<i>Potapov P.N., Surgutskov V.I.</i> Historical and legal aspects of development of normative regulation in the sphere of quality and safety of food products sold in Russia (X – early XX centuries).....	194
<i>Shatilov S.P., Shatilova O.A.</i> The activity of economic criminal courts during the Great Patriotic War (1941-1945) (based on the materials of the Altai Territory)	202
<i>Gaikin M.S.</i> A forensic approach to media coverage of the facts of war crimes committed with the use of ammunition and explosive devices	209
<i>Parfenov A.V.</i> On the positive experience of the Department of the Organization of Operational Search Activities of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia in establishing creative cooperation with operational headquarters and educational institutions, as an important component of the operational search policy of the Russian Federation	214
<i>Molokov V.V.</i> Regional trends in crime development by the example of Krasnoyarsk region.....	225
<i>Shepel N.V., Yangaeva M.O.</i> Using the potential of artificial intelligence in creating deepfakes.....	233
<i>Sidorova E.Z.</i> Schoolshooting as a form of extremism in the educational environment.....	240

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

<i>Agarzaev S.K.</i> Participation of the internal affairs bodies of the Russian Federation in ensuring the martial law regime at the present stage: theoretical, legal and organizational aspects	246
<i>Klishina A.G.</i> The stage of initiation of a criminal case in the criminal procedure system: further discussion	254
<i>Manakova E.A.</i> Psychotropic weapons as a type of warfare toxic agent for subversive purposes: a forensic aspect.....	260
<i>Paulik A.M.</i> On the possibility of exemption from criminal liability due to reconciliation with the victim when committing a crime having two objects (by the example of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation)	265
<i>Farakhiev D.M.</i> About some features of documenting the theft of budget funds through fictional employment of citizens.....	273

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.24

Федор Владимирович ГРУШИН,

главный научный сотрудник НИЦ-1
Научно-исследовательского института ФСИН России
(г. Москва),
доктор юридических наук, доцент
fedor062@yandex.ru

Валентина Ивановна ЗУБКОВА,

главный научный сотрудник
Юридического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор
zybkovav.i@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

LIFE IMPRISONMENT: LEGISLATIVE REGULATION AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

В статье с помощью историко-правового, сравнительно-правового методов, а также анализа изменений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства рассматриваются особенности применения уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы. На основании проведенного анализа выявляются тенденции уголовной и судебной политики государства в отношении рассматриваемого института. Кроме того, показаны некоторые проблемы и предложены изменения законодательства, связанные с исполнением и отбыванием пожизненного лишения свободы.

The article examines the specifics of the application of criminal punishment in the form of life imprisonment using historical and legal, comparative legal methods, as well as analysis of changes in criminal and penal legislation. Based on the analysis, trends in the criminal and judicial policy of the state in relation to the institution under consideration are identified. In addition, some problems and proposals related to the execution and serving of life imprisonment are shown.

Ключевые слова: наказание, пожизненное лишение свободы, ресоциализация, средство исправления, условно-досрочное освобождение.

Keywords: punishment, life imprisonment, resocialization, means of correcting, parole.

Более тридцати лет назад в России стали применять пожизненное лишение свободы. Как вид уголовного наказания пожизненное лишение свободы появилось в законодательстве России в 1992 году и заняло предпоследнее место в системе уголовных наказаний перед смертной казнью.

Самостоятельным видом наказания пожизненное лишение свободы стало после введения в действие Уголовного кодекса РФ в 1996 году. Изначально данное наказание входило в систему наказаний и подлежало применению по приговору суда в качестве альтернативы смертной казни. Федеральным законом от 21 июля 2004 года N 74-ФЗ «О внесении изменений в статьи 57 и 205 Уголовного кодекса Российской Федерации» была введена новая редакция ст. 57 УК РФ, и с тех пор пожизненное лишение свободы является самостоятельным видом уголовного наказания. Тогда же изменились и санкции некоторых квалифицированных преступлений, за совершение которых было установлено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Первоначально (в редакции 1996 года) в Уголовном кодексе РФ было всего пять составов преступлений, предусматривающих наказание в виде пожизненного лишения свободы (убийство – ч. 2 ст. 105, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля – ст. 277, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, – ст. 295, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа – ст. 317, геноцид – ст. 357). Однако с тех пор число составов преступлений, наказуемых пожизненным лишением свободы, не остается неизменным, а время от времени увеличивается.

В настоящий момент УК РФ (в редакции от 12 июня 2024 года) предусматривает пожизненное лишение свободы уже в 24 статьях Особенной части, при этом в трех статьях (ст. 205.1, 281.1, 361) данное наказание предусмотрено в санкциях трех частей в каждой из статей. Таким образом, 30 санкций статей Особенной части УК РФ предусматривают пожизненное лишение свободы.

Кроме указанных выше пяти составов пожизненное лишение свободы по действующему УК РФ может быть назначено в следующих случаях: изнасилование – ч. 5 ст. 131; насильственные действия сексуального характера ч. 5 ст. 132; половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста – ч. 6 ст. 134; террористический акт – ч. 3 ст. 205; содействие террористической деятельности – ч. 1.1, 2, 4 ст. 205.1; прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности – ст. 205.3; организация террористического сообщества и участие в нем – ч. 1 ст. 205.4; организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации – ч. 1 ст. 205.5; захват заложника – ч. 4 ст. 206; организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) – ч. 4 ст. 210; угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава – ч. 4 ст. 211; незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, – ч. 5 ст. 228.1; контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, – ч. 4 ст. 229.1; государственная измена – ст. 275; диверсия – ст. 281; содействие диверсионной деятельности – ч. 1, 2, 4 ст. 281.1; прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности – ст. 281.2; организация диверсионного сообщества и участие в нем – ст. 281.3; акт международного терроризма – ч. 1, 2, 3 ст. 361.

Здесь представляется уместным напомнить, что система наказаний тоже не остается неизменной (постоянной), она расширилась и в настоящее время составляет тринадцать видов наказаний. В связи с этим все санкции УК РФ альтернативные, содержащие за одно и то же деяние несколько видов наказаний. Кстати, и во всех указанных составах санкции тоже не определенные, а альтернативные. Кроме того, не совсем понятна законодательная установка на применение пожизненного лишения свободы за преступления, предусмотренные ст. 277, 295, 317 УК РФ, в которых смерть никому не причинена, составы по законодательной конструкции усеченные и предусматривают ответственность только за посягательство (то есть фактически за покушение). Трудно ответить на вопрос и обосновать – почему 15 или 20 лет лишения свободы, установленные в этих санкциях наряду с пожизненным лишением свободы, являются недостаточной мерой за совершение преступления, при совершении которого отсутствует наступление общественно опасного последствия в виде смерти потерпевшего.

Кроме того, не известны мотивы, которые легли в основу усиления уголовной репрессии (увеличение количества преступлений, которые могут наказываться пожизненным лишением свободы, длительный срок отбывания наказания для условно-досрочного освобождения и др.). Если и были какие-то расчеты на сокращение преступности за счет длительной изоляции от общества наиболее опасных преступников, то можно с уверенностью сказать, что они не оправдались [1, с. 8]. Эти вопросы требуют самостоятельного исследования, здесь они приведены для примера как спорные (с точки зрения авторов статьи). Это первый аспект данной темы.

Второе. Частью 2 ст. 57 УК РФ было установлено, к кому не может быть применено пожизненное лишение свободы, и указывались 3 категории лиц. Это наказание не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора ше-

стидесятипятилетнего возраста. Позднее в ст. 57 УК было внесено изменение, согласно которому пожизненное лишение свободы не назначается за неоконченное преступление.

Осужденные к пожизненному лишению свободы содержатся в специальных колониях особого режима, в настоящее время в России функционируют шесть таких колоний.

Согласно материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенной в 2022 году, из всех лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, 93,3% отбывают это наказание за убийство с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Доля лиц, совершивших преступление в соучастии, составила 38,1%. Для многих осужденных к пожизненному лишению свободы это не первая судимость, 24,2% отбывают наказания второй раз, примерно 32% осуждены в третий раз и более [4, с. 45-50].

Согласно ч. 3 ст. 127 УИК РФ по отбытии не менее 10 лет в строгих условиях осужденные могут быть переведены в обычные условия, если к ним не применялись взыскания; по отбытии не менее 10 лет в обычных условиях отбывания наказания осужденные могут быть переведены в облегченные условия, если у них отсутствуют взыскания и они добросовестно относились к труду. Однако на практике достаточно трудно полностью раскрыть потенциал данного средства исправления, так как по действующему законодательству труд указанных осужденных организуется с учетом требований содержания осужденных в камерах (ч. 1 ст. 127 УИК РФ).

Третий аспект. Пожизненное лишение свободы заключается не только в бессрочности его отбывания, но и в особо жестком режиме исполнения этой меры, что резко отличается от лишения свободы на определенный срок.

Систему наказаний в литературе называют лестницей наказаний. Следовательно, пожизненное лишение свободы – это ступень данной лестницы. Однако некоторые исследователи называют это наказание не ступенью лестницы наказаний, а пропастью, так

как там происходит угасание человека, там нет единицы срока измерения отбытия наказания. Так, по мнению психолога В.Д. Попова, условия при отбывании пожизненного лишения свободы «нет, не пыточные, но на самом деле чудовишные, уродливые, не могут не калечить среднего возраста осужденных, поскольку это наказание отбывают лица в основном 33-35, 39 лет» [2, с. 89; 3, с. 57, 63].

Кроме этого пожизненное лишение свободы обладает объективно существенным недостатком. Осужденный отрывается от социальной среды, в которой обычно находился, отрывается от семьи, друзей и попадает в особую негативную атмосферу микросреды, которая отрицательно на него влияет, особенно на человека, впервые отбывающего лишение свободы. Согласно переписи осужденных в России, пожизненное лишение свободы отбывают лица в возрасте 30-39 лет – 16,2%; в возрасте 40-49 лет – 33,6%; в возрасте 50-54 года – 17,5% [4, с. 9].

По данным В.А. Тирранена, нет прямой связи между применением пожизненного лишения свободы и снижением количества преступлений, за совершение которых оно назначается. Данное наказание, как и любое другое, не останавливает людей от совершения особо тяжких преступлений. Казалось бы, у этих людей была надежда через 25 лет освободиться по УДО, но уже через 10 лет утрачиваются социальные связи (умирают жены, умирают родители, забывают дети), остаются только мучения [8, с. 79-82].

Таким образом, многие исследователи считают, что любое наказание должно допускать возможность исправления осужденного и его освобождение от дальнейшего отбывания наказания. Тем не менее через 12-15 лет в условиях колонии лицо полностью теряет социальные связи, перестает ориентироваться в мире за пределами мест заключения. Как отмечают психологи, при выходе на свободу бывший заключенный за неимением альтернативы будет пытаться реализовать себя через девиантное поведение, в том числе и совершать преступления, с целью вернуться в привычное для него место. В то же время согласно законодательству в процессе отбывания

пожизненного лишения свободы осужденных воспитывают и исправляют, ликвидируют у них антисоциальные навыки, привычки, то есть ресоциализируют его, чтобы возвратить в общество исправившимся человеком. Ведь согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ цели исправления, предупреждения и восстановления социальной справедливости поставлены перед любым наказанием, не делая исключения в отношении пожизненного лишения свободы. Не понятно, для чего тогда поставлены эти цели перед пожизненным лишением свободы, если в отношении этой категории лиц суды не применяют условно-досрочное освобождение. Хотя, согласно ч. 5 ст. 79 УК РФ, лицо может быть освобождено условно-досрочно через 25 лет. Однако в России по не понятным исследователям причинам отказывают в условно-досрочном освобождении лицам, которые уже отбыли этот срок. Данное положение все больше актуализирует вопрос об изменении судебной практики об условно-досрочном освобождении этих лиц. При этом нельзя не заметить, что в международных пенитенциарных стандартах и в зарубежной практике в отношении лиц, отбывающих пожизненное заключение, все же ставятся задачи их реинтеграции и ресоциализации [5, с. 15-16; 6, с. 19-21].

Кроме того, в целях успешной социальной адаптации рассматриваемой категории осужденных необходимо перед их условно-досрочным освобождением предусмотреть определенный промежуточный этап, например в виде перевода осужденных в колонию-поселение или исправительный центр. В данных учреждениях осужденные смогли бы пройти определенный адаптационный период и восстановить (приобрести) социальные навыки нахождения в обществе.

Четвертый аспект. С нашей точки зрения, установленный в законе срок в 25 лет для условно-досрочного освобождения нуждается в изменении. С учетом сравнительно-правового анализа института условно-досрочного освобождения наиболее оптимальным является минимальный срок фактического отбывания пожизненного лишения свободы в 20 лет (некоторые авторы предлагают 15-20 лет).

Именно срок в 20 лет лишения свободы является максимальным при назначении наказания в виде лишения свободы (ч. 2 ст. 56 УК РФ).

Многие государства стараются расширить возможности для досрочного освобождения пожизненных заключенных либо применять поэтапно переводы их в другие условия (учреждения) отбывания. Прежде чем указать эти страны, хочется назвать страны, где нет такого наказания, как пожизненное лишение свободы. Это – Норвегия, Испания, Португалия, Бразилия, Филиппины, Хорватия, Словения, Латвия.

Во многих европейских государствах условно-досрочное освобождение к пожизненному лишению свободы применяется через более короткий срок, чем в России. Например, в ФРГ для условно-досрочного освобождения при пожизненном лишении свободы лицо должно отбыть 15 лет (ст. 57а УК), в Швейцарии – 15 лет (ст. 38 УК), в Австрии – 15 лет (ст. 46а УК).

Некоторые исследователи категорически высказываются о недопустимости условно-досрочного освобождения в отношении пожизненно лишенных свободы, но зачастую при этом не объясняют мотивы своей позиции. Однако высказывается мнение, что условно-досрочное освобождение в отношении лиц, пожизненно лишенных свободы, приведет к тому, что эти лица будут совершать преступления, так как у них отсутствуют навыки нормальной жизни. В то же время практического подтверждения этим фактам нет, это голые домыслы, так как у нас еще нет ни одного условно-досрочного освобождения.

По статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, с 2008 по 2023 годы в России ежегодно назначается пожизненное лишение свободы в отношении примерно 60 человек¹. По переписи 2022 года, каждый четвертый осужденный (28,4%) отбыл срок наказания, позволяющий обратиться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении.

Если же учесть долю лиц, которые отбыли в местах пожизненного лишения свободы срок от 20 до 25 лет (22,4%), то в ближайшие пять лет эта доля будет составлять более половины всех осужденных [4, с. 9].

Осужденные, которые могут воспользоваться правом на условно-досрочное освобождение, уже обращаются в суд с данными ходатайствами. Однако всем им было отказано в удовлетворении таких просьб с мотивировкой: «Нет для этого достаточных оснований». Согласно законодательству, в случае отказа в УДО повторно можно обращаться только через 3 года.

Выше приведены страны, где условно-досрочное освобождение применяется после отбытия более короткого срока. Кроме этого некоторые страны стараются расширить возможности для досрочного освобождения. Например, в указанных выше странах и некоторых других применяется постепенный перевод осужденных в более облегченные условия.

Таким образом, изложенное позволяет констатировать, что законодательство России и практика применения рассматриваемого наказания нуждается несколько в иных подходах, направленных на облегчение отбывания наказания. С нашей точки зрения, возможно предложить следующее:

- сокращение срока отбытия наказания для применения условно-досрочного освобождения (в целях недопущения полной утраты социально полезных связей осужденного);
- пересмотр судебной практики в отношении условно-досрочного освобождения, так как с момента начала применения пожизненного лишения свободы не было ни одного подобного судебного решения, вступившего в законную силу (в противном случае данное наказание превращается в медленную смертную казнь);
- использование опыта отдельных стран в части применения поэтапного смягчения условий отбывания наказания, изменения вида исправительного учреждения (вида

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2023 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 07.08.24)

наказания) с последующим применением условно-досрочного освобождения (например, перевод в колонию-поселение перед условно-досрочным освобождением в целях поэтапной социальной адаптации осужденного);

– сокращение числа составов преступлений (а не их расширение), предусматривающих наказание в виде пожизненного лишения свободы (во-первых, реализация пожизненного лишения свободы обходится государ-

ству достаточно дорого, а во-вторых, как уже было сказано, нет прямой связи между применением пожизненного лишения свободы и сокращением количества особо тяжких преступлений).

Это далеко не полный перечень направлений по совершенствованию применения пожизненного лишения свободы. В перспективе заслуживают отдельного рассмотрения вопросы ресоциализации осужденных [7] и их правового положения [9].

Библиографический список

1. Криминогенная ситуация в Российской Федерации в начале XXI века / под ред. В.Я. Кикотя. – М.: ВНИИ МВД России, 2001. – 99 с.
2. Платонов, К.К. О системе психологии / К.К. Платонов. – М.: Мысль, 1972. – 216 с.
3. Попов, В.Д. Психология / В.Д. Попов. – М., 2003. – 205 с.
4. Селиверстов, В.И. Характеристика осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года) : монография / В.И. Селиверстов, А.Н. Баламут, П.Н. Посмаков ; под науч. ред. В.И. Селиверстова. – М.: Проспект, 2024. – 104 с.
5. Тепляшин, П.В. Международно-правовые основы ресоциализации и реинтеграции осужденных / П.В. Тепляшин // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – N 1(70). – С. 11-17.
6. Тепляшин, П.В. Пожизненное лишение свободы: компаративистский анализ проблем реинтеграции осужденных / П.В. Тепляшин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2021. – N 5. – С. 18-22.
7. Скаков, А.Б. Исполнение пожизненного лишения свободы по прогрессивной системе и особенности ресоциализации лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы / А.Б. Скаков // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова, Рязань, 24 мая 2024 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 234-239.
8. Тирранен, В.А. Высшие меры уголовного наказания: новое слово в старом споре / В.А. Тирранен. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 182 с.
9. Упоров, И.В. Основные права и свободы лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы / И.В. Упоров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – N 7-2(46). – С. 190-193.

УДК 343.2

Антон Геннадьевич АНТОНОВ,
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
доктор юридических наук, профессор
antonovanton1@mail.ru

НОВОЕ ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ

A NEW GROUND FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AS A TYPE OF ACTIVE REPENTANCE

В статье анализируется новое основание освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время. Подробно рассмотрены отдельные условия освобождения от уголовной ответственности по ст. 78.1 УК РФ. В результате исследования автор пришел к выводу, что рассматриваемая норма основана на «сверхполезной» позитивной посткриминальной деятельности виновного, позволяющей считать такого утратившим свою общественную опасность или констатировать ее значительное снижение. Отмечается, что в отличие от других оснований освобождения от уголовной ответственности рассматриваемое основание носит императивный характер, что вызывает некоторые вопросы при возможном освобождении от уголовной ответственности при совершении особо тяжких насильственных преступлений против личности.

The article analyzes a new ground for exemption from criminal liability in connection with conscription for military service during mobilization or in wartime, or the conclusion of a contract for military service during mobilization, martial law or in wartime, as well as in connection with military service during the specified periods or time. Individual conditions for exemption from criminal liability under Art. 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered in detail. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the norm under consideration is based on the «super-useful» positive post-criminal activity of the culprit, which allows considering him to have lost his social danger or to state its significant reduction. It is noted that, unlike other grounds for exemption from criminal liability, the ground under consideration is of imperative character, which raises some issues regarding possible exemption from criminal liability for committing particularly serious violent crimes against the person.

Ключевые слова: освобождение, уголовная ответственность, военная служба, мобилизация, призыв, контракт, позитивная постпреступная деятельность, деятельное раскаяние.

Keywords: exemption, criminal liability, military service, mobilization, conscription, contract, positive post-criminal activity, active repentance.

Федеральным законом от 23 марта 2024 г. N 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» была введена ст. 78.1 УК РФ, закрепляющая новый вид освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

Данному нововведению предшествовало принятие Федерального закона от 24 июня 2023 г. N 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», который содержал тождественное основание освобождения от уголовной ответственности, и последующая утрата им юридической силы¹. В литературе подход регулирования уголовно-правовых отношений посредством отдельного нормативного правового акта, а не Уголовного кодекса Российской Федерации вызвал обоснованную критику [подр.: 2, с. 59-63; 6, с. 157]. Несмотря на всю целесообразность принятия правовых норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с поступлением на военную службу в сегодняшних условиях проведения специальной военной операции, с принятием указанного Федерального закона возникла очевидная проблема, заключающаяся в невозможности его применения как противоречащего принципу законности (ст. 3 УК РФ) [5, с. 57].

Несмотря на это, можно констатировать, что система освобождения от уголовной ответственности пополнилась еще одним видом, который является нетипичным для отечественного уголовного законодательства. Возникает вопрос относительно его криминологического основания.

Криминологическим основанием освобождения от уголовной ответственности виновного для соответствующих норм Общей части УК РФ является утрата им общественной опасности, как следствие – нецелесообразность применения уголовной ответственности. Утрата же общественной опасности лица вытекает из его позитивной постпреступной деятельности. Общеизвестно в отечественной уголовно-правовой науке, что позитивное посткриминальное поведение способно снижать или устранять общественную опасность личности виновного [8, с. 14]. Именно на этом зиждутся такие основания освобождения от уголовной ответственности главы 11 УК РФ, как освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, с назначением судебного штрафа. Небольшая общественная опасность виновного в этих случаях обусловлена категорией совершения преступления: небольшой или средней тяжести, также тем, что преступление совершается впервые. Это свидетельствует об отсутствии стойких антисоциальных установок виновного и возможности благоприятного прогноза его правомерного поведения в дальнейшем. При этом в основе данного вывода лежит такая позитивная постпреступная деятельность виновного, как явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, заглаживание вреда, возмещение ущерба и примирение с потерпевшим, которая отражает отсутствие общественной опасности виновного или ее значительное снижение. Основано ли на этом освобождение от уголовной ответственности, закрепленное в ст. 78.1 УК РФ? Или его природа принципиально отличается от других оснований освобождения от уголовной ответственности? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Согласно ч. 1 ст. 78.1 УК РФ лицо, совершившее преступление, за исключением преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмо-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»: Федеральный закон от 23.03.2024 N 61-ФЗ, ст. 3.

тренного п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, чч. 3-6 ст. 134 или чч. 3-5 ст. 135 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 189, 200.1, 205-205.5, 206, 208-211, п. «б» ч. 2 ст. 215.4, 217.1, 220, 221, 226.1, 229.1, 274.1, 275, 275.1, 276-280.2, 280.4, 281-281.3, 282.1-282.3, 283-283.2, 284, ч. 2 ст. 322.1, 355, 359-361 УК РФ, призванное на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившее в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а равно лицо, совершившее преступление в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, в отношении которого предварительное расследование приостановлено в соответствии с п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, освобождается от уголовной ответственности:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному пп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Из данных положений следует, что освобождено от уголовной ответственности может быть и лицо, не впервые совершившее преступление. Тем самым допускается освобождение от уголовной ответственности лица, обладающего стойкими антисоциальными установками. Насколько такое лицо может утратить свою общественную опасность?

При этом освобождено от уголовной ответственности может быть лицо, совершившее преступление любой категории, в том числе и особо тяжкое¹, например, убийство, предусмотренное ч. 2 ст. 105 УК РФ, или

посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), а также посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), или сбыт наркотических средств в особо крупном размере. В этих и многих других подобных случаях очень сомнительно, что общественная опасность преступником будет утрачена или значительно снижена. Для этого необходимо либо суровое наказание или какое-то событие, поступок чрезвычайно, если так можно выразиться, полезный для общества. Например, спасение жизни нескольких лиц.

Тем самым пока остается без ответа вопрос: направлено ли исследуемое основание освобождения от уголовной ответственности, как и упомянутые другие основания, на лиц, совершивших преступление, но утративших общественную опасность? Если речь идет о совершенных преступлениях небольшой или средней тяжести, то можно с уверенностью положительно ответить на данный вопрос. Но если имеет место преступление иной категории? Для ответа на эти вопросы проанализируем условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. 78.1 УК РФ, с учетом следующего тезиса: об утрате общественной опасности виновного свидетельствует его определенная позитивная постпреступная деятельность. В чем она выражается применительно к рассматриваемому основанию? Предположим, что принципиально изменяется образ жизни виновного, который основан и на его социально полезной деятельности, которая «с запасом» нейтрализует последствия совершенного преступления. Такая деятельность выражается в следующем:

а) призыв виновного на военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации или в военное время означает поступление на службу, в сущности, для непосредственного участия в боевых действиях;

¹ Исключения составляют преступления, резко противоречащие человеческой природе, их законодатель отразил в исследуемом основании, так как у него нет, видимо, надежды, что личность преступника изменится в лучшую сторону.

б) заключение в период мобилизации, в период военного положения или в военное время виновным контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации также означает поступление на службу во время ведения российской армией боевых действий.

Отдельного внимания заслуживает приостановление предварительного расследования в соответствии с п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в отношении виновного, совершившего преступление в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Прохождение военной службы в указанные периоды и является основанием для приостановления предварительного расследования, то есть виновному позволяют продолжить службу в период ведения боевых действий.

Если в первых двух случаях поступление на военную службу можно расценивать как часть позитивной постпреступной деятельности, позволяющей судить о снижении общественной опасности виновного, то в третьем лицо уже выполняло соответствующую функцию до совершения преступления, и это не помешало ему совершить таковое. В этом случае весьма спорно относить к позитивной постпреступной деятельности факт военной службы в определенное время, так как он имел место и до совершения преступления. Вместе с тем совершение преступления в период прохождения службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время указывает на повышенную общественную опасность лица. Поэтому возможно в данном случае обратить внимание законодателя на категории преступления, исключив применение исследуемой нормы к лицам, совершившим особо тяжкие преступления, тем более что применение нового основания освобождения от уголовной ответственности носит императивный характер, и компетентное лицо при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности не имеет возможности принять отрицательное решение на основании учета категории

преступления, характера и степени его общественной опасности и чрезвычайной опасности преступника. Например, лицо, проходящее военную службу, совершает убийство сослуживца, предусмотренное ч. 2 ст. 105 УК РФ... Общественная опасность в приведенном примере чрезвычайная и подразумевает не только устранение такого лица из Вооруженных Сил Российской Федерации, но и его строгую изоляцию от общества.

Отмечу, что данные условия не являются исчерпывающими и лица, поступившие или проходящие военную службу в указанные законом периоды, не освобождаются от уголовной ответственности. Им лишь дается шанс для этого.

Действительно, защита Отечества в сложные для него времена является полезной в высшей степени и благородной деятельностью человека, которая может свидетельствовать о его позитивном отношении к общественным ценностям и отсутствию у него общественной опасности. Однако само по себе прохождение военной службы в отмеченные периоды в Вооруженных Силах Российской Федерации не может означать отпадения общественной опасности лица, совершившего преступление. Освобождение от уголовной ответственности при уже отмеченных условиях возможно в одном из двух случаев, связанных с определенными временными факторами. Так, виновный подлежит освобождению от уголовной ответственности:

а) со дня награждения государственной наградой в период прохождения военной службы;

б) при увольнении с военной службы: по достижении предельного возраста пребывания на военной службе; по состоянию здоровья – в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе; а также в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени.

Государственная награда имеет место только при совершении лицом «сверхполезного» позитивного поступка для государства: предотвращение смерти человека или груп-

пы лиц, научные открытия, успехи в ведении боевых действий, определившие исход того или иного сражения или операции, а также «сверхнормативные» профессиональные достижения. При прохождении военной службы и ведении боевых действий, которые связаны с риском для жизни военнослужащего, совершение подвига, отмеченного государственной наградой, позволяет судить о снижении общественной опасности личности. Здесь имеет место риск для жизни, высшей человеческой ценности, которая может нивелировать ранее имевшую место общественную опасность виновного, а также осязаемая польза при ведении боевых действий для личности, общества и государства. Поэтому государственная награда является решающим условием для освобождения уже неопасного лица от уголовной ответственности.

Второе условие освобождения от уголовной ответственности связано с прекращением военной службы в силу возраста лица или его заболевания. Эти факты отражают окончание добросовестной военной службы, связанной с риском для жизни лиц. Это тоже может свидетельствовать об отпадении или значительном снижении их общественной опасности. Отмена же военного положения или истечение военного времени имеют тождественное значение относительно упомянутых оснований прекращения военной службы.

Хотелось бы сделать оговорку, что изложенные соображения не относятся к виновным, имеющим не обнаруженные психические отклонения или тайно употребляющим наркотические средства. Данные факты должны выявляться своевременно и исключать применение исследуемой нормы, так как такие лица опасны при прохождении военной службы. Однако этот вопрос требует проведения отдельного научного исследования.

Исходя из изложенного можно заключить, что рассмотренная норма, закрепленная в ст. 78.1 УК РФ, основана на утрате общественной опасности виновным, защищающим Отечество в трудное время и осуществившим в полной мере такую позитивную деятельность. Данную социально полезную деятельность, причем связанную с риском для жизни

виновного, следует отнести к одной из разновидностей позитивного посткриминального поведения, которую именуют в научной доктрине деятельным раскаянием.

В литературе отмечается, что рассматриваемый вид освобождения от уголовной ответственности, с одной стороны, ближе к такому виду, как освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, а с другой стороны, освобождение от уголовной ответственности, регламентированное ст. 78.1 УК РФ, едва ли может быть безоговорочно отнесено к традиционным общим видам освобождения от уголовной ответственности – с точки зрения содержания, а не расположения в Общей части УК РФ. В связи с этим делается вывод, что, возможно, это некий особый вид освобождения от уголовной ответственности [4, с. 39].

Действительно, новое основание освобождения от уголовной ответственности сложно соотнести с остальными общими основаниями освобождения от уголовной ответственности, закрепленными в главе 11 УК РФ. На первый взгляд может создаться впечатление, что это какой-то особый вид. Однако это не так. Он, как и большинство других общих оснований освобождения от уголовной ответственности, основан на позитивной постпреступной деятельности. И ближе всего новое основание освобождения от уголовной ответственности по своему содержанию к освобождению от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, так как оно основано на позитивном посткриминальном поведении виновного, свидетельствующем о снижении или утрате им общественной опасности. По этой причине освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности менее сходно с рассматриваемым основанием.

Характер и степень риска жизнью и здоровьем при осуществлении общественно полезной деятельности в форме участия в боевых действиях могут соотноситься, а степень риска даже и превосходить общественную опасность совершенного ранее практически любого преступления, а также обуславливать утрату или значительное снижение об-

ественной опасности лиц, совершивших преступления. Общественная опасность для государства, исходящая со стороны военных противников, превышает общественную опасность преступлений [7, с. 243].

Вместе с тем можно констатировать, что исследуемая норма носит и характер компромисса (нормы об освобождении от уголовной ответственности как компромиссные рассматриваются в работах ряда исследователей [1]). У виновного лица появляется альтернатива уголовной ответственности в виде участия в боевых действиях в защиту Отечества, то есть вместо отрицательного статуса осужденного лицо получает положительный статус гражданина, обороняющего личность, общество и государство от внешних угроз. Вместе с тем государство получает для своей защиты дополнительный воинский контингент, стимулирует виновных совершать общественно полезные поступки, чрезвычайно важные для страны.

Тем самым в применении уголовного наказания с точки зрения его целей и принципов уголовного права уже нет надобности. Разумеется, это возможно лишь тогда, когда нормы соответствующего посткриминального поведения по мере их «позитивного» содержания соизмеримы с тяжестью и характером самого преступления и причиненного им вреда [подр.: 3, с. 64]. Такая соизмеримость име-

ет место в содержании ст. 78.1 УК РФ. Если отраженная в ч. 1 ст. 75 УК РФ позитивная посткриминальная деятельность виновного в виде явки с повинной, способствования раскрытию или расследованию преступления, возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением, обуславливает отпадение или снижение общественной опасности лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, то позитивная посткриминальная деятельность, представляющая собой реальный, неотвратимый риск для жизни виновного для блага всей страны, может свидетельствовать об утрате или существенном снижении общественной опасности лица, совершившего преступление любой категории. Некоторые сомнения относительно этого момента были изложены выше. Поэтому данное утверждение не категорично и будет проверено в ближайшем будущем с помощью эмпирических данных.

В связи с этим отмечу, что недавнее включение в УК РФ ст. 78.1 не позволяет исследовать эффективность ее применение в достаточной мере. Такое исследование возможно по прошествии некоторого времени посредством изучения судебной практики и фактов повторности совершения преступлений лицами, освобожденными от уголовной ответственности по рассмотренному основанию.

Библиографический список

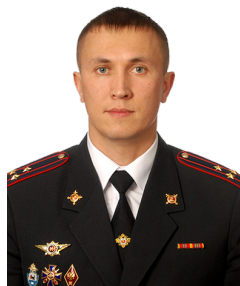
1. Аликперов, Х.Д. Преступность и компромисс / Х.Д. Аликперов. – Баку: Элм, 1992. – 193 с.
2. Антонов, А.Г. Нормы об освобождении от уголовной ответственности и от наказания должны быть включены в Уголовный кодекс! / А.Г. Антонов, В.Г. Павлов, Р.А. Ромашов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – N 3(52). – С. 59-63.
3. Антонов, А.Г. Деятельное раскаяние / А.Г. Антонов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 164 с.
4. Гордейчик, С.А. Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 УК: спорные вопросы / С.А. Гордейчик, Н.А. Егорова // Законность. – 2024. – N 7(1077). – С. 39-42.
5. Жукова, Т.Г. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы / Т.Г. Жукова, К.А. Долгополов, А.П. Жуков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – N 2(41). – С. 55-60.

6. Тепляшин, П.В. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы / П.В. Тепляшин, С.А. Ступина // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2022. – N 4. – С. 152-159.

7. Тюнин, В.И. Новые обстоятельства освобождения от уголовной ответственности и наказания / В.И. Тюнин // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 7-8 июня 2024 года. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – С. 242-245.

8. Филимонов, В.Д. Криминологические основы уголовного права В.Д. Филимонов. – Томск, 1981. – 213 с.

Даниил Георгиевич ШАШИН,
докторант Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
shashin06@mail.ru

О МОДЕЛИ ИНСТИТУТА ЧАСТНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ В ПРОЦЕДУРЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗАКОННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ON THE MODEL OF THE INSTITUTION OF PARTICULAR RESOLUTION IN THE PROCEDURE OF JUDICIAL REVIEW OF THE LAWFULNESS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

В статье на основе применения метода моделирования автором построена возможная модель применения института частного постановления в процессе осуществления судом деятельности по судебному контролю (надзору) законности в сфере оперативно-розыскной деятельности. Модель института частного постановления в процедуре судебного контроля законности в области исследуемой деятельности разработана при использовании метода сравнительного правоведения, за основу ее построения автором взяты положения уголовно-процессуального законодательства.

In the article, based on the application of the modeling method, the author develops a possible model of the application of the institution of particular resolution in the process of the court's implementation of activities on judicial review (supervision) of legality in the sphere of operational-search activities. The model of the institution of particular resolution in the procedure of judicial review of lawfulness in the area of the activity under investigation is developed using the comparative jurisprudence method, where the provisions of criminal procedure legislation are considered as the basis of the model.

Ключевые слова: закон, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, метод, моделирование, модель, институт, частное постановление.

Keywords: law, operational-search activities, operational-search measure, method, modeling, model, institution, particular resolution.

В механизме обеспечения законности оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) судебный контроль (надзор) занимает едва ли не главенствующее место, ибо только суд уполномочен санкционировать оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), ограничивающие конституционные права личности, а также осуществлять про-

верку на предмет законности и обоснованности таких ОРМ, проведенных в неотложном режиме. Определимся с терминологией и методологией настоящей работы.

Как нам видится, судебный контроль ОРД необходимо рассматривать в широком и узком смысле. В силу того, что «контроль» есть «наблюдение с целью проверки; проверка»¹

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

или «наблюдение, надсмотр над чем-н. с целью проверки»¹, а «надзор»: «наблюдение за кем-, чем-л. с целью охраны, контроля»²; «наблюдение с целью проверки, разновидность контроля»³; «одна из форм деятельности государственных органов по обеспечению законности»⁴, указанные термины и функции имеют как общие, так и отличительные черты. Общими можно назвать то, что в рамках контроля и надзора осуществляется наблюдение контролирующего за контролируемым, цель обеих функций – проверка, а также что обе эти функции являются формами обеспечения законности. Вместе с тем, как представляется, рассматриваемые функции имеют и отличительные черты. В первую очередь это то, на что направлены контроль и надзор. Контроль направлен на наблюдение за процессом деятельности подконтрольного объекта и проверку законности, обоснованности, эффективности его функционирования. Контроль, как правило, является разновидностью управленческой функции (не всегда) и дает возможность контролирующему субъекту вмешиваться в процесс функционирования подконтрольного объекта для корректировки его деятельности (управленческий аспект и вид контроля), но это не всегда так. Соответственно, контроль может осуществляться в инициативном порядке и для его начала не нужны основания (закрепленные в законодательстве), а достаточно поводов (например, наличие нарушений закона, процедур и т.д.).

Отсюда можно заключить, что контроль может осуществляться не только руководителями в отношении сотрудников (работников) или вышестоящим подразделением в отношении нижестоящего, но и различными субъектами права в отношении подконтрольных органов (например, осуществляющих ОРД): гражданами, средствами массовой информации – общественный контроль или государственными органами, не состоящими в отно-

шениях руководства-подчинения (Президент РФ, Правительство РФ, Парламент РФ, суд и др.) – внешний государственный контроль.

Надзор в данном аспекте осуществляется также внешним по отношению к поднадзорному субъекту органом, не состоящим с ним в отношениях руководства-подчинения, однако для надзора характерны следующие особенности: во-первых, для начала надзорных мероприятий необходим повод – заявление, жалоба, обращение (например, обращение органа-инициатора о проведении ОРМ для суда (ст. 9 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ (далее – закон об ОРД) или жалоба в прокуратуру на решения и действия органов, осуществляющих ОРД (ст. 5, 21 закона об ОРД, ч. 2 ст. 21, ст. 29 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – закон о прокуратуре)); во-вторых, орган, осуществляющий надзор (в виде проверки, свойственной и контролю тоже), проверяет решения и действия контролируемого только на предмет законности (обоснованности), но не целесообразности и/или эффективности, как при контроле; в-третьих, объем контроля может охватывать часть или всю деятельность подконтрольного, при надзоре проверка может касаться только проблемных вопросов (при жалобе в суд или прокуратуру) или конкретных действий или решений, требующих оценки на предмет законности, не выходя за рамки предмета проверки (при обращении за независимым одобрением судом искомых ОРМ, требующих судебного санкционирования). Соответственно, объем проверки при надзоре ограничен предметом заявления, жалобы или обращения (ограниченная проверка).

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что при схожести метода осуществления (проверка), исходя из объемов проверочных действий (ограниченная проверка), цели проверки (при контроле это

1 Толковый словарь русского языка» / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. URL: <https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117> (дата обращения: 29.08.2024).

2 Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой.

3 URL: <https://www.klerk.ru/slovar/buh/term/41104/> (дата обращения: 29.08.2024).

4 Большая российская энциклопедия 2004-2017. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/2244447?ysclid=lylff8wwds609023978> (дата обращения: 29.08.2024).

может быть законность, обоснованность, эффективность, целесообразность и т.д., а при надзоре только законность (обоснованность)), надзор является разновидностью контроля или суженным (ограниченным) контролем [1, с. 743]. Иными словами, суд в ОРД осуществляет судебный контроль в виде судебного надзора.

Соответственно, деятельность суда в ОРД можно определить как характерную для надзора, а терминологически – это судебный надзор (в узком смысле контроля) либо судебный контроль (в широком понимании контроля). Поэтому в работе мы будем использовать термин «судебный контроль (надзор)».

Деятельность суда в оперативно-розыскных правоотношениях регламентирована в ст. 8, 9 закона об ОРД, закреплены процедуры рассмотрения судом обращений органов, осуществляющих ОРД, о санкционировании ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина. Мы считаем, что в данной процедуре суд проводит проверку представленных материалов и их оценку на предмет обоснованности и законности ограничения конституционных прав при проведении иницилируемых ОРМ, в чем и заключается судебный контроль (надзор). Необходимо отметить, что не все авторы единодушны в такой постановке вопроса. Некоторые исследователи соотносят судебный контроль и судебное санкционирование в сфере ОРД как общее и частное (родовое и видовое) понятия соответственно [9, с. 183]. Полагаем, и такое соотношение понятий имеет право на существование, но так как предметом настоящей работы исследование этого вопроса не является, в дискуссию мы вступать не будем.

Вместе с тем отметим, что в ч. 3 ст. 8 закона об ОРД законодатель лишь обозначает, что в случае, если ОРМ проводится в неотложном режиме, оперативные подразделения должны уведомить об этом суд в течение 24 часов и в течение 48 часов получить судебное решение либо прекратить его проведение (последующий судебный контроль). Тем самым можно констатировать, что процедуры «узаконивания» неотложных ОРМ

в законе об ОРД нет. Если толковать закон так, что оперативное подразделение должно получить решение суда в такой ситуации по правилам, предусмотренным для санкционирования ОРМ, то вполне можно говорить о таком правовом феномене, как отложенное санкционирование ОРМ, в силу того, что ОРМ уже проводится (до 48 часов включительно), а судебное решение на его проведение должно быть получено до истечения указанных 48 часов, при этом по правилам предварительного санкционирования, что представляется не соответствующим ни логике событий, ни ситуации.

Заострим внимание и на том, что процедура «узаконивания» неотложных ОРМ должна быть закреплена в законе об ОРД, о чем говорят исследователи науки ОРД [напр.: 2].

В судебном санкционировании ОРМ, как и при «узаконивании» ОРМ, судом осуществляется судебный контроль (надзор), и в процессе проверки материалов ОРД, обосновывающих необходимость проведения иницилируемого ОРМ, суд может в представленных материалах ОРД выявить нарушение законности, выражающиеся в нарушении положений нормативных правовых актов, прав и законных интересов граждан. Как должен поступить суд и какой документ он должен вынести при этом? Законодатель в ст. 9 закона об ОРД говорит лишь о двух вариантах действий суда при рассмотрении ОРМ, требующих судебного санкционирования: разрешить проведение ОРМ или отказать в этом. При этом суд должен вынести мотивированное постановление, которое вместе с представленными материалами возвращаются органу-инициатору. Оперативно-розыскная практика свидетельствует, что суд в резолютивной части постановления постановляет, как правило, два решения: разрешить проведение ОРМ либо отказать в этом. Ни в практической деятельности автора работы, ни при изучении практики нам не встречались постановления (как разрешающие проведение ОРМ, так и отказывающие в этом), где в резолютивной части было бы решение суда направить сведения (информацию) о нарушении

ниях, допущенных сотрудниками оперативных подразделений, руководителю органа, осуществляющего ОРД (в том числе вышестоящего), или уполномоченному прокурору с предложением о рассмотрении данных фактов и принятии мер по их недопущению и привлечению виновных сотрудников к соответствующей юридической ответственности. Такое решение с большей вероятностью имело бы место при отказе в проведении иницилируемых или «узакониваемых» ОРМ. Однако факт остается фактом: их нет. Ведомственное статистическое наблюдение Судебного департамента при Верховном Суде РФ в отчете о работе судов общей юрисдикции за 2023 год в разделе «О проведении оперативно-розыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации) в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»»¹ показывает: суды окончили производством 147 248 обращений органов, осуществляющих ОРД, о проведении ОРМ, в 146 450 случаях обращения удовлетворены, в 547 случаях в удовлетворении ходатайств отказано¹. Математический подсчет показывает: ходатайств удовлетворено 99,45%, отказано 0,55%. Отказы в удовлетворении ходатайств не обязательно связаны с выявленными нарушениями закона или прав человека и гражданина, такой исход может быть, например, по причине недостаточной обоснованности и мотивированности (не касаясь законности) постановлений-ходатайств оперативных подразделений о проведении ОРМ.

Приведенная выше статистика способствует формированию следующих выводов: 1) работа органов, осуществляющих ОРД, организована на высочайшем уровне, и в их деятельности нет никаких (или почти никаких) нарушений; 2) суды либо не «видят» нарушения («закрывают глаза»), либо не реагируют на нарушения, допущенные в рамках ОРД, потому что для этого нет правовой основы в

законодательстве.

Вместе с тем согласно вышеприведенному отчету за 2023 год судами Российской Федерации в рамках рассмотрения уголовных дел различной категории вынесены 10 779 частных постановлений (определений).

Изучение оперативно-следственной практики показывает, что суды нередко выносят частные постановления (определения) в рамках уголовных дел, однако в них, кроме указаний на допущенные органами расследования нарушения, вскрываются и описываются нарушения, допускаемые оперативными службами в процессе ОРД. При этом суд, вынося частное постановление (определение), в резолютивной части ссылается на ч. 4 ст. 29 УПК РФ, однако в ней не содержится норм, дающих правомочие суду выносить данный документ в отношении действий сотрудников оперативных подразделений. Складывается парадоксальная ситуация: нарушения есть, а правовых средств реагирования нет.

В нашем распоряжении имеется частное постановление на действия должностных лиц оперативных служб в рамках отложенного судебного контроля (при рассмотрении уголовного дела по существу). Так, по уголовному делу N 1-66/2019 в отношении Д.Д.Е. по обвинению его в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, судья Губкинского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа вынес частное постановление, в котором подробно описал не только нарушения, допущенные следователем при производстве расследования, но и нарушения законов, совершенные сотрудниками оперативных подразделений при проведении ОРМ как до возбуждения уголовного дела, так и в процессе расследования. При этом основанием для возбуждения данного уголовного дела в отношении Д.Д.Е. стали результаты ОРМ, полученные в соответствии с законом об ОРД, соответственно, они не могут относиться к нарушениям, совершенным органами рас-

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Раздел «Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 29.08.2024).

следования как не уполномоченными на осуществление ОРД субъектами. Вместе с тем в описательно-мотивировочной части частного постановления суд сослался на ч. 4 ст. 29 УПК РФ, а в резолютивной части обратил внимание руководителя территориального ОВД и прокуратуры на допущенные нарушения¹.

С учетом проведенного анализа норм УПК РФ и приведенных нами выше умозаключений считаем, что как соответствующий закону (законный), несмотря на то что он вынесен судом, данный документ в полной мере оценить нельзя.

В ч. 4 ст. 29 УПК РФ определены полномочия суда по вынесению частных постановлений (определений): «Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия (курсив мой. – Д.Ш.) или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым».

Иными случаями в рамках расследования уголовного дела, как нам представляется, являются типовые ситуации, когда в материалах органов предварительного расследования могут использоваться результаты ОРД, которые вместе со следственными материалами представляются в суд для проведения судебного контроля (надзора):

– при рассмотрении ходатайства следователя о получении санкции на проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права личности в порядке

ст. 165 УПК РФ, где есть результаты ОРД (осмотр жилища, обыск и др.);

– при рассмотрении ходатайства о продлении задержания подозреваемого (ст. 91 УПК РФ) до 5 суток, где в основания продления кроме прочих материалов заложены результаты ОРД;

– при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей (ст. 108 УПК РФ), где в основания продления кроме прочих материалов заложены результаты ОРД, подтверждающие возможность подозреваемого или обвиняемого скрыться от органов расследования.

Но и в этих типовых ситуациях у суда нет полномочий выносить частное постановление (определение) в отношении нарушений, допущенных оперативными службами и обнаруженных судом в рамках судебного контроля. Соответственно, УПК РФ в данной части должен претерпеть изменения, которые позволят суду обращать внимание на такие нарушения совершенно законно, а пока ситуация не изменилась, говорить о законности вынесения частных постановлений (определений) в сфере ОРД не приходится.

Что касается исследуемой проблемы в собственно оперативно-розыскных процедурах, то отметим, что закон об ОРД также должен быть изменен (либо принят новый закон, в том числе и кодифицированный²), и в нем, как думается, должны найти место нормы, регламентирующие действия суда по вынесению частного постановления (определения) при выявлении нарушений, допущенных органами, осуществляющими ОРД, в рамках судебного контроля (надзора) последней.

Рассмотрим некоторые проблемные вопросы частного постановления (определения), которое может быть вынесено в рамках собственно ОРД при условии нормативного закрепления этого института в законе об ОРД.

1 Частное постановление судьи Губкинского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа по уголовному делу N 1-66/2019 в отношении Д.Д.Е. по обвинению его в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (уникальный идентификатор дела: 89RS0013-01-2019-000726-02).

2 Впервые кодифицированный вариант закона об ОРД предложил доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист Российской Федерации В.Ф. Луговик [7].

1. Вопрос терминологии применительно к отношениям в сфере ОРД: частное постановление или частное определение суда.

Применительно к судебной власти УПК РФ в п. 23 ст. 5 закрепил, что определение – любое решение, вынесенное коллегиально судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, за исключением приговора и кассационного определения, а в п. 25 определил, что постановление – это любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично, решение, вынесенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу.

В силу того, что материалы об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении ОРМ рассматриваются уполномоченным на то судьей единолично (ч. 2 ст. 9 закона об ОРД), документ должен иметь название «частное постановление».

2. Структура частного постановления суда.

Статья 7 УПК РФ устанавливает, что постановления судьи должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Юридическая практика выработала подходы к структуре правового постановления, которое состоит из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей. Полагаем, что эта же структура частного постановления должна сохраниться при введении данного института в оперативно-розыскное законодательство. Во вводной части должны быть указаны наименование суда, данные судьи, в рамках какого оперативно-розыскного производства вынесен данный документ (наименование, вид и номер дела оперативного учета (ДОУ)), по ходатайству какого оперативного подразделения осуществлена судебная процедура рассмотрения оперативно-розыскных материалов. Описательно-мотивировочная часть частного постановления должна состоять из конкретного и подробного изложения выявленных при рассмотрении ходатайства (ДОУ) недостатков и нарушений.

Частное постановление направляется соответствующим органам и должностным лицам и должно содержать обоснованные выводы и конкретные рекомендации по принятию необходимых мер. Сделаем уточнение, что в данном случае в отличие от уголовно-процессуального частного постановления (определения) под органами и должностными лицами понимаются исключительно органы прокуратуры и органы, осуществляющие ОРД, в лице их руководителей. Это обусловлено тем, что в процедуре рассмотрения материалов ОРД не исследуются действия граждан и иных, кроме правоохранительных, органов. Предметом судебного рассмотрения является законность и обоснованность проведения ОРМ.

3. Срок исполнения предложений и рекомендаций суда по принятию необходимых мер.

Парадоксально, но ст. 29 УПК РФ не содержит указания на сроки, в течение которых должны быть приняты необходимые меры по частному постановлению (определению) и должно быть сообщено о принятых мерах суду, вынесшему частное постановление. По сложившейся практике ответ, как предписывается судом в самих частных постановлениях (определениях), должен быть направлен не позднее чем в месячный срок с момента поступления документа адресату. Такая практика в уголовно-процессуальных правоотношениях сложилась на основе подзаконного нормативного правового регулирования. Так, в п. 12.19 приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15 декабря 2004 г. N 161 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» (далее – приказ Судебного департамента от 2004 г. N 161) определено: «Копия частного определения, вынесенного судом при выявлении случаев нарушения законности по уголовному или гражданскому делу, копия представления судьи об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, уполномоченным работником аппара-

та суда с сопроводительным письмом направляется в соответствующие организации или соответствующим должностным лицам, которые обязаны в течение одного месяца со дня его получения сообщить о принятых мерах». В свою очередь, приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. N 36 (далее – приказ Судебного департамента 2003 г. N 36) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» вообще не содержит норм о сроках исполнения частных постановлений (определений), в его п. 9.1.6 имеется лишь указание, что «копия частного определения (постановления) направляется соответствующей организации или должностному лицу и регистрируется в журналах учета исполнения». При анализе указанных документов может сложиться впечатление, что в районных судах частные постановления (определения) не выносятся, что не соответствует реальному положению дел.

В то же время приказы Судебного департамента при Верховном Суде РФ не распространяются на иные государственные органы, кроме судов. С учетом этого полагаем, что вопрос о сроках рассмотрения частных постановлений (определений) должен быть решен в УПК РФ применительно к уголовному процессу и ОРД, если материалы ОРМ исследовались в рамках уголовного судопроизводства (типичные ситуации, обозначенные нами выше). Применительно к собственно ОРД этот вопрос должен решаться в законе об ОРД, в том числе и кодифицированном.

4. Субъекты, на которых возлагается обязанность контроля сроков и полноты выполнения предложений и рекомендаций суда.

По мнению некоторых авторов, небольшое количество выносимых частных постановлений (определений) в уголовном процессе связано с тем, что, с одной стороны, основной функцией судов является отправление правосудия, с другой – вынесение частных постановлений (определений) рассматривается как самостоятельная, но факультативная функция относительно деятельности по осуществлению правосудия, являясь

одновременно одной из форм обеспечения законности [8, с. 181-182].

Не вдаваясь в дискуссию, согласимся, что вынесение частного постановления (определения) можно рассматривать в качестве одной из форм обеспечения законности, в том числе и в сфере ОРД, но с небольшим уточнением. Деятельность судов по вынесению частного постановления (определения) нами рассматривается и как результат судебного контроля как в уголовно-процессуальной деятельности, так и в ОРД. И категорически не согласимся с авторами, что вынесение частных постановлений (определений) является факультативной функций судов. Несмотря на то, что рассматриваемая деятельность является правом, а не обязанностью суда, полагаем, что суд не имеет права не отреагировать на обнаруженные (выявленные) в ходе судебного контроля нарушения законности в деятельности правоохранительных органов. С учетом указанного рассматриваемое право перерастает в обязанность, иначе обеспечение законности деятельности правоохранительных органов также может рассматриваться как второстепенная функция судебного контроля, что недопустимо. В механизме обеспечения законности частные постановления (определения) необходимо рассматривать как неотъемлемый элемент, поэтому о второстепенности или факультативности такой деятельности вести речь неприемлемо. Д.В. Насыров, Р.В. Зотов, сетуя на то, что загруженность судов является основным детерминантом постановки на «второе место» вынесение частных постановлений (определений), предлагают изменить правовое регулирование исполнения таких документов и переложить обеспечение их исполнения на органы прокуратуры [8, с. 181].

Действительно, приказ Судебного департамента от 2004 г. N 161 в абз. 3, 5 п. 12.19 определяет, что исполнение частного определения (представления) находится на контроле у ответственного за это работника аппарата суда, который формирует соответствующий наряд (некое подобие папки-накопителя), и в настоящее время предпосылок к изменению действующего порядка не усматривает-

ся. Ответственный за исполнение частного определения (представления) работник аппарата суда докладывает вынесшему его судье (председательствующему по делу судье) не реже одного раза в месяц информацию о поступлении или непоступлении сообщения от организации или должностного лица о принятии мер по частному определению (представлению).

Предложение авторов поддержать мы не можем по следующим соображениям. Во-первых, прокуратура осуществляет собственный вариант контроля законности – прокурорский надзор, которому свойственны свои поводы, основания, предмет и пределы, при этом исполнение актов прокурорского реагирования (представление, предостережение, протест, постановление) органы прокуратуры сами берут на контроль. Во-вторых, суды, как правило, обращают внимание на нарушения не только руководителей правоохранительных и следственных органов, но и прокуратуры, как надзирающего органа, а соответственно, перекладывать исполнение частного постановления (определения) на орган, который является адресатом, некорректно.

Иначе говоря, получится так: контроль исполнения на самом исполнителе. Более того, как нам видится, частное постановление (определение) суда для прокуратуры будет являться совершенно законным поводом для организации по своей линии прокурорской надзорной проверки выявленных судом нарушений для дачи в последующем ответа суду.

Полагаем, существующий на сегодняшний день механизм контроля исполнения частных постановлений отвечает современным требованиям, и его поручение органам прокуратуры нецелесообразно.

5. Куда должны приобщаться оригинал частного постановления (определения) суда, вынесенного в рамках дела оперативного учета, и его копии (или экземпляры, если это возможно). Должно ли частное постановление иметь соответствующий гриф секретности.

Как процессуальный документ, вынесенный в ходе производства по делу, частное по-

становление суда приобщается к материалам уголовного дела.

Приказ Судебного департамента 2004 г. N 161 в абз. 4 п. 12.19 устанавливает, что копии частного определения (представления) и сопроводительного письма, а также сообщение организации или должностного лица о принятых мерах должны помещаться в соответствующий наряд. Для уголовного судопроизводства такой вариант ведения делопроизводства по организации исполнения и контроля вынесенных документов рассматриваемого вида вполне приемлем. Однако для делопроизводства судов в сфере ОРД такой вариант вряд ли допустим в силу того, что ОРД как вид специфической правоохранительной деятельности государства содержит огромное количество материалов ограниченного распространения, что требует соблюдения режима секретности и от органов судебной власти.

К примеру, в описательно-мотивировочной части частного постановления суд, как мы ранее отмечали, должен указать на конкретные нарушения законодательства, обнаруженные в деятельности оперативных подразделений при осуществлении судебного контроля (надзора) ОРД.

Согласно ст. 7 Закона РФ от 21 июля 1993 г. N 5485-1 «О государственной тайне» (далее – закон о государственной тайне) не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию, кроме прочего, сведения о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами.

Вместе с тем даже при обнаружении нарушений в описательно-мотивировочной части судебного постановления (определения) могут содержаться сведения, раскрывающие организацию, тактику, применяемые методы ОРД, а следовательно, на основании п. 4 ст. 5 закона о государственной тайне такие данные должны быть засекречены. Как нам представляется, действительно, не подлежат засекречиванию сведения о фактах, указанные в ст. 7 закона о государственной тайне, однако это требование должно быть соблюдено,

когда факты уже нашли подтверждение, например во вступившем в силу приговоре суда по уголовному делу. На этапе, когда факты еще не подтверждены, постановление (определение) суда при наличии в нем сведений, подлежащих засекречиванию, должно иметь соответствующий гриф секретности. Здесь уместно говорить и о специфическом правоприменении – негласной его форме [3; 4] (оперативно-розыскном правоприменении).

Закон об ОРД в ч. 5 ст. 9 установил, что постановление суда, заверенное печатью, выдается инициатору проведения ОРМ одновременно с возвращением представленных органом-инициатором материалов, то есть судебное делопроизводство, согласно закону об ОРД, не предполагает оставления в суде каких-либо материалов ОРД. Соответственно, частное постановление должно быть изготовлено в нескольких экземплярах по правилам секретного делопроизводства для направления (передачи) руководителю органа, осуществляющего ОРД (в том числе вышестоящему), в целях принятия им соответствующих мер, а также уполномоченному прокурору и непосредственно в ДООУ в процессе судебного контроля ОРД. Так как один из экземпляров этого документа будет основанием для проведения служебного расследования (проверки), то, как представляется, частное постановление (определение) в последующем будет помещено в соответствующее номенклатурное дело и в ДООУ не попадет.

6. Последствия вынесения частного постановления суда в сфере ОРД.

Правовые и организационные последствия вынесения частного постановления для текущей ОРД по конкретным лицам и фактам трудно представить, но некоторые мы смогли спрогнозировать.

Во-первых, в случае выявления судом нарушений в сфере ОРД, препятствующих удовлетворению ходатайства о проведении ОРМ, одним из последствий явится отказ в даче разрешения на проведение ОРМ или отказ в «узаконивании» проведенного или про-

водимого ОРМ в неотложном режиме. Отказ в удовлетворении ходатайства с вынесением частного постановления с большей степенью повлечет невозможность обращения в вышестоящий суд по правилам ч. 7 ст. 9 закона об ОРД.

Во-вторых, возникает вопрос: выявление грубых нарушений законодательства или прав человека и гражданина может ли повлечь невозможность продолжения ОРД по документируемым лицам и фактам? Однозначного ответа мы не находим.

7. Возможно ли обжалование частного постановления (определения) суда.

Порядок обжалования постановления суда, вынесенного в порядке ст. 29 УПК РФ, законом не предусмотрен. Однако в частном постановлении должны быть конкретно указаны установленные судом нарушения закона и лица, допустившие эти нарушения, а также приведены доказательства, на которых основаны выводы суда¹. Пленум Верховного Суда РФ в п. 23 постановления от 19 декабря 2017 г. N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» сформулировал положение, что частные определения (постановления) могут выноситься судами на всех стадиях судопроизводства. С учетом того, что выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, нарушению прав и свобод граждан, в целях их дальнейшего устранения в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ является важной составной частью судебного разбирательства, судам следует при рассмотрении каждого уголовного дела принимать необходимые меры к выполнению этого требования закона и при наличии достаточных оснований выносить частные постановления (определения).

Судам апелляционной инстанции предписано реагировать на нарушения прав и свобод граждан, а также на другие нарушения закона, допущенные в ходе досудебного производства или при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции, путем вынесе-

1 Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.11.2022 N 77-5156/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

ния частных определений (постановлений) в адрес соответствующих организаций и должностных лиц¹.

Суды кассационной инстанции также должны реагировать на любые нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или в ходе предшествующего судебного разбирательства по уголовному делу, путем вынесения частных определений².

Законодательно механизм обжалования частных постановлений (определений) до настоящего времени не урегулирован [5; 6].

Складывается странная ситуация, согласно которой обжалование в целом возможно, но не во всех случаях. Так, согласно ст. 19 УПК РФ действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном УПК РФ. Как мы отметили ранее, в ч. 4 ст. 29 УПК РФ институт обжалования не закреплён, а это значит, что необходимо применять общие нормы об обжаловании решений судов. Как можно заметить, положительное зерно в части обжалования для адаптации к оперативно-розыскным правоотношениям увидеть в УПК РФ невозможно. Поэтому закон об ОРД должен содержать собственные нормы по этому вопросу. Как нам видится, институт обжалования такого решения суда в сфере ОРД должен иметь место. В противном случае оперативно-розыскные органы станут заложниками возможных судебных ошибок. Механизм обжалования может стать предметом отдельного исследования. Отметим, что в изученных нами частных постановлениях, вынесенных в рамках рассмотрения уголовных дел, где имеются нарушения в сфере ОРД, суды разъясняют возможность обжалования этого решения в вышестоящий суд через суд,

вынесящий частное постановление, в течение 10 суток с момента его вынесения.

8. Запрет на переоценку установленных судом обстоятельств.

В судебно-следственной практике нередки случаи, когда, сообщая суду о принятых по частному постановлению мерах, руководители и должностные лица соответствующих органов переоценивают установленные судом обстоятельства, сообщая, что в ходе проверки доводы суда не подтвердились. Как нам это видится, собственное видение ситуации и оценка действий подчинённых сотрудников могут быть аргументированы в порядке обжалования частного постановления в вышестоящий суд с одновременным сообщением суду, вынесшему такое решение. Указанное сообщение (уведомление) возможно засчитывать как ответ на частное постановление, при этом сроки реагирования и ответа суду не будут нарушены, так как в настоящее время установлен срок представления ответа на частное постановление, равный 1 месяцу.

9. Ответственность за непринятие необходимых мер по частному определению суда или по представлению судьи.

В случае умышленного игнорирования решения суда о принятии соответствующих мер для должностных лиц может наступить юридическая ответственность.

Статья 17.4 КоАП РФ «Непринятие мер по частному определению суда или по представлению судьи» устанавливает ответственность за оставление должностным лицом без рассмотрения частного определения суда или представления судьи либо непринятие мер по устранению указанных в определении или представлении нарушений закона и влечёт наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей.

Согласно п. 77 ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях составляются должностными лицами органов,

1 См.: п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 N 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

2 См.: п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 N 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях в соответствии с главой 23 КоАП РФ, в пределах компетенции соответствующего органа, а именно судебные приставы составляют протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 17.3-17.6 КоАП РФ.

Однако ввиду особой значимости ОРД и ее специфичности предлагаем закрепить ответственность за непринятие мер и процедуру привлечения к ней в нормах закона об ОРД. Это предложение еще более расширяет осознание ОРД не как теории, а как формирующейся или уже сформированной отрасли российского права – оперативно-розыскного права, имеющей особенности, обусловленные спецификой указанной деятельности.

Для лиц, игнорирующих решение суда, может наступить и уголовная ответственность по ч. 2 ст. 315 УК РФ, а именно за злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению.

Таким образом, институт частного постановления, по нашему мнению, должен найти законное место в процедуре судебного контроля (надзора) ОРД как элемент обеспечения законности этой специфической деятельности по противодействию преступности.

Библиографический список

1. Бахрах, Д.Н. Административное право : учебник для вузов / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005.
2. Гусев, В.А. Теория оперативно-розыскных процедур : монография / В.А. Гусев, В.Ф. Луговик. – М.: Проспект, 2019.
3. Десятов, М.С. Тектонические сдвиги в представлениях о сущности правоприменения / М.С. Десятов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – N 1(88). – С. 36-39.
4. Десятов, М.С. Три кита негласного правоприменения / М.С. Десятов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – N 2 (89). – С. 148-152.
5. Колоколов, Н. Частное определение в адрес судьи / Н. Колоколов // ЭЖ-Юрист. – 2017. – N 50. – С. 12.
6. Курченко, В.Н. Частное определение суда апелляционной инстанции в уголовном процессе / В.Н. Курченко // Российский судья. – 2014. – N 7. – С. 24-27.
7. Луговик, В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект / В.Ф. Луговик. – Омск: Омская юридическая академия, 2014.
8. Насыров, Д.В. Частное постановление военного суда в механизме обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах / Д.В. Насыров, Р.В. Зотов // Военное право. – 2022. – N 2 (72). – С. 177-182.
9. Фазульянов, О.Б. Развитие правовой модели судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью: аспекты соотношения с санкционированием оперативно-розыскных мероприятий / О.Б. Фазульянов // Юридическая наука. – 2023. – N 12. – С. 183-188.

УДК 343.163 (075)

Рустам Юрьевич КОХАН,

доцент кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности
Академии управления МВД России (г. Москва),
кандидат юридических наук

kru2060@mail.ru

**О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ OSINT-АНАЛИЗА**

**ON PROBLEMATIC ISSUES OF ENSURING THE CONSTITUTIONAL RIGHTS
OF CITIZENS IN THE PROCESS OF INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT
FOR OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES,
THE USE OF OSINT-ANALYSIS TECHNOLOGIES**

В статье анализируются проблемы реализации гарантий неприкосновенности частной жизни, возникающие в процессе информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности. Обоснован тезис, что OSINT-анализ, связанный с обработкой персональных данных и мониторингом социальных сетей, в силу негласного характера ограничения прав на неприкосновенность частной жизни может осуществляться только при наличии установленных законом оснований и условий для проведения оперативно-розыскных мероприятий и специальных полномочий должностного лица, в частности полномочий по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

The article analyzes the problems of implementing constitutional guarantees of privacy that arise in the process of information and analytical support for operational investigative activities. It is shown that OSINT related to the monitoring of social networks carries the character of operational investigative activities due to the secret nature of restrictions on privacy human rights. OSINT is legal if there are special powers of a police officer to carry out operational investigative activities and if there are conditions specified by law for this.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, OSINT-анализ, информационно-аналитическое обеспечение, ограничение прав граждан.

Keywords: operational investigative activities, OSINT analysis, information and analytical support, restriction of citizens' rights.

Совершенствование информационно-аналитического обеспечения рассматривается в качестве важной организационно-управленческой меры, направленной на повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). МВД России, территориальными органами МВД

России на региональном уровне осуществляется формирование системы аналитического сопровождения ОРД, направленной на приведение разрозненных оперативно-розыскных сведений в упорядоченную систему объектов и связей. С учетом функционирования все более мощного и профессионального

инструментария информационно-аналитического обеспечения актуализируются вопросы, связанные с необходимостью детального анализа правовых и организационных основ обеспечения прав граждан в ходе такой деятельности.

Известно, что реализация права на неприкосновенность частной жизни в ходе информационно-аналитического обеспечения ОРД должна подкрепляться эффективной государственной защитой, элементами которой, в частности, являются формирование ведомственной нормативной правовой базы, а также функционирование механизмов ведомственного контроля, судебного контроля, прокурорского надзора. В то же время обращение к нормативным актам МВД России свидетельствует скорее о недостаточности, чем об избыточности ведомственного регулирования информационно-аналитического обеспечения ОРД в части, касающейся механизма обеспечения неприкосновенности частной жизни в ходе формирования оперативно-справочных банков данных, проведения информационно-аналитической работы.

Наряду с нацеленностью на решение задач ОРД, организация информационно-аналитического обеспечения должна, во-первых, основываться на принципе приоритетности обеспечения конституционных прав граждан и, во-вторых, предусматривать механизмы практической реализации прав граждан, предусмотренных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Оперативно-розыскной закон) и Федеральным законом от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных). Указанные принцип и требования должны реализовываться в каждой составляющей и на каждом этапе информационно-аналитического обеспечения ОРД.

Принимая во внимание различные научные подходы к пониманию сущности информационно-аналитического обеспечения ОРД, мы констатируем, что такая деятельность включает в себя: обработку оперативно-розыскной информации, обработку информации криминалистических учетов преступле-

ний, обработку информации банков данных, формирующихся в ходе административной деятельности полиции, обработку информации операторов персональных данных, как относящихся, так и не относящихся к органам государственной власти и местного самоуправления, обработку информации из открытых источников. Реализация конституционных прав граждан на каждом из обозначенных элементов информационно-аналитического обеспечения ОРД сталкивается с проблемами, обусловленными как несовершенством ведомственной нормативной базы, так и организационными аспектами деятельности. Рассмотрим наиболее очевидные из них.

Проблемы реализации гарантий неприкосновенности частной жизни в ходе обработки, систематизации и использования оперативно-розыскной информации. Характер накапливаемой и обрабатываемой в банках данных оперативно-розыскной информации связывается исключительно с результатами ОРД, что в соответствии с действующими нормативными актами относит данную категорию информации к сведениям, составляющим государственную тайну. В этой связи вопросы накопления и обработки оперативно-розыскной информации исключаются из предмета регулирования Закона о персональных данных. Необходимо добавить, что Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» не предусматривает какой-либо особый, исключительный регламент ведения банков данных оперативно-розыскной информации. Таким образом, вопросы гарантий неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны при осуществлении ОРД регулируются в значительной степени положениями Оперативно-розыскного закона.

В соответствии со статьей 5 Оперативно-розыскного закона органы, осуществляющие ОРД, должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, в то же время сама сущность ОРД подразумевает сбор информации о личности вероятных преступников и его связей, а

информационно-аналитическое обеспечение ОРД – обработку такой информации. Укажем, что современная трактовка содержания конституционного права на частную жизнь, личную и семейную тайну вполне определена и подробно изучена [3; 6]. Показательна позиция Конституционного Суда РФ по вопросу отнесения той или иной информации, получаемой в результате проведения ОРМ, к категории частной жизни, личной и семейной тайны: преступное деяние не относится к сфере частной жизни лица, а потому проведение оперативно-розыскных мероприятий не может рассматриваться как нарушение конституционных прав. Что касается распространения оперативно-розыскных мероприятий на вступающих в контакты с лицом, в отношении которого осуществляются эти мероприятия, то оно допустимо постольку, поскольку задача оперативно-розыскных мероприятий заключается в установлении преступных связей проверяемого лица¹.

При буквальном следовании приведенной позиции Конституционного Суда РФ допустимо заключить, что при формировании и использовании банков данных оперативно-розыскной информации следует исходить из возможности накопления, систематизации, обработки и использования информации о лице, в отношении которого имеются сведения о причастности его к совершению преступления, и его первого круга связей. При этом в случае очевидной непричастности его первых связей к преступной деятельности, а также когда речь идет о лицах, составляющих второй круг связей (то есть лиц, являющихся связями связей), сбор, хранение, использование и распространение информации в отношении такой категории противоречит требованиям Оперативно-розыскного закона и позиции Конституционного Суда РФ, и такая информация в случае ее получения подлежит уничтожению. Представляется, что в вопросах сроков и порядка уничтожения подобной информации необходимо руководствоваться положениями части 7

статьи 5 Оперативно-розыскного закона. Очевидно, что подразделения системы МВД России, осуществляющие информационно-аналитическое обеспечение ОРД, не в полной мере готовы к практической реализации данного вывода, несмотря на его правовую прозрачность. В настоящее время практика информационно-аналитической деятельности исходит из доминанты максимального накопления и недопустимости уничтожения оперативно-розыскной информации.

Важным механизмом обеспечения конституционных прав граждан являются положения Оперативно-розыскного закона, предоставляющие лицу, виновность которого в совершении преступления не доказана, возможность истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. Конституционный Суд РФ дал расширительное толкование положения данной нормы Оперативно-розыскного закона, указав на то, что при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, лицо также имеет право истребовать сведения о полученной о нем информации, а в случае отказа – обжаловать его в суд [8, с. 10].

Нельзя не отметить тот факт, что реализация гражданами права на истребование сведений о полученной в отношении них информации имеет место крайне редко. При изучении судебной практики автором найден только один случай, когда судебной системой Российской Федерации удовлетворены подобные требования, – это приведенное выше определение Конституционного Суда. В иных изученных судебных решениях (более трех десятков решений Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции) гражданам отказывалось в реализации такой предоставленной законом возможности. Столь определенная и устойчивая позиция, характерная для практики большого числа регионов, свиде-

1 По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой : определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 N 86-О.

тельствует о сформированности убеждения о недопустимости предоставления гражданину, виновность которого в совершении преступления не доказана, сведений о полученной в отношении него информации. Такая сформированная убежденность, как очевидно, не нарушает требования закона, но и не способствует его реализации и скорее имеет характер оперативно-розыскной традиции. Нетрудно также заметить, что решения затронутых проблемных вопросов обеспечения неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны человека и гражданина в ходе обработки оперативно-розыскной информации взаимосвязаны: чем меньше оперативными подразделениями накапливается информации в отношении лиц, объективно не причастных к совершению преступлений, тем более безболезненно будут решаться вопросы, связанные с реализацией гражданами права на истребование сведений о полученной в отношении них информации.

Проблема реализации гарантий конституционных прав граждан в ходе использования и обработки информации, содержащейся в открытых информационных источниках. Как известно, МВД России принято на снабжение и введено в эксплуатацию оперативными подразделениями специальное программное обеспечение, основанное на применении технологий обработки больших данных и OSINT-анализа [4]. Это аппаратно-программные комплексы «Демон Лапласа», «Виток-OSINT», «Insider Telegram», «Крибрум».

Распространено мнение, что использование инструментов OSINT-анализа «как в деятельности оперативно-розыскных органов, служб безопасности коммерческих организаций, маркетинговых компаний, так и обычными гражданами не противоречит нормам действующего законодательства», поскольку «размещаемая информация относится к категории открытой и общедоступной» [1; 2]. Несмотря на то, что в настоящее время применение технологий OSINT-анализа доступно не только органам, осуществляющим ОРД [1; 7], данная правовая позиция представляется как минимум дискуссионной.

Здесь необходимо сделать важное замечание, что инструменты OSINT-анализа обеспечивают сбор и обработку общедоступной информации (в понимании части 4 статьи 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», далее – Закон об информации), размещаемой в сети Интернет ее обладателями. При сопоставлении положений Закона об информации и Закона о персональных данных легко убедиться в ошибочности распространенного суждения о том, что размещение лицом информации, содержащей персональные данные, в сети Интернет делает необязательным получение его согласия на обработку такой информации. Несмотря на общедоступность, в случаях, если информация содержит персональные данные или сведения о частной жизни, ее обработка также регулируется законодательством о персональных данных. В частности: обработка персональных данных допускается в либо с согласия субъекта персональных данных, либо в иных случаях, прямо перечисленных в статье 6 Закона о персональных данных.

Как уже говорилось, важнейшим принципом обработки персональных данных (в том числе содержащихся в общедоступной информации) является положение о недопустимости обработки специальных категорий персональных данных (таких как национальная принадлежность, политические взгляды, религиозные или философские убеждения и др.), биометрических персональных данных, за исключением специальных случаев, в том числе когда такая обработка осуществляется в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности.

Кроме того, при внимательном рассмотрении инструментов анализа открытых данных легко убедиться, что специальное программное обеспечение, осуществляющее поиск информации в социальных сетях, обладает функцией установления связей фигурантов. Благодаря эффективному алгоритму, программное обеспечение OSINT-анализа предоставляет сведения, которые обладают

в сравнении с биллинговой информацией операторов связи не меньшим, а даже большим информационным потенциалом. Вместе с тем хорошо известно, что вопрос о доступе к сведениям о соединениях абонента рассматривается Конституционным Судом РФ с позиции обязательности санкционирования судом¹ и безусловного наличия специальных полномочий должностного лица.

Очевидно, что использование такого мощного информационно-аналитического инструмента в интересах обеспечения оперативно-розыскной деятельности является актуальным и перспективным [1; 7] и одновременно, с учетом значительного вторжения в права личности на тайну сообщений и неприкосновенность частной жизни, требует наличия законных оснований и специальных условий его применения. В то же время, несмотря на прямую аналогию с методами получения и анализа биллинговой информации, в настоящее время использование специализированного программного обеспечения OSINT-анализа социальных сетей нормативно не урегулировано.

Представляется, что анализ связей в социальных сетях, несмотря на кажущуюся «открытость» источников информации, несет характер оперативно-розыскных правоотношений. Основанием для такого суждения является специфический для оперативно-розыскных правоотношений негласный характер ограничения конституционных прав на тайну сообщений, неприкосновенность частной жизни [5. с. 192].

Вышесказанное в совокупности, на наш взгляд, однозначно указывает на то, что использование технологий OSINT-анализа, связанных с обработкой персональных данных и анализом социальных сетей, допустимо лишь при наличии специальных полномочий должностного лица, в частности полномочий по осуществлению ОРД, и лишь при наличии оснований и условий для проведения ОРМ, сформулированных в статьях 7 и 8 Оперативно-розыскного закона.

Предлагаемый подход, вплоть до нормативного урегулирования правоотношений, возникающих в связи с применением специальных технологий анализа социальных сетей, позволит ввести использование технологий OSINT-анализа в поле правового регулирования. Это, во-первых, в определенной мере обеспечит защиту от нарушений и необоснованного ограничения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на тайну сообщений и, во-вторых, даст возможность органам, осуществляющим ОРД, рассматривать вопрос о возможности предоставления материалов OSINT-анализа для использования в уголовном процессе.

Резюмируя, мы отмечаем, что последовательное рассмотрение основных положений Оперативно-розыскного закона и законодательства о защите персональных данных указывает на наличие проблем правового и организационного характера в части, касающейся реализации конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни. С одной стороны, текущее состояние информационно-аналитического обеспечения ОРД характеризуется существованием отдельных сформированных практикой постулатов, не способствующих реализации конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни, а с другой – отсутствием правового регулирования применения современных технологий информационно-аналитической деятельности, существенно вторгающихся в сферу частной жизни, личной и семейной тайны.

Мы констатируем, что практическая реализации выводов работы является вопросом далекой перспективы, однако мы полагаем, что, претворяя положения Конституции РФ и Оперативно-розыскного закона, необходимо последовательно формировать правовую и организационную возможность реализации конституционных прав граждан в процессе информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности.

1 Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи»: определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 N 345-О.

Библиографический список

1. Батоев, В.Б. О технологии поиска по открытым источникам «OSINT» в оперативно-розыскной деятельности / В.Б. Батоев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – N 2. – С. 66-71.
2. Ельчанинова, Л.Б. Технологии OSINT в оперативно-розыскной деятельности и их законность / Л.Б. Ельчанинова, Н.С. Велигурина // Проблемы информационной безопасности социально-экономических систем : труды X международной юбилейной научно-практической конференции. – Симферополь, 2024. – С. 117-119.
3. Кротов, А.В. Формирование предмета подотрасли права частной жизни в системе конституционного права : сравнительно-правовое исследование : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / А.В. Кротов. – Ростов-на-Дону, 2021. – 441 с.
4. Кубасов, И.А. Внедрение перспективных систем мониторинга и анализа больших данных, полученных в сети Интернет, для обеспечения деятельности оперативных подразделений МВД России / И.А. Кубасов, Л.А. Лекарь // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – N 3 (67). – С. 154-161.
5. Кузнецов, Е.В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Е.В. Кузнецов. – Омск, 2014. – 282 с.
6. Телина, Ю.С. Конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных в России и зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ю.С. Телина. – М., 2016. – 267 с.
7. Шаров, В.И. Поиск и анализ оперативно-розыскной информации в интернете / В.И. Шаров // Юридическая техника. – 2024. – N 18. – С. 411-416.
8. Чечётин, А.Е. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации : научно-практическое пособие / А.Е. Чечётин, И.Д. Шатохин, А.А. Шмидт. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022.

УДК 342.5

Илья Анатольевич ВОРМСБЕХЕР,

доцент кафедры конституционного
и административного права
Сибирского юридического университета (г. Омск),
старший преподаватель-методист адъюнктуры
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

vormsbekher.ilia@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ, КАК ФУНКЦИЯ ПОЛИЦИИ

ENSURING THE SAFETY OF PERSONS SUBJECT TO STATE PROTECTION AS A POLICE FUNCTION

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования деятельности полиции по государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также иных защищаемых лиц. Аргументируется вывод о том, что государственная защита является самостоятельным правовым институтом полицейского права, в котором реализуются различные по своей правовой природе правоотношения (административно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-процессуальные, оперативно-розыскные).

The article considers the issues of legal regulation of police activity for the state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings, judges, prosecutors, investigators, officials of law enforcement and regulatory authorities, as well as other protected persons. It is concluded that state protection is an independent legal institution of police law, in which legal relations of various legal nature are implemented (administrative-law, criminal-law, civil-law, criminal-procedural, operational-search).

Ключевые слова: государственная защита, защищаемые лица, полицейское право, меры безопасности, оперативно-розыскные мероприятия, правовой акт управления.

Keywords: state protection, protected persons, police law, security measures, operational search activities, legal act of governance.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹ относит к числу стратегических национальных приоритетов государственную и общественную безопасность. Достижение целей обеспечения данного вида безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на усиление роли государства как гаранта безопасности личности и прав

собственности, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, совершенствование единой государственной системы профилактики преступности, обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступле-

1 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400.

ния, а также на формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности.

В целях эффективной реализации мер по обеспечению государственной и общественной безопасности государство наделяет конкретных лиц правами по отправлению правосудия, а также полномочиями по осуществлению правоохранительной деятельности. Эти лица пользуются доверием, поскольку от их действий зависит исполнение функций государства. Кроме того, в орбиту уголовного судопроизводства ежегодно попадают миллионы людей в качестве потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса. Государство, предоставляя своим гражданам возможность участвовать в этой сфере, а в некоторых случаях обязывая их становиться субъектами соответствующих правоотношений, должно создать для них условия, необходимые для эффективного выполнения поставленных задач.

В настоящее время в Российской Федерации уделяется большое внимание обеспечению безопасности судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также участников уголовного судопроизводства, которые, как показывает проведенное нами исследование, нередко подвергаются преступному воздействию в целях воспрепятствования их законной деятельности или участию в уголовном процессе. В ответ на такие действия в целях недопущения причинения вреда законным интересам этих лиц государство применяет различные механизмы воздействия на преступный элемент уголовно-правового, уголовно-процессуального, административно-правового и оперативно-розыскного характера. На наш взгляд, совокупность таких механизмов стоит рассматривать как комплексную деятельность государства по созданию надлежащих условий для отправления правосудия и осуществления деятельности правоохранительных и контролирующих органов.

Говоря об уголовно-правовых механизмах воздействия, стоит отметить, что УК РФ содержит уголовно-правовые запреты, которые направлены на предупреждение проти-

воправного воздействия на должностных лиц судебных, правоохранительных и контролирующих органов, а также участников уголовного судопроизводства, они закреплены в главах 31 («Преступления против правосудия») и 32 («Преступления против порядка управления»), что является одной из гарантий соблюдения законности и прав рассматриваемой нами категории лиц. Кроме того, необходимо отметить, что УК РФ относит к отягчающим обстоятельствам совершение преступления в отношении лица в связи с исполнением им общественного долга, в том числе в виде дачи свидетельских показаний, помощи в раскрытии и пресечении преступлений (п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ).

Подвергая анализу уголовно-процессуальные механизмы, следует уточнить, что в первую очередь их объектом являются участники уголовного судопроизводства. Так, при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором они участвуют, не приводить данные об их личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), а в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), также могут применяться и иные меры обеспечения безопасности в ходе предварительного расследования и на судебных стадиях рассмотрения уголовного дела (ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

КоАП РФ в ст. 17.13 устанавливает административную ответственность, направленную на защиту общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об их имуществе, а также в области защиты персональных данных лиц.

Следует признать, что применение только превентивных административно-правовых и уголовно-правовых, а также уголовно-про-

цессуальных мер в ряде случаев может оказаться недостаточным, поэтому при наличии реальной угрозы преступного воздействия в отношении вышеперечисленных лиц, принимается решение об осуществлении государственной защиты в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон о госзащите потерпевших и свидетелей) и Федеральным законом «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – Закон о госзащите судей и должностных лиц). В отношении вышеперечисленных категорий лиц при наличии достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы их безопасности, в соответствии с установленным законодательством Российской Федерации порядком применяются меры безопасности, в связи с чем рассматриваемые лица принимают статус защищаемого лица¹. Так, в период с 2006 г. по 2022 г. число защищаемых лиц, которые являлись участниками уголовного судопроизводства, составило более 39 тысяч человек, за указанный период в отношении защищаемых лиц осуществлены более 94 тысяч мер безопасности².

Осуществление мер безопасности в отношении судей, арбитражных заседателей, присяжных заседателей, прокуроров, следователей, судебных исполнителей, должностных лиц контролирующих органов, потерпевших свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства по уголовным делам, находящимся в производстве ОВД, а также суда или Следственного комитета Российской Федерации, возлагается на органы внутренних дел, в частности на полицию.

Проблема, обозначенная в названии данной работы, логически предполагает рассуждения о прямо не названной в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г.

N 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) категории «функция полиции». Следует отметить, что в юридической литературе стало аксиомой понимать функцию как практическую реализацию задачи. Так, по мнению Ю.П. Соловья, под функциями органов государственного управления понимаются взятые из общественного арсенала виды деятельности, которые необходимы для выполнения его социального назначения [13, с. 92]. В качестве другой иллюстрации данного тезиса можно привести точку зрения А.Ф. Малого, согласно которой термин «функция» используется в нормативных актах для обозначения направления деятельности органа государственной власти. Однако, как подчеркивает автор, данная категория не всегда используется законодателем при формировании компетенции государственных органов, должностных лиц, но всегда подразумевается при закреплении за участниками правовых отношений определенных полномочий [11]. Приведенные выше суждения позволяют нам сделать вывод о том, что данная правовая конструкция применяется законодателем при характеристике направлений деятельности полиции.

Ю.П. Соловей в ходе рассуждений о сущности предшественницы современной полиции пришел к следующему выводу: «Вопрос о задачах и функциях милиции – это вопрос о характере и пределах ее вмешательства в частную и общественную жизнь, и поэтому четкое их отображение в законе служит, в свою очередь, фактором последующего адекватного правового регулирования милиции» [14, с. 124]. Данное изречение и в настоящее время не теряет актуальности.

Закон о полиции включает в себя такие категории, как «назначение» и «направления», характеризующие деятельность полиции, их содержание выражает предназначение полиции, ее функции как механизма, встроенного в систему обеспечения национальной

1 Под защищаемым лицом понимается лицо, в отношении которого в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты.

2 Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024-2028 годы : постановление Правительства РФ от 06.09.2023 N 1454-47.

безопасности, а также роль и место в структуре правоохранительных органов.

Назначением современной полиции является защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности. В ст. 2 Закона о полиции имеется указание на девять основных направлений деятельности полиции, одним из которых является государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также иных защищаемых лиц (далее в качестве равнозначного – государственная защита). Таким образом, считаем возможным говорить о государственной защите как об одной из функций, реализуемых полицией.

Далее предпримем попытку рассмотреть государственную защиту как элемент полицейской деятельности.

О.И. Бекетов, В.И. Сургутсков, О.Ю. Филиппов считают, что полицейская деятельность – это деятельность соответствующих органов государственной, а также муниципальной администрации, направленная на поддержание общественного порядка и противостояние опасностям, угрожающим обществу и отдельным лицам. Такая деятельность включает комплекс организационных, управленческих, ограничительных, принудительных и других актов, выраженных в форме официальных действий, решений, мероприятий и других мер. Последние должны осуществляться в соответствии с принципом верховенства права и этическими принципами гражданского демократического общества посредством применения превентивных и при необходимости репрессивных методов работы полиции и других органов, осуществляющих полицейские функции [2, с. 9].

Ю.П. Соловей, раскрывая содержание полицейского права, определяет полицейскую деятельность как деятельность органов исполнительной власти (должностных лиц) и иных уполномоченных на то субъектов, осу-

ществляемую в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства, сопряженную с непосредственным вторжением (гласным, принимающим форму принуждения, либо негласным) в права и свободы физических и юридических лиц и протекающую вне рамок уголовного и уголовно-исполнительного процессов [12, с. 9]. О.И. Бекетов дополняет данное определение указанием на то, что эта деятельность сопряжена с отражением опасности, предупреждением и пресечением правонарушений [3, с. 16]. Очевидно, что государственная защита как правовой институт полностью охватывается полицейским правом в таком понимании. В качестве обоснования высказанного нами тезиса отметим следующее.

Во-первых, деятельность по осуществлению государственной защиты осуществляется специальными органами и подразделениями. Так, в 2008 г. в соответствии с пп. «б» п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. N 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» в органах внутренних дел Российской Федерации в пределах их установленной штатной численности на базе подразделений по борьбе с организованной преступностью созданы подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите.

В целях реализации данного Указа Президента Российской Федерации приказом МВД России от 12 сентября 2008 г. N 795 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. N 1316» созданы Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России, центр по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России, а также центры (группы) по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации.

Основной задачей специально созданных подразделений полиции по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (далее – подразделения ГЗ), является

защита жизни и здоровья лиц, в отношении которых в установленном порядке принято решение о применении мер государственной защиты, а также обеспечении сохранности их имущества. В соответствии с положениями приказа МВД России от 31 марта 2023 г. N 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность» подразделения ГЗ имеют статус оперативных и могут осуществлять оперативно-розыскную деятельность в полном объеме, предусмотренном Федеральным законом от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Как справедливо отмечает В.А. Гусев, на современном этапе комплекс прав оперативных подразделений полиции регламентирован двумя основными законодательными актами: Законом об ОРД и Законом о полиции. Безусловно, основной перечень этих прав и юридический базис их реализации содержится в Законе об ОРД, однако Закон о полиции также включает ряд весьма прогрессивных норм, значительно расширяющих и дополняющих права оперативных подразделений полиции. Автор делает вывод, что правовые положения полицейского законодательства достаточно гармонично восполняют некоторые пробелы оперативно-розыскного закона [6, с. 123].

В настоящее время подразделениям ГЗ удалось достигнуть определенных успехов в обеспечении безопасности защищаемых лиц. За достаточно непродолжительный период их существования сформировано определенное кадровое ядро, обладающее потенциалом для решения поставленных задач, во многих подразделениях созданы отделения физической защиты, непосредственно осуществляющие личную охрану, обеспечивается психологическое сопровождение защищаемых лиц, на должном уровне организовано взаимодействие с другими правоохранительными, контролирующими и судебными органами, а также внутриведомственное взаимодействие. Кроме того, подразделениями ГЗ совместно с научным сообществом разработаны опреде-

ленные организационно-тактические приемы реализации мер безопасности и осуществления оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в целях недопущения криминального воздействия на защищаемых лиц.

Во-вторых, рассматриваемая нами деятельность направлена на противостояние опасностям, угрожающим обществу и отдельным лицам, в частности лицам, подлежащим государственной защите, указанным в соответствующих законах, и сопряжена с предупреждением и пресечением правонарушений в отношении них. Исчерпывающие перечни лиц, подлежащих государственной защите, определены в ст. 2 Закона о госзащите судей и должностных лиц и в ст. 2 Закон о госзащите потерпевших и свидетелей.

В-третьих, деятельность по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, включает комплекс организационных, управленческих, ограничительных, принудительных и других актов, выраженных в форме официальных действий, решений, мероприятий и других мер.

Примером выражения данного признака является принятие органом, осуществляющим меры безопасности, решения о применении конкретных мер безопасности, указанных в профильных законах (ст. 5 Закон о госзащите судей и должностных лиц, ст. 6 Закона о госзащите потерпевших и свидетелей). Так, в соответствии с ч. 4. ст. 18 Закона о госзащите потерпевших и свидетелей орган, осуществляющий меры безопасности, избирает необходимые меры безопасности и определяет способы их применения. Законодательные положения предполагают выбор конкретной меры или совокупности мер безопасности, основой такого выбора будет являться анализ ряда факторов, таких как степень угрозы, сведения о личности защищаемого лица и «угрозоносителей» и др. Таким образом, решение принимается на усмотрение должностных лиц такого органа, посредством принятия акта правоприменения, находящего выражение в постановлении об избрании меры безопасности. По мнению Н.Н. Цуканова, усмотрение можно охарактеризовать как правовое явление, возникаю-

шее при наличии у субъекта правоотношения возможности или необходимости принимать юридически значимые решения на основе выбора [18].

Постановление об избрании меры безопасности можно отнести к индивидуальному акту управления, под которым в административно-правовой доктрине понимается основанный на законе юридический акт, регулирующий управленческие отношения или разрешающий конкретное индивидуальное дело, обладающий государственно-властным характером, издаваемый в одностороннем порядке уполномоченным на то субъектом управления (чаще всего это органы исполнительной власти или их должностные лица) в соответствии с установленной процедурой [16, с. 7].

Кроме того, его также можно охарактеризовать как внешний индивидуальный, под которым в юридической литературе понимается влекущий правовые последствия, а также иные юридически значимые решения акт, вынесенный субъектом управления в отношении определенных лиц за рамками должностного взаимодействия [10, с. 101].

Также считаем важным обратить внимание на положения, установленные Законом РФ от 21 июля 1993 г. N 5485-1 «О государственной тайне», согласно которым сведения о силах, средствах, об источниках, о методах, планах и результатах деятельности по обеспечению безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения, а также отдельные сведения об указанных лицах относятся к государственной тайне. В связи с этим акты управления, издаваемые в сфере государственной защиты, могут носить негласный характер. Как справедливо отмечает М.С. Десятов, подробно исследовавший акты правоприменения в оперативно-розыскной деятельности, факт наличия ограничительного грифа на правоприменительном акте не является препятствием к его исполнению и использованию в правоприменительной

деятельности оперативно-разыскных органов [7, с. 126]. Выписки из постановления о применении мер безопасности, имеющего ограничительный гриф, могут направляться заинтересованным лицам с соблюдением требований конфиденциальности сведений, содержащихся в них.

В-четвертых, деятельность по осуществлению государственной защиты сопряжена с непосредственным вторжением в гласной либо негласной форме в права и свободы физических и юридических лиц. Ю.П. Соловей пришел к выводу, что мера вторжения в сферу личной свободы гражданина, заключенная в том или ином полицейском правомочии, должна быть пропорциональна социальной ценности той законной цели, ради которой предоставляется данное правомочие [15, с. 21]. Мы считаем, что социальная значимость деятельности по осуществлению государственной защиты не должна ни у кого вызывать сомнения в связи с ее направленностью на защиту жизни, здоровья и имущества конкретных лиц, участвующих в отправлении правосудия и осуществляющих правоохранительные и контролирующие функции.

Объектами, в отношении которых осуществляется такое вторжения в рассматриваемой нами сфере полицейской деятельности, будут являться как сами защищаемые, так и лица, от которых им поступают угрозы, а также предприятия, учреждения и организации, в адрес которых органами, обеспечивающими государственную защиту, направлены решения, принятые в соответствии с их компетенцией.

Законодательством предусмотрен обширный инструментарий, позволяющий решать задачи обеспечения безопасности защищаемых лиц и нейтрализации поступающих в их адрес угроз. Так, наряду с защитными мероприятиями, к компетенции подразделений ГЗ отнесено выявление, предупреждение и пресечение преступлений, связанных с угрозой посягательства на жизнь, здоровье и имущество защищаемых лиц. В целях успешного решения указанных задач в соответствии с Законом о госзащите потерпевших и свидетелей

и Законом о госзащите судей и должностных лиц могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) в порядке, установленном Законом об ОРД, где в ч. 5 ст. 7 в качестве одного из оснований для проведения ОРМ установлено постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц. По нашему мнению, это обусловлено тем, что обеспечение безопасности защищаемых лиц будет неполноценным без применения оперативно-розыскных мер, которые стоит рассматривать как важный и необходимый составной элемент такой деятельности. Осуществление подразделением ГЗ только мер безопасности не всегда может позволить нейтрализовать поступающие угрозы. Достижению этой цели может способствовать деятельность, направленная на привлечение к уголовной ответственности лиц, от которых эта опасность исходит. Тайный характер их действий обуславливает необходимость применения негласных сил, средств и методов. Ярко и убедительно об этом говорит В.А. Гусев, справедливо отмечая, что оперативно-розыскные силы, средства и методы являются уникальным инструментарием, позволяющим негласно проникать в асоциальную среду и конспиративно выявлять противоправные намерения потенциально опасных для общества граждан [5, с. 13].

Однако, не умаляя значимости проведения ОРМ в решении задач осуществления государственной защиты, посредством проведения которых может положительно решаться задача нейтрализации угроз защищаемым лицам, выразим солидарность с мнением Д.А. Воробья и А.А. Зарубина, согласно которому ОРМ являются обеспечивающей частью применяемых мер безопасности [4]. Действительно, меры безопасности, представляющие собой совокупность мероприятий организационного, информационного, защитного, процедурного, режимного характера, являются основным средством обеспечения безопасности защищаемых лиц.

А.В. Куянова указывает, что для норм полицейского права действует принцип обязывания – или обязательно действовать определенным образом, или обязательно не дей-

ствовать определенным образом [9, с. 40]. В рассматриваемой нами в рамках статьи деятельности данный принцип проявляется в целом ряде законодательных предписаний.

Во-первых, орган, осуществляющий меры безопасности, вправе требовать от защищаемых лиц соблюдения условий применения в отношении их мер безопасности, выполнения законных распоряжений, связанных с применением указанных мер. Так, одним из элементов правового механизма применения мер безопасности является заключаемый в соответствии с гражданским законодательством договор между органом, осуществляющим меры безопасности, и защищаемым лицом, в котором определяются условия применения избираемых мер безопасности, а также права и обязанности органа, осуществляющего меры безопасности, и защищаемого лица при их применении [8, с. 125]. В практике подразделений ГЗ нередко встречаются случаи нарушения защищаемыми лицами условий применения мер безопасности, поэтому сотрудникам необходимо на постоянной основе проводить индивидуальную профилактическую работу с защищаемыми лицами. Кроме того, на наш взгляд, в такой работе усматриваются определенные элементы полицейского надзора. О.И. Бекетов, детально исследовавший проблемы данного комплексного правового института, к числу его особенностей относит субъектный состав полицейских надзорных органов (служб, подразделений), правоохранительный характер, специальные правовые средства принудительного обеспечения и методы, негласное (оперативно-розыскное) обеспечение, строго определенные объекты [1, с. 9]. Все эти признаки находят отражение в деятельности подразделений ГЗ по проверке соблюдения условий применения мер безопасности.

Во-вторых, в обоих профильных федеральных законах нормативно установлено, что решения органов, обеспечивающих безопасность, принятые в соответствии с их компетенцией, обязательны для исполнения должностными лицами предприятий, учреждений и организаций, в адрес которых они направлены, однако упоминание об ответ-

ственности таких должностных лиц встречается только в Законе о госзащите судей и должностных лиц. Анализ уголовного закона и КоАП РФ позволяет констатировать отсутствие норм, устанавливающих какую-либо ответственность за неисполнение решений органов, обеспечивающих безопасность защищаемых лиц. Как справедливо отмечает И.Л. Трунов, обязанность, не закрепленная ответственностью за невыполнение этой обязанности, остается декларацией [17, с. 18]. По нашему мнению, данный пробел в нормативном регулировании требует научной проработки и последующего законодательного закрепления норм об ответственности за неисполнение законных требований соответствующих органов.

В-пятых, отметим, что эффективная деятельность полиции по обеспечению безопасности защищаемых лиц, как и любая деятельность правоохранительных органов, немыслима без надлежащего правового регулирования. В Российской Федерации создана обширная законодательная и подзаконная правовая основа деятельности полиции и иных правоохранительных органов по обеспечению безопасности судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также участников уголовного судопроизводства, которая обладает определенным внутренним единством. Следует обратить внимание на тот факт, что общественные отношения, возникающие в сфере

государственной защиты, помимо двух профильных законов в той или иной степени подвергаются правовой регламентации более чем в 10 федеральных законах. Кроме того, МВД России как органом, осуществляющим меры безопасности, в пределах своих полномочий издаются приказы, регламентирующие организацию и тактику осуществления мер безопасности.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что всю совокупность действий подразделений государственной защиты можно отнести к полицейской деятельности как элементу полицейского права.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что деятельность полиции по государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц как составная часть деятельности государства по обеспечению государственной и общественной безопасности относится к числу приоритетных направлений государственной политики, а ее обеспечение является разновидностью государственно-управленческой деятельности, в которой реализуются различные по своей правовой природе правоотношения: административно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные.

Библиографический список

1. Бекетов, О.И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / О.И. Бекетов. – Челябинск, 2011. – 36 с.
2. Бекетов, О.И. Понятие и организация полиции, основные направления ее деятельности / О.И. Бекетов, В.И. Сургутсков, О.Ю. Филиппов. – Омск: Омская академия МВД России, 2023. – 80 с.
3. Бекетов, О.И. Сыск как институт полицейского права: некоторые дополнительные аргументы / О.И. Бекетов // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : материалы международной научно-практической конференции, Омск, 4 октября 2021 года. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 14-17.

4. Воробей, Д.А. Обеспечение безопасности защищаемых лиц оперативно-розыскными мерами / Д.А. Воробей, А.А. Зарубин // Российский следователь. – 2014. – N 11. – С. 38-41.
5. Гусев, В.А. Конституционные грани оперативно-розыскных правоотношений государства и человека // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : материалы международной научно-практической конференции / пред. редкол. В.А. Гусев. – Омск: Омская академия МВД России, 2024. – С. 13-16.
6. Гусев, В.А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика : монография / В.А. Гусев. – М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2014. – 127 с.
7. Десятов, М.С. Акты правоприменения в оперативно-розыскной деятельности / М.С. Десятов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – N 2(88). – С. 120-127.
8. Деятельность подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите : учебник: в 3 ч. Часть 1 / под общ. ред. С.В. Михалёва. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2023. – 208 с.
9. Куянова, А.В. О системе и источниках полицейского права // Актуальные проблемы полицейского права : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», Омск, 1-2 июня 2021 года. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 40-43.
10. Луговик, В.Ф. О требованиях, предъявляемых к внутренним управленческим решениям органов внутренних дел / В.Ф. Луговик, К.С. Волков // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – N 3(61). – С. 100-104.
11. Малый, А.Ф. Функции органов государственной власти: институционализация правовой категории // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – N 4. – С. 46-51.
12. Соловей, Ю.П. Полицейское право и его место в системе современного административного права / Ю.П. Соловей // Полицейское право. – 2005. – N 1(1). – С. 6-11.
13. Соловей, Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук / Ю.П. Соловей. – М., 1993. – 330 с.
14. Соловей, Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации / Ю.П. Соловей. – Омск: ВШМ МВД РФ, 1993. – 504 с.
15. Соловей, Ю.П. Федеральный закон «О полиции» как основной источник отечественного полицейского права / Ю.П. Соловей // Полиция – новый институт современной государственной правоохранительной системы : материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 15-16 сентября 2011 года. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, – 2012. – С. 17-24.
16. Студеникина, М.С. Нормативные правовые акты управления как форма реализации исполнительной власти / М.С. Студеникина // Административное право и процесс. – 2014. – N 2. – С. 5-11.
17. Трунов, И.Л. Проблемы государственной защиты свидетелей / И.Л. Трунов // Следователь. – 2011. – N 5 (157). – С. 14-19.
18. Цуканов, Н.Н. Административно-правовое усмотрение: некоторые идеи по итогам дискуссии // Государство и право. – 2023. – N 12. – С. 214-218.

УДК 342.98

Николай Юрьевич ТЕТЕРЯТНИКОВ,

доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук

colyambus@yandex.ru

СКЛОНЕНИЕ СОТРУДНИКА ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К СОВЕРШЕНИЮ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

INDUCING AN EMPLOYEE OF AN INTERNAL AFFAIRS BODY TO COMMIT CORRUPTION OFFENSES AS A LEGAL PHENOMENON

В статье анализируется понятие склонения сотрудника органа внутренних дел к совершению коррупционных правонарушений и рассматриваются возможности противодействия этому явлению. Уделяется внимание субъектам склонения, его возможным формам и другим особенностям. Теоретические выводы, основанные на нормативно-правовом материале, проиллюстрированы примерами из правоприменительной, в том числе судебной, практики.

The article analyzes the concept of inducing an employee of an internal affairs body to commit corruption offenses and examines the possibilities of countering this phenomenon. Attention is paid to the subjects of inducement, its possible forms and other features. Theoretical conclusions based on regulatory and legal material are illustrated by examples from law enforcement, including judicial practice.

Ключевые слова: склонение к совершению коррупционного правонарушения, сотрудник органа внутренних дел, подстрекательство, провокация, коррупция.

Keywords: *inducement to commit a corruption offense, an employee of the internal affairs body, incitement, provocation, corruption.*

Ситуация в сфере противодействия коррупции в органах внутренних дел Российской Федерации в настоящее время является весьма напряженной. По официальным данным Следственного комитета России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ежегодно выявляются до девятисот преступлений коррупционной направлен-

ности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел¹.

Одним из факторов такого положения дел является склонение полицейских к совершению коррупционных правонарушений со стороны как граждан, так и их коллег, а иногда даже руководства. Несмотря на закрепленную в отечественном законодательстве

1 В СК России проанализирована практика расследования коррупционных преступлений // Официальный сайт Следственного Комитета России. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1417917/> (дата обращения: 18.08.2024). См. также: Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в 2020 году и о проделанной работе по их укреплению // Официальный сайт Генпрокуратуры России. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/73338760/26042022.doc> (дата обращения: 18.08.2024).

о противодействии коррупции обязанность должностных лиц, в том числе сотрудников органов внутренних дел, сообщать о фактах склонения к коррупционным правонарушениям, на практике данное требование нередко игнорируется, что закономерно не препятствует распространению коррупции, даже если при этом конкретный сотрудник такому склонению не поддавался.

Сам факт неуведомления руководства о имевшем место акте склонения к совершению коррупционного правонарушения хоть и не является ни административным правонарушением, ни – тем более – преступлением, тем не менее представляет собой весьма серьезный дисциплинарный проступок: грубое нарушение служебной дисциплины, выступающее основанием для увольнения сотрудника из органов внутренних дел по отрицательному мотиву. Еще в 2014 г. Конституционный Суд Российской Федерации в одном из решений отметил, что проступком, порочащим честь сотрудника органов внутренних дел, признается деяние, совершенное сотрудником полиции, подрывающее авторитет органов внутренних дел и противоречащее требованиям, предъявляемым к сотрудникам органов внутренних дел, независимо от того, предусмотрена ли за данное деяние административная либо уголовная ответственность¹.

Вместе с тем намного опаснее те последствия, которые наступают при согласии полицейского преступить нормы закона и использовать свое служебное положение в интересах третьих лиц, руководствуясь при этом корыстными либо корпоративными побуждениями или иной личной заинтересованностью [4, с. 33]. Так, согласно преступной схеме, разработанной гражданином, осу-

ществляющим коммерческую деятельность в сфере оказания ритуальных услуг, сотрудник полиции передавал сведения о фактах смерти граждан, незаконно используя доступ к информационной системе МВД России, предприниматель, в свою очередь, платил полицейскому денежное вознаграждение за каждый факт сообщения о смерти². В другом случае старший инспектор по исполнению административного законодательства за предложенную ему взятку в размере 80 тысяч рублей не передал по подведомственности материалы дела об административном правонарушении в отношении гражданина, который, будучи ранее лишенным права управления транспортным средством, вновь допустил управление автомобилем, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Вместо выполнения требований законодательства и передачи материалов для возбуждения уголовного дела полицейский вынес незаконное решение о прекращении административного производства в связи с отсутствием состава правонарушения³. Еще в одной ситуации заместитель начальника отдела полиции по тыловому обеспечению дал согласие на то, чтобы ежемесячно незаконно получать наличные денежные средства от индивидуального предпринимателя, осуществлявшего коммерческую деятельность по организации общественного питания в помещении здания отдела внутренних дел, за общее покровительство и невоспрепятствование данной деятельности; спустя несколько месяцев оба лица были привлечены к уголовной ответственности⁴.

Исследование проблем противодействия склонению сотрудников органов внутренних дел к совершению коррупционных правона-

1 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мингазутдинова Ильдара Галимзяновича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 N 1486-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2024).

2 Приговор Ленинского районного суда г. Владимира от 27.02.2018 N 1-51/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.08.2024).

3 Приговор Клиновского городского суда (Брянская область) от 10.07.2020 N 1-27/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.08.2024).

4 Приговор Свердловского областного суда от 08.12.2014 N 22-10234/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.08.2024).

рушений представляется значимым и востребованным, тем более что выявление фактов склонения сотрудников органов внутренних дел к совершению коррупционных правонарушений, уяснение юридически значимых аспектов такого склонения остаются острыми и во многом нерешенными в правоприменительной деятельности. До настоящего времени на законодательном уровне не закреплена дефиниция склонения должностного лица к совершению коррупционного правонарушения, не раскрыты ключевые признаки этого деяния.

В ст. 9 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» закреплена обязанность государственных служащих уведомлять работодателя обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений. В развитие указанного законодательного положения п. 2 Порядка уведомления сотрудником органа внутренних дел, федеральным государственным гражданским служащим системы МВД России представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, утвержденного приказом МВД России от 19 апреля 2010 г. N 293, устанавливает: «Обязанность уведомления представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения, в том числе о ставших известными фактах обращения к другим сотрудникам, гражданским служащим, работникам организаций, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед МВД России, в целях склонения к злоупотреблению служебным положением, даче или получению взятки, злоупотреблению полномочиями либо иному незаконному использованию своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконного предостав-

ления такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также склонение к совершению указанных деяний от имени или в интересах юридического лица возлагается на всех сотрудников и гражданских служащих системы МВД России».

Из содержания приведенных норм следует вывод о том, что любое обращение какого-либо субъекта к сотруднику органов внутренних дел с предложением, противоречащим антикоррупционному законодательству, является склонением к совершению коррупционного правонарушения.

Между тем такой взгляд представляется поверхностным, не всегда отражающим сути склонения к коррупционным правонарушениям в отдельных ситуациях. Чтобы этого избежать, нужно учитывать и другие факторы, а именно:

- предложение материального либо иного (например, услуги сексуального характера) вознаграждения сотруднику полиции;
- высказывание угроз причинения насилия в отношении сотрудника полиции или его близких, уничтожения или повреждения имущества, распространения порочащих или иных чувствительных для сотрудника органов внутренних дел и его близких сведений;
- реальное причинение вреда в указанных формах;
- использование служебного, должностного положения, в том числе вышестоящими руководителями.

Некоторые из перечисленных форм склонения к коррупционным правонарушениям содержатся в ст. 25 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции¹. Вместе с тем в этом международном акте склонение к коррупционным правонарушениям упоминается с позиции весьма узкого подхода – только в сфере воспрепятствования правосудию в ходе производства в связи с совершением преступлений.

Склонение сотрудника органа внутренних дел может осуществляться как в виде подкупа, соблазнения, так и путем угроз убийством,

1 Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.08.2024).

причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, шантажа. Это все может быть продемонстрировано в произвольной форме: словесно, с помощью текста, конклюдентно – жестами или иным образом. Необходимо отметить, что угроза убийством, причинением тяжкого вреда здоровью образует самостоятельное преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ. По справедливому мнению многих исследователей, уголовно-правовые санкции за угрозу играют большую роль в предупреждении тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, направленных против личности [5, с. 38].

Ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью наступает, если у потерпевшего имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовно наказуемая угроза убийством должна совершаться с умыслом, направленным на восприятие потерпевшим реальности угрозы, когда имеются объективные основания опасаться ее осуществления. Угроза высказывается с целью устрашения потерпевшего и в форме, дающей основания опасаться ее воплощения¹.

При оценке реальности осуществления угрозы необходимо учитывать все обстоятельства конкретного дела. Объективная сторона анализируемого преступления будет являться выполненной, а преступление, как следствие, оконченным с момента высказывания угрозы или ее выражения в иной форме².

Склонение сотрудника полиции в форме шантажа реализуется в форме высказывания угроз, распространения заведомо ложных сведений, позорящих должностное лицо органа внутренних дел, либо сведений, составляющих охраняемую законом тайну (на-

пример, личную или семейную тайну, о состоянии здоровья), которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам сотрудника полиции³.

С позиции уголовного права склонение – это подстрекательство к совершению преступления, что получает соответствующую уголовно-правовую оценку. Подстрекателем согласно ч. 4 ст. 33 УК РФ признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Как отмечается, сутью подстрекательства является воздействие на волю исполнителя. При этом данное психическое воздействие не должно парализовать волю подстрекаемого, который остается свободно действующим субъектом [7, с. 52].

Из законодательного определения подстрекателя следует, что подстрекательство направлено на конкретное лицо, которое склоняется вышеуказанными способами (уговорами, подкупом, угрозами и т.п.) к совершению преступления. Между тем на практике установить вину подстрекателя в коррупционных правоотношениях бывает весьма затруднительно в силу нечетких критериев разграничения таких понятий, как «подстрекательство» и «провокация», а также «оперативная провокация». Как отмечает В.Н. Борков, лицо склоняется к совершению преступления или иного коррупционного правонарушения и в рамках провокации, и в условиях подстрекательства. При этом оба субъекта, склоняющие должностное лицо к совершению противоправного деяния, формируют у последнего соответствующий умысел, однако ответственность участников данного вида отношений будет различной [1, с. 48].

В частности, Верховный Суд Российской Федерации в постановлении «О судебной практике по делам о взяточничестве и об

1 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 N 368-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2024).

2 Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 20.04.2011 по делу N 44-у-66/2011 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2024).

3 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2024).

иных коррупционных преступлениях» разъясняет, что провокация взятки – это создание условий, при которых подкупаемый, не имея умысла на получение предмета подкупа, оказывается в ситуации, имеющей все признаки коррупционного преступления. Провокация со стороны должностных лиц правоохранительных органов имеет место в результате склонения этих лиц к получению взятки при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено¹. Так, Е.И. Чекмезова приводит пример, когда подкупающий пытается передать подкупаемому конверт с денежными средствами либо во время разговора достает денежные средства и кладет их на стол, и в это время в помещение заходят сотрудники правоохранительных органов, фиксируя факт передачи предмета подкупа, создавая тем самым противоправную доказательственную базу состава подкупа [6, с. 454].

Между тем, как представляется, для целей соблюдения антикоррупционного законодательства не играет существенной роли форма склонения сотрудника полиции к совершению коррупционного преступления или правонарушения. Очевидно, что сотрудник органов внутренних дел не предполагает, что в отношении него совершается провокация взятки или провокация иного вида, целью которой является совершение должностным лицом коррупционного преступления. Действия сотрудника в данных ситуациях должны подчиняться единым правилам и предусматривать отказ от совершения коррупционных действий с последующим уведомлением вышестоящего руководителя о данном факте склонения.

Итак, склонение сотрудника органа внутренних дел к совершению коррупционного правонарушения можно определить следующим образом: это подстрекательство должностного лица органов внутренних дел к

совершению действий, подпадающих под признаки коррупционного преступления или коррупционного правонарушения. Такое подстрекательство может быть выражено в форме уговоров, убеждений, угроз применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения порочащих сведений в отношении сотрудника полиции или близких ему лиц.

На практике склонение к совершению коррупционных правонарушений осуществляется преимущественно в форме уговоров, сопровождающихся демонстрацией денежных средств, которые склоняющее лицо готово незамедлительно передать сотруднику полиции, либо обещаний выполнить работы, оказать услуги, приобрести товары, в которых заинтересован сотрудник полиции или его близкие. Можно привести следующие примеры склонения к совершению коррупционного правонарушения путем уговоров.

1. Гражданин К., действуя в интересах другого лица, обратился к сотруднику полиции с просьбой не составлять протокол об административном правонарушении в отношении третьего лица, предлагая за совершение такого бездействия взятку в размере 12000 рублей. К. действовал прямолинейно, обратившись к должностному лицу в его служебном кабинете, и после высказывания просьбы о непривлечении к административной ответственности вытащил из кармана денежные купюры в вышеуказанной сумме и оставил их на столе сотрудника полиции, о чем полицейский незамедлительно сообщил в дежурную часть органа внутренних дел. При этом из материалов дела следует, что сотрудник полиции предупредил К. об уголовной ответственности, наступающей за дачу взятки должностному лицу, однако К., будучи предупрежденным о противоправности своего поведения, неоднократно, настойчиво и целенаправленно предлагал сотруднику полиции совершить действия по непривлечению третьего лица к административной от-

1 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2024).

ветственности¹.

2. Ранее лишенный права управления транспортным средством гражданин Т. обратился к начальнику регистрационно-экзаменационного отделения ОГИБДД, предложив последнему денежное вознаграждение в сумме 15000 рублей за положительную отметку на теоретическом экзамене без фактического его прохождения. Должностное лицо органа внутренних дел, руководствуясь корыстными мотивами, поддавшись уговорам, приняло предложение и способствовало оформлению сдачи теоретического экзамена гражданином Т. без фактического прохождения последним компьютерного тестирования на знание правил дорожного движения².

3. К сотруднику полиции обратилась Ф., мать задержанного по подозрению в совершении кражи лица, с просьбой освободить последнего от уголовной ответственности, сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, склоняя к получению взятки за совершение указанных незаконных действий. Сотрудник разъяснил возможные последствия дачи взятки и отказал в совершении коррупционных действий, однако Ф. привлекла другое лицо к склонению сотрудника полиции к получению взятки, которое выложило денежные средства в размере 1200000 рублей и 4800 долларов США на стол в служебном помещении сотрудника полиции. Эти противоправные действия были пресечены сотрудниками службы собственной безопасности, к которым должностное лицо обратилось после первого факта склонения к совершению коррупционного преступления³.

Для всех изложенных ситуаций, независимо от того, удалось ли склоняющему добиться преступного результата, характерно наличие следующих условий склонения:

1) наличие факта совершения определенным лицом преступления или правонарушения либо наличие заинтересованности в

решении какого-либо вопроса, относящегося к компетенции должностного лица органов внутренних дел;

2) совершение склоняющим лицом активных действий в форме прямого обращения к сотруднику полиции, проведение с ним бесед, предложение конкретных благ, которые будут переданы должностному лицу за совершение заведомо незаконных действий или бездействия в пользу склоняющего или в пользу третьих лиц;

3) настойчивость, активность склоняющего, игнорирование предупреждений сотрудника полиции о наступлении уголовной ответственности за дачу взятки, убежденность в том, что интересующий склоняющее лицо вопрос может быть решен положительно для последнего.

Фактически склонение путем уговоров всегда основывается на предполагаемой личной заинтересованности и нередко – корыстной мотивации сотрудника органа внутренних дел, что в ряде случаев находит воплощение. Однако склонение к совершению коррупционного деяния в большинстве представляет собой процесс, не отражающий и не гарантирующий его результативности, что характеризуется в специальной литературе как «безуспешное воздействие на объект склонения к совершению коррупционного правонарушения» [2, с. 276].

В этой связи сложно согласиться с позицией исследователей, которые под склонением к совершению коррупционного правонарушения понимают только психическое или физическое воздействие на сотрудника полиции в целях принятия им взятки или иного незаконного вознаграждения [3, с. 116]. На деле склонение к совершению коррупционного правонарушения может осуществляться и в иных формах, не предполагающих наличия корыстной мотивации, что характерно, в частности, для корпоративных интересов и

1 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 N 77-888/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2024).

2 Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.06.2022 N 77-2781/2022 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.08.2024).

3 Апелляционное определение Московского городского суда от 15.12.2022 по делу N 10-23778/2022 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.08.2024).

служебных правоотношений в рамках подчиненности.

Так, зафиксированы случаи, когда руководители отдавали заведомо незаконные устные указания о не привлечении к уголовной или административной ответственности виновных лиц, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о фальсификации доказательств и совершении иных действий, квалифицируемых как коррупционные. Например, один из обзоров Верховного Суда Российской Федерации содержит пример, когда руководитель органа внутренних дел дал распоряжение сотрудникам патрульно-постовой службы не осуществлять доставку в отдел полиции нелегальных мигрантов, которые были остановлены и задержаны нарядом в целях проверки условий соблюдения миграционного законодательства. После получения отказа от сотрудников полиции подчиниться заведомо незаконным требованиям, руководитель использовал методы психического принуждения, высказывал угрозы привлечения полицейских к дисциплинарной ответственности в виде их увольнения из органов внутренних дел¹.

По другому делу руководитель отдела ГИБДД дал по телефону устное распоряжение наряду ДПС о непривлечении водителя, задержанного в состоянии опьянения, к административной ответственности. Как указал суд, должностным лицом органа внутренних дел был нарушен порядок административного производства, конституционный принцип равенства всех перед законом, а лицо, имеющее явные признаки алкогольного опьянения, не было отстранено от управления источником повышенной опасности – транспортным средством, что создавало опасность для жизни и здоровья других граждан, т.е. имело место существенное нарушение интересов общества и государства. Суд в своем решении особо отметил, что сотрудники ДПС находи-

лись в прямом подчинении начальника отдела ГИБДД².

Очевидно, что описанные противоправные действия со стороны руководства также являются формой склонения сотрудников полиции к совершению коррупционных правонарушений. Как представляется, такие виды склонения обладают повышенной общественной вредностью по сравнению с уговорами, поскольку совершаются не рядовым сотрудником полиции, а руководителем – должностным лицом, в непосредственные обязанности которого входит организация деятельности по пресечению преступлений и административных правонарушений, соблюдению законности, защите прав и законных интересов личности, общества и государства.

Подытоживая, можно сформулировать следующее. Под склонением сотрудника органа внутренних дел к совершению коррупционного правонарушения следует понимать подстрекательство должностного лица органов внутренних дел к совершению действий, подпадающих под признаки коррупционного правонарушения, совершенное путем уговоров, убеждений, угроз применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, шантажа, распространения порочащих либо иных чувствительных сведений в отношении сотрудника полиции или близких ему лиц. Склонение может осуществляться как лицами, непосредственно заинтересованными в решении определенной проблемы, так и третьими лицами, в том числе вышестоящими начальниками органов внутренних дел, у которых сотрудник полиции находится в подчинении. Последний вид склонения представляется наиболее порочным, поскольку у руководителя имеется больше возможностей добиться требуемого коррупционного поведения от сотрудника полиции за счет использования психического принуждения, за действия властных полномочий. Вместе

1 Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. N 10.

2 Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 14.01.2020 по делу N 22-6/2020 (22-6269/2019) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.08.2024).

с тем на практике склонение к совершению коррупционных правонарушений осуществляется преимущественно в форме уговоров, сопровождающихся предложениями передачи денежных средств, выполнения работ, оказания услуг. При этом квалификация дан-

ных действий вызывает определенные затруднения, исходя из того, что законодательство Российской Федерации не содержит состава склонения к совершению коррупционного правонарушения или преступления.

Библиографический список

1. Борков, В.Н. Отграничение провокатора от подстрекателя, даже если это одно и то же лицо / В.Н. Борков // Законность. – 2021. – N 3. – С. 46-49.
2. Марина, Е.А. Криминалистическая характеристика склонения сотрудников правоохранительных органов к совершению коррупционных правонарушений / Е.А. Марина // Право и государство: теория и практика. – 2021. – N 3 (195). – С. 275-278.
3. Маркеева, А.А. К вопросу об определении криминалистически значимых признаков склонения сотрудников правоохранительных органов к совершению коррупционных правонарушений и преступлений / А.А. Маркеева // Научный портал МВД России. – 2022. – N 1 (57). – С. 114-118.
4. Пирогова, Е.Н. Особенности должностных преступлений как вида преступлений коррупционной направленности / Е.Н. Пирогова // Российский следователь. – 2022. – N 11. – С. 32-34.
5. Сутурина, М.Н. Криминальные особенности личности преступника, совершающего угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / М.Н. Сутурина, Н.О. Супрунова, А.С. Жукова // Российский следователь. – 2017. – N 21. – С. 38-42.
6. Чекмезова, Е.И. Некоторые вопросы применения норм об уголовной ответственности за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок / Е.И. Чекмезова // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – N 4. – С. 453-455.
7. Янковский, Д.А. Ответственность подстрекателей к преступлению по российскому уголовному законодательству: история и современность / Д.А. Янковский // Российский следователь. – 2021. – N 3. – С. 50-54.

УДК 343.1

Ибиамин Нуруевич НУРИЕВ,

доцент кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института
МВД России имени И.Ф. Шилова (г. Хабаровск),
кандидат юридических наук

amin-nuriev@mail.ru

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ СРОК ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: АНАХРОНИЗМ, ТРЕБУЮЩИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПЕРЕСМОТРА

TWO-MONTH PERIOD OF PRELIMINARY INVESTIGATION: ANACHRONISM REQUIRING LEGISLATIVE REVIEW

В статье исследуется закрепленный в ч. 1 ст. 162 УПК РФ первоначальный двухмесячный срок предварительного следствия, предоставляемый органам следствия для расследования уголовного дела. На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства, мнений ученых-процессуалистов и приведенных статистических данных автором делается вывод о несоответствии данного нормативного требования, подразумевающего завершение расследования уголовного дела в двухмесячный срок, современным реалиям практической деятельности и необходимости его законодательного пересмотра с учетом тяжести совершенного преступления.

The article examines the initial two-month period of preliminary investigation, established in Part 1 of Article 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, granted to investigative bodies for the investigation of a criminal case. Based on the analysis of the norms of criminal procedure legislation, the opinions of scientists in the field of criminal procedure and provided statistical data, the author comes to the conclusion that this regulatory requirement, which implies the completion of the investigation of a criminal case within a two-month period, is imperfect, and it doesn't fit with modern realities of practical activity and the need for its legislative revision taking into account the gravity of the crime committed.

Ключевые слова: предварительное следствие, разумный срок уголовного судопроизводства, органы следствия, преступление, уголовное дело, уголовное преследование.

Keywords: preliminary investigation, reasonable period of criminal proceedings, investigating bodies, crime, criminal case, criminal prosecution.

В последнее время необходимость пересмотра первоначального двухмесячного срока, отводимого законом для производства предварительного следствия, является наиболее актуальным вопросом, обсуждаемым специалистами в области уголовного процесса.

Размышляя о недостаточности указанного срока, предоставляемого органам следствия для всестороннего и качественного расследования уголовного дела, ученые-процессуалисты приводят различные причины, подтверждающие его неэффективность.

Так, Н.П. Ефремова отмечает, что в последнее время законодатель при внесении корректировок в нормы, регулирующие сроки расследования уголовных дел, заостряет внимание только на усилении контроля за продлением данных сроков, не рассматривая при этом другой немаловажный вопрос, связанный с пересмотром первоначального срока, необходимого для организации предварительного следствия. Как справедливо полагает автор, институт процессуальных сроков не должен интерпретироваться исключительно как инструмент, способствующий воспитанию должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, исходя из чего законодательные поправки должны происходить с учетом анализа правоприменительной деятельности [9, с. 424].

Соглашаясь с позицией ученого, следует отметить, что, действительно, преобразование данного института в отечественном процессуальном праве происходило в различных вопросах, кроме увеличения непосредственно срока, необходимого следователям для расследования уголовного дела.

Если обратиться к ч. 1 ст. 162 УПК РФ, определяющей первоначальный срок предварительного следствия, то можно убедиться в том, что она является единственной нормой в указанной статье, в которую не вносились поправки законодателя.

Б.Я. Гаврилов справедливо утверждает, что рассматриваемый срок впервые был закреплён более 100 лет назад в УПК РСФСР 1922 г., перешел в неизменном виде в действующее уголовно-процессуальное законодательство, и считает, что двухмесячный срок, установленный следователям для расследования уголовного дела, является анахронизмом, так как он не соответствует современным потребностям практики, противоречит принципу разумного срока уголовного судопроизводства и нуждается в скорейшем изменении [6, с. 52].

Солидаризируясь с мнением видного ученого-правоведа, стоит указать несколько серьезных аргументов, обуславливающих увеличение первоначального срока предварительного следствия.

Во-первых, в современных реалиях существенно изменился объем уголовных дел, что прямым образом отражается и на сроках проведения предварительного расследования.

Рассуждая на данную тему, Ю.А. Цветков отмечает, что большой объем уголовного дела хоть и не влияет на сложность расследуемого преступления, тем не менее данный признак довольно часто предполагает длительное предварительное расследование, с чем нельзя не согласиться [15, с. 21].

Так, если раньше уголовное дело, расследуемое, например, по типичной одноэпизодной краже, повлекшей значительный ущерб гражданину, составляло в среднем меньше ста страниц, или один том, то сегодня встретить уголовное дело, завершённое по аналогичному преступлению, меньше чем в три или два тома крайне затруднительно.

При этом стоит указать, что один том уголовного дела, как правило, составляет 250 страниц. Столь серьёзный рост объема расследуемых уголовных дел связан с постепенным расширением прав участников уголовного судопроизводства, которые в обязательном порядке должны быть разъяснены в ходе проведения предварительного расследования.

Как справедливо указывает О.В. Гладышева, большинство поправок, вносимых в уголовно-процессуальное законодательство, прямо или косвенно связаны с новыми процессуальными правами, которые предоставляются участникам уголовного досудебного и судебного производства [7, с. 106]. Отмечая всю важность надлежащего обеспечения лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные правоотношения дополнительными правами, предусмотренными УПК РФ, нельзя не отметить, что их постоянное расширение сказывается и на увеличении объемов материалов уголовного дела, так они должны быть соответствующим образом разъяснены и реализованы органами, осуществляющими уголовное преследование.

Дополнительной причиной значительно прироста объема уголовных дел является чрезмерная бюрократизированность всего доказательственного процесса, в результате чего выполнение некоторых следственных и

процессуальных действий, которые в большинстве случаев постоянно трансформируются, требуют серьезных временных затрат, что, безусловно, сказывается и на сроках, отведенных для расследования уголовного дела.

Следует согласиться с высказыванием А.А. Тарасова, который считает, что большая часть «бумаготворчества» в практической деятельности органов предварительного расследования зачастую создана искусственно и никак не связана с соблюдением уголовной-процессуальной формы [12, с. 156].

Корифеи уголовно-процессуальной науки полагают, что заформализованность и забюрократизированность процессуальной формы, доставшейся нам от советского периода, негативно отражается на эффективности и длительности всего досудебного разбирательства [5, с. 75], с чем мы полностью согласны.

Вторым весомым аргументом, подразумевающим необходимость увеличения сроков предварительного следствия, является тот факт, что по сравнению с советским периодом в настоящее время весомо усложнились способы совершения большинства преступлений.

Так, современные преступления представляют собой сложные и обдуманные ком-

бинации, которые реализуются злоумышленниками в виртуальной среде при помощи новейших информационно-телекоммуникационных технологий. Указанный факт подтверждается анализом уголовного законодательства, в которое были внесены новые составы преступлений, совершаемых при помощи информационно-телекоммуникационных технологий.

Кроме этого, анализ состояния преступности в России демонстрирует, что львиную долю противозаконных деяний составляют мошенничества 70% (+73,4%, 237,1 тыс.), которые совершаются злоумышленниками как раз с помощью современных компьютерных технологий¹. Расследование таких преступлений затруднено определенными сложностями в изобличении лиц, причастных к их совершению, сбором доказательств, подтверждающих инкриминируемое им деяние, что в совокупности влияет на сроки уголовного преследования.

Третьим аргументом, обосновывающим пересмотр первоначального срока следствия, является то обстоятельство, что даже судебным органам затруднительно рассмотреть и принять решение по уголовному делу в течение двух месяцев.

Сведения об общем количестве рассмотренных уголовных дел
судами общей юрисдикции Российской Федерации в период с 2019 г. по 2023 г.

Сведения	Год				
	2019	2020	2021	2022	2023
Всего рассмотрено уголовных дел	806 114	748 853	652 659	635 729	727 169
Рассмотрено уголовных дел в особом порядке	443 518	351 987	323 270	300 843	257 897
Рассмотрено уголовных дел в общем порядке	362 596	396 866	329 389	334 886	469 272
Рассмотрено уголовных дел в срок свыше трех месяцев	76 406	125 348	136 312	148 385	144 205

1 Состояние преступности в России за 2020-2022 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/analytics>.

Системный мониторинг деятельности судов общей юрисдикции демонстрирует, что из всех уголовных дел, по которым были приняты итоговые решения судейский корпусом в период с 2019 г. по 2023 г., в срок свыше трех месяцев были рассмотрены в среднем 126 131 уголовное дело. В 2022 г. рассматриваемый показатель достиг рекордных 148 385 уголовных дела, в 2023 г. он кардинальным образом не изменился и остался по-прежнему, на довольно высоком уровне – 144 205 уголовных дела.

При этом стоит указать, что в 2022 г. практически по каждому второму (47,3%), а в 2023 г. по каждому третьему уголовному делу (35,5%) итоговые решения судами, принимались в особом порядке, то есть в упрощенной и ускоренной форме¹.

Приведенный статистический анализ свидетельствует о том, что даже сформированное должностными лицами органов предварительного расследования уголовное дело со всей совокупностью доказательств зачастую рассматривается в судебных органах более 3 месяцев.

Как справедливо указывают ряд авторов, процесс сбора доказательств, подтверждающих вину лица в инкриминируемом ему деянии, во время производства предварительного расследования требует серьезных усилий и временных затрат во избежание ситуации, при которой в суд будет направлено уголовное дело в отношении невиновного лица [8, с. 112]. Соглашаясь с позицией ученых, следует констатировать, что в большинстве случаев расследование уголовного дела представляет собой более длительный процесс, чем его последующее рассмотрение в суде.

Исходя из сказанного, полагаем, что первоначальный двухмесячный срок следствия неэффективен и целесообразно его увеличить до 3 месяцев.

В аспекте выдвинутого нами тезиса о необходимости увеличения первоначального срока предварительного следствия представляется верным при его пересмотре уделить

пристальное внимание расследованию сложных уголовных дел.

Совершенно очевидно, что на расследование сложных уголовных дел должно выделяться больше времени (а именно первоначального срока предварительного следствия), чем на уголовные дела, не представляющие сложности в расследовании.

Данная необходимость продиктована тем, что сложность уголовного дела прямым образом влияет на длительность проведения предварительного расследования и является важнейшим фактором, учитываемым при определении разумного срока досудебного производства (ч. 3.1 ст. 6.1 УПК РФ).

Определение критериев уголовного дела, представляющего сложность в расследовании, является наиболее дискуссионным процессом в уголовно-процессуальной науке, так как единый подход ученых в этом вопросе до сих пор отсутствует

Исследуя данную правовую категорию, В.В. Трухачев указывает, что большинство авторов путают сложность уголовного дела с его трудоемкостью, хотя это два совершенно разных понятия, не тождественных друг другу, которые необходимо правильно разграничивать.

По мнению ученого, не всякое уголовное дело, даже состоящее из многочисленных эпизодов или с большим количеством участников, можно с уверенностью назвать сложным. В большинстве случаев количественные показатели лишь отражают трудоемкость уголовного дела, но никак не сложность его расследования. Преступления могут быть однотипными, совершенные одним или несколькими лицами в условиях очевидности, не представляющими сложности в расследовании. Перечисленные признаки указывают именно на трудоемкость уголовного дела [13, с. 389].

Из озвученной позиции можно с уверенностью утверждать, что главным отличием сложности уголовного дела от его трудоемкости являются усилия должностных лиц, на-

1 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в период с 2019 по 2023 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

правленные на процедуру доказывания вины лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, то есть чем сложнее процедура доказывания, тем сложнее процесс расследования уголовного дела, с чем мы, безусловно, согласны.

Исходя из сказанного, следует отметить, что отнесение уголовного дела к категории сложных происходит исключительно по субъективному принципу. Именно поэтому следует согласиться с позицией Д.П. Великого, указывающего, что определение сложности уголовного дела является чисто субъективным процессом, напрямую зависящим от воли лица, осуществляющего уголовное судопроизводство [4, с. 21].

По нашему мнению, в большинстве случаев сложность уголовного дела прямым образом взаимосвязана с расследованием преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких.

Тяжкие и особо тяжкие преступления представляют собой более серьезную опасность для общества и государства в целом, чем преступления небольшой и средней тяжести, а их расследование зачастую подразумевает сложный доказательственный процесс, прямым образом влияющий на длительность предварительного следствия.

Так, к примеру, В.М. Быков указывает, что уголовные дела, находящиеся в производстве у органов предварительного следствия по факту преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом, представляют собой повышенную сложность в расследовании. Как верно отмечает автор, сложность расследования таких преступлений обусловлена дополнительными силами и временными затратами, направленными на изобличение всех участников совершенного уголовно наказуемого деяния, а также установление роли каждого из них [3, с. 24].

Соглашаясь с позицией ученого, стоит отметить, что перечисленные квалифицирующие признаки в большей части, образуют именно состав тяжких и особо тяжких пре-

ступлений, что еще раз подтверждает сложность расследования преступлений рассматриваемой категории.

Видные ученые в области уголовного права В.Д. Ларичев и Т.В. Якушева указывают, что ряд преступлений тяжкой и особо тяжкой категорий стало раскрывать гораздо сложнее по причине того, что они совершаются в виртуальной среде преступными объединениями, прекрасно оснащенными современным техническим оборудованием [10]. Все это приводит к возможности на протяжении длительного времени оставаться вне поля зрения правоохранительных органов, создавая преступные группы и сообщества для совершения тяжких и особо тяжких преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Схожего мнения придерживается В.В. Поляков, подчеркивающий, что в настоящее время расследование высокотехнологичных преступлений требует производства большого объема следственных и процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, сложных компьютерно-технических, ситуационных, судебно-медицинских и других длительных экспертиз, направленных на сбор доказательств в целях установления лиц, причастных к совершению данного преступления [11, с. 9].

Соглашаясь с позицией ученого о сложности расследования высокотехнологичных преступлений, следует указать, что, согласно статистическим показателям, в значительной степени уменьшается количество так называемых «бытовых» хищений, совершаемых несложным способом. Однако другой вид хищения, а именно мошенничество, формирующее в основном вал преступлений тяжкой и особо тяжкой категорий, совершаемое при помощи информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ), остается на довольно высоком уровне. Также не снижается количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых при помощи ИТТ, и криминальные деяния в сфере ком-

пьютерной информации¹. Общее количество тяжких и особо тяжких киберпреступлений ежегодно только увеличивается², а их доля в общем числе деяний данной категории составляет 51,2%, то есть каждое второе уголовное дело³.

Все это указывает на необходимость выделения отдельных сроков для расследования тяжких и особо тяжких преступлений в связи со сложностью их расследования.

Подтверждением сделанного нами вывода может служить мнение ученых-процессуалистов Московской академии СК РФ, которые на основе проведенного анализа уголовных дел, расследованных следователями СК РФ, пришли к выводу, что завершить предварительное следствие преступлений, относящихся к категориям тяжких и особо тяжких, в большинстве случаев меньше чем за 4 месяца практически невозможно [1, с. 33].

Исходя из этого на организацию расследования уголовных дел данной (сложной) категории следует выделить больше времени при помощи внесения поправок в нормы процессуального права, регулирующие сроки проведения предварительного следствия. С указанным выводом солидарны 75,8% опрошенных респондентов из следственных подразделений, отметивших необходимость увеличения первоначального двухмесячного срока, предоставляемого следователям для расследования уголовного дела, с учетом тяжести совершенного преступления⁴.

Необходимо подчеркнуть, что уголовное дело, расследуемое по факту совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, на практике может не представлять сложности в расследовании. В данном случае следователь всегда может завершить процесс предварительного следствия в более оперативные сроки самостоятельно или по указанию руководителя следственного орга-

на в рамках осуществления процессуального контроля, что вполне согласуется с нормативными требованиями, изложенными в ст. 6.1 УПК РФ [2, с. 28].

Вследствие этого, на наш взгляд, первоначальный срок расследования тяжких и особо тяжких преступлений должен составлять не менее 4 месяцев со дня возбуждения уголовного дела.

В целях исключения противоречий внесенных предложений с правилами продления срока предварительного следствия до 3 месяцев, закрепленными в ч. 4 ст. 162 УПК РФ, в соответствующих поправках нуждается и данная процедура, которая в настоящее время, как нам представляется, излишне бюрократизирована.

Так, в настоящее время некоторые ведомственные распорядительные акты следственных органов СК России и ОВД РФ требуют от следователей перед продлением дальнейшего срока предварительного следствия вместе с ходатайством о данном решении дополнительно предоставлять ряд иных документов (справку о движении уголовного дела, справку о выполненных следственных действиях в период расследования уголовного дела, протокол оперативного совещания о целесообразности продления срока предварительного следствия и т.д.), которые к материалами уголовного дела не приобщаются.

Рассматривая данный вопрос, представитель центрального аппарата СК России В.В. Храмова справедливо отмечает, что вместо производства полноценного предварительного расследования совершенного преступления следователю приходится длительное время тратить на составление всех вышеперечисленных документов, ничего не представляющих для доказательственного процесса [14, с. 407].

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>.

2 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/>.

3 Статистические данные о следственной работе и дознании органов внутренних дел по форме отчета «1-Е» за 2021-2023 гг. Ф. 120, кн. 1 / ГИАЦ МВД России. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=check&id=120>. Режим доступа: ведомственный доступ.

4 Были опрошены 105 респондентов из числа следователей ОВД РФ и СК РФ.

Конечно, ведомственный контроль, осуществляемый руководителями следственных органов в вопросе обоснованности и законности продлений уголовных дел, находящихся в производстве подчиненных следователей, никто не отменял, за это каждый руководитель несет персональную ответственность. Вместе с тем, по нашему мнению, руководителей соответствующих следственных органов необходимо наделить правом продления срока расследования уголовного дела до 6 месяцев. Данное предложение продиктовано необходимостью сокращения бессмысленных поездок следователей в следственный орган для продления срока расследования уголовного дела свыше трех месяцев.

Известный факт, что в большинстве следственных подразделений субъектов Российской Федерации руководители требуют от следователей личного присутствия вместе с материалами уголовного дела, по которому необходимо принять решение о продлении срока следствия, несмотря на возможность проведения данной процедуры путем использования современных средств видео-конференц-связи. Как итог, некоторые следователи порой тратят несколько дней для того, чтобы добраться до соответствующего следственного органа в целях доказать правомерность своих действий, направленных на продление срока предварительного расследования. Например, для того чтобы добраться до руководителя следственного органа УТ МВД России по ДФО железнодорожным или автомобильным транспортом из г. Владивостока в г. Хабаровск следователю требуется не менее 12 часов и такое же время обратно. И это не учитывая времени нахождения в следственном органе в ожидании испрашиваемого решения. В результате акк минимум два дня уходит только на процедуру продления сроков следствия. Из некоторых регионов страны в следственный орган можно добраться и вовсе исключительно на воздушном транспорте.

Стоит указать, что в большей степени данная процедура носит воспитательный характер, представляя превентивные меры по недопущению большого количества продлений

по расследуемым уголовным делам, и практически всегда она заканчивается положительным решением руководителя следственного органа, подразумевающим продление срока предварительного следствия.

Совершенно очевидно, что указанные функции в рамках ведомственного контроля вполне могут быть возложены на непосредственного руководителя следственного органа, что, в принципе, и происходит при принятии схожего решения о продлении мер пресечения, связанных с ограничением свободы.

К примеру, законодатель допускает продление срока содержания под стражей до 6 месяцев именно руководителем соответствующего следственного органа (ч. 2 ст. 109 УПК РФ), а вот аналогичное продление срока следствия данным должностным лицом, исходя из действующих предписаний уголовно-процессуального закона, может быть произведено исключительно до 3 месяцев (ч. 4 ст. 162 УПК РФ). По нашему мнению, такая правовая конструкция продления процессуальных сроков только затрудняет работу органов предварительного следствия, а также существенно противоречит юридической технике и логике.

Исходя из сказанного, полномочия руководителя соответствующего следственного органа необходимо расширить, наделив его правом продления срока следствия до 6 месяцев за исключением уголовных дел, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, где в отношении подозреваемого (обвиняемого) избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В отношении указанной категории лиц данный вопрос должен разрешаться в соответствии с действующими правилами, а именно руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их заместителями.

С учетом изложенных правовых недочетов полагаем необходимо внести следующие поправки в уголовно-процессуальное законодательство:

1) часть 1 ст. 162 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Предварительное следствие по уголовному делу должно быть

закончено в разумный срок, не превышающий 3 месяцев со дня возбуждения уголовного дела, а по тяжким и особо тяжким преступлениям 4 месяцев со дня возбуждения уголовного дела»;

2) часть 4 ст. 162 УПК РФ скорректировать следующим образом: «Срок предварительного следствия, установленный частью первой настоящей статьи, может быть продлен до 6 месяцев руководителем соответствующего следственного органа...».

Подводя итог, следует констатировать, что потребность в пересмотре первоначального двухмесячного срока предварительного следствия назрела давно и обусловлена действием данного нормативного требования на протяжении более 100 лет, что является анахронизмом, не соответствующим нынеш-

ним потребностям следователей, осуществляющих уголовное преследование. Предложенная юридическая модель исчисления первоначального срока предварительного следствия соответствует современным реалиям практики, представители которой смогут приложить максимальные усилия для объективного расследования совершенных преступлений.

Вместе с тем для завершения уголовного преследования в разумный срок и недопущения затягивания расследования уголовных дел органами следствия в УПК РФ, на наш взгляд, также следует закрепить предельные сроки производства предварительного следствия, что более подробно будет освещено в следующем исследовании.

Библиографический список

1. Багмет, А.М. «Неразумные» сроки предварительного следствия / А.М. Багмет, А.В. Хмелева, В.И. Саньков // Российская юстиция. – 2018. – N 8. – С. 31-33.
2. Бахта, А.С. О содержании понятия разумного срока предварительного расследования / А.С. Бахта, И.Н. Нуриев // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2017. – N 2. – С. 26-29.
3. Быков, В.М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства / В.М. Быков // Законность. – 2010. – N 11. – С. 23-29.
4. Великий, Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 211 с.
5. Гаврилов, Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI: мнения науки и практика / Б.Я. Гаврилов, В.П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – N 2. – С. 74-81.
6. Гаврилов, Б.Я. Современное досудебное производство по уголовным делам требует реформирования / Б.Я. Гаврилов // Вестник экономической безопасности. – 2022. – N 2. – С. 47-56.
7. Гладышева, О.В. Об упрощении уголовного судопроизводства, следственных и иных процессуальных действий / О.В. Гладышева // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – N 4. – С. 105-109.
8. Гушев, М. Е. К вопросу о значимости предварительного расследования / М.Е. Гушев, В.С. Изосимов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – N 1. – С. 110-113.
9. Ефремова, Н.П. Институт сроков предварительного следствия неэффективен / Н.П. Ефремова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – N 2. – С. 423-426.
10. Ларичев, В.Д. Организованная преступность и киберпреступность: вопросы соотношения и законодательного урегулирования / В.Д. Ларичев, Т.В. Якушева // Журнал российского права. – 2023. – N 3. – С. 82-99.

11. Поляков, В.В. К проблеме криминалистической сложности расследования высокотехнологичных преступлений / В.В. Поляков // Российский следователь. – 2023. – N 11. – С. 7-10.
12. Тарасов, А.А. Процессуальная форма и бюрократический формализм: проблема соотношения в уголовном судопроизводстве / А.А. Тарасов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – N 2. – С. 155-161.
13. Трухачев, В.В. Критерии сложности уголовного дела в уголовном судопроизводстве / В.В. Трухачев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – N 2. – С. 388-392.
14. Храмцова, В.В. Срок предварительного следствия: вчера, сегодня, завтра / В.В. Храмцова // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов X ежегодной всероссийской конференции. – М., 2021. – С. 406-411.
15. Цветков, Ю.А. «Особо важные дела»: уголовно-процессуальный смысл / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. – 2022. – N 3. – С. 18-27.

УДК 343.1

Алексей Борисович СУДНИЦЫН,

начальник кафедры уголовного процесса

Санкт-Петербургского университета

МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

ab_sudnitsyn@mail.ru

**ОТВОД ВОПРОСОВ ОБВИНЯЕМОГО,
АДРЕСОВАННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ ПОТЕРПЕВШЕМУ,
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ ПРОТИВ НЕГО**

**CHALLENGING THE ACCUSED'S QUESTIONS
ADDRESSED TO A MINOR VICTIM TESTIFYING AGAINST THEM**

В статье на основе теоретико-правовых положений, анализа следственной и судебной практики рассмотрена возможность отвода вопросов обвиняемого, адресуемых несовершеннолетнему потерпевшему, свидетельствующему против него, в целях исключения психотравмирующего воздействия на несовершеннолетнего потерпевшего со стороны обвиняемого. Сформулированы выводы и предложены рекомендации правоприменителям.

The possibility of challenging the accused's questions addressed to a minor victim testifying against them to eliminate the psycho-traumatic impact of the accused on the minor victim is considered in the article, based on theoretical and legal provisions as well as on the analysis of investigative and judicial practices. Conclusions are formulated and recommendations for law enforcement officers are offered by the author.

Ключевые слова: обвиняемый, потерпевший, несовершеннолетний, отвод вопросов, право на защиту, злоупотребление правом, баланс интересов, повторная виктимизация.

Keywords: *accused, victim, minor, challenging questions, right to defense, abuse of rights, balance of interests, repeated victimization.*

Право обвиняемого на защиту может быть реализовано в активной форме, в том числе путем постановки вопросов лицам, свидетельствующим против него. Однако вопросы, адресованные потерпевшему, могут быть не только способом реализации права на защиту, но и способом достижения иных целей. Проблемность ситуации усугубляется, если потерпевшим является несовершеннолетний, требующий особо бережного обращения. Отсутствие законодательной регламентации, недостаточность теоретиче-

ских работ по обозначенному аспекту, а также важность соблюдения баланса интересов уголовно преследуемого лица и несовершеннолетнего потерпевшего определяют необходимость проработки темы, вынесенной в заглавие работы.

Для начала отметим основополагающие положения. Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод определяет право каждого обвиняемого в совершении преступления «допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на

то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него» (подпункт «д» пункта 3 статьи 6)¹. После марта 2016 г. аналогичные требования содержит и российское уголовно-процессуальное законодательство (ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ).

Вместе с тем указанные гарантии не предполагают их возведения в абсолют – закон не устанавливает требования о постановке перед свидетелем или потерпевшим любых вопросов обвиняемого и обязательности ответов на них. Не исключая необходимости обеспечения гарантии реализации обвиняемым права оспорить показания лиц, свидетельствующих против него, заметим: вопросы обвиняемого, заданные свидетельствующему против него лицу, могут быть отведены.

Акцентируем внимание, что возможность отвода вопросов в ходе производства по уголовным делам прямо предусмотрена или вытекает из отдельных правовых норм: ч. 2 ст. 189, ч. 2 ст. 190, ч. 1 ст. 275, ч. 2 ст. 283 УПК РФ, положения которых позволяют отклонить вопросы обвиняемого и (или) его защитника, если они являются наводящими, не имеют отношения к уголовному делу или компетенции эксперта.

Анализ складывающейся правоприменительной практики, а также системное толкование процессуального законодательства увеличивают число вариантов отвода (отклонения) вопросов как при досудебном производстве, так и судебном рассмотрении уголовных дел.

Уголовно-процессуальный закон определил положения, регламентирующие порядок

предварительного расследования, согласно которым следователь самостоятелен в производстве следственных и иных процессуальных действий, выборе тактики их проведения и принятии решений (п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 2 ст. 53, ст. 73, ч. 2 ст. 189, ч. 2 ст. 190, ч. 2 ст. 192 УПК РФ). Как было подчеркнуто Конституционным Судом Российской Федерации, самостоятельность следователя в полной мере касается и того, какие вопросы, адресованные допрашиваемому лицу, могут быть отведены как наводящие либо не имеющие отношения к уголовному делу или к предмету, устанавливаемому следственным действием². Подобная логика обоснования возможности отвода вопросов используется в следственно-судебной практике.

Например, при производстве очной ставки следователь снял вопросы защитника к свидетелю. В жалобе на действия следователя адвокат отметил, что отвод его вопросов лишил права оспорить показания свидетеля. Однако доводы адвоката суд не принял во внимание, подчеркнув, что «следователем отводились вопросы адвоката по обстоятельствам, по которым свидетель уже отвечал, а также вопросы, не связанные с обстоятельствами, подлежащими доказыванию»³.

В ходе рассмотрения уголовных дел в суде снимаются вопросы, носящие дублирующий (повторный) характер, направленные на выяснение обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, а также не подлежащие выяснению⁴. При производстве по уголовным делам составом суда с присяжными заседателями отводятся вопросы процессуального характера⁵, не подлежащие обсуждению с присяжными заседателями,

1 Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 04.11.1950 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алиева М.М. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 53 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2005 N 430-О // СПС «КонсультантПлюс».

3 Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Бурятия от 14.03.2019 по делу N 22-384/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DbBaz9vSjR1T/> (дата обращения: 01.09.2024).

4 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.05.2020 по делу N 222-АПУ20-1СП. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/OP6XANoL4rT/> (дата обращения: 01.09.2024).

5 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2019 по делу N 56-АПУ19-6СП. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Lajfmbmponb6/> (дата обращения: 01.09.2024).

выходящие за рамки компетенции присяжных заседателей¹, и т.п. На основе приведенных положений следует вывод о том, что вопросы обвиняемого и (или) его защитника могут быть отклонены по ряду оснований, предусмотренных законом и сложившейся следственно-судебной практикой.

Кроме того, необходимо принимать во внимание складывающуюся практику в части распространенности недобросовестных ходатайств обвиняемого и (или) его защитника. Так, среди ходатайств, поступивших от указанных лиц, 38% являются обращениями без повода, 19% не обладают свойством относимости, 42% являются повторными [3, с. 143-149]. Примечательной и (пусть косвенно, но) подтверждающей приведенную логику рассуждений является судебная статистика удовлетворения жалоб на действия должностных лиц досудебного производства, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ. Так, за последние годы усредненный процент удовлетворения жалоб составляет 4% (первая половина 2023 г. – 4,1%, 2022 г. – 3,8%, 2021 г. – 3,9%, 2020 г. – 4,1%, 2019 г. – 4,4%, 2018 г. – 4,4%)². В связи с этим констатируем: заявление ходатайств может являться одним из способов злоупотребления правом обвиняемым и (или) его защитником. Поэтому при принятии решения по заявленному обвиняемым ходатайству о постановке вопросов перед несовершеннолетним потерпевшим целесообразно рассмотреть его на предмет относимости, повторности, т.е. проверить с точки зрения злоупотребления обвиняемым предоставленными ему правами.

С учетом же того, что дети – участники уголовного судопроизводства (ввиду несформированности личности и неспособности самостоятельно представлять свои интересы) требуют особо бережного обращения,

специальную защиту, включая надлежащую правовую защиту³, контакты между несовершеннолетними и обвиняемыми, несовершеннолетними и должностными лицами необходимо минимизировать, как и ограждать рассматриваемую особую категорию участников от производства по уголовному делу. Недопустимость и последствия повторной виктимизации уже становились предметом исследования [подр.: 5], ввиду чего ограничимся данной констатацией и следующим выводом. Принимая во внимание отмеченные обстоятельства, считаем возможным заключить, что исключение психотравмирующего воздействия на несовершеннолетнего потерпевшего предопределяет необходимость рассмотрения возможности отводов вопросов обвиняемого, адресуемых несовершеннолетней жертве преступления.

Безусловно, к выборке отводимых вопросов требуется походить избирательно. И в этой связи при рассмотрении необходимости отвода вопросов обвиняемого необходимо уделить внимание и содержательной стороне задаваемого вопроса. Не исключено, что настоящим, но скрытым мотивом заявления ходатайства обвиняемым является не объективное выяснение обстоятельств дела, не защита собственных прав и законных интересов, а реализация своих низменных побуждений.

Оговоримся, что отдельным типам преступников (серийные убийцы, сексуальные маньяки, педофилы и пр.) свойственно патологическое влечение к удовлетворению своих желаний, что проявляется в самом факте совершения преступления, а реализуется оно непосредственно в ходе преступления. К примеру, так серийный убийца объяснял содеянное: «Я убивал для удовлетворения своих желаний»⁴.

Однако подобное пристрастие реализуется и после совершения преступных деяний,

1 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.04.2019 по делу N 49-АПУ19-9СП. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ujHDVmls5gr2/> (дата обращения: 01.09.2024).

2 Сводные статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения 01.02.2024).

3 Конвенции о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // СПС «Консультант-Плюс».

4 «Убивая, я удовлетворял свои желания». Каширский маньяк скрывался от правосудия 10 лет, но его нашли по камерам и ДНК // LIFE (ЛАЙФ). URL: <https://life.ru/p/1329409> (дата обращения: 01.09.2024).

в частности путем обсуждения обстоятельств преступления в рамках расследования, судебного разбирательства, отбывания наказания. Несколько примеров. Несовершеннолетние Б. и М. с удовольствием рассказывали, как они с особой жестокостью, издевательствами и мучениями причинили тяжкий вред здоровью несовершеннолетнему заключенному П., повлекший по неосторожности его смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ) [7, с. 32]. Согласно сведениям администрации исправительной колонии особого режима «Полярная сова», «битцевский маньяк», отбывающий пожизненный срок, «только про свои убийства с удовольствием говорит»¹. Д. Нильсен – английский серийный убийца – был даже рад, когда его установили: «Я все расскажу. Вы не представляете, как здорово с кем-то об этом поговорить»².

Подобное патологическое стремление может осуществляться путем воссоздания события в памяти с помощью оставленных у себя предметов, ранее принадлежавших жертвам. Согласно сведениям Ю.А. Антоняна, 25% сексуальных преступников после убийства присваивают себе вещи потерпевших [1, с. 20]. Это же суждение подтверждает подборка жутких «трофеев» – предметов, ранее принадлежавших жертвам преступлений, которые сохранили серийные убийцы: скальпы, глазные яблоки, головы жертв, маски из лиц своих жертв и другие³. По мнению Н.В. Дворянчикова, «маньяки, используют вещи жертв для пролонгации сексуальных переживаний, связанных с опытом, который они испытали в момент правонарушения»⁴.

В ситуациях, когда подобные лица задержаны или заключены под стражу, они теряют возможность совершения аналогичных преступлений, а также лишаются доступа к «трофеям». Однако ограничение свободы не исключает натуру таких лиц. Подобные

особы, находясь в изоляции, могут замещать свои эмоции, получаемые при совершении деяний или обращении к «трофеям», воспоминаниями. Обращение к визуальным образам, вызывающее соответствующие ассоциации с совершенным преступлением, становится источником эмоционального возбуждения. Применительно к производству по уголовному делу этот механизм может проявляться в манипулятивных действиях обвиняемого. Так, в ходатайстве о постановке вопросов перед несовершеннолетним обвиняемый может стремиться не реализовать свое право на защиту, а злоупотребить им, что будет проследиваться в направленности вопросов. Например, вопрос может быть сформулирован так, что ответ на него предполагает повторное «переживание» произошедшего события путем возврата ребенка-жертвы к своим эмоциям и ощущениям, а также дачи соответствующих пояснений. В результате, ознакомившись с ответами на вопрос, в том числе посредством просмотра видеозаписи допроса, обвиняемый получит эмоциональное удовлетворение от повторения переживаний жертвы. Подобное обращение несовершеннолетнего к обстоятельствам преступления, пусть и опосредованно «вернувшее» его к произошедшему событию, приведет к неминуемым негативным последствиям – окажет на него психотравмирующее воздействие.

На основании изложенного считаем допустимым отвод вопросов обвиняемого, адресованных свидетельствующему против него несовершеннолетнему потерпевшему, как противоречащие интересам последнего и оказывающие психотравмирующее воздействие на него.

Обозначенное предложение вступает в некоторое формально-логическое противоречие с положениями ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ.

1 Серийный маньяк А. Пичушкин «только про свои убийства с удовольствием говорит» // МИЦ «Известия». URL: <https://iz.ru/606030/aleksandra-krasnogorodskaja/za-navalnym-ia-poshel-s-udovolstviem> (дата обращения: 01.09.2024).

2 25 самых страшных маньяков и убийц в истории человечества // «ЛитРес». URL: <https://www.litres.ru/journal/25-samykh-strashnykh-maniakov-i-ubiits-v-istorii-chelovechestva/> (дата обращения: 01.09.2024)

3 19 of the Creepiest Souvenirs Serial Killers Have Kept. URL: <https://www.ranker.com/list/serial-killer-souvenirs/mike-rothschild> (дата обращения: 01.09.2024).

4 Психолог объяснил, зачем маньяки коллекционируют вещи жертв // ГАЗЕТА.RU. URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/2023/11/22/21762115.shtml?updated> (дата обращения: 01.09.2024).

Однако данное условное противоречие не является препятствующим возможности отвода вопросов обвиняемого, заданных свидетельствующему против него лицу. Помимо ранее приведенных доводов указанное умозаключение предопределяется следующими.

В силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц. Кроме того, адресуя ребенку подобные вопросы, обвиняемый явно недобросовестно пользуется предоставленным ему правом, а отвод подобных вопросов не может рассматриваться как нарушение права обвиняемого на защиту. Состоятельность предлагаемой мысли подтверждается положениями постановления Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. N 29, где отмечается, что «суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса»¹. С рассматриваемой точки зрения отвод вопросов обвиняемого является не нарушением его права на защиту, а способом защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего.

Следует оговориться, что предлагаемый отвод вопросов не препятствует возможности обвиняемого оспорить показания несовершеннолетнего потерпевшего иными предусмотренными законом способами.

Более того, целесообразность существования положений ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ вообще ставится под сомнение. Так, Л.В. Головкич убедительно обосновал чуждость существования указанной нормы, являющейся, по его мнению, реализацией идеи по внедрению в континентальное уголовное судопроизводство перекрестного допроса [2, с. 85-88], что ослабляет позиции авторов,

разделяющих мнение о перекрестном допросе как наиболее эффективном средстве отыскания истины в условиях судебного разбирательства [4, с. 20]. Разделяя мнение о несостоятельности «догоняющей» (заимствующей) прозападной модели модернизации отечественного судопроизводства и необходимости модернизации уголовного процесса без смены национальной идентичности, на основе своего многовекового опыта, цивилизационного кода и базовых принципов своего существования, отечественных системообразующих категорий и средств реализации уголовно-процессуальной деятельности [подр.: 6], тем не менее отметим, что соответствие процессуальных институтов и даже отдельных норм УПК РФ оптимальному балансу частных и публичных интересов, требуемому уровню эффективности судопроизводства, а также достижениям отечественного уголовного процесса, в том числе с учетом имеющегося отечественного уголовно-процессуального опыта, является предметом самостоятельного исследования. В настоящей работе мы исходили из действующего законодательства и складывающейся практики, а также их интерпретации.

Подытоживая. В контексте приводимой логики рассуждений вопросы обвиняемого, адресованные несовершеннолетнему потерпевшему и направленные на выяснение обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, носящие повторный характер, а также противоречащие интересам несовершеннолетнего и оказывающие психотравмирующее воздействие на него, следует отводить.

Полагаем, что затронутый в данной статье вопрос требует дополнительной проработки, в том числе выработки единой позиции по рассмотрению отказа в удовлетворении ходатайства обвиняемого о постановке вопросов, адресованных несовершеннолетнему потерпевшему, не как нарушение права обвиняемого на защиту, а как способ защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего.

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 N 29 // СПС «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Антонян, Ю.А. Серийные сексуальные убийства и розыск виновных / Ю.А. Антонян // Научный портал МВД России. – 2018. – N 1. – С. 17-22.
2. Головкин, Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография / Л.В. Головкин. – М., 2022. – 464 с.
3. Жилева, О.В. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами в ходе предварительного расследования: понятие, виды и пути его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Жилева. – Томск, 2018. – 240 с.
4. Ковтун, Н.Н. Особо ценный свидетель стороны обвинения – «не кантовать!» / Н.Н. Ковтун, М.В. Лапатников // Мировой судья. – 2020. – N 6. – С. 19-26.
5. Николюк, В.В. Внесудебное депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) как одно из процессуальных средств охраны его психического и физического здоровья (часть первая) / В.В. Николюк, А.Б. Судницын // Общество и право. – 2021. – N 4 (78). – С. 50-58.
6. Судницын, А.Б. Модернизация досудебного производства: от необходимости к отдельным предложениям / А.Б. Судницын // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – N 4 (97). – С. 159-170.
7. Цветков, Ю.А. Следователь в апелляции / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. – 2014. – N 4. – С.27- 32.

УДК 343.9

Елена Викторовна СТЕБЕНЕВА,

докторант научно-исследовательского отдела

Санкт-Петербургского университета

МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

st.el@list.ru

МИНИМИЗАЦИЯ, ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

MINIMIZATION, ELIMINATION OF CONSEQUENCES FROM CORRUPTION OFFENSES AS COMPONENTS OF THE MECHANISM ANTI-CORRUPTION MEASURES (SELECTED ASPECTS)

Статья посвящена проблемам минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений, что является одной из составляющих механизма противодействия коррупции. Исследуя отдельные проблемные вопросы, связанные с реализацией гражданско-правовой, уголовно-правовой конфискации, с признанием коррупционной сделки недействительной и лиц – потерпевшими от коррупционного деяния, основываясь на складывающейся судебной практике, автор аргументирует выводы о необходимости совершенствования данных мер с учетом современных реалий. Отдельное внимание уделено освобождению должностных лиц от уголовной ответственности, наказания за совершение ими коррупционных преступлений в связи с обеспечением безопасности страны, что демонстрирует позитивную трансформацию личности и своеобразное восполнение причиненного авторитету государственной власти вреда. Делается вывод о совершенствовании отдельных правовых норм, регламентирующих возмещение вреда от коррупционных правонарушений и восполнении причиненного ущерба, но при этом отмечается невозможность просчитать отдаленные последствия коррупции и предвосхитить минимизацией возможный ущерб, что подтверждает повышенную общественную опасность рассматриваемого негативного социального явления и необходимость в совокупности реализовывать иные составляющие механизма противодействия коррупции, такие как профилактика в виде выявления коррупциогенных факторов и борьбы с коррупционными правонарушениями через повышения эффективности выявления, пресечения коррупционных деяний и привлечения к ответственности виновных лиц.

The article is devoted to the problems of minimizing and (or) eliminating the consequences of corruption offenses, which is one of the components of the anti-corruption mechanism. Examining certain problematic issues related to the implementation of civil and criminal confiscation, with the recognition of a corrupt transaction as invalid and persons who are victims of a corrupt act, based on emerging judicial practice, the author argues for the need to improve these measures taking into account modern realities. Special attention is paid to the release of officials from criminal liability and punishment for committing corruption crimes in connection with ensuring the security of the country, which demonstrates a positive transformation of personality and a kind of compensation for the damage caused to the authority of state power. The conclusion is made about the improvement of certain legal norms regulating compensation for damage from corruption offenses and compensation for damage caused, but at the same time it is noted that it is impossible to calculate the long-term consequences of corruption and anticipate possible damage by minimizing, which confirms the increased public danger of the considered negative social phenomenon and the need to collectively implement other components of the anti-corruption mechanism, such as prevention in the form of identifying corruption-causing factors and combating corruption offenses by increasing the effectiveness of detecting, suppressing corruption acts and bringing perpetrators to justice.

Ключевые слова: противодействие коррупции, минимизация, ликвидация последствий коррупционных правонарушений.

Keywords: anti-corruption, minimization, elimination of consequences of corruption offenses.

Одно из направлений противодействия коррупции, закрепленное в федеральном законе¹, помимо профилактики и борьбы с данным негативным явлением определено как минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений, что в правоприменительной практике достаточно затруднительно в реализации и вызывает продолжительные научные дискуссии.

Предлагаемое некоторыми учеными [2] разделение минимизации последствий через снижение масштабов коррупции и непосредственной реакции государства и общества на неизбежные последствия от совершенных коррупционных деяний необоснованно упрощает реализацию этого вида противодействия коррупции, размывает границу с иными видами противодействия, в частности профилактикой коррупции, подтверждением чему, например, служит выделение одной из задач, служащей достижению указанной цели, – выявление, устранение или нейтрализация причин и условий, способствующих коррупционным правонарушениям, что в первую очередь служит профилактике коррупции, в том числе на ее ранней стадии (ранняя профилактика).

Несомненно, все виды противодействия коррупции необходимо осуществлять только в совокупности в механизме противодействия коррупции, но это не исключает необходимость конкретизации и выработки отдельных механизмов каждого из составляющих его элементов. На наш взгляд, данный вид противодействия коррупции находится еще в становлении и требует совершенствования в правоприменении, чему в немалой степени способствует неурегулированность толкования содержания последствий и его составляющих, каковыми в нашем понимании

являются ущерб, вред, убыток. Размышления о содержании и отличии данных понятий не являются пустыми. Конституция РФ (ст. 53) гарантирует возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, что возводит данную проблему в ранг государственно значимой, так как затрагивает конституционно значимые постулаты.

Если мы говорим о последствиях коррупции, речь пойдет об уже случившихся фактах коррупционных правонарушений (реализовавших свою вредоносность [11, с. 35]) и вреде, ущербе, причиненном ими (материальном, моральном, физическом); определим их как коррупционные последствия, которые возможно подразделить на следующие виды:

- материальные последствия для физических, юридических лиц;
- последствия в виде вреда здоровью и жизни человека;
- нематериальные последствия в виде морального ущерба физическим лицам и их близким;
- последствия в виде нарушения, ограничения прав и свобод личности;
- последствия в виде репутационных потерь (ущерб деловой, общественной репутации), снижения уровня доверия и авторитета государственной власти, утрата инвестиционной привлекательности экономики страны;
- последствия в виде угроз снижения национальной и мировой безопасности (обороноспособность страны, экологическая безопасность, мировой правопорядок и пр.) и др.

Перечень широк и разнообразен, так как коррупция оказывает негативное влияние во всех сферах жизнедеятельности и посяга-

1 О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ, ч. 2 ст. 1. Здесь и далее нормативные правовые акты использованы в редакциях, находящихся в СПС «КонсультантПлюс».

ет на те объекты общественных отношений, которые реализуются через различные социальные функции, на основе чего возможно разделение коррупции на виды. В зависимости от выполняемой функции последствия в той или иной сфере будут иметь направленность, соизмеримую с ними: в политической сфере, в сфере образования, в сфере медицины и т.п., что позволяет нам согласиться с межотраслевым характером института минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений [7].

Механизм противодействия коррупции по направлению минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений возможно представить через реализацию отдельных направлений. Рассмотрим такой вид, как конфискация, который имеет межотраслевую природу [9].

Гражданско-правовая конфискация имущества. Статья 235 ГК РФ «Основания прекращения права собственности» предусматривает принудительное изъятие имущества у собственника по ряду оснований, одним из которых (пп. 6 п. 2) является конфискация – безвозмездное изъятие у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения либо в административном порядке (ст. 243 ГК РФ). Подпункт 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ к основаниям принудительного изъятия имущества относит обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, что, к слову, демонстрирует новеллу как результат трансформации общественных отношений в реализации антикоррупционных запретов,

обязанностей и ограничений (подпункт введен в 2012 г.¹), с целью изъятия незаконных доходов в пользу государства.

Достаточно много дискуссий вызывает данное положение в силу ратификации Россией Конвенции ООН против коррупции, ст. 20 которой, предусматривающая признание в качестве уголовно наказуемого деяния умышленного незаконного обогащения, то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать², не ратифицирована нашей страной в качестве безусловных обязанностей, но урегулирована изъятием незаконных доходов и имущества, приобретенного на них, в качестве специальной меры не уголовно-правового характера в рамках антикоррупционного законодательства в случаях незаконного обогащения. И конституционность данной меры подтверждена позицией Конституционного Суда РФ, которая обоснована тем, что «правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в эффективных правовых механизмах, способных охранять ее от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества; поэтому федеральный законодатель, создавая такие правовые механизмы, вправе устанавливать повышенные требования к репутации лиц, занимающих публичные должности, с тем чтобы у граждан не рождались сомнения в их нравственных качествах и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти»³, что соотносится с требованиями ратифицированной Россией Конвенции ООН против коррупции, согласуется с принятыми странами СНГ рекомендациями

1 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : Федеральный закон от 03.12.2012 N 213-ФЗ.

2 Конвенция ООН против коррупции : принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-01 сессии Генеральной Ассамблеи ООН).

3 По делу о проверке конституционности под пункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан : постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 N 26-П.

в сфере противодействия коррупции 23 ноября 2012 г.¹, где одним из приоритетных является соблюдение антикоррупционных стандартов, включающих запреты, ограничения и обязанности лиц, проходящих государственную и муниципальную службу.

Итак, одна из проблем в правоприменительной практике по гражданско-правовой конфискации – это установление законности происхождения доходов и определение той части, законность которой не доказана.

Следующий проблемный аспект минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений через применение гражданско-правовой конфискации – это применение ее взамен уголовно-правовой конфискации либо более широкое ее применение [4; 7], но здесь мы сталкиваемся с проблемой замены презумпции невиновности на бремя доказывания самим лицом законности приобретения подлежащего изъятию имущества, денежных средств от его реализации, что может способствовать приобретению данным процессом изначально обвинительной «окраски». Безусловно, не следует подменять друг другом уголовно-правовые и гражданско-правовые отношения. Более того, меры уголовно-процессуального порядка с целью обеспечения возмещения добытого преступным путем дохода достаточно широко применяются на практике. Например, арест имущества, в том числе совместного, в ходе предварительного расследования в соответствии со ст. 115 УПК РФ для обеспечения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества².

Другая сторона рассматриваемого механизма кроется в признании потерпевшим от коррупционного деяния. В частности, судеб-

ная практика складывается таким образом, что лицо, в отношении которого имело место быть вымогательство взятки, может быть признано потерпевшим на основании ст. 42 УПК РФ, что означает возможность в рамках предварительного расследования признания его гражданским истцом, который может претендовать на возмещение вреда как имущественного, так и морального. Так, Т.А.С., будучи подозреваемым по уголовному делу, получив предложение от должностного лица избежать уголовной ответственности в обмен за взятку, сообщил об этом в правоохранительные органы и впоследствии добровольно принял участие в проведении изобличающего оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент». Доводы Конституционного Суда РФ³ основаны на том, что лица, вовлекаемые в процесс дачи взятки, выступают в качестве непосредственного адресата (субъекта незаконного воздействия) предложения или требования передачи взятки и тем самым подвергаются злоупотреблению властью со стороны противоправно действующего должностного лица, а потому могут выступать потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, при условии, что их действие не образует состава коррупционного преступления, хотя объектом преступного посяательства и является государственная власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Определение в качестве потерпевшего в таком случае конкретного физического лица предполагает, соответственно, возможность признания потерпевшим и представителя юридического лица, которому также причиняется вред, в том числе связанный с репутационными потерями.

1 Рекомендации по совершенствованию законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия коррупции : приняты в Санкт-Петербурге 23.11.2012 постановлением N 38-17 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ.

2 Например, Замоскворецкий суд г. Москвы наложил арест на пентхаус, принадлежащий супруге и.о. директора ФГУП «Санкт-Петербургский НИИ вакцин и сывороток и предприятие по производству бактериальных препаратов» М.Е., обвиняемого по ч. 3 ст. 30, ч. 6 ст. 290 УК РФ за покушение на получение взятки за продление договора на поставку вакцины от коронавирусной инфекции // РИА Новости. 18.09.2024; сайт. – URL: <https://ria.ru/20240918/pentkhaus-1973308680.html?ysclid=m2rufutedo197439197> (дата обращения: 27.10.2024).

3 По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 УПК РФ в связи с жалобой гражданина А.С. Ткаченко : постановление Конституционного Суда РФ от 01.10.2024 N 42-П.

С учетом того обстоятельства, что видо-вым объектом составов преступлений, объединенных главой 30 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие достижение интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, преобладающее большинство данных преступлений совершаются субъектом, обладающим специальным статусом, – должностным лицом. Таким образом при совершении, в частности, преступлений, предусмотренных ст. 285, 290, 291.2, 292 УК РФ и др., причиняется вред интересам государства. Однако в правоприменительной практике имеются факты прекращения уголовных дел по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 285, ст. 292 УК РФ [подр.: 14, с. 68; 15, с. 11] на основании ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», ст. 25 УПК РФ «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон», так как лицо совершило впервые преступление небольшой или средней тяжести и примирилось с потерпевшим, загладило причиненный ему вред, что заставляет вспомнить принцип справедливости – вред причиняется не только конкретному потерпевшему в виде отдельного гражданина, юридического лица, но и интересам государства.

По нашему мнению, уголовные дела по коррупционным преступлениям не должны прекращаться в связи с примирением с потерпевшим, так как причиняется вред не только правам и свободам конкретного гражданина, юридического лица, но и авторитету государственной власти, что предполагает внесение соответствующих разъяснений в ст. 25 УПК РФ, 76 УК РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, но не исключает возмещение причиненного ущерба конкретному потерпевшему.

Особое отношение к коррупционным деяниям обозначил в своей позиции Конституционный Суд РФ, разъяснив сроки давности по антикоррупционным искам в суды для изъ-

ятия в доход государства имущества, законность приобретения которого не доказана. В ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» предусмотрено право Генерального прокурора РФ, подчиненных ему прокуроров в течение четырех месяцев со дня получения соответствующих материалов рассматривать их в пределах своей компетенции в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и в случае неподтверждения сведений о законности приобретения имущества в соответствии с правилами гражданского судопроизводства обращаться в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты, принадлежащих лицу, замещающему (занимающему) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», или об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход Российской Федерации невозможно¹.

Поступая в федеральную собственность, данное имущество, таким образом, подлежит использованию на благо всего общества, что направлено на восстановление социальной справедливости, укрепление социальной солидарности в сфере борьбы с коррупцией и хотя бы частичное восполнение нарушения принципов справедливости и равенства.

Отмечается, что уполномоченный на предъявление иска об обращении в доход государства имущества и денежных средств прокурор действует в целях защиты общественных и государственных интересов сообразно

1 По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 ГК РФ в связи с запросом Краснодарского краевого суда : постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П.

возложенным на прокуратуру Российской Федерации функциям, что предопределяет неустановленным срок, ограничивающий возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, так и имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано¹.

Изъятие имущества («коррупционного имущества»), полученного вследствие коррупционной деятельности, вытекает из публично-правовых отношений, и фактически интерес лица, предположительно совершившего деяние коррупционной направленности, противопоставлен интересам не только общества в целом, но и каждого не причастного к коррупционной деятельности гражданина, поэтому обращение в силу антикоррупционного иска в доход государства имущества при недоказанности законности его приобретения и является наглядным примером минимизации последствий коррупции, восстановления социальной справедливости. Поэтому действию данной меры не должно препятствовать даже увольнение должностного лица, что и применяется в настоящее время².

Однако для определенности в правоприменении срок давности необходим, но его установление по антикоррупционным искам в дальнейшем законодателем требуется с учетом характера деяния и возможного имеющегося сокрытия, противодействия ответчика выявлению и обращению в доход государства рассматриваемого имущества. Отсутствие или неопределенность конкретных сроков давности по антикоррупционным искам может само порождать коррупционный риск – бюрократическую волокиту, злоупотребления со стороны должностных лиц, рассматривающих указанные материалы.

Остается проблемой изъятие имущества, денежных средств, принадлежащих третьим лицам. Статьями 8, 8.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» предусмотрена обязанность о предоставлении сведений о доходах, расходах как отдельными лицами, замещающими (претендующими) должности государственной службы и пр., так и его супруги (супруга), несовершеннолетних лиц, что порождает ряд споров по разделению совместного и личного имущества, денежных средств³, а именно – изъятие имущества супруги, принадлежащего ей до занятия супругом должности в государственном органе и до заключения с ним брака, взыскание имущества несовершеннолетних детей и пр. Возникают вопросы о возможном сокрытии, уводе из-под вероятности изъятия имущества в доход государства при отсут-

1 По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 ГК РФ в связи с запросом Краснодарского краевого суда : постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П.

2 Например, 17.04.2024 Приморский районный суд Санкт-Петербурга по иску прокурора обратил в доход государства автомобиль, две квартиры бывшего заместителя начальника УМВД России по Калининскому району Санкт-Петербурга К.К.П., уволенной ранее в связи с утратой доверия, так как она не предоставила достоверные сведения о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера за несколько лет, предшествующих увольнению // Российское агентство правовой и судебной информации: офиц. сайт. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240417/309821134.html?ysclid=m31vq26ide528274288 (дата обращения: 03.11.2024).

3 По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гр. Г.П. Крестова : постановление Пленума Конституционного Суда РФ от 09.01.2019 N 1-П; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Захарченко Д.В. и Семьиной М.А. на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2019 N 26530-О.

ствии доказанности законности его приобретения¹.

В настоящее время также в качестве меры минимизации, ликвидации последствий коррупции применяется взыскание суммы взятки в доход государства при признании дачи-получения взятки недействительной сделкой в силу ст. 169 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности». При этом назначение уголовного наказания не исключает взыскание с осужденного денежных средств, полученных в качестве взятки, что поддержал Конституционный Суд РФ², пояснив, что применение ст. 169 ГК РФ не равнозначно мере уголовно-правового характера; применение данной нормы в первую очередь направлено на предотвращение последствий антисоциальных сделок, каковыми, несомненно, являются коррупционные. И поэтому последствия недействительности сделки, предусмотренные ст. 167 ГК РФ «Общие положения о последствиях недействительности сделки» (возврат каждой из сторон все полученное по сделке), не применяются (ч. 4 ст. 167 ГК РФ).

Однако практика правоприменения в данном вопросе не устоялась, возникают коллизии. Например, согласно определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 декабря 2023 г. судебные решения (районного суда, судебной коллегии по гражданским делам краевого суда, судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции) по факту получения взяток в период с 22 сентября 2015 г. по 20 декабря 2018 г. Б.К.О. от К.И.Г. и А.Р.С. за незаконные действия и бездействия при осуществлении государственного контроля за предоставлением деклараций об объеме розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продук-

ции на территории Алтайского края (ч. 6 ст. 290 УК РФ) и взыскания денежных средств в доход государства по иску прокурора отменены в связи с тем, что суд не применил в отношении Б.К.О. конфискацию имущества, предусмотренную УК РФ³. Данный факт указывает на позицию суда о приоритетности применения уголовно-правовой конфискации при наличии в действиях лица признаков преступления, так как возможность этого предусмотрена в уголовном законе, тем самым разделяя (не подменяя) нормы различных отраслей права, что, на наш взгляд, справедливо, учитывая направленность применения рассматриваемых видов конфискации.

В научных кругах признание факта взятки как недействительной сделки и взыскание в доход государства суммы самой взятки также вызывает дискуссии [1]. Отдельные авторы даже определяют ситуации, когда возможно изъятие предмета взятки и взыскания в доход государства ее размера как «двойное обогащение» государства [12], что, по нашему мнению, не совсем верно, но это обозначает необходимость единообразия в правоприменении.

Все приведенное указывает на пока еще складывающуюся в настоящее время судебная практика по противодействию коррупции и, в частности, по минимизации, ликвидации последствий от коррупционных деяний путем взыскания в доход государства денежных средств, имущества, полученных в результате неправомерных действий, но уже вызывающую научные споры по применению данных норм в отношении услуг, являющихся предметом взятки; по применению конфискации как уголовно-правовой меры по ст. 104.1 УК РФ в меньшем размере, чем была получена взятка; по обращению в доход государства единственного пригодного для проживания жилья [8] и др. Это обуславливает необхо-

1 Так, Верховный Суд РФ признал право дарить друг другу супругам доли совместного имущества, которое становится личным принявшего дарение, поэтому истребовать его после расторжения брака как часть имущества дарившего, по сути, невозможно. См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.07.2024 N 117-КГ24-7-К4 (УИД 92RS0002-01-2023-001202-19).

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Семениченко А.П. на нарушение ее конституционных прав ст. 167, 169 ГК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2023 N 1660-О.

3 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.12.2023 N 51-КГ23-6-К8 (УИД 22RS0068-01-2022-004055-75).

димось развития и совершенствования так называемой гражданско-правовой конфискации с учетом современных общественных отношений и их трансформации, так как зачастую разрешению имеющихся проблем способствуют лишь отдельные обращения в Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ.

Решению данного вопроса во многом способствовало бы совершенствование мер, связанных с конфискацией как уголовно-правовой мерой по минимизации, ликвидации последствий коррупции с целью противодействия ей. Конфискация имущества как вид принудительного безвозмездного изъятия и обращения в собственность государства имущества на основании обвинительного приговора в соответствии со ст. 104.1 УК РФ определяется как уголовно-правовая конфискация, в правоприменении которой также имеется ряд вопросов.

Так, в ст. 104.1 УК РФ «Конфискация имущества» перечислены лишь несколько составов преступлений коррупционной направленности, по которым предусмотрена указанная мера, что, на наш взгляд, необоснованно. Например, не включены преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, ст. 291.2 (в части получения мелкой взятки), 292 УК РФ и др., которые содержат признаки, согласно соответствующим критериям относящие их к коррупционной направленности.

Отдельные авторы [13] выступают за определение конфискации как отдельного вида наказания, так как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, в качестве таковой на сегодняшний день выступает конфискация, не выполняет функции общей превенции, а лишь частной – лишение только денежных средств, имущества добытого преступным путем, но не возмещение полностью причиненного преступлением вреда.

В ряде стран конфискация выступает как дополнительный вид уголовного наказания (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан, Беларусь, США, Япо-

ния, Китай и др.). Во Франции конфискация применяется в качестве основного и дополнительного уголовного наказания. Россия применяет конфискацию, как и ряд стран (Эстония, Литва, Молдова, Испания, Сербия и др. [5]), в качестве меры уголовно-правового принуждения. Но в преобладающем большинстве зарубежных стран законодатель не ограничивает применение конфискации по конкретным преступлениям, перечисляя их в диспозиции нормы, что, по нашему мнению, следует применять и в отечественном законодательстве, не ограничивая применение указанной меры.

Заслуживает одобрения мнение [10] о том, что необходимо применение возможной конфискации имущества и после вынесения обвинительного приговора, с целью предупредить возможное сокрытие имущества и пр., что требует внесения изменений в ч. 1 ст. 401.6 УПК РФ «Поворот к худшему при пересмотре приговора, определения, постановления суда в кассационной инстанции», предусматривающих, что в случае выявления фактов сокрытия денег, ценностей, иного имущества, подлежащих конфискации по коррупционным преступлениям, возможность пересмотра судебного решения не должна ограничиваться лишь годом, как это предусмотрено в настоящее время, учитывая общественную опасность рассматриваемых деяний.

Следующий аспект, который требует рассмотрения, – это применение ст. 78.1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время», ст. 80.2 УК РФ «Освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время», что является примером отражения в уголовном законодательстве претерпевающих трансформации общественных отношений, связанных, в данном случае,

с проведением специальной военной операции. По сути, это новое правовое явление в виде условного освобождения от наказания [3] приобретает особое значение, применяясь в отношении должностных лиц государственных, муниципальных органов за совершение коррупционных преступлений. Происходит своего рода искупление вины перед государством за нанесенный вред его авторитету совершением преступления коррупционной направленности, через осуществление обеспечения безопасности страны, участвуя в специальной военной операции, а порой и ценой собственной жизни¹. Однако категоричность указанных норм (императивность), по нашему мнению, не дает выбора правоприменителю на возможность применения освобождения от наказания, от уголовной ответственности с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления коррупционной направленности, характеристики лица, его совершившего, что противоречит общим началам назначения наказания и недооценивает значение реализации принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности. Кроме того, в главе 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания» немало внимания в иных статьях уделено как одному из критериев применения нормы статьи данной главы – возмещению ущерба, заглаживанию вреда и т.п., о чем в ст. 78.1, 80.2 УК РФ² речи не идет, что нивелирует важность минимизации и (или) ликвидации последствий не только от коррупционных, но и иных преступных деяний.

Таким образом, минимизация и (или) ликвидация последствий коррупции возможна с применением как мер, направленных на материальное возмещение вреда, – гражданско-правовая, уголовно-правовая конфискация, возмещение материального, морального вреда потерпевшим от коррупционных деяний в гражданско-правовом порядке, так и

путем привлечения лиц, совершивших преступления против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления, какowymi в том числе являются деяния коррупционной направленности, к обеспечению национальной безопасности и обороноспособности страны. Однако имеющиеся недостатки правового регулирования требуют определенных изменений, дополнений в отечественное законодательство:

- разработку более четких критериев разграничения имущества, денежных средств, подлежащих изъятию в доход государства, в отношении которых представлены / не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы;

- определение сроков давности (пусть и более длительных в отличие от иных случаев) взыскания в доход государства имущества, денежных средств от его реализации, законность приобретения которого не доказана, с целью исключения коррупциогенных факторов при неопределенности сроков применения правовой нормы;

- принятие мер по предупреждению сокрытия имущества, денежных средств, подлежащих уголовно-правовой конфискации, и по прошествии одного года после вынесения обвинительного приговора (ч. 1 ст. 401.6 УПК РФ);

- недопустимость прекращения уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности в связи с примирением с потерпевшим ввиду особого охраняемого объекта общественных отношений, что предполагает внесение соответствующих изменений и дополнений в содержание ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ;

- расширение перечня преступлений, по которым предусмотрена конфискация в уго-

1 Погиб генерал-майор полиции Трифонов И., бывший начальник УМВД России г. Екатеринбурга, осужденный в 2022 г. за получение взятки. 03.01.2024 //РБК: сайт. URL <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/659531d39a79470a0e0f26f7?ysclid=m3al04jl9c878112291> (дата обращения: 01.11.2024).

2 В том числе и в их официальном толковании, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2024 N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

ловном законодательства Российской Федерации (ст. 104.1 УК РФ), добавлением преступлений коррупционной направленности;

– внесение соответствующих дополнений в ст. 78.1, 80.2 УК РФ с целью обеспечения возмещения причиненного вреда при освобождении от уголовной ответственности.

В заключение отметим, что, к сожалению, не всегда удается просчитать возможный отдаленный (отложенный) вред, причиняемый коррупционными правонарушениями, и предупредить предполагаемый ущерб со-

ответствующими мерами. Поэтому наравне с рассмотренным направлением реализации механизма противодействия коррупции в виде минимизации и (или) ликвидации последствий в совокупности требуется осуществление меры по профилактике и борьбе с коррупцией через устранение, нейтрализацию коррупционных факторов, выявление и пресечение коррупционных правонарушений, привлечение виновных к ответственности.

Библиографический список

1. Александрова, Л.А. Признание взятки сделкой и вопросы межотраслевого регулирования при производстве по уголовному делу / Л.А. Александрова, Е.Ю. Никифоров // Российский следователь. – 2022. – N 3. – С. 24-28.
2. Афанасьева, О.Р. Минимизация последствий коррупционных правонарушений: понятие, содержание, основные направления / О.Р. Афанасьева // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – Т. 6, N 5-1. – С. 20-26.
3. Бавсун, М.В. Проблемы правовой регламентации освобождения от наказания, предусмотренного ст. 822 УК РФ / М.В. Бавсун // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 27-28 июня 2024 года. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 11-12.
4. Багавудинов, Ш. Г. Гражданско-правовая конфискация и неприкосновенность частной собственности / Ш.Г. Багавудинов // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – N 1. – С. 130-133.
5. Горбачев, И.С. Конфискация имущества в уголовно-правовых предписаниях зарубежных стран: особенности регламентации и правоприменения / И.С. Горбачев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – N 2. – С. 280-289.
6. Зайковский, В.Н. Институт минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений в структуре антикоррупционной деятельности в Российской Федерации / В.Н. Зайковский, И.А. Лепехин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – N 1 (57). – С. 111-123.
7. Казакова, В.А. Предупреждение и пресечение коррупции гражданско-правовыми мерами / В.А. Казакова, С.М. Иншаков // Научный портал МВД России. – 2019. – N 4(48). – С. 30-34.
8. Кремнева, Е.В. Анализ судебной практики по делам о взыскании средств, полученных в виде взятки / Е.В. Кремнева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – N 6 (98). – С. 67-71.
9. Кузнецова, О.А. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества / О.А. Кузнецова, В.В. Степанов // Журнал российского права. – 2018. – N 2. – С. 27-37.
10. Макарова, В.В. Конфискация имущества: отдельные вопросы теории и практики / В.В. Макарова // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – Т. 17. – N 3. – С. 393-400.

11. Мальков, С.М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации : монография / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – 128 с.

12. Поляков, М.Д. Взятка как антисоциальная сделка / М.Д. Поляков // Катановские чтения – 2024 : сборник научных трудов студентов, Абакан, 11 марта – 17 мая 2024 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2024. – С. 144-145.

13. Сороковиков, Н. С. Конфискация имущества как уголовно-правовая мера борьбы с преступлениями коррупционной направленности в сфере оборонно-промышленного комплекса / Н.С. Сороковиков // Вестник экономической безопасности. – 2021. – N 6. – С. 181-186.

14. Стебенева, Е.В. Сотрудник ОВД как специальный субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Стебенева. – СПб.: СПбУ МВД России, 2011. – 220 с.

15. Ширшанова, Е.А. Взяточничество в ОВД: криминологический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Е.А. Ширшанова. – СПб.: СПбУ МВД России, 2024. – 22 с.

УДК 342.951

Сергей Владимирович БАБИН,

заместитель начальника кафедры
тактико-специальной подготовки
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

rusega@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ СТАТЬИ 27.12.1 КОАП РФ «МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ»

PROBLEMATIC ISSUES OF APPLYING BY POLICE OFFICERS OF ARTICLE 27.12.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «MEDICAL EXAMINATION FOR THE STATE OF INTOXICATION»

В статье проанализированы проблемы применения сотрудниками полиции ст. 27.12.1 КоАП РФ, регламентирующей медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения. Основная причина существующих проблем, по мнению автора, заключается в наличии у правонарушителей практической возможности уклониться от данной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Предложен авторский взгляд на их решение, предполагающий обоснование противоправности подобного поведения, решение вопросов квалификации и определение направлений дальнейшего развития административного законодательства.

The article analyzes the problems of applying by police officers of Article 27.12.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, which regulates medical examination for the state of intoxication of persons who have committed administrative offenses. The main reason for the existing problems, in the author's opinion, is that offenders have a practical opportunity to evade this measure of ensuring the proceedings in an administrative case. The author's view on their solution is proposed, which assumes the justification of the illegality of such behavior, the solution of qualification issues and the definition of directions for further development of administrative legislation.

Ключевые слова: статья 27.12.1 КоАП РФ, отказ от медицинского освидетельствования на состояние опьянения, административное правонарушение, административная ответственность, правоприменительная деятельность, неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции.

Keywords: article 27.12.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, refusal of medical examination for the state of intoxication, administrative offense, administrative accountability, law enforcement activities, disobedience to the lawful order of a police officer.

Несмотря на достаточно длительное время существования в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях ст. 27.12.1, предусматривающей направление на медицинское освиде-

тельствование лиц (за исключением водителей транспортных средств, указанных в чч. 1 и 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ), совершивших административные правонарушения, в отношении которых имеются достаточные основания по-

лагать, что они находятся в состоянии опьянения¹, наукой и правоприменительной практикой до сих пор не выработаны оптимальные подходы к ее применению. Отметим, с одной стороны, широко распространенное среди сотрудников полиции мнение о низкой эффективности данной нормы, так как закон в большинстве случаев не предусматривает напрямую наступление ответственности для лиц, отказавшихся пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Вследствие этого часто возникают трудности при квалификации и оформлении административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, общественную безопасность или безопасность дорожного движения, где состояние опьянения выступает в качестве обязательного или квалифицирующего признака объективной стороны (ч. 3 ст. 12.29, ч. 3 ст. 20.13, ст. 20.21 и ст. 20.22 КоАП РФ).

С другой стороны, в случаях, когда такая ответственность все же устанавливается, и полиция в своих материалах, и суды в принимаемых ими решениях используют двойственный подход, квалифицируя одни и те же действия нарушителей либо по ст. 17.7 КоАП РФ как невыполнение законных требований должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, либо по ст. 19.3 КоАП РФ как неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции. При этом указанные деяния выражаются, как правило, в отказе выполнить законное требование сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, который формулируется нарушителем на месте выявления административного правонарушения, либо в уклонении от выполнения действий в рамках проводимой врачом процедуры медицинского освидетельствования непосредственно в медицинской организации.

Несомненно, обозначенные проблемы снижают эффективность действия закона, работы правоохранительной системы, отри-

цательно влияют на состояние общественного порядка и, соответственно, на качество жизни российских граждан. В научной литературе отмечается, что используемая нарушителями практическая возможность создания для субъектов, принимающих решения по делам об административных правонарушениях, непреодолимого препятствия в получении данных о своем опьянении оказывает негативное влияние на процесс и результаты принятия таких решений, так как речь идет о комплексной оценке характера совершения административных правонарушений и личности нарушителей (ст. 4.1 КоАП РФ), а также о возможном отягчающем обстоятельстве (ст. 4.3 КоАП РФ) [1; 7; 9]. При этом стоит отметить, что решение законодателя об отнесении отказа от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения, к перечню обстоятельств, отягчающих административную ответственность (п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ), выглядит явной полумерой. Сложившаяся таким образом правовая конструкция ставит субъекта, принимающего решение по делу об административном правонарушении, перед необходимостью учета в системе доказательств разнообразных свидетельств (как правило, это рапорты, объяснения, видеоматериалы) о наличии у правонарушителя состояния опьянения либо акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения, выдаваемого медицинской организацией по итогам проведения соответствующей процедуры. По нашему мнению, весомость последнего в сравнении с прочими доказательствами не вызывает сомнений и приводит к необходимости обязательного проведения медицинского освидетельствования в ходе производства по делам об административных правонарушениях сразу по нескольким составам, чувствительным для сферы общественного порядка, однако отказ правонарушителей от его прохождения

1 Указанная норма введена в КоАП РФ Федеральным законом от 21.07.2014 N 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия».

может приводить к снижению объективности и справедливости назначаемого наказания либо к полному их освобождению от ответственности [10].

Положения ст. 27.12.1 КоАП РФ адресованы всем должностным лицам, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ, не ограничивая при этом перечень составов правонарушений, субъектами которых выступают физические лица, за исключением водителей транспортных средств, медицинское освидетельствование на состояние опьянения которых проводится согласно ст. 27.12 КоАП РФ. Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 г. N 37 установлен порядок направления лиц, совершивших административные правонарушения, на медицинское освидетельствование.

О направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения соответствующим должностным лицом составляется протокол. Его копия вручается лицу, в отношении которого применяется указанная мера. В протоколе должностным лицом указываются его должность, фамилия и инициалы, дата, время, место, основания направления на медицинское освидетельствование, сведения о направляемом лице. Указанный протокол подписывается должностным лицом, его составившим, и лицом, направленным на медицинское освидетельствование.

Закон (как указано в ч. 1 ст. 27.12.1 КоАП РФ) исходит из того, что на медицинское освидетельствование направляются только те правонарушители, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения. Для этого должностным лицам следует руководствоваться критериями, при наличии хотя бы одного из которых имеются достаточные основания полагать, что правонарушитель находится в состоянии опьянения. Указанные критерии установлены приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 18 декабря 2015 г. N 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ал-

когольного, наркотического или иного токсического)». К ним относятся: а) запах алкоголя изо рта, б) неустойчивость позы и шаткость походки, в) нарушение речи, г) резкое изменение окраски кожных покровов лица.

Наличие одного или нескольких критериев следует рассматривать как основание направления лица, совершившего административное правонарушение, на медицинское освидетельствование на состояние опьянения и включать в соответствующий раздел протокола наряду с другими основаниями.

Должностное лицо обязано принять меры к установлению личности лица, направляемого на медицинское освидетельствование. Сведения об отсутствии документов у лица, подлежащего медицинскому освидетельствованию, а также об официальном источнике информации, с помощью которого в этом случае должностным лицом установлена его личность, указываются в протоколе о направлении на медицинское освидетельствование.

В случае отказа лица, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, от подписания протокола о направлении на медицинское освидетельствование в нем делается соответствующая запись.

Для проведения медицинского освидетельствования правонарушителей на состояние опьянения должностные лица направляют их в медицинские организации, имеющие лицензию на осуществление медицинской деятельности по оказанию соответствующих услуг (выполнению работ). Порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения устанавливаются приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 18 декабря 2015 г. N 933н.

В контексте рассматриваемых проблем, имеющих прямое влияние на сферу общественного порядка, следует отметить, что в КоАП РФ установлена ответственность за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в нескольких случаях:

ч. 1 ст. 6.9 «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ»;

ч. 4.2 ст. 20.8 «Нарушение правил производства, приобретения, продажи, передачи, хранения, ношения, коллекционирования, экспонирования, уничтожения или учета оружия и патронов к нему, а также нарушение правил производства, продажи, хранения, уничтожения или учета взрывчатых веществ и взрывных устройств, пиротехнических изделий, порядка выдачи свидетельства о прохождении подготовки и проверки знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием или медицинских заключений об отсутствии противопоказаний к владению оружием»;

ч. 2 ст. 20.20 «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах».

В то же время при оформлении перечня правонарушений, где состояние опьянения выступает в качестве обязательного или квалифицирующего признака объективной стороны (ч. 3 ст. 12.29, ч. 3 ст. 20.13, ст. 20.21, ст. 20.22 КоАП РФ) и в других предусмотренных данным законом целях установленный порядок предполагает только проставление в протоколе о направлении на медицинское освидетельствование отметки об отказе правонарушителя от его подписания и не предлагает сотрудникам полиции прямых инструментов для противодействия отказу от прохождения самой процедуры.

Как мы уже отметили, стремясь уйти от административной ответственности, создать препятствия в деятельности правоохранительных органов, нарушители, заинтересованные в том, чтобы медицинское освидетельствование на состояние опьянения не было проведено, как правило, отказываются выполнять соответствующие требования сотрудников полиции на месте выявления

административного правонарушения или, уже находясь в медицинской организации, уклоняются от выполнения действий в рамках проводимой врачом процедуры освидетельствования. Преодоление обозначенных нами проблем возможно посредством выработки для сотрудников полиции комплекса решений, который позволил бы эффективно противодействовать попыткам правонарушителей уклоняться от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Как представляется, с этой целью необходимо в первую очередь определиться с противоправностью подобных действий, их однозначной квалификацией, а в перспективе – осуществить соответствующую модернизацию законодательства, в том числе направленную на установление обстоятельств, при которых медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения, должно быть обязательным.

Вопрос противоправности отказа лица, совершившего административное правонарушение, от прохождения в соответствии со ст. 27.12.1 КоАП РФ медицинского освидетельствования на состояние опьянения при наличии достаточных оснований полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения, не является тривиальным, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, указанная норма устанавливает обязательность только направления таких лиц на медицинское освидетельствование, то есть адресована соответствующим должностным лицам с целью решения задач обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Во-вторых, как мы уже указывали, КоАП РФ только в небольшом количестве случаев прямо предусматривает наступление ответственности за невыполнение законного требования сотрудника полиции или иного уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Это позволяет сделать предположение о том, что во всех случаях совершения физическими лицами (за исключением водителей транспорт-

ных средств) административных правонарушений, кроме предусмотренных ч. 1 ст. 6.9, ч. 4.2 ст. 20.8 и ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, отказ от выполнения обязательств, связанных с их направлением на указанную процедуру, может не повлечь за собой никаких правовых последствий, за исключением вероятного установления отягчающего обстоятельства совершенного ими правонарушения. Однако даже такая возможность исключена, если подтверждение факта наличия у лица состояния опьянения является обязательным условием возбуждения дела об административном правонарушении (например, предусмотренном ст. 20.21 КоАП РФ «Появление в общественных местах в состоянии опьянения»).

Подобная точка зрения находит отражение в реальной действительности, потому что, по сообщениям сотрудников полиции, им регулярно приходится прекращать деятельность по привлечению к ответственности лиц, совершающих административные правонарушения, по причине их отказов от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Наиболее часто такая проблема возникает при оформлении административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.21 КоАП РФ, и всякий раз подобные случаи связаны с буквальным восприятием сотрудниками полиции содержания закона, где нет прямого ответа на вопрос о противоправности отказов правонарушителей от медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Проведенные исследования показывают, что более 50% лиц, направляемых сотрудниками полиции на медицинское освидетельствование на состояние опьянения по основаниям ст. 27.12.1 КоАП РФ, избегают привлечения к административной ответственности, так как выражают отказ от прохождения указанной процедуры [3].

Встречается мнение об отсутствии признака противоправности в таких действиях и в научной литературе. Например, Д.Ю. Фисенко утверждает, что сотрудник полиции не имеет права требовать от лица, совершившего административное правонарушение, прохож-

дения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, так как, во-первых, эта процедура является медицинским вмешательством и не может быть проведена без получения от гражданина информированного добровольного согласия, а во-вторых, п. 14 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» дает право в таких случаях только направлять и (или) доставлять граждан на медицинское освидетельствование в соответствующие медицинские организации [8].

С подобным мнением нельзя согласиться. Следует признать, что согласно п. 4 Порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), утвержденного приказом Минздрава РФ от 18 декабря 2015 г. N 933н, медицинское освидетельствование включает в себя осмотр врачом-специалистом (фельдшером), исследование выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя и другие лабораторные исследования. Согласно приказу Минздравсоцразвития РФ от 23 апреля 2012 г. N 390н осмотры и лабораторные методы обследования включены в Перечень определенных видов медицинских вмешательств, на которые граждане дают информированное добровольное согласие. В свою очередь, ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает, что необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина и не относит какие-либо процедуры в отношении лиц, совершивших административные правонарушения, к перечню вмешательств, которые могут быть проведены без согласия гражданина.

Вместе с тем КоАП РФ уже многие годы в ст. 6.9, 12.26 и некоторых других признает неправомерными деяния, заключающиеся в невыполнении законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В ст. 11.9 КоАП РФ

установлена ответственность за уклонение судоводителя или иного лица, управляющего судном, от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Кроме того, сотрудники полиции и иные уполномоченные должностные лица, направляя различных правонарушителей на указанную процедуру, реализуют при этом не свое право, а установленную законом обязанность, так как медицинское освидетельствование на состояние опьянения является мерой обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Требования сотрудников полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения обязательны не только в силу вышеуказанного обстоятельства, но и в связи с п. 14 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции», который наделяет их правом «направлять и (или) доставлять на медицинское освидетельствование в соответствующие медицинские организации граждан для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств, если результат освидетельствования необходим для подтверждения либо опровержения факта совершения преступления или административного правонарушения, для расследования по уголовному делу, для объективного рассмотрения дела об административном правонарушении».

Очевидно также, что существующая правоприменительная практика складывается таким образом, при котором для проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения информированное добровольное согласие направляемых лиц не имеет значения. Существует и устойчивая судебная практика по данному вопросу, в частности кассационных судов общей юрисдикции¹ и Верховного Суда РФ. Верховный Суд в решении от 15 марта 2023 г. N АКПИ23-17 отказывает исковому заявителю в признании недействующим пункта 7 Порядка проведе-

ния медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), утвержденного приказом Минздрава РФ от 18 декабря 2015 г. N 933н, и отмечает, что в указанном нормативном акте не содержится требование о получении от освидетельствуемого лица информированного добровольного согласия².

Исходя из изложенного, безусловно, следует признать противоправными действия лиц, совершивших административные правонарушения либо заподозренных в этом и уклоняющихся любым доступным способом от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при наличии в их состоянии соответствующих критериев. Вместе с тем сложно однозначно квалифицировать это деяние. Его объективной стороной является невыполнение законных требований сотрудника полиции или иного должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении (ст. 17.7 КоАП РФ). Эти требования вытекают из императивно установленной законом в ст. 27.12.1 КоАП РФ необходимости применения меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Такое дело следует считать возбужденным с момента составления протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Однако, по нашему мнению, в объективной стороне данного правонарушения присутствует и альтернативный состав, установленный ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, который может выражаться в двух аспектах: неповиновении законному распоряжению или требованию сотрудника полиции (иного уполномоченного должностного лица) в связи с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо воспрепятствовании исполнению данными лицами

1 См., напр.: постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.11.2022 по делу N 16-7361/2022. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=1322207&delo_id=2550001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.02.2024).

2 Об отказе в признании недействующим пункта 7 Порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), утвержденного приказом Министерства здравоохранения РФ от 18 декабря 2015 г. N 933н : решение Верховного Суда РФ от 15.03.2023 N АКПИ23-17 // СПС «КонсультантПлюс».

служебных обязанностей. Первый аспект имеет значение при квалификации отказов от медицинского освидетельствования на состояние опьянения, когда сотрудники полиции пресекают правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность (в первую очередь это ч. 3 ст. 20.13, ст. 20.21 и ст. 20.22 КоАП РФ). Второй аспект следует учитывать, пожалуй, как в этих, так и во всех прочих случаях, потому что, как мы уже отметили, направляя лицо на медицинское освидетельствование, сотрудники полиции действуют в рамках служебных обязанностей, установленных и ст. 27.12.1 КоАП РФ, и п. 14 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции».

Однозначной квалификации можно подвергнуть, по всей видимости, только некоторые действия правонарушителей. Например, ясно формулируемый направляемым на освидетельствование лицом отказ быть доставленным в соответствующую медицинскую организацию в качестве объекта посягательства имеет установленный законодательством порядок государственного управления и может быть квалифицирован по ст. 19.3 КоАП РФ [10]. В то же время отказ пройти процедуру освидетельствования, выраженный как на месте задержания правонарушителя, так и в медицинской организации, в том числе любые действия, направленные на нарушение порядка освидетельствования или фальсификацию его результатов по объекту посягательства (деятельность институтов государственной власти), следует квалифицировать как невыполнение законных требований сотрудника полиции или иного должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении (ст. 17.7 КоАП РФ).

Таким образом, эффективное противодействие попыткам лиц, совершивших административные правонарушения, уклониться от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения может быть обеспечено. При этом, по нашему мнению, правоохранительная система работала бы с лучшим качеством, если бы законодатель решил проблему альтернативной квалифи-

кации данного правонарушения. В научной литературе встречаются разные мнения по данному вопросу, но, пожалуй, большинство авторов отмечают необходимость и полезность формулирования в законе одной общей нормы, устанавливающей ответственность за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Можно выделить три варианта предлагаемой модернизации законодательства: дополнить диспозицию ст. 17.7 КоАП РФ соответствующей формулировкой (А.В. Равнюшкин [7], Ю.А. Прибытко и Е.А. Федяев [6]), внести аналогичное дополнение в ст. 19.3 КоАП РФ путем оснащения ее отдельной нормой (Е.Е. Новичкова [5], Д.Ю. Фисенко [8], С.Г. Костин [4]) или ввести новую статью в главу 20 КоАП РФ (Н.А. Дудина и Р.В. Хутиев [2]).

Как нам представляется, специальная статья в КоАП РФ, предусматривающая дифференцированную административную ответственность за все вредоносные деяния, связанные с уклонением от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, действительно, в значительной мере систематизировала и упростила бы административное законодательство в этой области. Судя по всему, нет принципиальной разницы, к какой группе общественных отношений отнести подобное правонарушение и включать новую норму в главу 17 или главу 19 КоАП РФ, однако в ней должны присутствовать самостоятельные составы, учитывающие необходимость применения разных санкций к лицам, управляющим транспортными средствами, лицам, употребляющим наркотические средства, психотропные и иные сильнодействующие вещества, лицам, осуществляющим ношение огнестрельного оружия в состоянии опьянения, а также прочим правонарушителям.

Говоря о модернизации КоАП РФ, хотелось бы особо остановиться на проблеме принудительного проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. До настоящего времени в административном законодательстве нашего государства не предусматривалась такая возможность, но

это не означает, что его не следует развивать в данном направлении. Вполне вероятно, определенные изменения в структуре общественных отношений все же потребуют решения этого чувствительного вопроса.

Сейчас однозначно можно утверждать, что принудительное медицинское освидетельствование на состояние опьянения значительно усилит правоохранительную функцию государства, обеспечив получение надежных доказательств наиболее опасных видов административных правонарушений. На наш взгляд, такую меру принуждения можно установить в отношении лиц, употребляющих наркотические средства, психотропные и иные сильнодействующие вещества; пеше-

ходов и иных лиц, участвующих в процессе дорожного движения, когда их действия могут повлечь за собой наступление тяжкого или средней тяжести вреда здоровью; лиц, осуществляющих ношение огнестрельного оружия, а также стрельбу из оружия в населенных пунктах или в других не отведенных для этого местах.

Полагаем, что сформулированные нами выводы и предложения будут способствовать развитию административного законодательства, решению задач обеспечения правопорядка в общественных местах, неотвратимости наказания и преодолению проблем применения сотрудниками полиции статьи 27.12.1 КоАП РФ.

Библиографический список

1. Дугенец, А.С. Проблемы направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения / А.С. Дугенец // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – N 1. – С. 89-92.
2. Дудина, Н.А. Проблемы нормативного регулирования привлечения к административной ответственности лиц, отказывающихся от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения / Н.А. Дудина, Р.В. Хутиев // Энигма. – 2021. – N 34-1. – С. 57-59.
3. Кирюхин, В.В. Проблемы применения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при производстве по делам об административных правонарушениях и пути их законодательного регулирования / В.В. Кирюхин, А.М. Сокол // Административное право и процесс. – 2019. – N 4. – С. 50-53.
4. Костин, С.Г. К вопросу о проблемах применения мер административного принуждения в виде направления правонарушителя на медицинское освидетельствование на состояние опьянения / С.Г. Костин // Административное право и процесс. – 2018. – N 8. – С. 65-69.
5. Новичкова, Е.Е. О проблемах направления граждан на медицинское освидетельствование на состояние опьянения / Е.Е. Новичкова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2016. – N 1 (6). – С. 20-24.
6. Прибытко, Ю.А. Проблемы квалификации деяний, административная ответственность за которые предусмотрена статьями 17.7 и 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (на примере направления на медицинское освидетельствование) / Ю.А. Прибытко, Е.А. Федяев // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – N 18-1. – С. 182-184.
7. Равнюшкин, А.В. Проблема привлечения правонарушителей, имеющих признаки опьянения, к ответственности за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения / А.В. Равнюшкин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – N 2 (44). – С. 26-32.

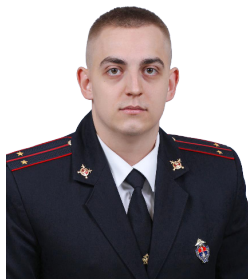
8. Фисенко, Д.Ю. О законности привлечения граждан к административной ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения / Д.Ю. Фисенко // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2020. – N 6-2. – С. 87-91.

9. Цуканов, Н.Н. Статья 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и статья 27.12.1 КоАП РФ: к вопросу о соотношении оснований направления на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения / Н.Н. Цуканов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск, 20-21 апреля 2017 г. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – Ч. 1. – С. 81-84.

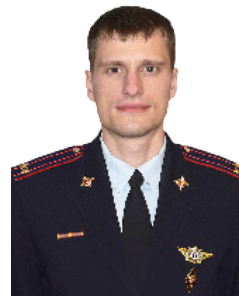
10. Чумарова, Е.Ю. Административная ответственность за правонарушение, предусмотренное ст. 20.21 КоАП РФ: особенности доказывания / Е.Ю. Чумарова // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей всероссийской научно-практической конференции. Томск, 28-30 января 2021 г. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. – Т. 4. – С. 53-54.

УДК 343

Алексей Алексеевич МАШКОВЦЕВ,
инспектор Центра эксплуатации вычислительных
комплексов и информационных систем
(Центральный вычислительный центр МВД России)
ФКУ «ГИАЦ МВД России» (г. Москва)
aamaskovtcev@mail.ru

Евгений Александрович МОЛЯРОВ,
доцент кафедры административного права
и административной деятельности ОВД Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук
Cafedra@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ КАК СОВРЕМЕННЫЙ СПОСОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ELECTRONIC SURVEILLANCE AS A MODERN METHOD OF OPERATIONAL-SEARCH DOCUMENTATION OF CRIMES

В статье рассматриваются особенности электронного наблюдения в оперативно-розыскной деятельности, предлагается его классификация в зависимости от применяемых технических средств: 1) проводимое в глобальной сети Интернет; 2) с использованием постоянно обновляемых баз данных; 3) с использованием городской системы видеонаблюдения; 4) с использованием спутниковой системы навигации; 5) с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; 6) комбинированное. Дается характеристика каждому из представленных способов электронного наблюдения, предлагаются меры по повышению эффективности их применения.

The article considers the features of electronic surveillance in operational-search activities and proposes its classification depending on the technical means used: 1) conducted in the global Internet; 2) using constantly updated databases; 3) using the city video surveillance system; 4) using a satellite navigation system; 5) using special technical means intended for secretly obtaining information; 6) combined. Each of the presented methods of electronic surveillance is described as well as proposed measures for improving the efficiency of their application.

Ключевые слова: электронное наблюдение, система спутниковой навигации, городская система видеонаблюдения, базы данных, специальные технические средства, оперативно-розыскная деятельность.

Keywords: *electronic surveillance, satellite navigation system, city video surveillance system, databases, special technical means, operational search activities.*

Сегодня IT-технологии все активнее используются сотрудниками оперативных подразделений для выявления и раскрытия широкого спектра преступлений, в том числе в сфере незаконного оборота

наркотиков, компьютерной информации, экстремистской и террористической направленности и т.д. Высокий потенциал использования IT-технологий в оперативно-розыском документировании вносит существенные

коррективы в представления о содержании оперативно розыскной деятельности и актуализирует формирование и развитие научной концепции сбора оперативно-розыскной информации¹ с использованием IT-технологий. Исследование закономерностей электронного наблюдения в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), безусловно, вносит определенный вклад в развитие данной концепции.

Так, среди специалистов в сфере ОРД активно обсуждается вопрос о понятии электронного наблюдения, а также вопросы о его ключевых характеристиках и способах проведения. Анализ практики оперативных подразделений ОВД показывает, что в настоящее время электронное наблюдение является активно используемым «средством» оперативно-розыскного документирования преступлений. Так, при анкетировании сотрудников оперативных подразделений ОВД 96% респондентов указали, что проводили электронное наблюдение при выявлении и раскрытии преступлений.

По результатам анализа юридической и научной литературы, а также изучения практики ОРД мы пришли к выводу, что электронное наблюдение может быть рассмотрено как подвид оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «наблюдение», заключающийся в негласном дистанционном (удаленном) слежении с использованием технических средств за деятельностью физических лиц, передвижениями транспортных средств, событиями, происходящими в помещениях, на участках местности, а также за другими объектами, представляющими оперативный интерес, в целях получения и фиксации информации, имеющей значение для решения задач ОРД.

Анализ собранных нами эмпирических данных позволил классифицировать электронное наблюдение в зависимости от применяемых технических средств следующим образом: 1) проводимое в глобальной сети Интернет; 2) проводимое с использованием постоянно обновляемых баз данных; 3) про-

водимое с использованием городской системы видеонаблюдения; 4) проводимое с использованием спутниковых систем навигации; 5) проводимое с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; 6) комбинированное (в случае если используются несколько перечисленных технологий). На основании изложенного мы полагаем, что дальнейшие научные исследования с целью совершенствования правового и методического обеспечения электронного наблюдения целесообразно осуществлять с учетом представленной классификации.

Перейдем к более подробному рассмотрению отдельных видов электронного наблюдения в ОРД.

Электронное наблюдение, проводимое в глобальной сети Интернет. В ходе проведенного нами анкетирования сотрудников оперативных подразделений ОВД 95,4 % респондентов указали на то, что они проводили электронное наблюдение в глобальной сети Интернет. Так, на этапе современного развития сотрудниками оперативных подразделений в глобальной сети Интернет проводится целый ряд ОРМ, среди которых опрос, наведение справок, наблюдение, проверочная закупка, отождествление личности, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации. В отдельных случаях отличить одно мероприятие от другого представляется затруднительным. Так, электронное наблюдение в сети Интернет имеет некоторые сходства и, следовательно, трудно различимо с ОРМ «наведение справок», проводимым в сети Интернет путем поисковых запросов, выполняемых на различных веб-ресурсах (например, «yandex.ru», «google.com», «vk.com» и др.). Основное отличие этих мероприятий состоит в том, что в рамках электронного наблюдения осуществляется относительно растянутое во времени слежение за деятельностью физических лиц в сети Интернет или за событиями (изменениями), происходящими на веб-странице оперативной заинтересован-

1 Оперативно-розыскная информация – это сведения, полученные независимо от формы их представления исключительно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то оперативно-розыскным законодательством.

ности в режиме реального времени. Наведение справок в сети Интернет является, как правило, кратковременным актом, где основной задачей ставится получение сведений, отображаемых в результате выполненного поискового запроса, а не слежение за объектом в режиме реального времени.

Анализ эмпирических данных, а также научной литературы позволил нам выделить наиболее частые конкретные оперативно-тактические задачи, которые ставят перед собой сотрудники оперативных подразделений при проведении электронного наблюдения в сети Интернет:

- выявление и установление лиц, представляющих оперативный интерес, и их идентифицирующих признаков. Благодаря механизму аутентификации пользователей на различных онлайн-ресурсах (например, «ВКонтакте», «Одноклассники», «Яндекс.Дзен», YouTube, кроссплатформенных системах мгновенного обмена сообщениями), привычной для всех процедуре внесения регистрационных данных относительно своей личности (ФИО, номер телефона, дата рождения, семейный статус и другие), а также автоматическому сохранению сведений о веб-активности пользователей Интернета, остаются цифровые следы, которые позволяют идентифицировать в процессе наблюдения пользователей Сети, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления. Важным идентифицирующим признаком пользователя Сети является и информация об устройстве, посредством которого тот осуществляет выход в Интернет, которая также сохраняется на веб-ресурсах (IP, MAC-адрес, сведения о программном обеспечении устройства и другие данные). Добавим, что устройства, посредством которых осуществляется выход в Интернет, могут признаваться орудиями (средствами) преступления;

- отслеживание в режиме реального времени и фиксация действий лиц оперативной заинтересованности, выполняемых в сети Интернет. Очевидно, что важным условием для дальнейшей инкриминации противоправного деяния является отслеживание, анализ

и документальная фиксация размещаемой и (или) получаемой объектом наблюдения информации, содержащей признаки подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления и (или) указывающей на иные обстоятельства, имеющие значения для решения задач ОРД.

Заметим, что веб-ресурсы могут концентрировать в себе не только информацию, идентифицирующую личность, но и ее личную активность в виде различного рода действий, к числу которых следует отнести публикации текстовых, фото-, видеозаписей («постов»), «лайки», «репосты», комментирование собственных и чужих записей и многое другое. Именно этот массив данных предстоит отслеживать, анализировать и документировать оперативному сотруднику при проведении электронного наблюдения. По результатам подобного мероприятия сотрудниками оперативного подразделения могут быть установлены признаки подготавливаемого, совершенного или совершаемого преступления, а в некоторых случаях установление местонахождения разыскиваемого лица.

Примером использования электронного наблюдения в глобальной сети Интернет является уголовное дело, рассмотренное в 2015 г. Железнодорожным районным судом г. Екатеринбурга. Из приговора по этому уголовному делу следует, что гр-н П.А.А. совершил преступление, предусмотренное ст. 138.1 УК РФ, а именно незаконное приобретение и последующий сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: видеорегистратора, выполненного в виде портативного датчика пожарной сигнализации, и GSM-радиомикрофона. В процессе сбыта специальных технических средств преступник использовал персональный компьютер с доступом в сеть Интернет и интернет-сервис по продаже специальных технических средств. Сотрудниками оперативного подразделения было проведено ОРМ «наблюдение» в глобальной сети Интернет, по результатам которого был выявлен факт незаконного сбыта П.А.А. специальных технических средств. В

дальнейшем П.А.А. был привлечен к уголовной ответственности¹.

Анализируя складывающуюся практику проведения электронного наблюдения в сети Интернет сотрудниками оперативных подразделений ОВД, мы приходим к выводу, что сегодня назрела необходимость в разработке ведомственных программно-технических средств слежения за деятельностью представляющих оперативный интерес пользователей в сети Интернет и их идентификации, а также за изменениями, происходящими на веб-ресурсах оперативной заинтересованности. Предлагаемые средства ОРД могут автоматизировать процесс электронного наблюдения, значительно сократить время, затрачиваемое сотрудниками оперативного подразделения на ОРМ, и в целом повысить эффективность рассматриваемого мероприятия. В настоящий момент, согласно проведенному нами интервьюированию, электронное наблюдение в сети Интернет проводится практически в «ручном» режиме.

Электронное наблюдение, проводимое с использованием постоянно обновляемых баз данных. Несмотря на то, что в ходе проведенного нами анкетирования сотрудников оперативных подразделений ОВД лишь 6,67% респондентов указали на то, что они проводили электронное наблюдение с использованием баз данных, мы считаем этот вид электронного наблюдения весьма перспективным.

Наравне с другими рассматриваемыми нами цифровыми технологиями и средствами, используемыми при проведении электронного наблюдения, особой уникальностью отличительна сфера использования баз данных. Под базой данных мы понимаем выработанную систему сбора, анализа (обработки) и хранения совокупности данных (информации). В современном информационном обществе базы данных играют значительную роль. Яркими примерами баз данных, используемых в ОРД, являются базы данных операторов сотовой связи, в которых содержится сведения о телефонных соедине-

ниях, базы данных банков, содержащих сведения о движении денежных средств по счетам граждан. Обратим внимание на отличие электронного наблюдения с использованием баз данных как подвида ОРМ «наблюдение» от ОРМ «наведение справок», проводимого путем поиска в базах данных. Указанное отличие заключается в том, что электронное наблюдение предполагает именно длительный постоянный процесс слежения за поступающей в базы данных информацией о наблюдаемом объекте в режиме реального времени. В ОРМ «наведение справок» указанный признак отсутствует.

На современном этапе доступ к различным базам данных, в том числе находящимся во владении негосударственных организаций, может осуществляться сотрудниками оперативных подразделений в дистанционном (удаленном) режиме. Так, относительно недавно в соответствии с постановлением Правительства РФ от 4 июля 2023 г. N 1101 «Об утверждении Правил предоставления службой заказа легкового такси доступа федеральному органу исполнительной власти в области обеспечения безопасности или его территориальному органу к информационным системам и базам данных, используемым для получения, хранения, обработки и передачи заказов легкового такси» Федеральной службе безопасности (далее – ФСБ) предоставлен круглосуточный доступ к информационным системам и базам данных компаний, предоставляющих услуги такси, которые используются для хранения и обработки заказов. Также обратим внимание, что в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» органы ФСБ уполномочены получать удаленный доступ к базам данных государственных органов и государственных внебюджетных фондов.

Представляется, что указанное нововведение позволяет осуществлять слежение за лицами оперативной заинтересованности и получать сведения о их перемещениях на городском такси и другую сопутствующую

¹ Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 23.11.2015 по делу N 1-611/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2024).

информацию в режиме реального времени. Полагаем, что перспективным направлением развития ОРД ОВД, направленной на повышение эффективности борьбы с преступностью, является предоставление доступа оперативным подразделениям ОВД к представленным базам данных (информационным системам).

Более того, мы считаем правильным в дальнейшем расширять перечень баз данных различных организаций, к которым бы оперативные подразделения ОВД имели дистанционный (удаленный) доступ. Безусловно, это положительно повлияет на раскрытие преступлений. Одним из основных аргументов нашей позиции является тот факт, что официальные запросы, направляемые сотрудниками оперативных подразделений в различные организации о предоставлении сведений, зачастую не исполняются либо исполняются в крайне длительные сроки.

Что касается дискуссионного вопроса о возможном чрезмерном ограничении конституционного права граждан на тайну личной жизни, отметим, что целью вышеуказанного расширения полномочий должно являться прежде всего обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств, повышение эффективности раскрытия преступлений, розыска скрывшихся опасных преступников и в конечном итоге привлечение к ответственности виновных, восстановление справедливости и обеспечение прав пострадавших от преступлений. Несомненно, параллельно необходимо совершенствовать систему профилактики и расследования должностных преступлений, связанных с неправомерным использованием баз данных, содержащих сведения о гражданах, а также принимать меры, направленные на повышение доверия граждан правоохранительной системе.

Для обеспечения правовой возможности дистанционного (удаленного) доступа к базам данных, находящимся в ведении в том числе негосударственных организаций, полагаем, что необходимо внести изменение в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной дея-

тельности», дополнив п. 4 ч. 1 ст. 15 абзацем следующей редакции: «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, указанные в пунктах 1,2 части первой статьи 13, вправе получать на безвозмездной основе доступ, в том числе удаленный, к необходимым для решения задач оперативно-розыскной деятельности, информационным системам и (или) базам данных предприятий учреждений, организаций, за исключением случаев, когда федеральными законами установлен запрет на доступ к таким системам и (или) базам данных».

Вместе с предлагаемыми нами изменениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» может быть создан и утвержден государственный реестр информационных систем, к которым органы, осуществляющие ОРД, вправе получать доступ, в том числе удаленный. Установление порядка создания и ведения указанного реестра предлагается нами возложить на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий. Кроме того, для реализации данной идеи целесообразно дополнить Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 152 «О персональных данных» статьей, регламентирующей ключевые положения о ведении реестра информационных систем, содержащих персональные данные, к которым органы, осуществляющие ОРД, вправе получать доступ, в том числе удаленный. В частности в данной статье целесообразно определить следующие положения: 1) субъект ведения реестра, в качестве которого мы предлагаем федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий; 2) порядок включения конкретных информационных систем в реестр по предложению органов, осуществляющих ОРД; 3) в случае необходимости некоторые запреты на доступ к системам и (или) базам

данных определенной категории и (или) ограничения доступа к ним.

Полагаем, что целесообразно продолжать научную дискуссию о расширении перечня организаций, в том числе негосударственных, к базам данных которых могут дистанционно подключаться правоохранительные органы для решения задач по выявлению и раскрытию преступлений, а также розыска скрывшихся преступников. Например, по аналогии с вышеупомянутым постановлением Правительства РФ от 4 июля 2023 г. N 1101 в целях обеспечения сотрудников, осуществляющих ОРД, дополнительными возможностями по установлению мест временного пребывания лиц оперативной заинтересованности мы предлагаем рассмотреть вопрос о разработке и утверждении постановления Правительства РФ, закрепляющего обязанность предоставления службами (сервисами) бронирования гостиничных услуг доступа ФСБ и ОВД к информационным системам и базам данных, используемым для получения, хранения, обработки и передачи сведений о бронировании гостиничных услуг.

Электронное наблюдение, проводимое с использованием городской системы видеонаблюдения. В ходе проведенного нами анкетирования сотрудников оперативных подразделений ОВД 26,6% респондентов указали на то, что они проводили электронное наблюдение с использованием городской системы видеонаблюдения.

В настоящее время одним из перспективных направлений в решении задач, стоящих перед правоохранительными органами по борьбе с преступностью, является использование достижений науки и техники в сфере информационных систем видеозаписи и контроля. Целесообразность использования видеонаблюдения в рамках правоохранительной деятельности по пресечению, раскрытию преступлений оправдана не только возможностью динамической фиксации действий лиц, совершивших преступления (ретроспективный аспект), но и фиксацией действий лиц на стадии их замысла (перспективный аспект).

Указанное позволяет сделать вывод о том, что использование такого рода систем позволяет производить гласную и (или) негласную фиксацию действий лиц, представляющих оперативный интерес, получать необходимую информацию об указанных лицах, их связях и коммуникации. Это открывает большие возможности для оперативных подразделений, осуществляющих ОРД, и полностью оправдывает использование городских систем видеонаблюдения при проведении электронного наблюдения.

К настоящему времени современные городские системы видеонаблюдения представляют собой централизованный инструмент обеспечения безопасности граждан, а также инструмент контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства. Большую роль в ОРД играет городская система видеонаблюдения АПК «Безопасный город». Так, начальник ГУ МВД России по Красноярскому краю генерал-лейтенант полиции А.Г. Речицкий сообщил, что в Красноярском крае за 2023 год с помощью системы «Безопасный город» были задержаны 88 подозреваемых в совершении преступления и 29 автомобилей, находящихся в розыске¹.

Системы видеонаблюдения активно используются сотрудниками оперативных подразделений при выявлении и раскрытии таких преступлений, как незаконный сбыт наркотиков, хищение автомобилей.

Наряду с этим необходимо отметить перспективы развития технологии видеонаблюдения и видеоидентификации в ОРД. Стоит сказать, что рассмотренные выше технологии могут быть реализованы посредством двух алгоритмов: во-первых, использование 2d алгоритма, позволяющего получать «плоские» видео-, фотоизображения, в конечном итоге отображающие текстуру лицевой части векторами; во-вторых, использование 3d алгоритмов, главной особенностью которых является фиксация и построение объемных моделей.

Как отмечает С.В. Щербич, вероятность удачного отождествления лица при использо-

¹ В Красноярске поймали 88 подозреваемых благодаря системе «Безопасный город» // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/59431536/> (дата обращения: 05.07.2024).

вании технологии 2d-распознавания в каждом втором случае снижается, если объект поворачивает лицо в сторону, противоположную объективу камеры. В 3d-распознавании такого недостатка нет, и в целом алгоритмы 3d-распознавания существенно эффективнее алгоритмов 2d-распознавания [8].

Представляется, что в настоящих реалиях весьма актуальным является использование именно технологии 3d-распознавания, однако сегодня сотрудниками оперативных подразделений данная технология фактически не применяется. Как мы полагаем, для реализации этого перспективного направления необходимо, во-первых, материально-техническое оснащение общественных мест, требующих усиленное обеспечение общественной безопасности и ОВД оборудованием, поддерживающим технологии 3d-распознавания, во-вторых, должны быть приняты обеспечительные меры научного характера, включающих разработку методических рекомендаций по добыванию оперативным путем информации о 3d-моделях лиц оперативной заинтересованности, по постановке такой информации на оперативно-розыскные учеты и об эффективных способах использования таких учетов.

Электронное наблюдение, проводимое с использованием спутниковой системы навигации. В ходе проведенного нами анкетирования сотрудников оперативных подразделений ОВД 8,4% респондентов указали на то, что они проводили электронное наблюдение с использованием спутниковой системы навигации.

В оперативно-розыскной деятельности спутниковые системы навигации как инновационные технические системы приобретают особое значение. Связано это со спецификой деятельности ОВД по борьбе с преступностью, заключающейся в необходимости получения геопро пространственной информации о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, а также скрывающихся от органов дознания, следствия и суда [2, с. 37].

Спутниковая система навигации представляет собой комплекс систем, включающий со-

вокупность как наземного, так и космического оборудования, предназначенного для высокоточного (детального) определения положения, скорости, времени и направления движения определенного объекта, за которым осуществляется непосредственное наблюдение [6]. В Российской Федерации к такой системе относится система ГЛОНАСС, которая выступает основой для Единой системы координатно-временного обеспечения государства.

МВД России является одним из специальных заказчиков навигационных услуг, предоставляемых системой ГЛОНАСС, прежде всего для применения навигационной аппаратуры потребителей в служебной деятельности. Система ГЛОНАСС позволяет обеспечивать оперативное навигационное наблюдение за неограниченным кругом лиц, при этом имеет ряд положительных сторон в сравнении с однородной системой глобального позиционирования GPS. Так, в отличие от системы GPS отечественный ГЛОНАСС имеет лучшую стабильность, поскольку спутники не имеют резонанса с вращением планеты Земля, при этом не требуют внесения каких-либо дополнительных корректировок [3].

Анализ научных изысканий и оперативно-розыскной практики свидетельствует, что применение навигационных систем в ходе проведения электронного наблюдения при оперативно-розыском документировании преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, позволит решить следующие важные оперативно-тактические задачи:

- устанавливать точное местоположение объекта наблюдения, а также его направление движения и скорость;
- визуально отображать маршрут следования, его продолжительность, а также отмечать важные трекары событий;
- осуществлять автоматизированное документирование передвижений объекта оперативной заинтересованности с формированием отдельных учетов по каждому заданному критерию;
- прогнозировать возможное нахождение объекта оперативной заинтересованности в недалеком будущем, его места посещения, маршруты передвижения [7].

Примером использования спутниковых систем навигации при проведении наблюдения в ОРД является уголовное дело, рассмотренное в 2020 г. Черемушкинским районным судом г. Москвы. Из приговора по этому уголовному делу следует, что гр-не А.А., Ж.Н.М. и И.Б. совершили преступление, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, а именно группой лиц по предварительному сговору совершили тайное хищение автомобиля марки «Тойота Ленд Крузер 200», оборудованного системой спутниковой сигнализации. В процессе совершения преступления преступниками были использованы аппаратно-программные средства, частично нейтрализующие противоугонную систему и запускающие двигатель автомобиля. В процессе раскрытия преступления сотрудниками 2 отделения 5 ОРЧ «И» ОУР УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве было проведено ОРМ «наблюдение» с использованием спутниковой системы навигации, в рамках которого отслеживалось местоположение похищенного автомобиля. По результатам наблюдения был задержан находящийся за рулем данного автомобиля Ж.Н.М. Позже были задержаны соучастники преступления А.А. и И.Б.¹

Обратим внимание на выявленный в ходе исследования зарубежный опыт использования спутникового мониторинга. Так, арсенал полицейских служб США содержит компактные пусковые устройства, способные выстреливать специальные «липкие пули» со встроенным в них GPS-приемником, которые прилипают к транспортному средству и позволяют вести дистанционное наблюдение. Таким образом, в США правоохранительными органами практикуется негласное оснащение транспортных средств, находящихся в пользовании лиц оперативной заинтересованности, мобильными навигационными системами, которые позволяют отображать и контролировать в непрерывном формате текущее местоположение объекта на местности [2, с. 22].

Следует отметить, что полиция США в своей деятельности активно использует «ав-

томобили-ловушки», которые снабжены системами GPS, в целях поимки угонщиков. Использование указанных систем позволяет заменить привычную ранее форму наблюдения, засад в возможных местах совершения преступления. Как правило, указанная система работает следующим образом: при попытке проникновения в транспортное средство датчик отправляет сигнал тревоги и отображает местоположение объекта. Специальный полицейский экипаж отправляется на указанное место, по приезде к которому активируется система блокировки дверей, исключающая для преступника возможность скрыться с места преступления [2, с. 22].

Приведенные примеры показывают, что электронное наблюдение в США является неотъемлемым элементом сбора сведений о преступлениях [4]. Полагаем, что приведенный опыт правоохранительных служб США является положительным, который следует внедрять в деятельность оперативных подразделений ОВД РФ.

Электронное наблюдение, проводимое с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. В ходе проведенного нами анкетирования сотрудников оперативных подразделений ОВД 71,1% респондентов указали на то, что они проводили электронное наблюдение с использованием указанных специальных технических средств.

Специальные технические средства можно определить как технические устройства, запрещенные в свободной реализации в гражданском обороте Российской Федерации, предназначенные для негласного (скрытного) получения информации оперативными подразделениями [1]. В рамках электронного наблюдения могут применяться, например, аудио- и видеозаписывающие специальные технические средства. Анализ оперативно-розыскной практики показывает, что специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации, активно используются для обеспечения скрытого документирования дей-

1 Приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы от 16.03.2020 по делу N 1-33/20 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2024).

ствий наблюдаемого лица или событий на объекте оперативной заинтересованности в условиях отсутствия по адресу наблюдения сотрудников оперативных подразделений.

Примером использования специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, при проведении наблюдения является уголовное дело о незаконном сбыте наркотиков, рассмотренное в 2016 г. Октябрьским районным судом г. Улан-Уде Республики Бурятия. Из приговора по этому уголовному делу следует, что в подсобном помещении, в котором преступник совершал незаконные действия с наркотиком, проводилось электронное на-

блюдение с использованием специальных технических средств (видеозаписывающей аппаратуры), что способствовало документальной фиксации преступления¹.

Подводя итог, отметим, что электронное наблюдение является перспективным современным опосредованным способом оперативно-розыскного документирования преступлений, который постепенно замещает собой классические методы добывания информации об объектах оперативной заинтересованности, в том числе о деятельности физических лиц, передвижении транспортных средств, событиях, происходящих в помещениях, на участках местности и т.д.

1 Приговор Октябрьского районного суда г. Улан-Уде Республики Бурятия от 08.07.2016 по делу N 1-31/16 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2024).

Библиографический список

1. Гирийчук, В.В. К вопросу о понятии специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, применяемых в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В.В. Гирийчук // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. N 3(27). – С. 194-197.
2. Дьяченко, Д.В. Технологии спутникового мониторинга подвижных объектов в служебной деятельности подразделений органов внутренних дел : методические рекомендации / Д.В. Дьяченко. – Калуга: Калужский филиал ФКУ НПО «СТиС» МВД России, 2022. – 71 с.
3. Князев, П.П. Развитие системы позиционирования подвижных объектов (ГЛОНАСС) в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / П.П. Князев // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 2. – N 3(15). – С. 186-194.
4. Кондратьев, М.В. Оперативно-розыскное противодействие незаконному обороту наркотиков в США / М.В. Кондратьев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – N 4(41). – С. 94-101.
5. Лемайкина, С.В. Актуальные вопросы использования «больших данных» в деятельности правоохранительных органов / С.В. Лемайкина // Юрист-Правовед. – 2020. – N 2 (93). – С. 58-62.
6. Поспеев, К.Ю. Современные навигационные средства, используемые в правоохранительных органах: проблемы и перспективы развития / К.Ю. Поспеев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – N 4(7). – С. 69-71.
7. Тарчоков, Б.А. Практика использования навигационно-мониторинговых систем подразделениями органов внутренних дел / Б.А. Тарчоков, Л.А. Бураева // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – N 4. – С. 132-134.
8. Щербич, С.В. Биометрические технологии в системах видеофиксации преступлений и правонарушений / С.В. Щербич // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – N 2(5). – С. 87-90.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.98

Олег Александрович СУРОВ,
начальник кафедры криминалистики
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
+79835086432@yandex.ru

ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО НАРКОТРАФИКА

CONCEPT, CONTENT AND STRUCTURE OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF INTERNATIONAL ILLICIT DRUG TRAFFICKING

В статье автор рассматривает понятие, структуру и особенности криминалистической характеристики международного наркотрафика, а также раскрывает содержание отдельных ее элементов. На основе предложенной структуры криминалистической характеристики международного наркотрафика раскрыто значение криминалистической характеристики при противодействии международному наркотрафику.

The article considers the concept, structure and features of the forensic characteristics of international drug trafficking, as well as reveals the content of its individual elements. The significance of the forensic characteristics in countering international drug trafficking is revealed on the basis of the proposed structure of the forensic characteristics of international drug trafficking.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, международный наркотрафик, наркотики, кокаин, противодействие международному наркотрафику.

Keywords: criminalistic characteristic of a crime, international drug trafficking, drugs, cocaine, counteraction to international drug trafficking.

Согласно глобальному докладу о кокаине 2023, опубликованному Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН), мировое производство кокаина резко возросло за последние два года после первоначального замедления, вызванного пандемией COVID-19.

Так, с 2020 по 2021 год выращивание коки выросло на 35%, что является рекордным показателем и самым резким ежегодным увеличением с 2016 года. Рост является результатом как расширения культивирования кокаинового куста, так и совершенствования процесса переработки кокаинового куста в гидрохлорид кокаина.

Резкий рост предложения сопровождался аналогичным ростом спроса, при этом во многих регионах за последнее десятилетие наблюдается устойчивый рост числа потребителей кокаина. В то время как рынок кокаина остается довольно концентрированным в Северной и Южной Америке и некоторых частях Европы, в докладе предупреждается, что существует большой потенциал для значительного расширения в Африке и Азии¹.

Тем не менее количество перехватов партий кокаина правоохранными органами по всему миру также резко возросло, и в 2021 году объем изъятий достиг рекордного уровня – почти 2000 тонн.

Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В.А. Колокольников в рамках заседания коллегии МВД России, посвященного противодействию незаконному обороту наркотиков, отметил, что мировая наркоторговля адаптировалась практически ко всем условиям, будь то пандемия или внешнеполитические процессы. Объемы изъятий зарубежных наркотиков, например, кокаина, в 2023 году бьют все рекорды – полторы тонны².

Изменения международного трафика кокаина требует осмысления, в том числе и их влияния на наркорынок в Российской Федерации, что обуславливает необходимость разработки криминалистического обеспечения по его противодействию.

Основой для разработки криминалистических рекомендаций по борьбе с международным наркотрафиком, на наш взгляд, выступает криминалистическая характеристика всех стадий данного преступления: от незаконного приобретения прекурсоров наркотических средств и культивирования запрещенных к возделыванию растений, непосредственного производства наркотических средств, их транспортировки от места изготовления до страны розничного сбыта, организации сбыта и до легализации (отмыва-

ние) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате незаконного оборота наркотических средств.

Следует отметить, что ранее российскими криминалистами не предпринимались попытки разработки криминалистической характеристики всех стадий международного наркотрафика, включая разработку характеристики «наркопреступлений», совершаемых на территории иностранных государств. Только комплексный характер исследования позволит разработать эффективные меры противодействия незаконному международному наркотрафику.

Большинство ученых под криминалистической характеристикой преступлений понимает научно разработанную на основе судебно-следственной практики систему, включающую в себя совокупность взаимосвязанных сведений о криминалистически значимых признаках данного вида преступлений, отражающую закономерные связи между ними и предназначенную обеспечить успешное решение задач их раскрытия, расследования и предупреждения [1].

Криминалистическая характеристика преступлений конкретного вида либо группы выступает в качестве информационно-поисковой основы его расследования. Чтобы соответствовать своему адресно-функциональному назначению, она должна разрабатываться исключительно на базе системного анализа и обобщения эмпирических данных – практики расследования преступлений, и содержать реально криминалистически значимую информацию о их признаках и свойствах, имеющихся корреляциях, а не подменяться схоластическими дискуссиями о ее назначении (оно общеизвестно), структуре и наименовании ее элементов [7].

Анализ научных источников свидетельствует о существовании позиции, согласно которой необходимо в зависимости от уровня сведений, содержащихся в криминали-

1 UNODC Global Report on Cocaine 2023 : официальный сайт. URL: <https://www.unodc.org/unodc/front-page/2023/March/cocaine-trafficking-diversifying-through-new-hubs-and-groups-with-global-supply-at-record-levels-says-new-report-from-the-united-nations-office-on-drugs-and-crime.html> (дата обращения: 08.02.2024).

2 Владимир Колокольников провел заседание коллегии МВД России, посвященное противодействию незаконному обороту наркотиков. URL: <https://мвд.рф/news/item/44419992?year=2023&month=11&day=28> (дата обращения: 08.02.2024).

стической характеристике, различать три ее уровня: общую криминалистическую характеристику преступлений (характеристику всех видов преступлений), видовую криминалистическую характеристику преступлений, индивидуальную криминалистическую характеристику конкретного преступления [4].

Представляется правильной позиция И.М. Лузгина, утверждающего, что «полнота и конкретное содержание криминалистической характеристики зависят от избранных оснований классификации преступлений, целесообразного множества (род, вид). Например, может быть дана криминалистическая характеристика на основе классификации, принятой в Особенной части Уголовного кодекса; по субъекту преступления (несовершеннолетние, половые психопаты, женщины, рецидивисты и т.п.); по месту совершения (преступления, совершаемые на железнодорожном транспорте, в ИТУ), по способам совершения и по другим основаниям» [5, с. 28].

Как ранее было отмечено, незаконный наркотрафик имеет несколько стадий, совершение которых может осуществляться на территории нескольких государств. Так, выращивание листьев коки осуществляется на территории государств с благоприятным для этих растений климатом Андских стран (Перу, Колумбия, Боливия), транзит в Российскую Федерацию через отдельные государства Южной и Центральной Америки, Африки и Европы. Сбыт происходит на территории Российской Федерации. В связи с этим важно определить основные признаки понятия «незаконный международный наркотрафик» и, по нашему мнению, следует исходить из диспозиции международных нормативных правовых актов и национального законодательства государств, на территории которых осуществляется данное преступление.

Конвенцией Организации Объединенных Наций «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» 1988 года, участниками которой являются 191 государство, закреплено¹:

1. Каждая Сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться, с тем

чтобы признать уголовными преступлениями согласно своему законодательству следующие действия, когда они совершаются преднамеренно:

а) (i) производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение положений Конвенции 1961 года, этой Конвенции с поправками или Конвенции 1971 года; (ii) культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис в целях производства наркотических средств в нарушение положений Конвенции 1961 года и этой Конвенции с поправками; (iii) хранение или покупку любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных в подпункте «i», выше; (iv) изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в Таблице 1 и Таблице 2, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ;

(v) организацию, руководство или финансирование любых правонарушений, перечисленных в подпунктах «i», «ii», «iii» или «iv», выше; б) (i) конверсию или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом «а» настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушений, с тем чтобы он мог уклониться от ответственности за свои действия;

(ii) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения,

1 О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : Конвенция Организации Объединенных Наций 1988 года. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf.

способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности или ее принадлежности, если известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом «а» настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях.

Таким образом, незаконный международный наркотрафик следует рассматривать сквозь призму национального законодательства Российской Федерации, международной конвенции ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», а также национального законодательства государств, на территории которых осуществляется международный наркотрафик.

Как было отмечено, незаконный международный наркотрафик следует понимать как целостный процесс, включающий все стадии от незаконного приобретения прекурсоров для производства наркотических средств, культивирования запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические средства и их прекурсоры (в случае изготовления наркотических средств растительного происхождения), а также непосредственное производство наркотических средств, их перевозку из стран производителей через государства «транзитеры» к потребителям, контрабанду, сбыт и до легализации (отмывания) наркодоходов.

При этом следует еще раз отметить, что криминалистическая характеристика отдельно взятого этапа международного наркотрафика (сбыта, перевозки и т.п.) не отражает весь цикл незаконного оборота наркотиков и не может служить эффективным средством борьбы с данным явлением. Только комплексное рассмотрение всех этапов данного преступления позволит выработать рекомендации по борьбе с незаконным международным наркотрафиком.

Более того, данные преступные деяния совершаются различными организованными преступными группами в совершенно различных социально-общественных и политических обстановках, на территории множества государств и в нейтральных водах, в разных

правовых системах нормативного правового регулирования борьбы с незаконным оборотом наркотиков и противодействия не равных по возможностям и задачам правоохранительных органов зарубежных стран и международных организаций и будут иметь особенности в зависимости от предмета международного незаконного наркотрафика.

Рассматривая криминалистическую характеристику международного наркотрафика, следует согласиться с мнением В.Л. Григоровича и Г.В. Федорова, которые выделили общую, родовую и видовую криминалистическую характеристику преступлений в сфере наркобизнеса [3].

Так, в настоящее время выделяют несколько мировых центров наркопроизводства, в том числе кокаина – Андские государства (Колумбия, Перу, Боливия), героина – Афганистан и др. Международный наркотрафик каждого вида наркотических средств имеет особенности, в том числе вида культивируемых запрещенных к возделыванию растений, видов прекурсоров, необходимых для производства наркотических средств, особенностей производства, логистических путей, контрабанды и способов сбыта.

Таким образом, общая криминалистическая характеристика международного наркотрафика характеризует незаконный международный наркотрафик в целом, родовая – незаконный международный наркотрафик определенного вида наркотических средств (кокаина, героина и их производных или синтетических наркотиков), видовая криминалистическая характеристика – наркотрафик определенного вида наркотического средства определенным способом (морским, сухопутным или воздушным маршрутом).

Общепризнано, что в криминалистическую характеристику должны входить только криминалистически значимые признаки, под которыми, как верно отметил С.Г. Павликов, понимаются «закономерно повторяющиеся признаки преступления, характеризующие его основные стороны, изучение которых используется для достижения задач расследования в рамках уголовного судопроизводства» [6]. Добавим, что достижение задач предварительного расследования с точки зрения реа-

лизации служебной функции криминалистики должно происходить путем разработки на основе этих признаков криминалистических рекомендаций и технико-криминалистических средств для обнаружения, изъятия и предварительного исследования следов преступления (доказательств) и в конечном итоге частных методик расследования преступлений.

По мнению А.А. Бессонова, криминалистически значимыми признаками, подлежащими включению в содержание криминалистической характеристики преступлений, являются следующие:

- обстановка преступления (место, время и другие обстоятельства);
- способ совершения и сокрытия преступления;
- типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения (в том числе механизм слеодообразования);
- предмет преступного посягательства (в том числе личность потерпевшего);
- личность преступника [2].

Изучение официальных информационных сообщений компетентных органов государств Латинской Америки и Карибского бассейна и международных организаций о выявленных фактах незаконного оборота кокаина, результатов анкетирования сотрудников компетентных органов государств Латинской Америки и Карибского бассейна в рамках реализации дополнительных профессиональных программ повышения квалификации по направлениям противодействия незаконному обороту наркотиков в Учебном центре (филиале) СибЮИ МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа, существующих теоретических разработок криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ позволяет построить криминалистическую характеристику международного наркотрафика.

В ее содержание, по нашему мнению, необходимо включить следующие структурные элементы:

- данные о типичной обстановке международного наркотрафика (время, место, способ, а также географические особенности

производства и транзита наркотиков, нормативно-правовое регулирование и др.);

- данные о типичном предмете преступного посягательства (прекурсоры наркотических средств, оборудование, необходимое для производства наркотических средств, непосредственно предмет международного наркотрафика, предмет легализации (отмывания) наркодоходов);

- данные о типичных способах преступления (этапы международного наркотрафика, способы производства, транспортировки, контрабанды, сбыта и легализации наркодоходов);

- данные о типичной следовой картине (следовая картина производства, транспортировки, контрабанды, сбыта наркотических средств и легализации полученных наркодоходов);

- данные о типичной личности преступника и организованных преступных группах, вовлеченных в международный наркотрафик;

При этом каждый этап международного наркотрафика связан с собой предметом (транзитом наркотических средств от производителя к потребителю), финансовыми операциями (встречное транзитирование денежных средств от потребителя к производителю) и коммуникационной связью между участниками как отдельной преступной группы, так и различными по функционалу группами международного наркотрафика, что обуславливает следовую картину преступления в целом.

Проведенное нами исследование позволило сформулировать выводы о значении криминалистической характеристики международного наркотрафика.

1. Использование при разработке методики расследования международного наркотрафика:

- методики расследования отдельных этапов международного наркотрафика на территории Российской Федерации;

- методики расследования отдельных этапов международного наркотрафика на территории государств Латинской Америки и Карибского бассейна.

2. Использование при организации взаимодействия между правоохранительными орга-

нами Российской Федерации и компетентными органами государств Латинской Америки и Карибского бассейна в целях противодействия международному наркотрафику.

3. Использование полученных результатов в качестве методической основы при реализации образовательных программ:

- основных образовательных программ подготовки сотрудников органов внутренних дел в образовательных организациях системы МВД России;

- дополнительных профессиональных программ повышения квалификации сотрудников подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в образовательных организациях системы МВД России;

- основных образовательных программ подготовки иностранных специалистов в вузах системы МВД России;

- дополнительных профессиональных программ повышения квалификации иностранных специалистов в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков в образовательных организациях системы МВД России;

- дополнительных профессиональных программ повышения квалификации сотрудников компетентных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Учебном центре (филиале) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа.

Использование методических рекомендаций противодействия незаконному международному наркотрафику при реализации образовательных программ для иностранных специалистов позволит в том числе осуществлять деятельность правоохранительных органов как по противодействию производству и транзиту наркотических средств в иностранных государствах, так и поступлению наркотических средств на территорию Российской Федерации.

Так, при формировании рекомендаций, касающихся отдельных этапов расследования международного наркотрафика в Российской Федерации, а также в структуре методики расследования преступлений криминалистическая характеристика позволяет:

- выявить особенности установления признаков международного наркотрафика

и источники получения информации о нем, предложить перечень признаков преступления, имеющих значение для возбуждения уголовного дела;

- разработать методологические основы по разработке криминалистических рекомендаций по формированию методики проверки сообщений о международном наркотрафике, включая тактику следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий и особенности взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств;

- применительно к типичным следственными ситуациями предложить криминалистические рекомендации по проведению тактических операций, соответствующей каждой из этих ситуаций;

- обозначить криминалистически значимую информацию, позволяющую обоснованно выдвигать криминалистические версии о международном наркотрафике;

- показать наиболее эффективные формы, виды, основания, задачи и направления взаимодействия с сотрудниками компетентных органов иностранных государств;

- предложить совместные с компетентными органами иностранных государств тактические операции при расследовании международного наркотрафика;

- рекомендовать иностранным партнерам использовать отечественные криминалистические научные разработки, криминалистическую технику, достижения в отдельных областях (например, средства космического мониторинга и дистанционного зондирования земли, возможностей БПЛА, программного обеспечения и др.) при противодействии отдельным стадиям международного наркотрафика.

При этом следует отметить, что знание сотрудниками компетентных органов зарубежных государств единой криминалистической характеристики международного наркотрафика, включая данные об обстановке (времени, месте, нормативно-правовом регулировании противодействия незаконному обороту наркотиков, особенностях деятельности правоохранительных органов Российской Федерации и других стран), облегчит организацию международного сотрудничества в целях про-

ведения совместных операций и пресечения данного транснационального преступления.

В плане формирования рекомендаций, касающихся выявления и расследования компетентными органами отдельных этапов международного наркотрафика на территории иностранных государств, отечественная криминалистическая характеристика преступлений является информационной основой для правильного диагностирования следственной ситуации, определения направления расследования, выдвижения криминалистических версий и определения необходимости проведения тактических операций с правоохранительными органами иностранных государств по маршруту следования наркотических средств.

Единая криминалистическая характеристика позволит реализовывать следующие стратегии противодействия незаконному международному наркотрафику:

в рамках расследования трафика подконтрольных веществ:

– от прекурсора наркотического средства к нарколаборатории и далее к организованной преступной группе, осуществляющей транзит и сбыт наркотических средств;

– от наркотического средства к организованной преступной группе осуществляющей транзит наркотических средств и далее к нарколаборатории;

в рамках расследования движения денежных потоков, полученных в результате незаконного оборота наркотиков – от денежных средств, полученных от сбыта наркотических средств, к участникам организованных преступных групп контрабанды, транзита и производства наркотических средств в нарколаборатории и далее к поставщику прекурсоров наркотических средств.

Библиографический список

1. Бессонов, А.А. Исторические основы возникновения и развития института криминалистической характеристики преступлений / А.А. Бессонов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – N 11 (48) ноябрь. – С. 2607-2611.
2. Бессонов, А.А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений / А.А. Бессонов // Вестник ПАГС. – 2014. – N 4. – С. 52-57.
3. Григорович, В.Л. Теоретические взгляды на структуру криминалистической характеристики преступлений в сфере наркобизнеса / В.Л. Григорович, Г.В. Федоров // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2013. – N 1 (12). – С. 88-94.
4. Густов, Г.А. Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений / Г.А. Густов // Криминалистическая характеристика преступлений: сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Клочков. – М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. – С. 43-47.
5. Лузгин, И.М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней данных о сокрытии преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений : сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Клочков. – М. : Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. – С. 25-30.
6. Павликов, С.Г. К вопросу о значении теории криминалистической характеристики преступлений / С.Г. Павликов // Российский судья. – 2012. – N 10. – С. 45-47.
7. Шруб, М.П. Криминалистическая характеристика преступлений – фантом или информационно-поисковая основа расследования? / М.П. Шруб // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2020. – N 2(48). – С. 31-36. – EDN OIZMZX.

УДК 343.9

Илья Николаевич ЗАВАРЫКИН,

заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук

criminal-man@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШАЕМОМУ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

**CURRENT ISSUES OF COUNTERING DRUG TRAFFICKING COMMITTED USING
INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES**

В статье анализируются актуальные закономерности незаконного оборота наркотиков в Российской Федерации, рассматриваются особенности использования информационно-телекоммуникационных технологий при совершении наркопреступлений, приводятся примеры правоохранительной практики противодействия данному негативному явлению. Автор приходит к выводам о необходимости урегулирования отношений, связанных с оборотом криптовалют в России, определения способов и средств контроля их использования для предупреждения, выявления и пресечения наркоправонарушений. Кроме того, представляется целесообразным правоохранителям наладить оперативное и иное взаимодействие с представителями российских маркетплейсов, обучить их выявлению признаков наркоправонарушений, разработать соответствующие методические рекомендации по действиям при обнаружении этих признаков.

The article analyzes current patterns of drug trafficking in the Russian Federation, considers the peculiarities of using information and telecommunication technologies in committing drug crimes, and provides examples of law enforcement practices to counter this negative phenomenon. The author comes to the conclusions that it is necessary to regulate relations in the field of the circulation of cryptocurrencies in Russia, to determine the methods and means of monitoring their use to prevent, detect and suppress drug offenses. It seems appropriate for law enforcement officers to establish operational and other interaction with representatives of Russian marketplaces, train them to identify signs of drug offenses, and develop appropriate guidelines for actions upon detection of these signs.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, информационно-телекоммуникационные технологии, противодействие, маркетплейсы, криптовалюты.

Keywords: *drug trafficking, information and telecommunication technologies, counteraction, marketplaces, cryptocurrencies.*

Тема противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), достаточно актуальна

как в России, так и в мире. Статистические данные о подобных преступных деяниях, зарегистрированных в последние 5 лет в нашей стране, свидетельствуют о их ежегодном ро-

сте. Этот тренд характерен и для незаконного оборота наркотиков.

Так, в 2019 г. в Российской Федерации были зарегистрированы 294,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТТ, в общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес составил 14,5%. Каждое двенадцатое из них (8,4%) совершалось с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотиков – 24,7 тыс.¹ В 2023 г. были зарегистрированы 677,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТТ, что на 130% больше, чем в 2019 г. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился до 34,8%. Почти каждое восьмое (12,0%) совершалось с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотиков – 81,5 тыс., что на 230% больше, чем в 2019 г.²

Учитывая высокую латентность наркопреступлений и инициативный характер их выявления правоохранителями, можно с уверенностью сказать, что истинные показатели деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков и совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, гораздо выше.

Вышеуказанные тенденции демонстрируют как увеличение в рассмотренный период уровня наркопреступлений, совершаемых дистанционным бесконтактным способом, так и улучшение в работе правоохранителей по выявлению и пресечению незаконного оборота наркотиков [подр.: 2, с. 24].

Как отмечает Д.В. Токманцев: «Повышенная опасность рассматриваемого способа торговли наркотиками очевидна, он существенно упрощает их распространение, позволяет удаленно совершать сделки купли-продажи с сокрытием данных как о сбытчике, так и о приобретателе, значительно расширить географию наркорынка, оперативно пополнять штат розничных закладчиков-сбытчиков, использовать криптовалюту для расчетов и даже автоматизировать процесс сбыта нар-

котиков посредством чат-ботов или других компьютерных программ и, как следствие, получить максимальную прибыль в кратчайшие сроки с минимальным риском привлечения к уголовной ответственности» [6, с. 178].

Следует отметить, что организованная наркопреступность на современном этапе переходит на качественно иной уровень развития. Если ранее оплата за сбыт и приобретение наркотиков в основном осуществлялась при помощи переводов денежных средств на электронные кошельки платежной системы Qiwi (в феврале 2024 г. Центробанк России отозвал лицензию Киви-банка), и в дальнейшем эти средства подвергались незаконной легализации, то сейчас все чаще используются схемы оплаты при помощи криптовалют с привлечением бенифициаров (сначала деньги поступают на криптокошелек бенифициара, а затем, как только покупатель получает товар, бенефициар осуществляет перевод криптовалюты владельцу наркомагазина, вычитая свой процент). При этом, как известно, владельцы криптокошельков анонимизированы, а единого эмитента платежных средств, как в обычном банкинге, не существует.

А.А. Детков отмечает, что криминальные структуры используют криптосферу, поскольку данные об участниках транзакций скрыты, операции совершаются мгновенно и вне банковского контроля, комиссии за перевод средств значительно меньше платы за услуги кредитно-финансовых учреждений, для полной анонимизации имеется возможность использования сервисов по смешиванию криптовалют, так называемых «криптомиксеров». Он также приходит к выводу, что цифровизация наркобизнеса требует от сотрудников правоохранительных органов применения состоящих на вооружении цифровых инструментов в борьбе с наркопреступностью, например имеющегося на вооружении ГУНК МВД России аналитического программного обеспечения «Прозрачный блокчейн», разработанного по заказу Рос-

1 Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 01.08.2024).

2 Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 01.08.2024).

финмониторинга [1, с. 94]. Однако существует проблема в умении и возможности использовать данное программное обеспечение сотрудниками подразделений по контролю за оборотом наркотиков в регионах.

Еще одной актуальной проблемой противодействия незаконному обороту наркотиков является отсутствие должного контроля за мессенджерами (Telegram, Psi, Brosix, Xabber, Pidgin, Vipole, IM+,), VPN-сервисами, позволяющими обходить блокировку со стороны государственных органов, а также иным программным обеспечением, подменяющим IP-адреса [4, с. 19]. Сообщения в данных мессенджерах зашифрованы, а доступ к серверам есть только у представителей компаний их администрирующих. Владельцы и разработчики Telegram в настоящее время начали выпускать свою криптовалюту Toncoin. Как известно, основателя Telegram Павла Дурова задержали во Франции, в том числе по обвинению в пособничестве осуществлению незаконного оборота наркотиков¹. Несмотря на это, мессенджер и криптовалюту продолжают активно использовать для совершения наркопреступлений.

Помимо мессенджеров наркоторговцы активно используют не только платформы «магазинов» в DarkNet и Deep Web, но и площадки известных российских маркетплейсов Ozon, Wildberries, Avito и т.д.

Так, в январе-феврале 2024 г. полицейские Санкт-Петербурга задержали 30-летнюю местную жительницу, которая зарегистрировалась в качестве продавца на Ozon и подменяла обычные товары на товары, в которых были спрятаны амфетамин и гашиш.

Женщина находила покупателей запрещенных веществ через интернет-магазин в Darknet, а затем оформляла заказ на маркетплейсе, упаковывала наркотические средства и отправляла пакет в ближайший для заказчика пункт выдачи. Клиент получал заказ

по штрих-коду Ozon. Сотрудники полиции изъяли 123 коробки с наркотиками на складе маркетплейса и еще 58 готовых к отправлению посылок по месту жительства продавщицы.

Отмечается, что подозрительную схему по продаже наркотиков раскрыла служба безопасности маркетплейса в момент прибытия одной из посылок на склад. Сотрудники компании сразу заблокировали поставку указанных товаров и обратились в полицию².

Данный пример демонстрирует бдительность сотрудников службы безопасности склада Ozon. Однако должного функционального взаимодействия между правоохранителями и официальными площадками интернет-торговли в России не существует, а сотрудники маркетплейсов не готовы к выявлению и должной квалификации совершения наркоправонарушений.

До недавнего времени на площадках Wildberries и Avito можно было приобрести вещество 1,4-бутандиол в виде растворителей для красок по цене 800 рублей за флакон 100 мл. Несмотря на то, что оно входит в список прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации, данное вещество свободно продавалось и пользовалось спросом. После широкой огласки в сети Интернет маркетплейсы перестали им торговать. До сих пор сохранилась страница продавца на Wildberries с отзывами о наркотическом воздействии на организмы покупателей. Дело в том, что 1,4-бутандиол может служить как замена гидроксibuтирата натрия (входит в список психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля в со-

1 Терроризм, отмывание денег, педофильский контент. Павел Дуров задержан во Франции. Ему грозит до 20 лет тюрьмы // Новостной портал Lenta.ru (новость от 25.08.2024). URL: <https://lenta.ru/articles/2024/08/25/pavla-durova-zaderzhali-vo-frantsii/> (дата обращения: 25.08.2024).

2 Россиянка зарегистрировалась на маркетплейсе и продавала через него наркотики // Новостной портал Lenta.ru (новость от 06.03.2024). URL: <https://lenta.ru/news/2024/03/06/rossiyanka-zaregistrirovalas-na-marketp-leyse-i-prodavala-cherez-nego-narkotiki/> (дата обращения: 25.08.2024).

ответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации¹), получаемого путем естественного метаболизма в организме при взаимодействии с ферментами человека. Эффект вещества сравнивается с алкоголем и экстази (чувство эйфории, повышенная эмпатия, гиперактивность и т.д.).

Оперативники из Управления по контролю за оборотом наркотиков Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Красноярскому краю отмечают, что в России и в Красноярском крае участились случаи выращивания марихуаны в домашних условиях для последующего сбыта с помощью специальных боксов с гидропоникой или специальной почвой с удобрениями, которые также продаются на известных маркетплейсах.

Так, в январе 2024 г. сотрудниками УНК ГУ МВД России по Красноярскому краю за покушение на сбыт марихуаны был задержан 29-летний мужчина. Подозреваемого в незаконном обороте наркотиков задержали в г. Сосновоборск при силовой поддержке отряда специального назначения «Гром». Из автомобиля, на котором передвигался задержанный, сотрудниками была изъята марихуана массой 11,4 г, приготовленная для сбыта. В ходе оперативных мероприятий полицейские выяснили, что для выращивания наркосодержащих растений подозреваемый оборудовал теплицу со встроенным подогревом и вентиляцией для поддержания соответствующей температуры, специальными лампами, которая располагалась в арендованной квартире Советского района г. Красноярска. Из выращенной конопли злоумышленник изготавливал марихуану для сбыта. В его квартире правоохранителями обнаружены и изъяты пакет с веществом, которое по результатам проведенной экспертизы является мариху-

аной массой 89 г, оборудование для выращивания растений, химические удобрения, упаковочные материалы, приобретенные на известном российском маркетплейсе, а также семена. В теплице находились 6 горшков с землей, в которых произрастали кусты конопли общей массой 1350 г.

По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 228.1 УК РФ².

Проанализировав вышеописанные особенности незаконного оборота наркотиков в России, мы пришли к следующим выводам.

Следует урегулировать отношения, связанные с оборотом криптовалют в Российской Федерации, определив способы и средства контроля их использования. Пока что в России должным образом урегулированы отношения только с использованием токена, включая его обмен на рубли и иностранную валюту, легализованы майнинг криптовалют и, в качестве эксперимента, проведение внешне-экономических расчетов. Однако теневое хождение криптовалют как платежного средства не подконтрольно органам государственной власти. Существуют спорные моменты оценки использования криптовалют при квалификации легализации (отмывания) наркодоходов, которые также следует разрешить [3, с. 102].

Как справедливо отмечает П.В. Тепляшин: «Имманентным свойством результативного государственного управления и правовой политики является обеспечение должной общественной безопасности и контроль над необходимым уровнем правопорядка, что может быть реализовано посредством консолидации работы компетентных органов и соответствующих общественных институтов» [5, с. 169]. В контексте приведенных выше примеров представляется целесообразным правоохранителям наладить оперативное

1 Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 01.10.2012 N 1002.

2 В Красноярске полицейские задержали подозреваемого, выращивавшего марихуану в домашней теплице // Сайт ГУ МВД России по Красноярскому краю (новость от 28.01.2024). URL: <https://24.mvd.pf/news/item/22787802/> (дата обращения: 25.08.2024).

и иное взаимодействие с представителями российских маркетплейсов, обучить их выявлению признаков наркоправонарушений, разработать соответствующие методические рекомендации по действиям при обнаружении этих признаков, определить компетенции использования специального программного

обеспечения по выявлению правонарушений, связанных с наркотиками, овладение которыми возможно в рамках реализации образовательных программ для сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков и иных правоохранителей.

Библиографический список

1. Детков, А.А. Трансформация финансовой схемы сетевой наркоторговли: от электронных средств платежа к криптовалютам / А.А. Детков // Алтайский юридический вестник. – 2023. – N 3(43). – С. 91-96.
2. Заварыкин, И.Н. К вопросу о наркоситуации в России / И.Н. Заварыкин // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск, 4-5 апреля 2024 г. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2024. – Ч. 1. – С. 24-26.
3. Карлов, А.Л. Оценка использования криптовалюты в контексте легализации (отмывании) наркодоходов и возможности досудебного соглашения о сотрудничестве для установления необходимых сведений / А.Л. Карлов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – N 2(51). – С. 95-102.
4. Криптовалюта в механизме совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / С.И. Земцова, П.В. Галушин, А.Л. Карлов [и др.]. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. – 172 с.
5. Тепляшин, П.В. «Отложенная» политика реализации Федерального закона «о пробации в Российской Федерации» / П.В. Тепляшин // Теоретические основы правовой политики в современной России. Участие общественности : материалы II национальной (всероссийской) научно-практической конференции. Красноярск, 27 октября 2023 г. – Красноярск: КрасГАУ, 2024. – С. 169-172.
6. Токманцев, Д.В. К вопросу о квалификации онлайн-сбыта наркотиков / Д.В. Токманцев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVI международной научно-практической конференции Красноярск, 20-21 апреля 2023 г.: в 2 ч. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2023. Ч. 1. – С. 178-179.

УДК 343.133 : 343.1

Любовь Леонидовна АБРАМОВА,
начальник кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России
(Красноярск),
кандидат юридических наук

luba11177@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
(НА ПРИМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ)**

**TO THE ISSUE OF PROBLEMS OF USING THE RESULTS
OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS
(BY THE EXAMPLE OF DRUG TRAFFICKING CRIMES)**

В статье исследуются проблемные аспекты в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, которые имеют важное практическое значение для правоохранительных органов. Делается вывод о том, что оптимизация положений уголовно-процессуального законодательства и создание эффективных инструментов для совершенствования ОРД будут способствовать не только увеличению раскрываемости преступлений данной категории, но и значительному снижению частоты обжалования действий сотрудников. Это, в свою очередь, в условиях существующего кадрового дефицита позволит избежать значительной нагрузки на оперативных работников, связанной с участием в судебных разбирательствах.

The article examines problematic aspects in the field of countering drug trafficking, which are of great practical importance for law enforcement agencies. It is concluded that the optimization of the provisions of the criminal procedure legislation and the creation of effective tools for improving the operational search activity will contribute not only to the increase in the detection of crimes of this category, but also to a significant decrease in the frequency of appeals against the actions of employees. This, in turn, in the conditions of the existing personnel shortage, will allow avoiding a significant load assigned to operational employees associated with participation in court proceedings.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, поводы и основание для возбуждения уголовного дела, незаконный оборот наркотических средств, доказательства, понятие, досмотры, провокация, опрос.

Keywords: operational investigative activities, operational investigative measures, reasons and grounds for initiating a criminal case, illegal drug trafficking, evidence, witnesses, inspections, provocation, questioning.

Проведение соответствующими службами оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) во многих случаях эффективно, с их помощью раскрывается большинство неочевидных тяжких и особо

тяжких преступлений. Оперативные службы, выполняя поручения следователя о проведении ОРМ, косвенно, опосредованно формируют доказательственную базу по уголовным делам. Результаты ОРМ предreshают появле-

ние полноценных доказательств в большинстве уголовных дел. Обвинительные доказательства, фигурирующие в приговорах по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, имеют по общему правилу оперативно-розыскное происхождение [3, с. 38-44]. Актуальность темы настоящей статьи обусловлена и тем, что борьба с незаконным оборотом наркотиков¹ является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов государства. Негативное влияние преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков сложно переоценить, они отрицательно отражаются на всех сферах жизнедеятельности общества. Согласно официальным статистическим сведениям, в январе-сентябре 2024 года по расследованным уголовным делам из незаконного оборота полицейскими изъято 16,5 тонны наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ. Выявлены 145,6 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 1,3% меньше, чем за аналогичный период прошлого года². Вместе с этим, несмотря на незначительную положительную динамику, общее число рассматриваемых преступлений остается существенным, а формы и способы их реализации постоянно совершенствуются. Так, распространение наркотиков путем купли-продажи «из рук в руки» стало архаизмом, вместо этого повсеместно практикуются бесконтактные способы незаконного сбыта наркотических средств посредством помещения в закладки-тайники. Контакты преступников налажены через использование мобильной связи, ресурсов сети Интернет, различные мессенджеры, электронной почты, интернет-магазинов. При осуществлении расчетов применяются банковские карты, различные электронные платежные системы, криптовалюты и т.д.

Также следует отметить, что рассматриваемый вид преступлений отличается четкой иерархией наркопреступников и латентностью, что существенно повышает их общественно опасный характер. Все это свидетельствует о том, что выявление и расследование подобных опасных деяний достаточно затруднительно. Данные процессы осложняются и тем, что анализируемые преступления зачастую носят транснациональный характер. Необходимо признать, что расследование данного рода преступлений сопряжено с определенными сложностями, с одной стороны, обусловленными спецификой способов совершения преступления, с другой стороны, возникающими в связи с несовершенством действующего законодательства, неоднозначностью его толкования и множеством практических ситуаций, не имеющих очевидных способов разрешения.

Так, при реализации оперативно значимой информации правоприменители сталкиваются с серьезными проблемами. Например, с отсутствием эффективного законодательного регулирования, существованием правовых пробелов и коллизий и т.д. Ощущается недостаточность законодательного закрепления порядка проведения ОРМ, фиксации их результатов, применения критериев для оценки последних и т.д. Ситуация усугубляется тем, что в настоящий момент сотрудники правоохранительных органов в достаточной степени не снабжены научно разработанными практическими рекомендациями, содержащими комплекс необходимых ОРМ, подлежащих выполнению в конкретных ситуациях, и разъясняющими способ получения и процессуального закрепления доказательственной информации, содержащейся на электронных носителях информации, подтверждающей факт незаконного оборота наркотиков.

1 По тексту работы использование терминов «наркотики», «наркотические средства» является условным. Данная терминология собирательна и требует расширительного толкования в соответствии с диспозициями статей УК РФ. Фактически в данную категорию мы включаем все запрещенные либо ограниченные в обороте наркотические средства, их аналоги, производные, психотропные вещества, их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, сильнодействующие, ядовитые, новые психоактивные вещества.

2 Сведения ГИАЦ МВД России о состоянии преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 12.10.2024).

Избранная автором тема требует продолжения научного анализа практики применения норм оперативно-розыскного¹, уголовно-процессуального законодательства, устанавливающих порядок производства оперативно-розыскных мероприятий, предварительной проверки, оценки оснований для возбуждения уголовных дел. Поставлена цель предложить практические решения, позволяющие повысить эффективность применения этих норм.

Анализ материалов уголовных дел о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков указывает на то, что в качестве поводов и оснований возбуждения их абсолютного большинства являются результаты ОРМ. К наиболее распространенным относятся опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, прослушивание телефонных переговоров, контролируемая поставка, оперативный эксперимент.

Документирование незаконных действий по обращению с наркотиками посредством производства ОРМ не только обуславливает особенности возбуждения и расследования уголовных дел, но и требует от оперативных сотрудников обеспечения безупречного порядка их проведения и качественного оформления результатов. В противном случае малейшее отступление от буквы закона может повлечь недоброкачественность полученных доказательств и, как следствие, позволит преступникам уйти от ответственности за совершенное противоправное деяние, что, в свою

очередь, неизбежно повлечет нарушение принципа справедливости. Верно отмечает К.В. Муравьев, формальная справедливость предполагает обеспечение процедурных гарантий (равенства сторон, права на защиту, на переводчика и т. п.). Нарушение данных гарантий – критериев справедливости, по сути, означает и нарушение принципа законности уголовно-процессуальной деятельности [2, с. 55-56].

Для исходного рассмотрения результатов ОРД как основания для возбуждения уголовных дел следует обратить внимание на общую характеристику ОРД. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) под ОРД следует понимать вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), в пределах их полномочий посредством проведения ОРМ в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

В УПК РФ в п. 36.1 ст. 5 дается понятие результатов ОРД, которыми признаются сведения, полученные в соответствии с Законом об ОРД, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Считаем, что в тексте нормы закономерно сделан акцент на категории «сведения», которые

1 Неоднозначность написания термина «разыскной – розыскной» обусловлена существующей коллизией, согласно которой на законодательном уровне употребляются две формы указания данных терминов. Например, в УПК РФ, Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», УИК РФ употребляется форма «розыскной», тогда как в Федеральном законе «О полиции» и ряде ведомственных приказов используется формулировка «разыскной». Во многих нормативных орфографических справочниках, в том числе в справочнике по правописанию Д.Э. Розенталя, изданном после 1956 года, звучало правило, что в приставке раз- (рас-) – роз- (рос-) под ударением пишется «о», без ударения «а» (расписать, разузнать, разыскать и т.п.), однако по поводу прилагательного «розыскной» сказано, что оно является исключением из общего правила. В более современных словарях упоминается, что исключение устранено. Авторами работы не ставилась задача глубокого изучения данной проблемы. Полагаем наиболее правильным при употреблении спорного термина использовать подход, принятый авторами УПК РФ и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Вместе с тем при цитировании отдельных источников терминология других авторов сохраняется.

сами по себе доказательствами не являются, поскольку не соответствуют нормативному определению доказательства, то есть получены вне порядка, предусмотренного УПК РФ, и не теми субъектами, что перечислены в ч. 1 ст. 74 УПК РФ.

Однако деятельность, которая осуществляется оперативными службами до момента возбуждения уголовного дела, является не менее важной, чем предварительное расследование, так как именно с нее берет начало формирование всех материалов по будущему уголовному производству. Как было указано ранее, именно результаты ОРМ выступают в качестве типичных поводов и оснований для возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Такие мероприятия обычно требуют тщательного планирования, высокой организации и подготовленности оперативников, готовности действовать грамотно и быстро в экстремальных ситуациях в соответствии с законодательством.

Но, к сожалению, законодатель в перечне видов доказательств, предусмотренном ст. 74 УПК РФ, не называет результаты ОРД. Трансформация последних в уголовный процесс происходит посредством признания иными документами, вещественными доказательствами. При этом в ст. 89 УПК РФ определено, что что в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям УПК РФ. Но о каких именно требованиях идет речь, в законе не говорится. Поэтому у правоприменителя возникает масса вопросов, ведь регламентация ОРД отлична от уголовно-процессуальной. «Оперативное» законодательство лишь перечисляет виды ОРМ, которые могут быть направлены документирование преступной деятельности, не регулируя при этом детально порядок их проведения, не устанавливая отдельных оснований, условий, правил. Обходит законодатель вниманием и форму

документов, фиксирующих результаты ОРД. В этой связи рассмотрим наиболее актуальные проблемы в обозначенном контексте более подробно.

Проблемы, возникающие в связи необходимостью оформления изъятия веществ, предметов, документов в ходе ОРД

Необходимо констатировать, что действующий Закон об ОРД не содержит ни одного вида ОРМ, которое бы позволяло осуществлять активный поиск(!) и последующее принудительное изъятие веществ, предметов, документов. Соответственно, на практике возникают сложности в фиксации результатов ОРД, которые бы отражали подобные действия. Анализ материалов уголовных дел, результаты интервьюирования позволяют заключить, что, несмотря на отсутствие легального закрепления личного досмотра для целей ОРД, представители правоохранительных структур повсеместно проводят данное действие, оформляя его актом или протоколом, ссылаясь при этом на различные отраслевые нормы права¹, в которых не всегда отражается специфика фиксации изъятия наркотиков. Из-за этого в судебной практике нередки случаи оспаривания стороной защиты действий по изъятию наркотических средств в ходе ОРМ². За период существования Закона об ОРД Конституционный Суд РФ принял более 200 решений, относящихся к его положениям [6]. Председатель высшего конституционного органа справедливо заметил, что положения Закона об ОРД взаимосвязаны с содержанием других законодательных актов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, ведомственных и межведомственных нормативно-правовых актов... В настоящее время создана нормативно-правовая база этого вида деятельности, однако в связи с тем, что идеального права не бывает, на сегодняшний день не создано и идеального текста законоположений, не допускающих неоднозначных толкований [1, с. 8].

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ; Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»; Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

2 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.08.2019 N 66-АПУ19-16 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.01.2013 N 45-О12-77 // СПС «Гарант».

Изучение практики показывает, что сотрудниками используются альтернативные варианты оформления изъятия. Например, проведением ОРМ обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств¹ (далее – обследование). Однако нужно понимать, что обследование по характеру своему не предполагает поисковый, а следовательно, принудительный характер, а при проведении ОРД нередки ситуации противодействия.

Практикуются оперативниками при документировании преступлений и так называемые административные или так называемые дорожно-полицейские досмотры, которые по своей форме невербального познания во многом напоминают предусмотренные уголовно-процессуальным законом следственные и судебные осмотры. Между тем, как справедливо пишет С.Б. Россинский, невзирая на столь важное, иногда первостепенное значение их результатов в достижении целей борьбы с преступностью, уголовно-процессуальный законодатель занял по этому поводу совершенно пассивную позицию, постарался уклониться от решения этого вопроса. Ни нормы доказательственного права, ни иные положения УПК РФ не предполагают ни единой формулировки, предрасположенной к толкованию в таком смысле, в котором судьям, прокурорам, должностным лицам органов дознания и предварительного следствия дозволялось бы прибегать к помощи результатов административных досмотров в качестве юридических доброкачественных (допустимых) средств доказывания. А принимая во внимание каноны свойственного публичному правоприменению императивного метода регулирования, подобное упущение вообще надлежит понимать как фактический запрет на использование таких результатов для нужд уголовной юстиции. Процессуалист связывает подобную осторожность и нере-

зительность с правовыми позициями разработчиков УПК РФ о некой неполноценности получаемых непроцессуальным путем сведений и материалов по сравнению с предусмотренными гл. 10 УПК РФ разновидностями доказательств [4, с. 241-249].

Действительно, в соответствии с п. 16 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) сотрудник вправе осуществлять личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств, если имеются основания полагать, что эти граждане имеют при себе запрещенные предметы и вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения. Между тем в качестве оснований должны рассматриваться конкретные фактические данные (ориентировки, заявления лиц), но не «оперативно-розыскные» подозрения. Поэтому такой вариант оформления изъятия для целей ОРД, по нашему мнению, не в полной мере совершенен.

Аргументы о возможности проведения личного досмотра в ходе ОРД со ссылкой на административное законодательство также считаем несостоятельными. Так, согласно ст. 27.1 КоАП РФ личный досмотр проводится в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении. В то время как ОРД имеет целью выявление и документирование уголовно наказуемых преступлений. Исходя из обозначенной проблематики, полагаем существенно необходимым внесение в перечень ОРМ, определяемый ст. 6 Закона об ОРД, полномочия на осуществление ОРМ – личный досмотр граждан и досмотр транспортных средств. Процедура их проведения требует детальной регламентации.

1 Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 01.04.2014 N 199 // СПС «Гарант».

Вопрос о подмене проведения ОРМ следственными действиями неоднократно становился предметом обжалования в высших судебных инстанциях¹. Так, по одному из дел Верховным Судом РФ констатировано, что вместо ОРМ обследование «фактически в жилых помещениях К. и Р. были проведены обыски до возбуждения уголовных дел и с нарушением требований, установленных ст. 182 УПК РФ. Суд расценил недопустимыми доказательствами результаты ОРМ обследование, так как до их проведения была проведена проверочная закупка и уже были основания для возбуждения уголовного дела. ОРМ обследование не может подменять собой обыск, направленный на поиск, обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу. Солидарны с данной позицией: при проведении ОРМ ни о каких осмотрах, выемках, обысках не может идти речи. Справедливость доводов о недопустимости производства фактически обысковых мероприятий до возбуждения уголовного дела подтверждается в ряде решений Конституционного Суда РФ².

При действующем регулировании изъятие наркотиков в ходе ОРД регламентировано ведомственной инструкцией³, п. 5 которой обозначены следующие требования: наркотики предъявляются всем присутствующим при их изъятии лицам, помещаются в прочную и надежную упаковку, исключающую возможность их утраты, порчи и извлечения наркотиков из упаковки без нарушения ее целостности и обеспечивающую сохранность имеющихся на них следов (микроследов). Полагаем, ведомственного регулирования по данному вопросу недостаточно. Требуется внесение изменений в Закон об ОРД, а именно дополнение перечня ОРМ самостоя-

тельным видом изъятие веществ, предметов, документов.

Участие понятых при проведении ОРМ

Следующий блок рассуждений посвящен не менее спорным моментам, связанным с участием понятых при ОРМ. Приведем пример из судебной практики. Осужденный обжаловал законность изъятия у него наркотиков, в связи с тем, что, по его мнению, согласно п. 5 Инструкции о порядке изъятия наркотиков при проведении ОРМ обследование должно производиться в присутствии двух понятых. Вместе с тем якобы оперативными сотрудниками при проведении указанного ОРМ привлечены не понятые, а простые граждане, правовой статус которых отличается от статуса понятых. Судебная коллегия Верховного Суда РФ, рассмотрев указанную жалобу осужденного К., в своем определении заключила, что «п. 1 ст. 15 Закона об ОРД наделяет органы, уполномоченные осуществлять ОРД, правом производить при проведении ОРМ изъятие предметов, документов, предметов и материалов, о чем, в случае их изъятия, должен быть составлен протокол, что и было соблюдено по настоящему делу. В исследованном протоколе имелись записи о разъяснении участвующим лицам их прав и обязанностей, разъяснена правовая сущность мероприятия, пределы полномочий, задачи и порядок действий каждого участника. Результаты ОРМ были отражены в протоколе, который заверен подписями всех участников. Изъятие проводилось в присутствии двух гражданских лиц, фактически осуществлявших функции понятых. В этой связи отсутствуют основания для признания недопустимым доказательством как самого протокола, так и результатов ОРМ»⁴.

1 Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.01.2013 N 45-О12-77 // СПС «Гарант».

2 Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2023 N 77-1614/2023, кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 N 77-3316/2023 // СПС КонсультантПлюс.

3 Инструкция о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения : утв. совместным приказом МВД России N 840 и др. ведомств от 09.11.1999 // СПС «КонсультантПлюс» (далее – Инструкция).

4 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.08.2019 N 66-АПУ19-16 // СПС «КонсультантПлюс».

Практика показывает, что при проведении проверочной закупки оперативники привлекают иногда так называемых «незаинтересованных лиц», «представителей общественности», «понятых». Мы не случайно указали отличные наименования статуса этих участников, потому как в различных регионах они указываются в документах по-разному. И все потому, что законом официальный статус их не определен. Оперативное законодательство не предписывает их обязательного участия, но и не запрещает. Но коль УПК РФ предписывает проверять результаты ОРД на соответствие уголовно-процессуальным требованиям, то участие понятых при проведении ОРМ вполне закономерно. Согласно сложившейся практике в обязательном порядке участие понятых обеспечивается при личном досмотре «закупщика» до проверочной закупки, при досмотре его автомобиля, при добровольной выдаче «закупщиком» наркотических средств, при досмотре «закупщика» после выдачи, при личном досмотре сбытчика. В силу п. 5 Инструкции, «изъятие наркотиков, инструментов и оборудования производится в присутствии не менее двух понятых».

Еще более проблематичными являются случаи, когда в практике оперативных подразделений при разработке деятельности преступных групп или сообществ, привлечение любых участвующих лиц, в том числе понятых, объективно невозможно. Этому может препятствовать труднодоступная местность, отсутствие надлежащих средств связи, условия, связанные с опасностью для жизни и здоровья их участников, ночное время, длительность проведения, необходимость соблюдения мер конспирации и т.д. Решением подобных патовых ситуаций, по нашему мнению, может являться применение положений ст. ч. 3 ст. 170 УПК РФ по аналогии. Альтернативным гарантом обеспечения достоверности полученных таким способом доказательств может служить применение технических средств фиксации хода и результатов ОРМ. При проведении негласных ОРМ, считаем, что привлечение понятых нецелесообразно и в принципе невозможно, поскольку это ставило бы под сомнение кон-

фиденциальный и конспиративный характер проводимых действий. Учитывая неоднозначный подход судов к решению вопроса о целесообразности участия подобных лиц в подготовке и проведении ОРМ, личным характеристикам таких участников, случаям участия в этом качестве лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и административно задержанных, данный вопрос имеет большое практическое значение.

Полагаем, что на понятых при проведении ОРД должны распространяться те же требования, что и в УПК РФ, гарантирующие их незаинтересованность и беспристрастность в исходе уголовного дела.

Так, в ходе рассмотрения уголовного дела по обвинению в незаконном сбыте наркотических средств суд признал недопустимым доказательством результаты проверочной закупки, при проведении которой сотрудники оперативного подразделения привлекали в качестве понятых студентов юридического техникума, проходивших практику в их подразделении. Суд усмотрел личную заинтересованность и зависимость студентов от сотрудников оперативного подразделения, которая заключалась в желании получить более высокую оценку по результатам прохождения практики [7, с. 10-19].

В статье 59 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» указано, что в качестве понятых могут быть приглашены любые дееспособные граждане ... не заинтересованные в исходе исполнительного производства, не состоящие с лицами, участвующими в исполнительном производстве, в родстве или свойстве, а также не подчиненные и не подконтрольные указанным лицам». Подобные требования могли бы быть приняты за основу в оперативно-розыском законодательстве. На данный момент вопросы отбора лиц, привлекаемых к участию в ОРМ, законодательством не урегулированы.

Определение вида и размера изъятого вещества

Справка по результатам первоначального химического исследования изъятого оперативниками вещества, безусловно, имеет

определяющую роль при оценке оснований и решении вопроса о возбуждении уголовного дела по материалам, отражающим результаты ОРМ. С ее помощью разрешается главный вопрос отнесения документируемого деяния к запрещенному уголовным законом (то есть квалификации деяния в соответствии с нормами УК РФ) и два промежуточных вопроса а) определения наименования вещества, включенного в один из списков¹; б) определения массы представленного запрещенного в обороте наркотического средства для отнесения его размера к значительному, крупному, особо крупному². Не разделяем позицию исследователей, предлагающих вместо первоначального исследования вещества сразу назначать экспертизу по изъятому веществу. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ экспертиза действительно может быть назначена в рамках проверки сообщения о преступлении. Но до предоставления результатов ОРД следователю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела правовые основания назначения и производства судебной экспертизы отсутствуют.

Признаки провокации со стороны сотрудников оперативных подразделений

При оценке оснований возбуждения уголовного дела по результатам ОРД следует исключить наличие в них признаков провокации со стороны сотрудников оперативных подразделений. Причем четкая граница между законно проведенным ОРМ и провокационными действиями может быть достаточно размытой. Доказать отсутствие провокации и тщательно проверить все доводы привлекаемого к ответственности лиц – это не право, а обязанность официальных органов

расследования. Европейский суд по правам человека в своих решениях указывает, что «провокация случается тогда, когда задействованные должностные лица, являющиеся или сотрудниками органов безопасности, или лицами, действующими по их указанию, не ограничивают свои действия только исследованием уголовного дела по существу неявным способом, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем чтобы сделать возможным выявление преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное дело...»³. И, несмотря на то, что 8 июня 2022 г. принят закон о прекращении исполнения постановлений ЕСПЧ, вступивших в силу после 15 марта 2022 г., позиции национальных судов в затрагиваемой области не меняются. Пунктом 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ N 14 разъясняется: «Оперативно-розыскное мероприятие, направленное на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лица, его подготавливающего, совершающего или совершившего, может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния⁴. В соответствии со ст. 7 Закона об ОРД результаты ОРМ могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии

1 Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30.06.1998 N 681 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 01.10.2012 N 1002 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Постановление Европейского Суда по правам человека от 05.02.2008 Дело «Раманаускас против Литвы» [Ramanauskas v. Lithuania] (жалоба N 74420/01) (Большая Палата) (извлечение) // СПС «Гарант».

4 О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

у лица умысла на незаконный оборот наркотиков..., сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих ОРД. Резюмируя сказанное, можно заключить, что результаты ОРМ проверочная закупка будут признаны допустимыми, если 1) ОРМ проведено на основании фактических данных об участии лица в подготовке или совершении сбыта наркотиков; 2) умысел на незаконный сбыт наркотиков сформировался вне зависимости от действий оперативных сотрудников. При этом любая предварительная информация, касающаяся существующего намерения совершить преступление, должна быть проверяема. Проверочная закупка будет обоснованной, если перед ее проведением полицейские установят сведения о фигурантах, проведут прослушивание телефонных переговоров или другие ОРМ, одним словом, сформируют другие доказательства участия лица в сбыте наркотиков и подтверждающие его умысел на распространение наркотиков. В таком случае показания закупщика будут подкреплены другими еще более значимыми доказательствами. Примером действий сотрудников, когда суд не усмотрел в них провокации является дело «Банникова против РФ». В своем решении ЕСПЧ указал, что проверочной закупке предшествовал ряд следственных мер, в частности, суд санкционировал прослушивание телефонных разговоров, которое позволило получить веские доказательства наличия у нее умысла на сбыт наркотического средства¹. Однако есть и противоположные примеры. Доказательства, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, признаны проведенными в условиях провокации и признавались недопустимыми по следующим основаниям: проведение повторной закупки²; проведение закупки в отношении объектов, которые подсудимый сбывать не планировал³; получение при доказывании иных эпизодов⁴.

Получение от «закупщика» подробного объяснения, тщательное изучение сведений о соединениях между абонентами, исследование стенограмм телефонных переговоров позволят установить: кто именно первым обратился с просьбой о сбыте наркотика? сколько раз поступала просьба? имелись ли до этого факты незаконного сбыта наркотиков? У оперативников также целесообразно выяснить, имелась ли до проведения ОРМ информация о преступной деятельности сбытчика? Такие сведения позволят сделать вывод о том, сформировался ли умысел лица на незаконный сбыт вне зависимости действий сотрудников полиции или напротив имела место провокация.

Оперативное исследование содержимого сотовых телефонов

Для того чтобы закрепить сведения о фактах, имеющих значение для будущего уголовного дела, в ходе проводимых ОРМ до возбуждения уголовного дела необходимо при задержании фигурантов, причастных к незаконному обороту наркотиков, непременно изымать у них средства связи, находящиеся при них, и исследовать их содержимое на предмет обнаружения значимой информации. Среди имеющихся в арсенале оперативников в данном контексте немаловажное место занимает ОРМ исследование предметов и документов. Предметом исследования, помимо запрещенных веществ, могут являться компьютерные устройства, цифровые носители информации, которые зачастую служат средствами совершения наркопреступлений. Анализ практики позволяет отметить, что проводить ОРМ исследование предметов и документов могут как самостоятельно сотрудники оперативных подразделений, так и привлеченные к участию сотрудники экспертно-криминалистических подразделений. Сотрудникам следует принимать при

1 Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.11.2010 дело «Банникова против России» (жалоба N 18757/06) (I Секция) // СПС «Гарант».

2 Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 N 77-1148/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2023 N 77-2651/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2022 N 77-5275/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

этом ряд мер организационного характера, необходимых для наиболее эффективного его проведения: а) обеспечить участие специалиста, обладающего специальными познаниями для участия в проведении ОРМ, убедиться в его компетенции; б) обеспечение сохранности и надлежащей транспортировки объектов, подлежащих исследованию (постановка телефона в авиарежим, исключение возможности уничтожения информации владельцем средства связи и т.д.); в) оформление результатов ОРМ протоколом или актом исследования предметов и документов с соблюдением требований, предъявляемых к изъятию в УПК РФ.

Согласно результатам анкетирования оперативников, перед исследованием содержимого телефона ими отбирается заявление от владельца о согласии на проведение исследования. Однако считаем это излишним. Также и получения судебного решения на проведение исследования содержимого памяти сотового телефона не требуется. Данная позиция согласуется (с учетом аналогии и схожести характера следственного действия осмотр и ОРМ исследование предметов и документов) с мнением Конституционного Суда РФ, который отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского, просившего признать неконституционными ст. 176, 177, 195 УПК РФ, полагая, что их положения нарушают его право на тайну переписки, поскольку допускают возможность получения органом следствия информации о соединениях, текстов переписки, почтовых и иных сообщений в ходе производства осмотра и компьютерно-технических экспертиз изъятых абонентских устройств без получения судебного решения. Отказ в принятии жалобы был мотивирован тем, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации,

находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий, не требует вынесения специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение указанных действий и принимаемые решения способны причинить ущерб конституционным правам, могут обжаловать их в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ¹.

Проведение ОРМ опрос в условиях противодействия

Немаловажно максимально оперативно провести ОРМ опрос лиц, фактически задержанных, причастных к незаконному обороту наркотиков, поскольку с учетом элемента внезапности от них может быть получена значимая информация. В бесконфликтных условиях проблем в этом, как правило, не возникает. Однако при заявлении фактически задержанным лицом ходатайства о приглашении адвоката практика складывается неоднозначно. Сразу оговоримся, в Законе об ОРД прямой обязанности обеспечения оперативниками права на защиту не предусмотрено. Не разрешило неопределенности в этом вопросе определение Конституционного Суда РФ². Осужденный обратился с жалобой на неконституционность п. 8 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД, а также п. 15 ст. 5, ч. 3 ст. 46 и ч. 1 ст. 285 УПК РФ. Эти нормы, по мнению заявителя, позволяют проводить гласные ОРМ без участия защитника. Суд отказал в принятии жалобы к рассмотрению, мотивировав свое решение тем, что «проведение ОРМ законом увязывается непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии судопроизводства, когда дело еще не возбуждено, либо когда лицо еще не привлечено в качестве обвиняемого, но уже имеется информация, которая должна быть

1 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 N 189-О // СПС «КонсультантПлюс».

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 15 статьи 5, частью третьей статьи 46 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ N 1419-О от 27.06.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

проверена в ходе ОРМ». Также в решении указано, что право пользоваться помощью адвоката в таких ситуациях возникает у любого лица, когда ограничение его прав становится реальным и когда уполномоченными органами власти в его отношении предприняты меры, реально ограничивающие его свободу и личную неприкосновенность. Кроме того, юридическая помощь адвоката не исключается необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и конспиративности. Вместе с этим, на наш взгляд, следует вспомнить о другом фундаментальном решении высшего органа конституционного правосудия¹. Согласно ему возникновение права на получение помощи адвоката связывается не с приданием лицу какого-либо формального процессуального статуса, а с фактом ограничения его конституционных прав в ходе проверки подозрения о причастности к преступлению, с момента начала в отношении него любой обвинительной деятельности. Стоит отметить, что рассмотренные решения не содержат прямого указания на права заинтересованных лиц на получение юридической помощи при проведении ОРД. Надо признать, что ситуации, связанные с проведением ОРМ без участия адвоката, достаточно распространены. При рассмотрении жалоб суды обычно расценивают подобные нарушения несущественными, ссылаясь на то, что фактическое задержание и досмотр осуществлялись не в порядке уголовно-процессуального законодательства. Однако подобный аргумент нельзя назвать обоснованным, поскольку признакам допустимости отвечают лишь те результаты ОРД, которые соответствуют требованиям к доказательствам, предъявляемым УПК РФ. Резюмируя вышесказанное, руководствуясь базовым принципом уголовного судопроизводства, полагаем, что в случае заявления ходатайства об участии защитника при проведении гласного ОРМ опрос, сотрудникам надлежит принять необходимые меры к обеспечению такого права.

Подводя итог рассуждениям, следует констатировать, что рассмотренные в данной статье незамысловатые «переплетения» регулирования уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности являются лишь верхушкой айсберга. Существует множество других, не только теоретических, но и прикладных проблем. Аргументы о ненужности излишней формализации ОРД считаем несостоятельными. Полагаем, что устранение пробелов регламентации, напротив, облегчит работу оперативных и следственных сотрудников. Возможно, еще 20 лет назад оперативно-розыскное законодательство полностью удовлетворяло потребности практиков. Это объяснялось, во-первых, тем, что процент уголовных, дел возбуждаемых по результатам ОРД, был невелик. Во-вторых, случаи обжалования действий сотрудников были редкостью. На современном этапе доступность различных информационно-правовых платформ, да и в целом научно-технический прогресс служат не только правопорядочным целям, но и организованной преступности. При том, что сторона защиты использует любые возможности в противодействии изобличительной деятельности.

И.И. Сафонов, критикуя положения оперативно-розыскного законодательства, считает наиболее оптимальным решением принятие Кодекса оперативно-розыскной деятельности [5]. Солидарны с данным предложением. Рассмотренные в статье и многие другие вопросы дестабилизируют работу правоохранительных органов. Существует настоятельная потребность в оптимизации регулирования порядка деятельности, результаты которой используются в качестве оснований для дальнейшего уголовного преследования.

В заключение необходимо резюмировать, что на сегодняшний день прослеживается неэффективность норм, регламентирующих вопросы возбуждения уголовных дел о преступлениях рассмотренного вида, и особенности использования для этого результатов ОРД. Завершая, обозначим главные результаты:

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 11-П // СПС «КонсультантПлюс».

1) констатируем, что действующий Закон об ОРД не содержит ни одного ОРМ, которое бы позволяло осуществлять поиск и изъятие веществ, предметов, документов. Полагаем существенно необходимым внесение в перечень ОРМ, определяемый ст. 6 Закона об ОРД, полномочия на осуществление ОРМ изъятие веществ, предметов, документов. Кроме того, процедура проведения всех видов ОРМ требует детальной регламентации;

2) на понятых, привлекаемых к проведению ОРМ, должны распространяться те же требования, что и в УПК РФ, гарантирующие их незаинтересованность в исходе уголовного дела. Проблематичными являются случаи, когда привлечение к ОРМ любых участвующих лиц, в том числе понятых, объективно невозможно. Решением подобных патовых ситуаций, по нашему мнению, может являться применение положений ст. ч. 3 ст. 170 УПК РФ, по аналогии. Альтернативным гарантом обеспечения достоверности полученных таким способом доказательств может служить применение технических средств фиксации хода и результатов ОРМ. Считаем, что при проведении негласных ОРМ привлечение понятых нецелесообразно и в принципе невозможно, поскольку это ставило бы под сомнение конфиденциальный характер проводимых действий;

3) не разделяем позицию, согласно которой вместо первоначального исследования вещества предлагается сразу назначать экспертизу по изъятому веществу. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ экспертиза действительно может быть назначена в рамках проверки сообщения о преступлении. Но до предоставления результатов ОРД следовательно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (пока материалы находятся «на руках» оперативников) правовые основания назначения и производства судебной экспертизы отсутствуют;

4) при оценке оснований возбуждения уголовного дела по результатам ОРД следует исключить наличие в них признаков провокации со стороны сотрудников оперативных подразделений. Доказать отсутствие провокации и тщательно проверить все доводы привлекаемого к ответственности лиц – это

не право, а обязанность официальных органов расследования. Результаты ОРМ проверочная закупка будут признаны допустимыми, если а) ОРМ проведено на основании фактических данных об участии лица в подготовке или совершении сбыта наркотиков; б) умысел на незаконный сбыт наркотиков сформировался вне зависимости от действий оперативных сотрудников. Проверочная закупка будет обоснованной, если перед ее проведением наркополицией установлены сведения, подтверждающие умысел лица на распространение наркотиков;

5) получение судебного решения или согласия лица на проведение исследования содержимого памяти сотового телефона не требуется. Данная позиция согласуется с мнением Конституционного Суда РФ;

6) в Законе об ОРД прямой обязанности обеспечения оперативниками права на защиту не предусмотрено. Вместе с этим, учитывая решение Конституционного Суда РФ по делу Маслова, возникновение права на получение помощи адвоката связывается не с приданием лицу какого-либо формального процессуального статуса, а с фактом ограничения его конституционных прав в ходе проверки подозрения о причастности к преступлению, с момента начала в отношении него любой обвинительной деятельности. Руководствуясь базовым принципом уголовного судопроизводства, полагаем, что в случае заявления ходатайства об участии защитника при проведении гласного ОРМ опрос сотрудникам следует принять необходимые меры к обеспечению такого права;

7) критика положений оперативно-розыскного законодательства привела к выводу о необходимости принятия Кодекса оперативно-розыскной деятельности.

Выявленные проблемные аспекты в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков имеют важное практическое значение для правоохранительных органов. Существует настоятельная потребность в оптимизации регулирования порядка деятельности, результаты которой используются в качестве оснований для дальнейшего уголовного преследования.

Оптимизация положений уголовно-процессуального законодательства и создание эффективных инструментов для совершенствования ОРД будут способствовать не только увеличению раскрываемости преступлений данной категории, но и значительно-

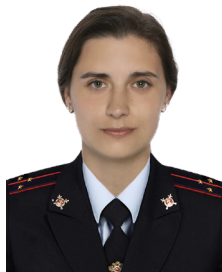
му снижению частоты обжалования действий сотрудников. Это, в свою очередь, в условиях существующего кадрового дефицита позволит избежать значительной нагрузки на оперативных работников, связанной с участием в судебных разбирательствах.

Библиографический список

1. Зорькин, В.Д. Вступительная статья в комментарий Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / В.Д. Зорькин. – 3-е изд. и перераб. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2019. – 488 с.
2. Муравьев, К.В. Законность и справедливость уголовно-процессуальной деятельности / К.В. Муравьев // От классического уголовного процесса к современному судопроизводству. Вызовы времени : сборник материалов международной научно-практической конференции, Барнаул, 17-18 октября 2024 года. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 55-57.
3. Николюк, В.В. Судебное санкционирование проведения оперативно-разыскных мероприятий (ст. 9 Закона об ОРД): правовые и организационные аспекты / В.В. Николюк // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сборник материалов международной научно-практической конференции. К 30-летию принятия Конституции РФ: в 2 ч. Орел, 12-13 октября 2023 года / редкол.: К.В. Муравьев [и др.]. – Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2023. – Ч. 2. – С. 38-44.
4. Россинский, С.Б. Результаты «дорожно-полицейских» досмотров и уголовно-процессуальное доказывание: постановка проблемы / С.Б. Россинский // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – N 3(100). – С. 241-249.
5. Сафонов, И.И. Организация раскрытия и расследования терроризма : монография / И.И. Сафонов ; под ред. проф. А.С. Подшибякина. – М.: Шумилова, 2004. – 154 с.
6. Тимофеев, С.В. Проблемы применения оперативно-розыскного законодательства, регулирующего порядок изъятия наркотиков / С.В. Тимофеев // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2020. – N 2. – С. 150-157.
7. Шапошников, А.Ю. Ошибки при проведении и оформлении проверочной закупки по делам о сбыте наркотических средств / А.Ю. Шапошников, И.А. Шапошникова // Уголовный процесс. – 2010. – N 4. – С. 10-19.

УДК 343.98

Елизавета Сергеевна ПУСТОВОЙТ,

научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск))

lizapustovoyt@yandex.ru

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ЛИЦА,
СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИКОВ, В РЕГИОНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ
ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE IDENTITY OF A PERSON
COMMITTING CRIMES RELATED TO DRUG TRAFFICKING IN THE REGION
OF RESPONSIBILITY OF THE MEMBER STATES
OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION**

Изучение личности лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, имеет важное криминологическое значение. Автором рассмотрена классификация и типологизация личности лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. Выделены социально-демографические и правовые признаки данной личности. Раскрыто криминологическое значение внутренней типологизации государств – членов ОДКБ, на основе которой изложены типовые особенности личности лица, совершающего наркопреступления.

The study of the identity of a person committing crimes related to illegal drug trafficking is of an important criminological significance. The author examines the classification and typology of the identity of a person committing crimes related to illegal drug trafficking in the region of responsibility of the member states of the Collective Security Treaty Organization. The socio-demographic and legal characteristics of this person are highlighted. The criminological significance of the internal typology of the CSTO member states is revealed, on the basis of which the typical features of the identity of a person committing drug crimes are presented.

Ключевые слова: антинаркотическая безопасность, трансрегиональная наркопреступность, межгосударственный уровень, наркоугроза, сверхдоходы.

Keywords: anti-drug security, transregional drug crime, interstate level, drug threat, super profits.

Противодействие наркопреступности, обеспечение антинаркотической безопасности, эффективное и скоординированное функционирование правоохранительных органов уже давно вышли за масштабы одного государства, приобрели межгосударственный уровень, сформировав двухсторонние или даже региональные договоренности. Не

случайно П.В. Тепляшин и Е.А. Федорова указывают, что «по степени опасности наркоугрозу можно поставить в один ряд с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения» [8, с. 68].

Существенную криминологическую значимость имеет антинаркотическая безопасность на региональном межгосударственном уров-

не, охватывающем взаимовыгодные интересы государств, которые, с одной стороны, столкнулись с типичными формами наркоугроз и нарковызовов и единообразными подходами к противодействию им, с другой – обладают рядом общих факторов становления и развития. Ввиду этого стоит обратить внимание на партнеров в рамках функционирования такой региональной международной организации, как Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ, Организация). ОДКБ образована 30 лет назад и зарекомендовала себя как надежная, быстро развивающаяся и эффективная межгосударственная организация, в которую входят 6 государств-членов (республики Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Российская Федерация), способная конструктивно решать задачи в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков [подр.: 5, с. 31].

Для того чтобы разработать эффективные меры противодействия наркопреступности в регионе ответственности Организации, необходимо выделять особенности, характерные черты личности преступника рассматриваемого региона. Кроме того, изучение личности преступника открывает новые возможности для прогнозирования преступного поведения. Поскольку наркопреступление следует рассматривать и как определенное проявление личностных черт, то его прогноз можно основывать на системе предыдущих поступков человека. Зная, какие именно варианты взаимодействия социальных условий и личности закономерно порождают преступное поведение, можно не только прогнозировать его распространение, но и предвидеть, среди каких социальных групп, на какой территории такая распространенность будет наибольшей или наименьшей.

В исследованиях ученых-криминологов применительно к свойствам лица, совершающего преступление, в основном используется термин «личность преступника» [2; 9]. Вместе с тем отдельные авторы отмечают, что использование этого термина несет определенную и неоправданную заданность, предположение, что существуют особые свойства, присущие

лицам, совершающим преступление, которые отличают их от законопослушных граждан [1], однако исследования в данной сфере показали, что таких свойств установить не удалось. Представляется, что следует использовать термин «личность лица, совершающего преступления», поскольку нет социально-типичных свойств личности, отличающих преступника от законопослушного гражданина [4, с. 105]. Следовательно, применительно к теме исследования в большей степени подходит термин «личность лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков».

Таким образом, стоит согласиться с мнением А.В. Шеслера и С.С. Шеслер в том, что «понятие личности лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, следует рассматривать как совокупность криминологически значимых признаков (правовых, социальных, психологических), которые раскрывают общественную опасность этой личности» [10, с. 82].

Общественная опасность личности лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, также состоит в ее вредоносности и прецедентности. Как верно указывает А.Н. Курындина, «вредоносность нарколиц, которые при этом сами наркоманами не являются, состоит в том, что они выбирают единственный путь удовлетворения своих материальных потребностей, получая прибыль от незаконного оборота наркотиков, а прецедентность состоит в наличии у данных деяний свойств человеческой практики [3, с. 35]. Это подтверждается и тем, что незаконная деятельность в сфере наркобизнеса складывается из ряда тождественных преступлений, при этом преступный наркооборот в основе стал организованным и профессиональным, соответственно, наркосубкультура основана не только на физиологической зависимости больных наркоманией, но и во многом – на чувстве тревожности, вызванном угрозой неминуемой расправы в случае предательства или несанкционированного выхода из сферы влияния, особенно в функционировании лица внутри наркогруппы, занимающейся распространением наркотиков в пространстве ОДКБ. Исследование

личности преступника позволяет увидеть среду, в которой сформировался человек, а также социальные условия, детерминирующие преступное поведение.

Вся совокупность лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в зависимости от характера их систематизации может быть определенным образом классифицирована или типологизирована. Классификация является наиболее низким уровнем обобщения лиц, совершающих преступления, когда распределение происходит на группы по единому основанию (по возрасту, полу). В основе классификации могут лежать любые критерии классификации, связанные с преступным поведением, и эта связь может не носить существенного, закономерного характера. Правы Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер: «Цель классификации состоит в том, чтобы выявить среди лиц, совершающих преступления, распределенных по определенным группам, наиболее распространенные признаки, имеющие криминологическое значение» [4, с. 133]. Типология – более высокий уровень познания, в ее основании лежит разделение преступников и их обобщение с помощью абстрагированной модели и типа. Типология основывается на выявлении сходства и различия в личности преступника, стремится постичь их структуру и определить закономерности.

В большинстве случаев классификация индивидуальности преступника в целом и наркопреступника в регионе государств – членов ОДКБ строится, основываясь на социально-демографических и правовых признаках, именно данные черты позволяют определить наиболее распространенные признаки, имеющие криминологическое значение.

Классификация по демографическому признаку

1. Пол: статистика позволяет сделать вывод, что около 94,6% всех наркопреступлений в регионе Организации совершают мужчины (в Республике Армения – 96,3%, в Республике Беларусь – 93,4%, в Республике Казахстан – 94,5%, в Кыргызской Республике – 95,8%, в Российской Федерации – 90%, в Республике Таджикистан – 98%).

2. Возраст: значительная часть наркопреступников – лица в возрасте от 16 до 30 лет. Однако в Республике Армения среди лиц, совершивших наркопреступления, преобладают лица в возрасте от 30 до 49 лет (47,1%).

Классификация по социальному признаку

1. Образование: низовое звено наркотрафика представляют наркопреступники, как правило, имеющие среднее образование или зачастую вообще не имеющие никакого образования, лица, занимающие более высокое положение в преступной иерархии или участвующие в наркопроизводстве, имеют высшее образование или специальные знания в необходимой области.

2. Семейное положение: доля лиц, состоящих в брачных отношениях, варьируется в диапазоне 10-35%.

Классификация по правовому признаку

Реальнее и практичнее по данному критерию привести классификацию наркопреступников в регионе ответственности Организации по признаку количества лиц, задержанных за наркопреступления в 2022-2023 гг. (Республика Армения – 1 244 (754, +65%), Республика Беларусь – 2153 (2469, -12,8%), Республика Казахстан – 4536 (4306, 5,3%), Кыргызская Республика – 1656 (1889, -12,3%), Российской Федерации – 77 123 (75 666, -3,2%), Республика Таджикистан – 759 (736, +3%)). Данная статистика указывает на значительное увеличение количества задержанных лиц в Республике Армения, а средний показатель по всем странам равен 7,5%.

Российская криминология имеет достаточное количество научно обоснованных вариантов типологии личности преступника. Наиболее универсальной представляется позиция, согласно которой выделяются три типа личности преступника: последовательно-криминальный, ситуативно-криминогенный, ситуативный. Данная конструкция, на наш взгляд, наиболее удачна, так как позволяет четко дифференцировать наркопреступников, в том числе и в регионе ответственности ОДКБ.

Последовательно-криминальный тип личности наркопреступника формируется в микросреде, где нормы морали права система-

тически нарушаются, ввиду чего данный тип отличается стойкой антиобщественной направленностью и асоциальностью личности, в основе которой лежат сугубо корыстные мотивы совершения наркопреступлений и отрицательное отношение к основным социальным ценностям. Лица данного типа склонны «приспосабливаться», адаптироваться к конкретной жизненной ситуации, в которой они находятся, к условиям наркобизнеса. Подобные лица обычно лидеры. Вполне закономерно прогнозировать рецидив с их стороны, в связи с этим индивидуальная профилактика в отношении последовательно-криминального типа личности наркопреступника должна быть особенно интенсивной.

Ситуативно-криминогенный тип личности наркопреступника (личностные характеристики достаточно неоднозначны). В структуре нравственно-психологических свойств и качеств преступников, относящихся к данному типу, наряду с негативными имеются и положительные признаки. Преступные наркодействия совершаются для достижения корыстных целей либо вызваны необходимостью приобретения наркотических средств для личного употребления. В этом случае решающее значение имеет взаимодействие личности и социальной среды и воздействие на лицо. В ряде случаев, когда ситуация препятствует совершению преступления, наркопреступники могут и отказаться от совершения наркопреступлений, следовательно, такой тип личности, как правило, – в роли либо исполнителя, либо пособника.

Ситуативный тип личности наркопреступника. Нравственно-психологические свойства и качества личности преступника данного типа в основном положительны. Решающее воздействие на личность оказывает ситуация совершения наркопреступления, которая является для него необычной и возникшей по вине третьих лиц, когда другими субъектами нарушаются установленные нормы поведения либо когда лицо само употребляет наркотические средства и «втягивается» в систему наркобизнеса.

Наложив предложенную типологию на характеристику личности лица, совершав-

шего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков в регионе государств – членов Организации, представляется возможным определить, что среди лиц, совершающих преступления в данной сфере, преобладают те, кто относится к последовательно-криминальному типу личности, так как мотивы порождены образом жизни, благоприятной для совершения преступления ситуацией, которую зачастую моделирует сам преступник, а также возможностью получения сверхдоходов. Кроме того, мы говорим о совершении трансрегиональных наркопреступлений в целом пространстве государств – членов ОДКБ, ввиду чего стоит говорить об организованном типе наркопреступника, обладающего характеристиками последовательно-криминального типа. Данные лица обладают такими признаками, как:

- стойкая мотивация преступного наркоповедения без какого-либо внутреннего самоосуждения;
- корыстные взгляды;
- ярко выраженный правовой нигилизм;
- негативно-пренебрежительное отношение к личности человека и ее важнейшим благам;
- высокая степень криминогенного искажения личностных характеристик;
- уверенность во вседозволенности и безнаказанности, откуда появляется готовность рисковать.

Однако они коммуникабельны, умеют регулировать свою деятельность, способны к принятию и осуществлению принятых решений, достижению поставленных целей, которые образуют волевые качества личности, проявляя себя в целеустремленности, инициативности, активности, последовательности действий и др. Все эти качества требуются для успешного функционирования в наркогруппе. Самое основное – в данной группе должны быть стабильный состав участников, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность действий, постоянство форм и методов преступной наркодеятельности, длительность существования.

Общественная опасность организованного типа наркопреступника заключается в том,

что он является частью системы трансрегиональной наркопреступности, образуя при этом повышенную общественную опасность именно в таких наркогруппах. Следует также отметить, что существует такая закономерность: с увеличением уровней (согласно многоуровневой модели наркопреступности в регионе Организации) понижается вероятность установления и привлечения к ответственности наркопреступников, так как на более высоких уровнях происходит усложнение процедуры идентификации наркопреступника.

Стоит сказать о том, что в рамках ОДКБ допустимо выделять подгруппы государств, имеющих более высокую степень общих криминологически значимых задач, наиболее связанные традиции в той или иной сферах жизнедеятельности, наибольшую географическую сопряженность и иные наиболее схожие признаки. Следовательно, можно говорить о внутренней типологизации государств – членов ОДКБ. С криминологической точки зрения данная типологизация, во-первых, обеспечивает понимание специфики контактов и внутренних трендов взаимодействия компетентных органов государств – членов в сфере противодействия различным наркоугрозам, во-вторых, усиливает научно-методологическую базу исследования наркоугроз в регионе ответственности Организации и практики их нейтрализации, в-третьих, создает научно обоснованные предпосылки для оптимизации уголовной и криминологической политики реализации стратегических установок в исследуемой области.

Согласимся с мнением П.В. Тепляшина: «Основания (критерии) такой типологизации могут включать несколько признаков или только один, способны обладать как постоянными, так и временными свойствами» [7, с. 81]. По количеству зарегистрированных наркопреступлений в 2023 г. (временный критерий) республики Беларусь (-8,2%), Кыргызстан (-11,7%) и Таджикистан (-5%) могут быть включены в подгруппу государств, в которых за указанный период было установлено снижение количества наркозависимых

лиц, стоящих на диспансерном учете.

В силу такого постоянного критерия, как принадлежность к Центрально-Азиатскому региону, республики Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан можно объединить в «центрально-азиатскую» подгруппу государств по ряду следующих признаков: географическому (соприкосновенность границ), этно-религиозному, социально-экономическому (тесное сотрудничество и интеграция) и т.д. Республику Беларусь и Российскую Федерацию допустимо объединить в относительно самостоятельную подгруппу – «северную» – по таким же существенным признакам. Республику Армению и Российскую Федерацию – в подгруппу «южную». Ведь не случайно стержневой идеей Антинаркотической стратегии¹ выступает закрепление дальнейшего расширения межгосударственного сотрудничества на фоне агрессивных вызовов и перманентных угроз современной эпохи, в связи с чем данное деление необходимо в разрезе более тесных аспектов межгосударственного сотрудничества между отдельными государствами – членами Организации.

Также приведенная типологизация необходима для рассмотрения, выделения особенностей личности лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в данном регионе.

Во-первых, одной из особенностей является наложение опиоидного «следа» на наркопреступника и наркопотребителя «центрально-азиатской» подгруппы государств. Данные страны находятся в непосредственной близости от Афганистана, который является планетарным центром по производству опиоидных наркотиков, а также на движении наркотрафика по «северному маршруту». Данные аспекты являются предметом отдельных специальных исследований [6, с. 28-30]. Указанная специфика не характерна для государств «северной» подгруппы.

Во-вторых, в «центрально-азиатской» подгруппе государств имеется значительная собственная растительно-сырьевая база наркотиков каннабисной группы, то есть значи-

1 Антинаркотическая стратегия государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021-2025 годы. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?tm=1731948225&tld=ru&lang=ru&name=a533ecfd4cf8b0f660d4bee265444176.pdf> (дата обращения: 18.11.2024).

тельная часть наркопреступников задействованы «в работе» с данным видом наркотиков.

В-третьих, увеличившиеся в последние годы потоки синтетических наркотиков из Западной Европы и Украины через Беларусь повлекли снижение этнической составляющей преступных наркогрупп, что логично отразилось на криминологических характеристиках лица, совершающего наркопреступления в государствах «северной подгруппы».

В-четвертых, если выделить критерий соприкосновения границ с Китаем, то Российская Федерация и Республика Казахстан образуют отдельную подгруппу («северо-восточную»), связанную с контрабандой прекурсоров из

Китая, отсюда вытекает специфичность деятельности наркопреступника.

В-пятых, к рассматриваемой подгруппе государств стоит отнести нацеленность на наркопроизводство. Так в 2023 г. ликвидировано нарколабораторий в Республике Казахстан – 81, в Российской Федерации – 225.

Таким образом, представленный дайджест соответствующих взглядов показывает перспективность и научную ценность исследования криминологических аспектов личности лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, в регионе ответственности государств – членов ОДКБ.

Библиографический список

1. Антонян, Ю.М. Личность преступника / Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. – СПб., 2004. – 364 с.
2. Игошев, К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения / К.Е. Игошев. – Горький, 1974. – 167 с.
3. Курындина, А.Н. Личность лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Н. Курындина. – Тюмень, 2008. – 191 с.
4. Прокументов, Л.М. Криминология (Общая часть) : учебное пособие / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск, 2017. – 284 с.
5. Пустовойт, Е.С. Криминологические тенденции наркопреступности в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности / Е.С. Пустовойт // Наркоконтроль. – 2023. – № 3. – С. 31-35.
6. Тепляшин, П.В. Криминологический анализ корреляции между динамикой афганской опиоидной экспансии и героиновой наркоситуацией в России / П.В. Тепляшин // Наркоконтроль. – 2020. – № 4. – С. 27-31.
7. Тепляшин, П.В. Политика реализации Антинаркотической Стратегии государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021-2025 годы Российской Федерацией и Республикой Казахстан / П.В. Тепляшин // Проблемы и перспективы совершенствования законодательства и правоприменительной практики органов внутренних дел : материалы дистанционной международной научно-практической конференции, приуроченной к 100-летию со дня рождения выдающегося педагога профессора права Баримбека Сарсеновича Бейсенова. – Караганда, 2023. – С. 80-82.
8. Тепляшин, П.В. Транснациональная наркопреступность: понятие, признаки, детерминанты и отдельные направления противодействия / П.В. Тепляшин, Е.А. Федорова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 3. – С. 68-74.
9. Филимонов, В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. – Томск, 1981. – 213 с.
10. Шеслер, А.В. Понятие и общественная опасность лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств / А.В. Шеслер, С.С. Шеслер // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 3(36). – С. 80-85.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 34.343.2

Алексей Александрович АЛИМПИЕВ,

начальник отделения

научно-исследовательского центра

Костанайской академии

МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева

lehaimovich@mail.ru

О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

ON THE SOCIAL CONDITIONALITY OF THE LEGAL REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR MASS RIOTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Статья посвящена рассмотрению вопроса социальной обусловленности нормативно-правовой регламентации ответственности за массовые беспорядки. Актуальность поднимаемой проблематики обусловлена необходимостью поиска причинной связи между сформировавшимися юридическими критериями установления уголовной ответственности за преступные действия толпы и теоретическими положениями, посвященными ее (толпы) исследованию как социального и психологического явления.

Сквозь призму теоретических взглядов представителей различных школ права сфокусировано внимание на вопросах разграничения коллективной и персональной ответственности за совершение массовых беспорядков, проведен сравнительно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за массовые беспорядки, отразивший различные подходы в регламентации уголовно-правового противодействия стихийным либо заранее организованным акциям деструктивной толпы, принятые в законодательстве ряда зарубежных стран.

По итогам исследования автором сформулированы выводы относительно социально-правовой обусловленности установления мер ответственности за организацию и совершение стихийных преступных действий, образующих состав массовых беспорядков.

The article is devoted to the consideration of the issue of social conditionality of the legal regulation of responsibility for mass riots. The relevance of the raised issues is due to the need to search for a causal relationship between the established legal criteria for establishing criminal liability for criminal acts of a crowd and theoretical provisions devoted to its (crowd) research as a social and psychological phenomenon.

Through the prism of the theoretical views of representatives of various schools of law, attention is focused on the issues of distinguishing collective and personal responsibility for committing mass riots, a comparative legal analysis of the norms on criminal liability for mass riots is carried out, reflecting various approaches to regulating criminal legal counteraction to spontaneous or pre-organized actions of destructive crowds adopted in the legislation of a number of foreign countries.

Based on the results of the study, the author formulated conclusions regarding the socio-legal conditionality of establishing measures of responsibility for the organization and commission of spontaneous criminal acts forming the composition of mass riots.

Ключевые слова: уголовное законодательство, массовые беспорядки, социальная обусловленность массовых беспорядков, нормативная регламентация ответственности за совершение массовых беспорядков, преступная толпа.

Keywords: criminal law, mass riots, social conditionality of mass riots, regulatory regulation of responsibility for committing mass riots, criminal mob.

Под массовыми беспорядками в специальной социологической и юридической литературе принято понимать совокупность противоправных действий, направленных на нарушение общественного порядка, создающих угрозу общественной безопасности и внутренней стабильности государства.

Словосочетание, употребленное в названии статьи 212 УК РФ, отражает разнообразие форм насильственных действий и частоту их проявления в заданном временном и географическом пространстве.

Сам термин «массовые беспорядки» подразумевает коллективного субъекта преступления, которым является множество лиц, или так называемая «масса». Поскольку масса людей устремлена на учинение беспорядков, постольку под угрозой деструктивного воздействия находится определенный объект посягательства. В нашем случае таковым объектом естественно выступает установленный в государстве социальный порядок, традиционно обозначаемый в юридической науке такими понятиями, как «правопорядок» либо «общественный порядок».

В этой связи постижение социально-правовой природы массовых беспорядков видится нам сквозь призму иллюстрации сути социального хаоса как антипода общественного порядка и понятия, тождественного категории «беспорядок».

Российские авторы О.В. Кантицкий и А.М. Лафуткин, исследовавшие феномен массовых беспорядков в социально-психологическом срезе научного знания, отмечали, что социальный хаос выводит из устойчивого равновесного состояния сформировавшиеся в обществе общности и группы, увеличивая их степень свободы [3, с. 63].

Очевидно, что российским законодателем практика организации цветных революций и государственных переворотов не осталась вне учета и должного внимания, об этом свидетельствует эволюция нормы о массовых беспорядках, с течением времени сопровождавшаяся включением в статью 212 УК РФ дополнительных частей, касающихся организации, призывов и прохождения обучения для совершения анализируемого преступления.

Освещаемый в настоящей статье вопрос социальной обусловленности массовых беспорядков отсылает к необходимости поиска причинной связи между сформировавшимися юридическими критериями установления уголовной ответственности за преступные действия толпы и теоретическими положениями, посвященными ее (толпы) исследованию как социального и психологического явления.

Вопросов по поводу того, что преступление, совершенное толпой, должно наказываться как деяние «одного человека», в классической школе уголовного права никогда не возникало, так как в ней преступление является априори результатом проявления свободы воли индивида независимо от стороннего влияния либо внушения.

Представителями же позитивной школы, напротив, была воспринята идея о том, что «преступление, совершенное толпой, должно судиться отлично от того преступления, которое совершено одним лицом» [8, с. 20].

Подобное суждение получало поступательное развитие, с течением времени обретая форму доктрины уголовной ответственности за совершение коллективного преступления, сформулированное сторонником позитивной школы права Пюльезе в его известном труде «О коллективном преступлении». По его мне-

нию, индивид, действовавший в массе бунтующего народа, представляет собой «каплю выступившего из берегов потока», вследствие чего превращается в бессознательное орудие толпы [цит. по: 8, с. 21].

Приведенная логика Пюльезе означает, что совершенное большим скоплением людей преступление заслуживает большей снисходительности, нежели изолированное преступное деяния индивида, на чем, собственно, строится предлагаемый им принцип коллективной полу-ответственности.

Соотнося рассуждения подобного рода с современной действительностью, можно признать в них лишь историческое значение для изучения эволюции уголовной ответственности за совершение массовых беспорядков.

Сформированный и укоренившийся в российской доктрине уголовного права принцип личной ответственности за содеянное снимает вопрос об актуальности рассмотрения проблемы ограничения ответственности индивида как потенциального субъекта массовых беспорядков.

Как правило, вне зависимости от географии массовых беспорядков, совершаются ли они в странах Западной Европы, Америки, Африки или Азии, закономерно, что сопровождаются они обычно поджогами, актами физического насилия, уничтожением и повреждением частного и муниципального имущества, применением огнестрельного оружия и веществ, представляющих опасность для окружающих.

Однако, как показал сравнительно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за массовые беспорядки, в законодательстве зарубежных стран приняты различные подходы в регламентации уголовно-правового противодействия стихийным либо заранее организованным акциям деструктивной толпы.

Так, в странах, относящихся к англосаксонской правовой семье (США, Великобритания), факт совершения массовых беспорядков связывается с субъективной оценкой

общественной опасности совершаемого деяния, даваемой потенциальными и реальными жертвами подобных преступлений.

В Великобритании согласно Акту об охране общественного порядка от 1 апреля 1986 года, массовые беспорядки считаются совершенными, если действия толпы, состоящей из 12 и более лиц, имели характер, способный вызвать реальное опасение у окружающих за сохранение жизни и личной безопасности¹.

Порядок привлечения к ответственности за массовые беспорядки в США применяется в законодательстве каждого из штатов на основе Модельного уголовного кодекса 1962 года, который предусмотрел в отдельной главе, именуемой «Преступления против публичного порядка и благопристойности», статью 250 «Учинение беспорядков, поведение, нарушающее публичный порядок и родственные им посягательства».

По уголовному законодательству США действия участников массовых беспорядков должны «вызывать тревогу и общественную панику, блокировать дорожное и пешеходное движение, сопровождаться уничтожением предметов имеющих культурную ценность»².

Редакция норм о массовых беспорядках практически всех без исключения стран постсоветского пространства вобрала в свое содержание основные признаки, фигурировавшие в статье 186 Модельного уголовного кодекса государств участников – государств Содружества Независимых Государств, принятого 17 февраля 1996 года. Исключение представляет Республика Украина, в уголовном законодательстве которой массовые беспорядки по виду конструкции состава преступления являются не формальным, как это принято практически во всех постсоветских государствах, а материальным составом преступления, о чем говорит указание в части 2 статьи 294 УК Украины на последствия в виде гибели людей либо иные тяжкие последствия, которые выступают условием привлечения виновных к 15 годам лишения

1 Public Order Act 1986 – Summary. URL: <https://www.lawteacher.net/acts/public-order-ct.php>; Public-order-offences. URL: <https://lawexplores.com/public-order-offences/> (дата обращения: 23.03.2024).

2 Model Penal Code United States of America 1962. URL: http://www.icla.up.ac.za/images/un/use-of-force/western-europe-others/UnitedStatesofAmerica/Model%20Penal%20Code% (дата обращения: 08.04.2018).

свободы и относят преступление к категории особо тяжких¹.

Схожие с деянием, именуемым в УК РФ массовыми беспорядками, преступления в УК зарубежных стран обозначаются различными наименованиями: «О публичных беспорядках» (УК Испании) «Массовые общественные беспорядки» (УК Китая), «Причастность к бунту» (УК Норвегии), «Беспорядки» (УК Японии), «Бесчинство» (УК Израиля).

Основным квалификационным признаком деяний, схожих с массовыми беспорядками, во всех без исключения нормах проанализированных стран, относящихся к романо-германской правовой семье, выступает насилие, совершаемое группой лиц, или так называемым «сборищем», «незаконным собранием».

Для подчеркивания признака массовости в зарубежном уголовном законодательстве прибегают к использованию таких категорий, как «незаконное сборище» (УК Голландии), «незаконное собрание» (УК Дании), «лица, собравшиеся в большом количестве» (УК Кореи). В некоторых нормах о массовых беспорядках к квалификационному признаку относят точно установленное число участников толпы для признания их субъектами массовых беспорядков. Такие условия фигурируют в УК Таиланда, Турции, указавших количество в 10 человек.

В УК проанализированных стран имеются нормы, стимулирующие отказ участников групповых нарушений от совершения преступления, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности лиц, добровольно покинувших сборище до совершения насильственных действий после призыва мирно разойтись (Дания, Франция, Швейцария).

Кроме этого при таком описании законодатели прибегают к указанию количества произнесенных требований разойтись, неисполнение которых выступает условием привлечения к уголовной ответственности участников толпы.

Уголовно-правовые нормы во Франции, призванные обеспечивать уголовно-право-

вое противодействие массовым беспорядкам, наделены элементами инструктивности и алгоритмизации действий должностных лиц и государственных служащих по пресечению общественно опасных деяний со стороны участников преступного сборища. Согласно данным нормам, компетентным органам и должностным лицам корреспондирована обязанность сделать предупреждение участникам сборища до применения силы.

В отличие от сложившейся в российском законодательстве позиции, согласно которой наибольшую ответственность должен нести организатор, в уголовном законе отдельных стран европейского континента (Австрия, Дания) роли организатора, пособника и подстрекателя приравниваются, что говорит об отсутствии дифференциации ответственности за содеянное в зависимости от выполненной роли в соучастии.

В УК Голландии в качестве субъекта преступления, схожего с массовыми беспорядками, упоминаются военнослужащие.

Уголовное законодательство Польши отличается подходом в конструировании нормы о массовых беспорядках. Можно назвать отличающимся уникальностью в отличие от подхода большинства стран в части описания близких по значению к массовым беспорядкам деяний, положение параграфа 1 статьи 254 Уголовного кодекса Польши, в котором определяющим моментом уяснения сущности преступления является «осознание участником толпы совместности предпринимаемых усилий, направленных на насильственное посягательство в отношении имущества и физических лиц». Параграф 2 статьи 254 УК Польши сконструировал состав условно понимаемых нами массовых беспорядков как материальный, с включением последствий в виде смерти человека и причинением тяжкого вреда здоровью человека.

Прослеживается политическая подоплека при оценке совершаемых массовых беспорядков, отражающаяся в нормах уголовных кодексов Турции и КНР.

¹ Здесь и далее анализируемое законодательство зарубежных стран: URL: <http://okpravo.ru/news/> (дата обращения: 16.04.2024).

В Турции массовые беспорядки поставлены в ряд угроз проведения государственных и политических мероприятий.

В Китае политический оттенок наблюдается в применении санкций в виде лишения политических прав.

Наряду с рассмотрением аспекта нормативно-правовой регламентации ответственности за массовые беспорядки особого внимания заслуживает освещение социально-психологической природы толпы как неотъемлемого элемента изучаемого нами феномена.

Выявление закономерностей в механизме функционирования толпы, на наш взгляд, является основным инструментарием исследования социальной обусловленности уголовной ответственности за массовые беспорядки в законодательстве России и зарубежных стран. Кроме того, постижение природы феномена толпы, по нашему мнению, является одним из исходных начал в разработке стратегии уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам, так как именно «толпа» является и решающим фактором, и неотъемлемым элементом условия их совершения.

В определении, данном российским социологом А.П. Назаретяном, толпа понимается как «скопление людей, не объединенных общностью целей и единой организационно-ролевой структурой, но связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием» [5, с. 14]. Согласно приводимой им классификации толпа подразделяется на четыре вида:

окаzionale – вызванная каким-либо случаем, например дорожно-транспортным происшествием;

конвенциональная – собравшаяся на спортивном мероприятии, рок-концерте и т.д.;

экспрессивная – представленная митингом, шествием, пикетированием, демонстрацией, с выражением определенных требований;

действующая – превращающаяся в массу агрессивно настроенных людей.

Добавим, что указанные виды толпы обладают свойством взаимообусловленности и трансформации из одной ее разновидности в другую.

Известный российский социальный психолог Л.Г. Почебут механизм образования и функционирования толпы связывала с «волновым эффектом» распространения идеи, которая может объединить людей только при условии ее непротиворечивости интересам скопившихся масс [6, с. 19].

Г. Блумер в подобном ключе коллективное поведение толпы объяснял природой «круговой реакции», в рамках которой индивиды передают возбуждение, а вместе с ним и социальное беспокойство [цит. по: 7, с. 530].

Французский социолог Гюстав Лебон наделял толпу свойством «коллективной души», которая поглощает человеческую индивидуальность. «Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимает одно и то же направление» [4, с. 160]. В описании свойства коллективной души Лебон был склонен в придании ей больше негативного оттенка, выдвинув тезис, что в толпе может происходить накопление только глупости, а не ума [4, с. 164].

Воззрения не менее известного социолога С.И. Сигеле относительно механизмов функционирования толпы нам показались более аргументированными и в большей мере соответствующими как массовой, так и индивидуальной психологии. С.И. Сигеле считал, что никакое внушение, в том числе и гипнотическое, не способно в полной мере подавить человеческую индивидуальность. В обоснование этого положения С.И. Сигеле приводит основанный на наблюдениях и экспериментальных данных тезис: «Если при гипнотическом внушении, самом сильном и могущественном из всех внушений, нельзя достичь полного уничтожения человеческой индивидуальности, а только одного лишь ее ослабления, то на гораздо большем основании мы можем сказать, что эта индивидуальность сохранится в состоянии бодрствования, даже если бы внушение достигло самой высшей степени, как, например, среди толпы» [8, с. 89].

С выдвинутым тезисом отчасти был не согласен выдающийся психолог и социолог Габриэль Тард: «Не могу присоединиться к мнению Сигеле, что если даже и гипнотическим

внушением нельзя превратить честного человека в убийцу, то тем труднее это сделать с помощью внушения в бодрственном состоянии, с которым мы обыкновенно встречаемся в народных волнениях». Частично разделяя точку зрения Лебона о том, что индивидуальное сознание личности поглощается коллективным чувством, Г. Тард первопричину этого явления видел не во внушении, а в иррациональном чувстве страха участников толпы перед кем-то или перед чем-либо. Это явление им описывается следующим образом: «Факты доказывают, что деморализующее действие мятежа или даже тайного заговора далеко превышает влияние какого-либо гипнотизера, и в этих случаях внушение играет значительно меньшую роль, чем принуждение, страх и нравственная трусость» [9, с. 425].

Дореволюционным российским автором Д.Д. Безсоновым на примере холерных беспорядков 1891 года со слов занимавшего должность прокурора и общественного деятеля П.Н. Обнинского была ярко проиллюстрирована следующая ситуация, в которой толпа под воздействием страха, избирает объект нападения, являвшегося по общему мнению источником опасности: «Целые массы людей, в зверском остервенении, очевидно, обезумевшие от ужаса перед какою-то фантастическою, грозящей им гибелью и даже не подозревающие об опасности действительной, жгут, истребляют и разносят то, что заботливою рукою было устроено и уготовано для спасения их от страшной болезни: убивают врачей и фельдшеров, прибывших лечить их, бьют полицейских, им помогающих, режут, сокрушают и неистовствуют в домах, на улицах, площадях, в больницах и бараках» [1, с. 204-209].

Либеральный оттенок носило мнение прокурора П.Н. Обнинского о соразмерности мер уголовного наказания к участникам беспорядков, согласно которому «одна уголовная репрессия в данном случае и нецелесообразна, и неравномерна. И наказанные, и безнаказанные увидят в наказании не должное за свою вину возмездие, а личную месть тех, «кто пускает холерную шмару в народ»» [1, с. 212-213].

Из общего количества изученных современных российских работ, посвященных рассмотрению психологии толпы как инструмента совершения массовых беспорядков, заслуживающим внимание мы посчитали описанный А.В. Забариным сценарий поведения толпы в кризисной ситуации: «Толпа сплывается на фоне кризисной ситуации перед лицом общего врага – виновника кризиса... Как следствие, в толпе может возникнуть группа людей, охваченных недовольством, гневом, злобой, яростью, исступлением. Часть из них, доведенная до аффективного состояния, способна стать инициаторами стихийных погромов, уничтожения, разрушения, насилия, убийств. Образ врага в условиях фрустрации базовых потребностей формирует враждебность и поддерживает решимость участников такой толпы совершать агрессивные действия» [2, с. 128].

Наше понимание кризисной ситуации, приводящей к массовым беспорядкам, не ограничивается экономической составляющей. Она может иметь место в системе взаимоотношений между администрацией исправительного учреждения и группой отрицательно настроенных осужденных, в сферах межнационального общения, бизнеса и т.д.

В целом по итогам рассмотрения аспекта социальной обусловленности уголовной ответственности за массовые беспорядки считаем необходимым сделать следующие обобщающие выводы.

Установление уголовной ответственности за совершение массовых беспорядков обусловлено существованием социальных противоречий, приводящих к массовому деструктивному поведению, создающему угрозу общественной безопасности и внутренней стабильности государства.

В законодательстве зарубежных стран приняты различные подходы в регламентации уголовно-правового противодействия стихийным либо заранее организованным акциям деструктивной толпы.

Социально-психологическая природа феномена «толпы», исследованная в трудах видных социологов и психологов, отражает закономерности своего функционирования в

массовом преступном поведении, имеет прямое отношение к механизму возникновения массовых беспорядков.

Приведенные положения классиков социологии, исследовавших массовое поведение и толпу как социально-психологические феномены, заслуживают особого внимания и учета в законотворческом процессе при конструировании уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение массовых беспорядков.

Относительно области регулирования сценариев поведения толпы в различных ее проявлениях нормы уголовного закона выполняют функции:

– принуждения к соблюдению участниками толпы юридических и социальных норм;

– установления границ между допустимыми и недопустимыми способами удовлетворения участниками толпы социальных и биологических потребностей;

– нормативного воздействия на лидеров социальных групп и общностей;

– противодействия попыткам проявления агрессии толпы в отношении определенных общностей и социальных групп;

– запрета насильственной формы выражения социального протеста;

– наказания и привлечения к ответственности за проявленную насильственную форму выражения социального протеста;

– предупреждения массовых беспорядков.

Библиографический список

1. Безсонов, Д.Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном прав / Д.Д. Безсонов. – СПб.: Типография Пентковского, 1907. – 495 с.
2. Забарин, А.В. Психология толпы и массовых беспорядков / А.В. Забарин. – М.: Юрайт, 2018. – 211 с.
3. Кантицкий, О.В. Психология толпы и массовых беспорядков / О.В. Кантицкий, А.М. Лафуткин. – Рязань.: Академия ФСИН России, 2013. – 182 с.
4. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М.: Издательство АСТ (Философия-Neoclassic), 2017. – 320 с.
5. Назаретян, А.П. Психология массового поведения / А.П. Назаретян. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 188 с.
6. Почебут, Л.Г. Социальная психология / Л.Г. Почебут. – М.: Издательство «Юрайт», 2018. – 153 с.
7. Райгородский, Д.Я. Психология масс / Д.Я. Райгородский. – Самара.: Издательский дом «Бахрах-М», 2010. – 592 с.
8. Сигеле, С.И. Преступная толпа / С.И. Сигеле. – М.: Книга по требованию, 2013. – 106 с.
9. Тард, Г. Преступник и толпа / Г. Тард. – М.: Алгоритм, 2016. – 432 с.

Анастасия Валерьевна ГАМЗИНА,
старший инспектор группы анализа, планирования
и учета отдела полиции N 7 Межмуниципального
управления МВД России «Красноярское»
gamzina_anastasia@mail.ru

Виталий Олегович ЯНЧИН,
старший преподаватель кафедры административной
деятельности органов внутренних дел факультета
милиции общественной безопасности
Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск)
yanchinvo@yandex.by

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF THE JUVENILE AFFAIRS UNITS: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье авторы рассматривают отдельные аспекты опыта МВД Республики Беларусь, полученного в ходе проведенного в период с 2019 г. по 2020 г эксперимента, касавшегося изменений функционирования ряда инспекций по делам несовершеннолетних, а именно перехода с зонального на линейно-зональный принцип работы. С учетом исторической идентичности стран, схожести задач, стоящих перед правоохранительными органами, и положительных оценок результатов проведенного белорусскими коллегами эксперимента обосновывается возможность проведения аналогичного эксперимента в России.

In the article the authors consider certain aspects of the experience of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, obtained during an experiment conducted in the period from 2019 to 2020 and related to changes in the functioning of a number of juvenile affairs inspections, namely, the transition from a zonal to a linear-zonal principle of operation. Taking into account the historical identity of our countries, the similarity of the tasks facing law enforcement agencies and the positive assessments of the results of the experiment conducted by Belarusian colleagues, the possibility of conducting a similar experiment in Russia is substantiated.

Ключевые слова: правонарушения несовершеннолетних, опыт, Республика Беларусь, эксперимент, инспекции по делам несовершеннолетних, зональный и линейный принципы профилактической работы.

Keywords: juvenile delinquency, experience, the Republic of Belarus, experiment, juvenile affairs inspections, zonal and linear principles of preventive work.

Противодействие правонарушениям, совершаемым лицами, не достигшими совершеннолетия, представляет собой одну из насущных проблем сегодняшнего дня

во всем мире, что обуславливает активные изыскания, направленные на повышение ее результативности. Совместная российско-белорусская группа исследователей несколько

амбициозно, но весьма точно обозначила ее актуальность, понимая ее в единстве двух равновеликих компонентов – важности и своевременности [4, с. 75]. Исходя из указанного дуализма, мы, в свою очередь, считаем важным и своевременным обратиться к опыту зарубежных стран для возможной имплементации наиболее положительных аспектов в российскую систему профилактики правонарушений несовершеннолетних.

В данном конкретном случае мы находим возможным рассмотреть и использовать прогрессивный опыт Республики Беларусь. Декларированные достижения правоохранителей республики в вопросах защиты граждан от криминогенных угроз в совокупности с развитием общих процессов сближения наших стран и тесных контактов в сфере охраны правопорядка обуславливают интерес к организации такой работы в теоретическом и практическом плане. Мы солидаризируемся с мнением К.С. Насуева, отмечающего: «Выявление существенных факторов, основных этапов, направлений, содержания и итогов реформирования органов внутренних дел Республики Беларусь актуализировано состоянием и перспективами развития интеграционных процессов союзных государств» [7, с. 156].

В данной статье мы хотели бы уделить внимание эксперименту, проведенному в отдельных наиболее крупных территориальных органах внутренних дел (далее – ОВД) Республики Беларусь в 2019-2020 годах, по дифференцированному применению линейного принципа функционирования инспекций по делам несовершеннолетних (далее – ИДН) наряду с общепризнанным зональным (территориальным) принципом их деятельности.

Несколько отступая от темы, заметим, что любое заимствование должно строиться на выверенном, сбалансированном подходе, учитывающем национальные особенности государства, что, к сожалению, происходило далеко не всегда. В данном вопросе нельзя не согласиться с мнением А.Ф. Волынского, отмечающего: «Отечественная (как российская, так и белорусская. – А.Г., В.Я.) исто-

рия организации борьбы с преступностью изобилует поучительными примерами проявления крайностей в использовании опыта других стран: от огульного его отрицания, причем по формально-идеологическим причинам, до безоглядного, некритического восприятия» [2, с. 138].

В канве исследования проведенного милицией Республики Беларусь эксперимента считаем необходимым задать почти риторический вопрос: «Если что-то хорошо работает, то зачем это менять?» Попробуем дать ответ, разбив поставленный вопрос на две взаимосвязанные части, а именно:

«это хорошо работает» – противоправная активность несовершеннолетних в Республике Беларусь в целом является стабильной, более того, количественные показатели правонарушений демонстрируют ежегодное снижение. Достижения страны в этой области неоспоримы;

«зачем это менять?» – очевидно, новые криминогенные угрозы, как явные, так и потенциальные, заставляют государство для эффективной борьбы с ними идти по пути совершенствования правоохранительной системы, катализируя процессы реформирования. Важно отметить, что некоторые из этих путей могут выглядеть весьма радикально. Данное обстоятельство имеет важное значение, учитывая, что в Беларуси к проведению реформ в правоохранительных органах относятся взвешенно, сохраняя и используя наработанные годами методы организации работы, которые хорошо себя зарекомендовали и доказали свою практическую полезность.

Теперь, тезисно обозначив ответы на обе части поставленного вопроса, постараемся углубиться в их суть и рассмотрим каждую более детально.

После крушения Советского Союза (которое президент России В.В. Путин назвал крупнейшей геополитической катастрофой века¹) и роста преступной активности практически на всей территории постсоветского пространства в Беларуси были продемон-

1 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005 // СПС «КонсультантПлюс».

стрированы хорошие результаты в профилактике общественно опасных деяний лиц, не достигших совершеннолетия (как части общей преступности).

Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, с 2005 года по 2023 год снизилось почти в 7 раз. С 2018 года удельный вес таких деяний составляет не более 3%. При этом данная позитивная тенденция не является следствием снижения рождаемости, как утверждают некоторые исследователи [9, с. 139]. Действительно, в 20-х годах текущего столетия количество несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, т.е. обладающих уголовной правосубъектностью, увеличилось почти на четверть.

Высказанное положение подтверждается не только статистическими данными, но и находит отражение в комментариях отдельных должностных лиц. Так, начальник управления по надзору за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи Генеральной прокуратуры Республики Беларусь В.А. Финевич отмечает, что сокращение количества преступлений, совершенных подростками в республике, – это тенденция последнего десятилетия¹. Все это обуславливает положительную оценку деятельности государственных органов Беларуси в данном направлении.

Важно, что во многих аспектах такая эффективная работа является заслугой органов внутренних дел Республики Беларусь. Именно они (как и в Российской Федерации) уже традиционно на главенствующих ролях участвуют не только в предупреждении и раскрытии уголовно наказуемых общественно опасных деяний и других правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия, но и в значительной мере решают задачи, связанные с профилактикой негативного девиантного поведения несовершеннолетних.

При этом в системе ОВД Беларуси ключевым субъектом такой работы выступают ИДН, которые в настоящее время являются струк-

турным элементом милиции общественной безопасности. Они призваны осуществлять работу по предупреждению безнадзорности, детских и подростковых правонарушений, оказанию на несовершеннолетних необходимого профилактического воздействия.

Эффективная деятельность белорусских ИДН была бы невозможна без отвечающего современным требованиям нормативно-правового регламентирования профилактики различных проявлений противоправной активности несовершеннолетних, а также, даже в большей степени, защиты их прав и законных интересов. С момента распада СССР до настоящего времени в республике проводилась и проводится огромная законотворческая работа в данной сфере, итогом которой является целый ряд нормативных правовых актов. К числу наиболее значимых можно отнести:

– Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. N 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»;

– Декрет Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. N 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях», положения которого в настоящее время имплементируются в законодательные и подзаконные нормативные акты (Кодекс о браке и семье, Закон о правах ребенка и др.). Выработанная система профилактической работы в неблагополучных семьях высоко оценена сотрудниками ИДН ОВД Республики Беларусь и, по их мнению, значительно повысила эффективность предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, на чем мы более подробно остановимся далее.

Активная деятельность законотворческих органов республики в рассматриваемом направлении в целом была положительно оценена как исследователями-теоретиками, так и сотрудниками-практиками, не только по количеству принятых правовых актов, но, главное, по их качественному наполнению. Для

¹ Генпрокуратура: уровень подростковой преступности в 2023 г. был минимальным за последние годы // Belta.by. URL: <https://belta.by/society/view/genprokuratura-uroven-podrostkovoj-prestupnosti-v-2023-m-byt-minimalnym-za-poslednie-gody-638354-2024/> (дата обращения: 12.09.2024).

иллюстрации данной идеи приведем мнение О.П. Колченоговой, указывающей на такое количественно-качественное соотношение: «в Беларуси практически заново создана целостная система правовой защиты интересов детей применительно к новым социально-экономическим условиям: принято более 50 нормативных правовых актов, затрагивающих все сферы жизнедеятельности семьи и детей и нацеленных на усиление мер по их социальной защите, включая законы, указы Президента, постановления Правительства и др.» [3, с. 127].

Возвращаясь непосредственно к ИДН Беларуси, необходимо заострить внимание на одном значимом моменте в организации их деятельности. Данные подразделения (на протяжении истории их названия менялись) с момента основания, а именно с 19 июня 1935 г., когда согласно постановлению СНК БССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» Главному управлению рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР были вменены обязанности по борьбе с детской преступностью, безнадзорностью и беспризорностью, до практически настоящего времени осуществляли работу исключительно по зональному принципу. Подобная, уже ставшей традиционной организация работы аналогичных структур характерна для полиции (милиции) большинства стран на территории постсоветского пространства. В частности, это относится к подразделениям по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) полиции России.

Данный вид организации деятельности ИДН ОВД Беларуси был закреплен в положениях как ранее принятых и уже утративших силу нормативных правовых актов¹, так и в действующих в настоящее время ведомственных документов².

Важно отметить, что фундаментальное звено ИДН – инспектор, при подобной –

зональной – организации работы на определенной, закрепленной за ним территории обеспечивает весь спектр задач по профилактике, пресечению и выявлению правонарушений, как несовершеннолетних, так и в отношении них. И работа эта в Беларуси, как мы уже отмечали, четко организована и демонстрирует свою эффективность.

Последнее утверждение переводит нас к рассмотрению второй части вопроса: «Зачем что-то менять?».

В данном контексте важно отметить, что на всем протяжении реформ МВД в Беларуси непосредственно по вопросу его изменений демонстрировался взвешенный и осторожный подход. Так, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко еще в 2013 г. отмечал: «Основной целью преобразований является не кардинальная ломка ведомства, да нам это и не нужно, а конструктивное совершенствование его работы»³.

Очевидно, что к проведению эксперимента правоохранителей Беларуси подтолкнули изменения в структуре преступности несовершеннолетних. Исследователи отмечают, что для современного общества характерно качественное ухудшение структуры преступности несовершеннолетних [5, с. 100].

По итогам 2019 года в подростковой среде значительно увеличилось количество киберпреступлений и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Зачастую эти общественно опасные деяния оказываются органично связаны между собой. Так, посредством сети Интернет, а особенно ее теневого сегмента – Даркнета, активного использования социальных сетей и мессенджеров происходит агрессивное привлечение детей и подростков к сбыту наркотических средств и психотропных веществ. Более того, в Республике Беларусь большинство из всех преступлений, совершенных несовершеннолетними в сфере незаконного

1 Об утверждении Инструкции по организации работы инспекций по делам несовершеннолетних органов внутренних дел : постановление Министерства внутренних дел РБ N 242 от 27.10.2003 // СПС «Белзакон».

2 О вопросах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : приказ МВД Республики Беларусь от 28.06.2013 N 283.

3 Александр Лукашенко провел совещание с руководящим составом органов внутренних дел по вопросу реформирования МВД // Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-provel-soveshanie-s-rukovodjaschim-sostavom-organov-vnutrennix-del-po-voprosu-937> (дата обращения: 12.09.2024).

оборота наркотиков, связано с их сбытом [подр.: 10, с. 284].

Обозначенная негативная роль информационного прогресса находит отражение в трудах исследователей. Так, О.И. Бахур отмечает: «Сегодня Интернет, пресса ... распространяют информацию о свойствах разных видов наркотиков, местах их приобретения и сбыта, расценках, эйфорических ощущениях после приема наркотических средств, способах и методах разработки наркотических средств ... Подобная реклама оказывает пагубное воздействие в первую очередь на подростков с их еще не сформировавшейся психикой, быстрее поддающейся влиянию, путем стимулирования интереса к потреблению наркотиков» [1, с. 27-28].

Аналогично оценивают ситуацию и белорусские правоохранители-практики: «Век высоких технологий несет угрозу вовлечения молодых людей в распространение наркотиков, а также формирование пронаркотического сознания ... В соцсетях и на площадках сомнительных ресурсов размещается информация в поддержку легализации марихуаны или популяризации так называемых «наркотических вечеринок»»¹.

Очевидно, что негативное воздействие на детей и подростков от применения подобных «высоких технологий» в криминальных целях должно быть нивелировано ответными действиями правоохранительных органов. Нельзя не согласиться с мнением В.А. Рогожкина и И.А. Кубасова, отмечающих: «Цифровизация общества и доступ к практически неограниченной информации у подростков играет не только негативную тенденцию в области уровня правопорядка, но и дает широкие возможности для работы в области мониторинга ... и позволяет выстроить государственную политику в этом направлении» [8, с. 404-405].

При этом МВД Беларуси видит вполне обоснованным включение в борьбу с проти-

воправным использованием информационно-коммуникационных технологий не только специальных, ориентированных на это подразделений милиции, но и, например, ИДН. Последним, как и аналогичным подразделениям в России, вменено в обязанность осуществлять мониторинг социальных сетей на наличие запрещенного контента. Также существует понимание, что подобное направление необходимо активизировать. С другой стороны, логично, что для эффективности ведения подобной, весьма сложной деятельности инспектор должен обладать некоторой специализацией, т.е. «направленностью» на нее.

Дополнительным фактором к проведению эксперимента стала необходимость повышения эффективности выявления неблагополучных семей и детей, находящихся в социально опасном положении. Данная деятельность ввиду большой социальной значимости и возможного общественного резонанса требует от исполнителей высокого уровня профессионализма. И здесь также вполне уместна уже обозначенная нами «специализация». Кроме того, были определены и иные направления служебной деятельности, требующие выхода на более качественный уровень.

Эксперимент проводился с 1 октября 2019 года по 15 июля 2020 года². В каждой области и столице республики был определен территориальный ОВД, где ИДН осуществляла работу не только по территориальному, но линейному принципу³, были разработаны должностные инструкции для сотрудников ИДН, реализующих зонально-линейный принцип работы.

На первоначальном этапе новый принцип организации деятельности ИДН тестировали только на базе ГОВД города Барановичи – второго по величине населенного пункта Брестской области.

Затем, с одной стороны, учитывая положительные отзывы сотрудников, а с другой

1 ИДН: новые принципы и подходы // Bykhov.by. URL: <https://www.bykhov.by/na-strazhe-zakona/171949/> (дата обращения: 13.09.2024).

2 В Беларуси начат эксперимент по переходу инспекций по делам несовершеннолетних на новый формат работы // Mir.pravo.by. URL: <https://mir.pravo.by/news/different/v-belarusi-nachat-eksperiment-po-perekhodu-inspektsiy-po-delam-nesovershennoletnikh-na-novyy-format/> (дата обращения: 15.09.2024).

3 ИДН: новые принципы и подходы // Bykhov.by. URL: <https://www.bykhov.by/na-strazhe-zakona/171949/> (дата обращения: 14.09.2024).

– предпочитая не делать выводы, основываясь на итогах деятельности лишь одного подразделения, весной 2020 г. руководство МВД Беларуси подключило к эксперименту другие крупные подразделения. В каждом регионе был определен районный отдел или управление, где ИДН осуществляла работу по линейному принципу¹, а именно: Московское РУВД г. Минск, Железнодорожный РОВД г. Гомель, Октябрьское РУВД г. Гродно, Октябрьский РОВД г. Могилев, Молодечненский РОВД в Минской области и Новополоцкий ГОВД в Витебской области. При этом от зонального принципа работы ИДН в указанных отделах и управлениях полностью не отказались².

Основной идеей эксперимента стала организация деятельности ИДН по линейному, а точнее, по зонально-линейному принципу. При такой организации инспектор становится ответственным не за участок, а за какое-либо направление (опять же на определенной, но уже более обширной территории).

При этом сущность функционирования подразделений можно представить исходя из названия. Действительно, работа происходит по какой-либо «линии».

При рассматриваемом подходе явственно прослеживалась аналогия с организацией такой деятельности у сотрудников оперативных подразделений, имеющих право осуществлять оперативно-разыскную деятельность (далее – ОРД). В системе МВД таковыми, например, являются сотрудники уголовного розыска³.

Применительно к последним в классическом определении линейный принцип оперативного обслуживания заключается в том, что оперативно-розыскные подразделения осуществляют функции ОРД в соответствии с определенными направлениями профессиональной деятельности. Например, оперативные сотрудники осуществляют

деятельность в рамках имеющихся у них полномочий по пресечению, раскрытию и расследованию таких преступлений, как имущественные преступления (квартирные кражи, карманные кражи, кражи и неправомерное завладение транспортными средствами), незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, тяжкие и особо тяжкие преступления и т.д. [6, с. 129].

Преимущества организации деятельности по линейному принципу для уголовного розыска очевидны. При таком подходе сотрудник или группа может концентрировать усилия на определенном виде оперативной работы, не распыляя усилия. Подобная узкая специализация позволяет сотруднику стать профессионалом в определенной области преступлений, что, в свою очередь, обеспечивает их быстрое и эффективное предупреждение, пресечение или раскрытие. Если будет позволено такое несколько грубое сравнение, подобная «специализация» сотрудника ведет к весьма высокой – «конвейерной» эффективности борьбы с преступностью любого вида.

Вместе с тем, несмотря на единство целей уголовного розыска и ИДН, применительно к последним подобный принцип дифференциации правоохранительной работы трудно реализуем, в первую очередь из-за отсутствия в Беларуси (как и в России) такого сопоставимого со сферой ответственности уголовного розыска спектра правонарушений несовершеннолетних, что, безусловно, является положительным фактором.

Очевидно, в том числе и исходя из данного обстоятельства, кураторы эксперимента организовали работу участковых инспекторов ИДН Беларуси по принципу деления в зависимости от характера выполняемой работы.

Так, в частности, представитель МВД Беларуси так охарактеризовал подобное по-

1 ИДН: новые принципы и подходы // Bykhov.by. URL: <https://www.bykhov.by/na-strazhe-zakona/171949/> (дата обращения: 14.09.2024).

2 Линейный принцип работы ИДН. Эксперимент продолжается // Infovito.com. URL: https://infovito.com/novosti/show/36074-linejnyj_princip_raboty_idn_eksperiment_prodolzhaetsya.html (дата обращения: 15.09.2024).

3 Также присутствует определенное, хотя в меньшей степени, чем в приведенном примере, сходство с линейной полицией (милицией), обслуживающей (или контролирующей) определенную «линию» транспорта (железнодорожного, автомобильного, воздушного, водного).

строение деятельности ИДН: «Фактически речь идет о более узкой специализации сотрудников. Теперь один инспектор на всей закрепленной территории будет вести одно направление, скажем, заниматься общей и индивидуальной профилактикой, предупреждением правонарушений или работой с обращениями – другие»¹.

Здесь необходимо сделать оговорку и указать на одно важное исключение. Мониторинг сети Интернет, направленный на возможное размещение несовершеннолетними в социальных сетях запрещенного или потенциально опасного контента, проводился специально назначенными сотрудниками ИДН в тесном взаимодействии с сотрудниками криминальной милиции. По данному виду противоправной активности лиц, не достигших совершеннолетия, разделение осуществлялось именно как по виду преступлений.

На основном этапе были закреплены следующие линии работы:

- общая профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- индивидуальная профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- рассмотрение обращений граждан и юридических лиц;
- координация деятельности по выявлению и предупреждению фактов насилия и иных критериев социально опасного положения детей.

В целях разрешения проблемных вопросов, возникающих в ходе эксперимента, совершенствования деятельности ИДН по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обучения новым формам и методам работы по основным направлениям служебной деятельности на базе Академии МВД Беларуси проведен учебно-методический сбор для 85 сотрудников экспериментальных ИДН. Наибольший интерес вызвали темы, раскрывающие особенности мониторинга социальных групп в сети Интернет, способы и методы про-

ведения публичных выступлений, а также применения методики изучения поведения человека в профилактической работе с несовершеннолетними. Экспертная оценка, проведенная путем анкетного опроса участников учебно-методического сбора (20 респондентов), подтвердила эффективность линейного принципа работы (85%).

Анализ работы экспериментальных ИДН показал, что введение специализации сотрудников позволило интенсифицировать проводимую общепрофилактическую работу. Так, только сотрудниками ИДН Железнодорожного РОВД г. Гомеля в период проведения эксперимента проведены 420 выступлений в 34 учреждениях образования, расположенных на территории района.

Предпринятые меры предупредительного-профилактического характера в определенной степени позволили оказать положительное влияние на состояние правопорядка в подростковой среде. Криминогенная обстановка на территории обслуживания экспериментальных ОВД оставалась стабильной и имела ряд позитивных тенденций. Так, в период эксперимента в Московском районе г. Минска, г. Новополоцке, Октябрьском районе г. Гродно и Октябрьском районе г. Могилева не допущено совершение несовершеннолетними ни одного преступления, относящегося к категории тяжких и особо тяжких.

Таким образом, переход ИДН от зонального к зонально-линейному принципу работы позволил повысить качество проводимой общепрофилактической и индивидуальной работы с несовершеннолетними, уровень взаимодействия с учреждениями образования и здравоохранения. Улучшилось качество проведения проверок по результатам рассмотрения обращений граждан по вопросам правонарушений несовершеннолетних, а также защиты их прав и законных интересов. Проводимые организационно-практические мероприятия позволили минимизировать негативные тенденции в состоянии правопорядка в подростковой среде.

¹ В Беларуси стартовал эксперимент: ИДН переводят на «новые рельсы» // Belnovosti.by. URL: <https://www.belnovosti.by/obshchestvo/v-belarusi-startoval-eksperiment-idn-perevodyat-na-novye-relysy> (дата обращения: 16.09.2024).

Перспективный прогноз в части профилактики правонарушений несовершеннолетних, сделанный еще на стадии замысла эксперимента, объективно нашел подтверждение.

По итогам проведенного эксперимента можно сформулировать общие выводы, а именно:

- описанная зонально-линейная дифференциация возможна только в крупных городах и районах городов, где позволяет штатная численность инспекций. В более мелких административно-территориальных единицах подобное невозможно по причине отсутствия необходимых сил и средств, где участковый инспектор ИДН или участковый инспектор милиции должен быть универсальным сотрудником. Также это продиктовано условиями взаимозаменяемости;

- описанный эксперимент возможно продолжить в будущем в крупных административно-территориальных единицах;

- профилактику (выявление, пресечение и предупреждение) киберпреступлений стоит осуществлять во взаимодействии с соответствующими оперативными подразделениями криминальной милиции. При этом в настоящий момент мониторинг социальных сетей в общем вменен в обязанность всем сотрудникам ИДН Беларуси;

- учитывая социальный резонанс, изъятие детей, находящихся в социально опасном положении, должны проводить, как правило, наиболее опытные сотрудники (старшие участковые инспекторы ИДН).

Учитывая историческую идентичность наших государств и принимая во внимание схожесть проблем, считаем перспективным внедрить инновационный опыт Республики Беларусь применительно к ПДН в крупных городах России.

Для эмпирического обоснования перспективности данного шага, и учитывая выводы, сделанные белорусской милицией, нами был проведен опрос инспекторов и старших инспекторов межмуниципальных управлений МВД двух крупных российских городов:

г. Красноярска (численность населения города 1 205 473 человека¹ (2024)) и г. Иркутска (численность населения города 606 369 человек² (2024)). Всего в анонимном анкетировании приняли участие 47 респондентов.

Считаем важным отметить, что проведению опроса предшествовала разъяснительная беседа с каждым из респондентов непосредственно о сути эксперимента. Результаты опроса приведены в таблице.

Анализируя результаты опроса, мы можем констатировать, что инспекторы ПДН полиции России, принявшие в нем участие, в целом благожелательно, хоть и несколько настороженно отнеслись к возможности такой дифференциации. При этом большинство респондентов поддержали и его проведение в крупных городах, и приоритетность таких направлений деятельности, как мониторинг социальных групп в сети Интернет, а также осуществление общей профилактики посредством проведения публичных выступлений. Это коррелирует с общими выводами белорусских коллег.

Важно отметить, что подобная «специализация», по большей части официально не закреплённая, уже сейчас применяется среди инспекторов ПДН полиции России.

Резюмируя и обобщая вышеизложенное, считаем:

- 1) в процессе эксперимента, проведенного МВД Республики Беларусь с 2019 года по 2020 год по переходу функционирования части ИДН с зонального на линейно-зональный принцип работы, был получен ценный положительный опыт, который нуждается во всестороннем изучении и практическом применении;

- 2) в долгосрочной временной перспективе, опираясь на опыт белорусской милиции, считаем возможным проведение аналогичного эксперимента по переводу части инспекторов ПДН на линейно-зональный принцип работы в ряде крупных российских городов.

1 Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года. Федеральная служба государственной статистики (27 апреля 2024).

2 Там же.

Таблица

Результаты проведенного анкетирования о возможности внедрения в крупных городах России опыта, полученного в ходе эксперимента, проведенного МВД Республики Беларусь по организации деятельности части инспекторов ПДН по зонально-линейному принципу

Вопросы анкеты	Количество респондентов	
	человек	проценты (округлено по математическим законам до десятых)
1. Считаете ли Вы, принципиально возможным в России перевести часть инспекторов ПДН на линейный-зональный принцип работы? – да, возможно – нет, невозможно – затрудняюсь ответить	38 5 4	80,9 10,6 8,5
2. Считаете ли Вы, что перевод части инспекторов ПДН на линейный-зональный принцип работы возможен только в крупных российских городах? – да, согласен – нет, не согласен – затрудняюсь ответить	35 5 7	74,5 10,6 14,9
3. Считаете ли Вы, что перевести часть инспекторов ПДН на линейный-зональный принцип работы приоритетно возможно по таким направлениям, как мониторинг социальных групп в сети Интернет, а также осуществление общей профилактики посредством проведения публичных выступлений? – да, согласен – нет, не согласен – затрудняюсь ответить	35 5 7	74,5 10,6 14,9

Библиографический список

1. Бахур, О.И. Преступность несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотиков // Уголовное право: проблемы, поиски, решения : материалы международной научно-практической конференции, Минск, 7-8 октября 2022 года. – Минск : Белорусский государственный университет, 2022. – С. 24-28.
2. Волынский, А.Ф. Уроки исторического опыта использования опыта других стран в борьбе с преступностью / А.Ф. Волынский // Общество и право. – 2016. – N 3(57). – С. 138-142.
3. Колченогова, О.П. Современные направления предупреждения правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь / О.П. Колченогова // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2015. – N 1. – С. 127-131.

4. Костенников, М.В. Правовые и организационные проблемы противодействия правонарушениям несовершеннолетних в Российской Федерации и Республике Беларусь / М.В. Костенников, А.А. Абдурахманов, Е.А. Михасева // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2020. – N 4(56). – С. 74-79.

5. Костина, Е.Н. Деятельность органов внутренних дел по профилактике преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь / Е.Н. Костина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – N 3(21). – С. 100-109.

6. Мишуточкин, А.Л. Деятельность органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений / А.Л. Мишуточкин. – М.: Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2019. – 364 с.

7. Насуев, К.С. Реформирование органов внутренних дел Республики Беларусь / К.С. Насуев // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. – Т. 27. – N 2(81). – С. 156-161.

8. Рогожкин, В.А. Актуальные проблемные вопросы в профилактической работе с несовершеннолетними / В.А. Рогожкин, И.А. Кубасов // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – N 9-1. – С. 403-409.

9. Шкаплеров, Ю.П. Преступность несовершеннолетних в Республике Беларусь: статистика и перспективы / Ю.П. Шкаплеров // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. – 2020. – N 1(7). – С. 137-140.

10. Янчин, В.О. Отдельные вопросы влияния совершеннолетних лиц на поведение несовершеннолетних как фактор совершения правонарушений / В.О. Янчин // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов VIII международной научно-практической конференции, Могилев, 23 апреля 2020 года. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020. – С. 282-285.

УДК 343.9

Рагчаасурэн БАЯРМАГНАЙ,

начальник отдела Антикоррупционного агентства,
доктор права /Ph.D/, профессор (г. Улан-Батор)
lkhamsuren.a@police.gov.mn

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МОНГОЛИИ

METHODOLOGICAL ISSUES OF INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES IN MONGOLIA

В статье рассматриваются методологические вопросы расследования коррупционных преступлений в Монголии. Раскрывается понятие публичного должностного лица, классификация и категории должностей государственной службы, таких как политические должностные лица, государственные административные должностные лица, специальные должностные лица государственной службы и должностные лица государственной службы. Выявляются особенности тактики и методов допроса и сбора информации, осмотра и обыска, планирования расследования. Аргументируется вывод о принципиальной важности повышения квалификации и возможностей следователей, назначаемых для расследования коррупционных преступлений.

The article considers the methodological issues of investigating corruption crimes in Mongolia. The concept of a public official, classification and categories of public service positions such as political officials, public administrative officials, special civil service officials and civil service officials are revealed. The peculiarities of the tactics and methods of interrogation and information collection, inspection and search, and investigation planning are revealed. The conclusion is argued about the fundamental importance of improving the skills and capabilities of investigators appointed to investigate corruption crimes.

Ключевые слова: коррупционные преступления, Монголия, публичное должностное лицо, планирование расследования, тактика и методы расследования.

Keywords: corruption crimes, Mongolia, public official, investigation planning, investigation tactics and methods.

Правовые основы борьбы, предупреждения, выявления и расследования коррупционных преступлений являются важнейшим приоритетом для профессиональных организаций и их сотрудничества как на национальном, так и на международном уровнях. Коррупционные преступления часто связаны с высокопоставленными государственными чиновниками и влиятельными лицами, принимающими политические решения. Хотя эти

преступления совершаются исключительно между двумя лицами, или сторонами, которые являются дающим и получающим взятку или преимущество, они наносят существенный вред интересам и экономике страны из-за незаконных решений, принятых коррумпированными должностными лицами для их личной выгоды и интересов. Последствия коррупционной преступности отличаются от последствий других видов преступлений тем,

что она затрагивает всех членов общества, независимо от их социального класса, и поэтому классифицируется как тяжкое преступление.

Классификация и категории государственных должностей

В Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции термин «публичное должностное лицо» используется вместо термина «должностное лицо» для коррупционного преступления и определяется следующим образом:

любое лицо, занимающее законодательную, исполнительную, административную или судебную должность государства-участника, назначаемое или избираемое, постоянное или временное, оплачиваемое или неоплачиваемое, независимо от положения этого лица;

любое другое лицо, которое выполняет публичную функцию, в том числе для публичного учреждения или публичного предприятия, или предоставляет публичную услугу, как это определено во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области права этого государства-участника;

любое другое лицо, определяемое как «публичное должностное лицо» во внутреннем законодательстве государства-участника.

Дух и основная идея этого определения заключается в том, что, во-первых, любое должностное лицо или лицо, независимо от их роли или принадлежности, которое «выполняет публичные функции» или «оказывает услуги населению» от имени государства, может быть уязвимо для коррупции [3, с. 25]. Следовательно, все такие лица могут стать субъектом взяточничества или преступления коррупционных направлений.

Однако Конвенция подчеркивает, что ключевые критерии «публичные функции» и «публичные услуги» определяются каждым государством-членом через его собственные внутренние законы.

Во-вторых, Конвенция подчеркивает, что все категории должностных лиц и служащих

являются субъектами, независимо от того, назначаются ли они или избираются, являются постоянными или временными, оплачиваемыми или неоплачиваемыми (включая вольнонаемных работников), и независимо от или ранга.

Государственное должностное лицо определяется в статье 3.1.4 Закона Монголии от 19 января 2012 г. «О регулировании общественных и частных интересов на общественной службе и профилактике конфликта интересов»¹, статья 4.1 закона разъясняет, что «государственное должностное лицо», упомянутое в статье 4 Закона Монголии «Против коррупции»², применяется к правоприменению в соответствии с этим законодательством.

Согласно ст. 4 Закона Монголии «Против коррупции» под действие закона подпадают:

- лица, занимающие исполнительные или управленческие должности в политических, административных или специальных государственных учреждениях;

- лица, занимающие исполнительные или управленческие должности в государственных учреждениях, или главный или старший бухгалтер в таких учреждениях;

- руководители или уполномоченные сотрудники юридических лиц, в которых государство или местная администрация имеет полную или частичную долю участия в уставе;

- председатель, члены, главный директор Национального совета общественного радио и телевидения;

- руководители и должностные лица неправительственных организаций, временно или постоянно выполняющие определенные государственные функции в соответствии с законодательством;

- кандидаты на пост президента Монголии, в парламент или в хуралы представителей граждан всех уровней;

- председатель и представители всех уровней Гражданского представительного хурала;

- должностные лица, указанные в списке, утвержденном компетентным органом;

1 Государственный вестник. 2012. N 08.

2 Против коррупции : Закон Монголии от 06.07.2006 // Государственный вестник. 2006. N.35.

– компетентное должностное лицо и член наблюдательного совета Корпорации фонда будущего наследия, указанные в положении 4.1.7 Закона о фонде будущего наследия.

Статья 10 Закона «О государственной службе Монголии»¹ определяет классификацию и категории должностей государственной службы, таких как политические должностные лица, государственные административные должностные лица, специальные должностные лица государственной службы и должностные лица государственной службы.

Согласно ст. 3.1.1 Закона «О государственной службе Монголии» государственная служба относится к деятельности, структуре и мерам по реализации целей и функций государства в рамках Конституции Монголии и других законов и нормативных актов, разработке государственной политики и предоставлении обязательных государственных услуг населению.

Политические назначения на государственные должности включают следующие должности, занимаемые лицами, избранными на условиях, в порядке и на основе критериев, установленных Конституцией Монголии и другими законами, назначенными в результате таких выборов; и лицами, набранными на должности для их поддержки в течение срока их полномочий:

- Президент Монголии;
- Председатель Великого Государственного Хурала (Парламента) Монголии;
- премьер-министр Монголии;
- заместитель Председателя и член Великого Государственного Хурала Монголии;
- член правительства Монголии;
- начальник Администрации президента Монголии;
- начальник Управления делами кабинета министров и заместитель министра;
- советник президента Монголии, советник председателя Великого государственного хурала Монголии и советник премьер-министра;
- мэры всех уровней, заместители мэров аймака, столицы, сомона и района, генеральный менеджер Улан-Батора;

– должности штатного советника, помощника или сотрудника по связям со СМИ, оказывающие услуги политическому назначенному государственному служащему в течение его/ее срока полномочий;

– должности в секретариатах, доминирующих партии и коалиции в Великом государственном хурале;

– другие должности, указанные в законах.

Должности председателя хуралов представителей граждан аймака, столицы, сомона и района, а также управляющего городом и деревней могут быть приравнены к политическим должностям государственной службы.

Советники, помощники и сотрудники СМИ, нанятые исключительно для оказания помощи политически назначенному государственному служащему в течение срока его полномочий, должны находиться под его непосредственным контролем, однако должны оставаться в подчинении соответствующих государственных органов как государственные служащие.

Должности государственного управления включают следующие должности, на которых выполняются функции по предоставлению профессиональных консультаций по разработке государственной политики, а также по обеспечению управления государственным управлением и организационной поддержки для реализации такой политики:

– председатель, члены, руководящие и исполнительные должности секретариата Совета государственной службы;

– руководящие и исполнительные должности в аппаратах Великого Государственного Хурала, Аппарата Президента, Правительства, Конституционного Суда, Судебного совета и Прокуратуры;

– руководящие и исполнительные должности в секретариатах Комиссии по финансовому регулированию, Национального статистического комитета, Центральной избирательной комиссии и Национальной комиссии по правам человека;

– управленческие и исполнительные должности секретариата Совета национальной безопасности;

1 Государственный вестник. 2018. N 01.

- государственный секретарь министерства, руководящие и исполнительные должности министерств;

- руководящие и административно-управленческие должности в государственных органах, если иное не установлено законами;

- секретарь Хурала народных представителей аймака, столицы, сомона, района; руководящие и исполнительные должности в аппарате губернатора и Секретариате Хурала народных представителей аймака, столицы, сомона, района;

- руководящие и исполнительные должности в организациях местного публичного управления при губернаторе аймака и столице, финансируемые из государственного бюджета, если иное не предусмотрено законами;

- руководящие и исполнительные должности секретариата мэрии города и села.

Специальная государственная служба включает следующие должности для выполнения специальных государственных функций, связанных с обеспечением национальной безопасности и общественной безопасности, поддержанием общественного порядка и основного принципа верховенства закона в соответствии с процедурами, установленными Конституцией Монголии и другими законами:

- судьи Конституционного суда, судьи всех уровней судов и прокуроры;

- секретарь Совета национальной безопасности;

- президент, первый заместитель президента и заместитель президента Центрального банка Монголии; председатель и члены Комиссии по финансовому регулированию; председатель и заместитель председателя Национального статистического комитета; председатель и секретарь Генеральной избирательной комиссии; председатель и члены Национальной комиссии по правам человека; член, отвечающий за предварительное предупреждение не гуманно обращение с людьми; председатели и члены Генерального судебного совета и Судебного дисциплинарного комитета; руководящие и исполнительные должности национальных и местных аудиторских служб и Независимого органа по борьбе с коррупцией;

- руководящие должности в вооруженных силах, пограничных и внутренних войсках, чрезвычайных ситуациях, разведке, полиции, судебных приставов и исполнения наказания, учреждениях судебной экспертизы;

- должности на дипломатической службе;

- офицеры, сержанты и судебные приставы, таможенные инспекторы, эксперты-криминалисты и специалисты вооруженных сил, пограничных и внутренних войск, органов по чрезвычайным ситуациям, разведки, полиции, органов дознания, следствия, органов исполнения судебных решений.

Должности государственной службы включают следующие должности для выполнения функций, связанных с предоставлением справедливых, качественных и доступных государственных услуг, а также для содействия нормальному функционированию государственных органов, условия занятости на которых должны основываться на трудовом договоре:

- вспомогательные должности для содействия нормальному функционированию государственных органов;

- менеджеры, директора, руководители и другие управленческие, исполнительные и вспомогательные должности организаций государственной службы, таких как образование, наука, здравоохранение, культура, искусство и спорт, финансируемые из государственного бюджета;

- управленческие, исполнительные и вспомогательные должности организаций государственной службы при министерстве или агентстве, финансируемые из государственного бюджета.

Вышеупомянутое должностное лицо, наделенное всей полнотой власти, издает указы, распоряжения, решения и резолюции в рамках своего мандата, позиционируя его/ее как специального субъекта с существенными полномочиями и влиянием. Этот специальный субъект характеризуется передовым образованием, обширным профессиональным опытом и высоким уровнем юридической и экономической компетентности. Они обладают сильными и постоянными навыками общения, широкой сетью контактов и признанным положением в обществе [1, с. 223].

Материальные и нематериальные выгоды включают незаконно полученные наличные деньги, имущество, имеющее денежную стоимость, льготные кредиты, тендерные права, бесплатные поездки или экскурсии, льготное поступление на работу или в школу, владение акциями, а также доход, заработная плата и премии, полученные за совместную работу на должностях и должностях, запрещенных Законом «О государственной службе Монголии» (статья 15, раздел 15.1.6) и Законом «О регулировании общественных и частных интересов на общественной службе и профилактике конфликта интересов». В дополнение к вознаграждению, получаемому должностным лицом за выполнение своих должностных обязанностей, другие источники дохода, такие как премии от разрешенной работы, служебных должностей, контрактов и предпринимательской деятельности, не запрещенной настоящим законом или другими нормативными актами, не должны рассматриваться как создающие неправомерные материальные или нематериальные выгоды для должностного лица или других лиц.

Если государственный служащий злоупотребляет своими должностными обязанностями, полномочиями или должностным статусом, что приводит к значительному ущербу публичным правам и интересам, он несет уголовную ответственность в соответствии со статьей 22.1, частью 2 Уголовного кодекса Монголии¹.

Под значительным ущербом понимаются финансовые потери, эквивалентные пятидесяти единицам или более, как указано в статье 2.3, разделе 2 Уголовного кодекса, а также любой ущерб, превышающий этот порог.

Если лицо, имеющее политическое влияние, совершает преступление, указанное в статье 22.1, разделах 1 и 2 Уголовного кодекса, уголовная ответственность будет применяться в соответствии с разделом 3 настоящей статьи. Поскольку в стране наблюдается тенденция социального и экономического роста, ожидается, что коррупционная преступность будет расти ежегодно, причем преступники используют все более организован-

ные методы. Эти преступления совершаются не только в Монголии, но и за ее пределами, распространяются на соседние и третьи страны. Следовательно, расследование и борьба с коррупцией требуют высокого уровня юридических, финансовых и экономических знаний, а также значительного опыта и обширного международного сотрудничества, как формального, так и неформального [1, с. 227]. Кроме того, практические примеры и опыт показывают, что расследование коррупции требует значительного времени, ресурсов и усилий.

Согласно Уголовному кодексу Монголии следующие составы считаются коррупционными преступлениями:

- злоупотребление властью или служебным положением (ст. 22.1);
- злоупотребление властью, совершенное должностным лицом международных организаций и иностранных государственных организаций (ст. 22.3);
- получение взятки должностным лицом (ст. 22.4);
- дача взятки (ст. 22.5);
- подкуп должностного лица иностранного государственного учреждения или международной организации (ст. 22.6);
- незаконное расходование государственного имущества (ст. 22.7);
- расходование бюджетных средств не по целевому назначению (ст. 22.8);
- расходование внебюджетных средств не по целевому назначению (ст. 22.9);
- необоснованное обогащение (ст. 22.10);
- самоуправство (ст. 22.11);
- злоупотребление полномочиями юридического лица (ст. 22.12).

Уголовно-процессуальный кодекс Монголии, принятый в 2002 году, установил рамки, в которых как следователи, так и дознаватели были уполномочены проводить расследования. Однако значительные изменения были внесены с введением УПК 2017 года. Новая редакция передала ответственность как за дознание дел, так и за расследование следователям.

1 Государственный вестник. 2017. N 23.

Тактика и методы допроса и сбора информации

Перед проведением допроса или сбором показаний крайне важно провести тщательное изучение лица, в отношении которого ведется расследование. Этот предварительный этап включает сбор и оценку соответствующих фактов о человеке, предоставляя следователям ценную информацию о его прошлом и потенциальных мотивах. Оценивая эту информацию, следователи могут более эффективно формировать направление расследования, адаптируя подход к конкретным обстоятельствам дела. Эта стратегическая основа имеет важное значение для повышения эффективности допроса и получения надежной информации.

Поэтому, прежде чем допрашивать свидетелей, крайне важно сообщить им, что их показания имеют важное значение для дела и что дача ложных показаний может повлечь за собой уголовную ответственность. Кроме того, крайне важно отслеживать любые признаки вмешательства или принуждения, которые могут повлиять на показания свидетеля.

Кроме того, реакция и восприятие жертвой преступления, а также ее оценка действий обвиняемого могут существенно повлиять на исход дела.

При опросе свидетеля, жертвы или подозреваемого следователь должен стремиться создать непринужденную атмосферу с помощью разговорного типа. Это подразумевает устранение любых физических и психологических барьеров для общения, успокоение допрашиваемого и заверение его в том, что нет необходимости скрывать информацию [2, с. 9].

Тактика и методы осмотра и обыска

Для определения и выяснения обстоятельств преступления и других соответствующих деталей дела необходимо провести тщательный осмотр лиц, предметов, документов, транспортных средств, багажа, животных и места, где произошел инцидент. Если есть разумные основания подозревать, что присутствуют физические документы или письменные доказательства, имеющие отношение к делу, или предметы или лица, имеющие

отношение к расследованию, обыски могут проводиться в жилых помещениях и других указанных местах, а также у лица, с соответствующего разрешения прокурора.

Во время обыска должны быть реализованы следующие тактические рекомендации:

1) последовательный поиск: проводите систематический поиск, методично перемещаясь из одной области в другую;

2) целевые поиски: определите и расставьте приоритеты в отношении определенных ключевых мест или предметов для целенаправленного осмотра;

3) координация команды: когда группе из 2-3 следователей поручено обыскивать большую территорию, они должны подходить с противоположных сторон, сходясь к центральной точке, чтобы обеспечить полный охват;

4) параллельный поиск: разверните несколько групп для проведения одновременных поисков в разных областях, что позволит максимально повысить эффективность;

5) поиск по часовой стрелке: в небольших жилых помещениях или офисах выполняйте поиск по часовой стрелке, чтобы поддерживать порядок и не упускать из виду ни одну область;

6) одновременные поиски: несколько следователей могут проводить поиски одновременно в разных частях помещения, чтобы оптимизировать процесс.

Чтобы предотвратить любые несанкционированные изменения данных, особенно третьими лицами через Интернет, рекомендуется перевести устройства в режим полета сразу после их изъятия. Кроме того, важно знать, что у расследуемого лица могут быть нераскрытые «черные счета», хранящиеся на ноутбуках, жестких дисках, iCloud и флэш-накопителях, а также «холодные кошельки». Эти холодные кошельки похожи на флэш-накопители и могут хранить электронную криптовалюту, имобилизованную для незаконных целей или взяток. Особое внимание следует уделить проверке учетных данных для входа в любые «горячие» кошельки и расшифровки любого зашифрованного или кодированного текста. Немедленное изъятие этой информа-

ции имеет решающее значение для дальнейшего расследования.

Согласно статье 16.2 УПК Монголии обстоятельства, подлежащие доказыванию в ходе дознания, следствия и судебного разбирательства, определяются следующим образом:

- обстоятельства, при которых совершено преступление (время, место, способ и другие обстоятельства, указанные в Уголовном кодексе);
- лицо, совершившее преступление;
- мотивы, цель и форма вины преступления;
- отягчающие или смягчающие обстоятельства обвинительного приговора, указанные в Уголовном кодексе;
- характер и размер ущерба, причиненного преступлением;
- причина и повод преступления.

Чтобы соответствовать положениям закона, следователь должен тщательно планировать и организовывать расследование с самого начала. Проведение расследования включает в себя следующие шаги:

- разработать комплексный план заранее;
- обеспечить бесперебойную коммуникацию и сотрудничество между всеми членами, участвующими в расследовании, для обеспечения эффективности и ясности;
- обеспечить процедуру расследования профессиональным управлением;
- четко определить обязанности и ответственность каждого члена следственной группы;
- проводить регулярные встречи с рабочей группой для оценки хода расследования, обсуждения результатов и постановки новых целей по мере необходимости;
- создать благоприятную среду для частого обмена информацией между участниками;
- учесть все активные уголовные дела, чтобы обеспечить справедливое распределение рабочей нагрузки между членами группы при планировании расследования;
- обеспечить наличие и работоспособность всего необходимого оборудования и технологий на протяжении всего процесса расследования;

– решить такие важные вопросы, как сохранение тайны следствия и реализация мер по предотвращению любого потенциального уничтожения доказательств.

Некоторые письменные доказательства, собранные в ходе расследования злоупотребления властью и коррупционных преступлений, поначалу могут показаться незначительными. Однако по мере продвижения расследования эти доказательства впоследствии могут быть признаны решающими для разрешения дела. Поэтому следователь должен обеспечить сохранность всех доказательств до тех пор, пока дело не будет окончательно раскрыто.

Расследование экономических преступлений часто требует больше времени, чем другие типы дел, поэтому крайне важно уделять первоочередное внимание сохранению доказательств и сохранению конфиденциальности на протяжении всего следственного процесса.

Отдельные следственные действия классифицируются следующим образом: расследования, проводимые с разрешения прокурора; неотложные следственные действия, проводимые без предварительного одобрения прокурора в определенных законом случаях.

Расследования, проводимые с разрешения прокурора:

- проведение негласных допросов;
- проведение обысков;
- изъятие предметов и документов;
- контроль, ограничение и мониторинг движения капитала;
- внедрение к сетям связи;
- получение содержания информации, передаваемой по сетям связи от соответствующих организаций;
- сбор информации от соответствующих организаций, такой как пользователи и владельцы сетей связи, их местонахождение, время подключения, устройства и доступ;
- указание соответствующим органам ограничить доступ к сетям связи;
- взятие биологических образцов у лиц для анализа;
- эксгумация захороненных тел;
- получение соответствующих документов и информации;

- организация контролируемых поставок;
- организация контрольных закупок;
- проведение конфиденциальных следственных экспериментов;
- осуществление негласного наблюдения;
- проведение негласного опознаний¹.

Концепции планирования расследования

Коррупционные преступления по своей сути сложны и требуют комплексных усилий по расследованию. Следовательно, эффективное расследование должно основываться на тщательном планировании и организации. План расследования охватывает широкий спектр творческих и систематических мероприятий, которые направляют процесс от начала до конца.

Требования к плану расследования

В ходе процесса расследования важно решать ключевые вопросы, касающиеся оперативного подхода: какие действия необходимо предпринять и как эти действия следует выполнять, чтобы раскрыть правду? Уголовно-процессуальный закон должен служить структурированным руководством, и следователи также должны полагаться на свои аналитические рассуждения для принятия решений.

План расследования должен включать следующие компоненты:

- 1) сбор и анализ первоначальной информации и материалов, относящихся к преступлению и критическая оценка собранных доказательств и сопоставление их с личными взглядами и профессиональным суждением;
- 2) определение целей расследования и установление круга вопросов, которые необходимо рассмотреть;
- 3) определение наиболее эффективных средств решения проблем.

Первый этап: сбор и анализ исходной информации включает в себя систематический сбор и анализ исходной информации и материалов, связанных с преступлением, и он необходим для формирования предположение о потенциальных подозреваемых, обстоятельствах преступления и имеющихся вещественных доказательствах. Методологически важно подходить к этому этапу как

к сплоченной и комплексной деятельности. Анализируя собранные факты, следователи могут выработать обоснованные подозрения и более четкое понимание дела, заложив прочную основу для последующих следственных действий.

Второй этап: определение целей и объема расследования – слишком широкий объем может ослабить внимание к конкретной сущности преступления, что приведет к увеличению сроков расследования. И наоборот, слишком узкий объем может ограничить возможность установления дела вне разумных сомнений, потенциально упуская из виду важные доказательства. Поэтому при определении объема решаемой проблемы крайне важно планировать с тщательным учетом специфики дела и его временного и пространственного контекста. Такой скрупулезный подход повышает вероятность достижения лучших результатов в расследовании.

Третий этап: выявление и оценка решений – важно выявить и тщательно протестировать потенциальные решения. На этом этапе должен тактически спланировать операции, сформулировав эффективные методы и тактику для выполнения, а также выбрав наиболее подходящий подход для реализации.

Во многих случаях предполагаемое планирование применяется, когда преступление произошло, но преступник еще не установлен, или когда произошло событие, требующее определения того, является ли оно преступлением.

Планирование на основе событий используется, когда преступление состоит из нескольких событий, каждое из которых демонстрирует характеристики отдельного преступного деяния.

Планирование на основе признаков преступления применяется, когда несколько преступлений подпадают под одну категорию преступлений, требуя комплексного подхода к пониманию различных вовлеченных элементов.

План расследования должен быть адаптирован с учетом уникальных обстоятельств каждого человека, вовлеченного в дело. По-

1 Уголовный процессуальный кодекс Монголии // Государственный вестник. 2017. N 23.

сколько каждое дело уникально, план должен быть специально разработан с учетом его особенностей. Это означает, что он должен основываться на информации и фактах, собранных в ходе расследования, и быть свободным от стереотипов. Эффективность плана во многом зависит от знаний, опыта и знаний следователей, а также уникальности рассматриваемого дела.

Необходимо поддерживать динамичный план, относиться к планированию как к непрерывному процессу, а не как к разовой задаче. План должен постоянно развиваться, чтобы решать возникающие проблемы, включать новые выводы и адаптироваться к дополнительным действиям, необходимым по мере появления доказательств из расследования.

Это изменение может принимать различные формы, например признание недостаточности оснований для прояснения первоначальной проблемы или выявление и планирование вокруг вновь обнаруженной проблемы. Поскольку расследование продолжается и развивается с течением времени, неизбежно возникнут, будут опровергнуты или подтверждены новые проблемы. Эти обновления должны немедленно включаться в план, чтобы он оставался эффективным.

При расследовании коррупции и отмывания денег важно придерживаться ключевых правовых принципов, причин и последствий, как для усугубления, так и для смягчения, включая основополагающие правовые принципы уголовного права, принципы правосудия и принципы вины, принимая во внимание применимость уголовного права как на территории Монголии, так и за ее пределами, чтобы определить юрисдикцию и тщательно

определить и проанализировать все этапы преступления. Например, следующие статьи Уголовного кодекса излагают ключевые концепции в понимании преступных деяний, и необходимо учитывать роли участников: ст. 2.7 «Подготовка к преступлению»: определяет подготовительные действия и оценивает причины, по которым преступление могло быть не полностью совершено или для привлечения к полной уголовной ответственности; ст. 2.8 «Покушение на совершение преступления, опровержение совершения преступления»: рассматривает покушения на совершение преступления, включая случаи, когда лицо добровольно отказывается от совершения преступления, а также участие других участников; ст. 3.1 «Соучастие в преступлении»; ст. 3.2 «Исполнитель преступления»; ст. 3.3 «Организатор преступления»; ст. 3.4 «Подстрекатель преступления»; ст. 3.5 «Пособник преступления»; ст. 3.6 «Действие по сговору»; ст. 3.7 «Совершение преступления группой лиц»; ст. 3.8 «Организованная преступная группа».

Таким образом, эффективность усилий организации по борьбе с преступностью напрямую зависит от профессионального опыта и результатов работы следователей. Соответственно, в области методологической теории расследования коррупционных преступлений принципиально важно повысить квалификацию и возможности следователей, назначаемых для проведения этих расследований. Это повышение должно соответствовать правовым функциям следственных органов и специфике преступлений, подпадающих под их юрисдикцию, особенно в случаях злоупотребления должностными полномочиями.

Библиографический список

1. Батцэрэн, Б. Уголовное право / Б. Батцэрэн, Э. Амарбат. – УБ, 2017.
2. Буманнанжид, Ж. Методика расследования злоупотреблений должностными полномочиями и коррупционных преступлений / Ж. Буманнанжид, Ш. Мягмарцэрэн. – УБ, 2011
3. Гэрэлтуяа, Г. Вопросы, которые необходимо учитывать при расследовании злоупотребления полномочиями и коррупционных преступлений / Г.Гэрэлтуяа. – УБ, 2022.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.4

Никита Сергеевич ГРУДИН,
доцент кафедры международного права
Московского государственного
лингвистического университета,
кандидат юридических наук, доцент
nekit-07@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЕКТОРЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

MODERN VECTORS OF THE CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Статья посвящена анализу векторов конституционного развития России после конституционной реформы 2020 года. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что российская государственность и конституционализм активно укрепляются и развиваются. Автором названы следующие векторы конституционного развития России: укрепление суверенной государственности, поиск национальной идеи, централизация института местного самоуправления, ограничение влияния международного права на правовую систему страны. Отмечается, что преемственность и самобытность конституционного развития России опираются на эффективно функционирующие конституционные нормы, сильную государственность, готовность граждан отстаивать традиционные ценности и идеалы.

The article is devoted to the analysis of the vectors of constitutional development of Russia after the 2020 constitutional reform. The results of the conducted research indicate that Russian statehood and constitutionalism are actively strengthening and developing. The author names the following vectors of constitutional development of Russia: strengthening sovereign statehood, searching for a national idea, centralizing the institution of local self-government, limiting the influence of international law on the country's legal system. It is noted that the continuity and originality of constitutional development of Russia are based on effectively functioning constitutional norms, strong statehood, and willingness of the citizens to defend traditional values and ideals.

Ключевые слова: Конституция РФ, развитие, суверенитет, централизация, местное самоуправление, национальная идея, нормы международного права, правовая система.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, development, sovereignty, centralization, local self-government, national idea, norms of international law, legal system.

Конституция Российской Федерации 1993 года (далее также – Конституция 1993 года), принятая в сложнейших внутриполитических условиях, сумела сплотить российское общество и стать базовым программным документом государственного правового развития страны на годы вперед. Безусловно, стоить отдать должное и авторам текста Основного закона, и политическому руководству страны того времени, и всем гражданам России, которые совместными усилиями смогли найти такой нужный баланс во взаимоотношениях государства, общества и личности, который смог завершить острую фазу внутриполитического кризиса, стабилизировать ситуацию в стране, а затем постепенно перейти к построению современного демократического правового государства, которое обеспечивает сменяемость власти мирным путем, защиту прав и свобод человека (включая право частной собственности), а также создает условия для полноценного развития личности.

Сегодня очевидно, что Конституция Российской Федерации утвердилась, а мнения о ее нелегитимности канули в Лету. В этом, на наш взгляд, первый парадокс Конституции 1993 года – принятая в условиях жесточайшего общественно-политического кризиса, она сумела стать прочной основой для строительства обновленной России и выполнить свои учредительную и системообразующую функции [9, с. 28; 6, с. 203-214; 7, с. 4]. Второй парадокс – Конституция 1993 года соединила в себе либеральные ценности и принципы (свободные периодические выборы, разделение властей, свобода личности, право частной собственности, местное самоуправление), а также консервативные (традиционные) начала (институт президентуры, концентрирующий в себе ключевые инструменты управления, вертикаль исполнительной власти, централизованный федерализм). Данное сочетание позволило укрепить целостность и единство России, предоставив гражданам страны широкие права и свободы. Третий

парадокс – находившаяся под огнем жесткой критики в первые годы после принятия, Конституция 1993 года сумела с течением времени укрепить влияние на общественно-политические процессы и сегодня (несмотря на отдельные призывы к ее пересмотру) продолжает оставаться де-юре безальтернативным проектом долгосрочного развития отечественной государственности. Так, по данным социологического опроса ВЦИОМа, проведенного в преддверии 30-летия Конституции 1993 года, 65% граждан России убеждены в том, что Конституция Российской Федерации отвечает нуждам страны и ее многонационального народа. При этом доля граждан, разделяющих подобные взгляды, наиболее высока среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет (78% опрошенных)¹. Вероятно, данный парадокс объясним спецификой российского менталитета: россияне достаточно настороженно реагируют на все новое, но с течением времени все положительное и эффективное, как правило, находит признание граждан России.

Тем не менее спустя более чем 30 лет с момента принятия Конституции 1993 года ряд ее положений не нашли должной реализации в практической действительности, а некоторые нормы, к нашему сожалению, и вовсе остаются незамеченными. Так, нельзя не отметить тот факт, что Конституция 1993 года фрагментарно очерчивает деятельность таких важных институтов государственной власти, как Счетная палата Российской Федерации и Уполномоченный по правам человека Российской Федерации (ч. 5 ст. 101 и п. «е» ч. 1 ст. 103).

Следует также особо подчеркнуть, что о некоторых крайне важных моментах Конституция Российской Федерации по тем или иным причинам просто умалчивает. Например, Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 92 четко фиксирует правило, согласно которому во всех случаях, когда Президент России не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Пред-

¹ Конституция и жизнь. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucija-i-zhizn> (дата обращения: 28.06.2024).

седатель Правительства. Однако при этом ничего не говорится о ситуации, когда в стране по тем или иным причинам нет действующего Председателя Правительства, а есть лицо, исполняющее его обязанности. Может ли такое лицо одновременно исполнять как обязанности Председателя Правительства Российской Федерации, так и Президента? Думается, что буквальное толкование ч. 3 ст. 92 Конституции Российской Федерации не позволяет исполнять обязанности Президента России лицу, исполняющему обязанности Председателя Правительства. Для восполнения данного пробела мы предлагаем рассмотреть два варианта. Первый вариант: действующая Конституция разрешает лицу, исполняющему обязанности Председателя Правительства Российской Федерации, исполнять обязанности Президента. В таком случае ч. 3 ст. 92 Конституции 1993 года должна звучать следующим образом: «Во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации или лицо, исполняющее его обязанности». Вариант второй: в случае если отсутствует лицо, занимающее должность Председателя Правительства Российской Федерации на постоянной основе, обязанности Президента исполняет Председатель Совета Федерации Российской Федерации. В этом случае ч. 3 ст. 92 Конституции 1993 года должна звучать следующим образом: «Во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации, а в случае временного исполнения обязанностей Председателя Правительства Российской Федерации обязанности Президента исполняет Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации».

Не вызывает никакого сомнения, что Конституция Российской Федерации, как и любая конституция, не является застывшим во времени и неизменным документом, она является «живым организмом» и эволюционирует

вместе с развитием общества и государственно-правовых отношений [8, с. 95]. В этой связи нам бы хотелось особо отметить тот факт, что главный вектор конституционного развития Российской Федерации сегодня состоит в сохранении самобытности, преемственности и суверенности всей системы государственно-правовых отношений, а также в укреплении авторитета Конституции Российской Федерации и идей конституционализма, демократии, верховенства закона и защиты прав и свобод человека и гражданина. Представляется, что многовековая российская государственность основана на идее независимости и суверенитета как самой России, так и ее народа. В основе государственного суверенитета России лежит суверенитет ее многонационального и многоконфессионального народа, который сам определяет свое будущее и не зависит при принятии решений от чьей-либо воли. Именно суверенитет народа, его готовность защищать и укреплять свое Отечество, брать на себя ответственность за развитие своей страны в кризисные моменты и выделяет по-настоящему суверенные государства. Однако в современном нам мире полностью суверенных государств не существует: государственный суверенитет всегда частично или полностью ограничен глобализацией, международным правом, участием государств в международных организациях и интеграционных объединениях, цифровизацией, глобальным рынком.

Вместе с тем полнота государственного суверенитета – условие поступательного развития современного государства [1, с. 13-14]. Поэтому укрепление суверенной государственности России – ключевая задача общества и государства. Россия как государство, обладающее практически полным государственным суверенитетом наряду с такими государствами, как Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика, отстаивает соблюдение принципов суверенного равенства государств, неделимости безопасности в Европе и мире как условия развития всей системы международных отношений. Будущее мира и всех суверенных

государств будет зависеть от разумного баланса между сохранением государственности, государственного суверенитета как основы функционирования государств и их взаимовыгодной интеграции на различных международных площадках. Вместе с тем несправедливое и незаконное умаление или ограничение государственного суверенитета – крайне опасный путь для всей системы международной безопасности.

В целях конституционализации государственного суверенитета России мы предлагаем закрепить в тексте Конституции 1993 года следующее положение: «Российская Федерация – многонациональное суверенное государство, основанное на многообразии культур, языков и традиций ее народов. Российская Федерация охраняет и укрепляет свою государственно-правовую и культурную идентичность, чтит память предшествующих поколений, принимает меры для сохранения традиционных ценностей российского общества». Думается, что данное положение могло бы дополнить текст преамбулы действующей Конституции, задав тем самым ключевой вектор для развития государственности и конституционализма в России на ближайшие годы и десятилетия.

Не вызывает никакого сомнения, что государственный суверенитет базируется на множестве составляющих, но государство суверенно тогда, когда его граждане убеждены в суверенности, целостности и идентичности своего государства. Весомую роль в укреплении суверенитета России, как видится, должна играть идея сильной суверенной процветающей России, способная двигать развитие государства и общества для достижения новых целей. Это направление, состоящее в поиске устойчивой и объединяющей граждан страны национальной идеи, как представляется, является вторым ключевым вектором конституционного развития Российской Федерации.

Очевидно, что Россия за долгие годы развития пережила различные исторические периоды, и каждому периоду соответствовала своя идея (идеология). Так, в XIX веке в Российской империи в обиход вошла кон-

сервативная уваровская формула «православие, самодержавие, народность». В XX веке в советский период в нашей стране в абсолют была возведена идеология марксизма-ленинизма, которая утверждала диктатуру одной партии и отрицала наличие какой-либо другой идеологии. На пике своего влияния коммунистическая идеология позволила нашей стране провести успешную индустриализацию, одержать победу в Великой Отечественной войне и поднять уровень жизни рядовых граждан, обеспечив на практике реализацию идеи социального государства, которое предоставляет необходимые блага и обеспечивает достойный уровень жизни граждан. Однако в долгосрочной перспективе единая государственная идеология не всегда оказывается конкурентоспособной и может при определенных условиях вызывать недоверие и даже отторжение у широких слоев населения. К сожалению, эта участь постигла и советскую идеологию, которая отвергала какие-либо альтернативные идеи общественно-политического развития и в определенный момент пришла в противоречие с демократическими ценностями и идеалами. Как результат, наша страна в 1993 году на уровне Конституции отказалась от единой государственной идеологии и получила идеологический вакуум [4, с. 39-40], который, несомненно, препятствует поступательному развитию государства и общества. Очевидно, что сегодня наша страна находится на идеологическом перепутье и в поиске оптимального пути общественного развития.

По нашему мнению, единая и безальтернативная государственная идеология не подходит для современной России, т.к. Россия – очень большая, многонациональная и многоконфессиональная страна, граждане которой уже прочно впитали в себя демократические ценности и идеалы, среди которых следует особо выделить свободу, равноправие, социальную справедливость и солидарность, многопартийность. Единая государственная идеология будет вызывать неприятие у общества, и ее формирование будет крайне затруднено в нашей стране по ряду обстоятельств. В этой связи для России более приемлема не единая

государственная идеология, которая, к слову, запрещена действующей Конституцией 1993 года, а государственная патриотическая идея и патриотические ценности, которые должны всячески поддерживаться и культивироваться как государством, так и самим обществом. Полагаем, что в настоящее время ключевые точки национальной патриотической идеи (системы ценностей) должны получить закрепление на конституционном уровне. По нашему мнению, соответствующая норма могла бы быть сформулирована в рамках ст. 75.2 Конституции 1993 года и звучать следующим образом: «Развитие российского государства и общества основывается на идеях свободы, патриотизма, преемственности поколений, защиты суверенитета и целостности страны. Их уважение – обязанность государства и общества, несущих совместную ответственность за успешное развитие Родины».

Третьим важнейшим вектором конституционного развития России в настоящее время является централизация российской государственности. Отметим, что в русле данного вектора Российская Федерация в начале XXI века успешно преодолела дезинтеграционные тенденции, сумела выстроить так называемый централизованный федерализм и прийти к пониманию единства федеративного государства. Очевидно, что крайне большое по территории и численности населения, многонациональное и многоконфессиональное государство не может быть в большей степени децентрализованным: такое государство рискует утратить свою целостность, идентичность и суверенитет [10, с. 18]. В этой связи выстраивание централизованных федеративных отношений – одна из главных заслуг действующего Президента России В.В. Путина. Вместе с этим государство и государственная власть продолжают на местах и включение органов местного самоуправления в единый государственный механизм – крайне важная задача для всего государства и общества. Местное самоуправление, которое функционирует неэффективно и не удовлетворяет чаяния местного населения, – это угроза целостности и сплоченности общества.

Следует особо отметить, что местное самоуправление – это и одна из основ конституционного строя Российской Федерации, и уровень публичной власти, и форма народовластия, самостоятельного решения населением вопросов местного значения, которая не может никоим образом отрицаться и умаляться. Вместе с этим противопоставление местного самоуправления и государственной власти недопустимо. Местное самоуправление неотделимо от государственной власти [5, с. 57] и, на наш взгляд, де-факто является составной его частью. Тем не менее первоначальная редакция Конституции 1993 года создавала некоторые предпосылки для противопоставления и отрыва местного самоуправления от системы органов государственной власти. Но в государстве существует одна власть – государственная, которая обладает суверенитетом и распространяется на всю территорию государства и ее население. Данный казус был частично исправлен в ходе конституционной реформы 2020 года, когда в Конституции 1993 года было зафиксировано следующее положение: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» (ч. 3 ст. 132).

Полагаем, что данная формулировка не является полностью идеальной (российскому гражданину привычнее слышать формулировку «система органов государственной власти», а не «система публичной власти»), однако она верно отражает вектор на централизацию института местного самоуправления. На наш взгляд, ст. 132 Конституции Российской Федерации можно было бы дополнить ч. 4 следующего содержания: «Органы местного самоуправления реализуют государственную политику, государственные программы и проекты в муниципальных образованиях, оказывают содействие органам государственной власти в создании условий для успешного и эффективного

развития муниципальных образований и их населения».

Нельзя также не отметить, что помимо конституционного уровня успешная централизация института местного самоуправления должна сопровождаться реформированием федерального законодательства о местном самоуправлении, и скорейшее принятие нового федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – крайне актуальная задача для России. Обновленный закон при этом должен как учитывать современные реалии функционирования органов местного самоуправления в единой связке с органами государственной власти, так и сохранить близость органов местного самоуправления и их должностных лиц к населению муниципальных образований. Органы местного самоуправления должны обеспечивать продвижение интересов населения муниципалитетов, но и при этом осуществлять государственно-властные функции на местах. В рамках достижения этой цели мы предлагаем пересмотреть перечень муниципальных образований, а также разделить их на два уровня, верхний уровень которых должен быть наиболее тесно связан с органами государственной власти, а низовой уровень – с населением, проживающим в городах и сельской местности.

Для успешной реализации данной идеи мы предлагаем модернизировать существующую систему местного самоуправления в России. Первый уровень, на наш взгляд, должен быть представлен муниципальными округами, которые должны быть во многом интегрированы с системой органов государственной власти субъектов Федерации, выполнять отдельные государственные полномочия, принимать участие в реализации государственных программ и проектов. На этом уровне местные администрации должны быть встроены в систему органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Их формирование должно быть прерогативой органов государственной власти субъектов Федерации (можно подумать об упразднении на данном уровне представительных органов местного самоуправления).

Второй – низовой уровень местного самоуправления должен быть в большей степени самостоятелен и финансово независим от органов государственной власти (свои налоги и доходы) и участвовать преимущественно в решении хозяйственных, социальных и бытовых вопросов населения. Главы администраций и представительные органы местного самоуправления на данном уровне должны избираться исключительно населением самих муниципальных образований. На наш взгляд, этот уровень местного самоуправления должен быть подчинен муниципальным округам и представлен городскими округами, городскими и сельскими поселениями. Разумная централизация местного самоуправления, по нашему мнению, позволит укрепить его роль и значение в процессе развития территорий, создания комфортной и благоприятной среды для проживания как в городах, так и в сельских поселениях.

Наконец, следует выделить еще один, четвертый вектор государственно-правового развития Российской Федерации, который сводится к постепенному ограничению влияния международного права на правовую систему России. Необходимо отметить, что при принятии Конституции в ее текст было включено следующее положение: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15). Указанное положение создало некоторую иллюзию того, что нормы международного права имеют полный примат над нормами Конституции и национального права. Однако это не совсем так: формулировка ч. 4 ст. 15 Конституции всего лишь ввела нормы международного права в правовую систему страны, но никоим образом не превознесла их над нормами самой Конституции 1993 года, которые, безусловно, имеют высшую юридическую силу на территории России. Нормы международных договоров, которые ратифицированы Рос-

сией, не перечеркивают нормы Конституции [2, с. 27]. Тем не менее «зеленый свет», данный нормам международного права в 90-е годы XX века, сделал свое дело: Россия стала участником многих международных соглашений, которые не всегда создавали обоюдовыгодные условия для страны.

Именно по этой причине в рамках конституционной реформы 2020 года в Конституции 1993 года появилась норма, в соответствии с которой «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Полагаем, что данная норма направлена как на защиту основ конституционного строя России, так и граждан страны от деструктивного влияния извне. Представляется, что национальный правовой суверенитет России выше норм международного права, а все необходимые международные стандарты прав человека нашли свое отражение во второй главе Конституции 1993 года. Членство России в международных организациях и объединениях не может отрицать нормы и установления Конституции России как нормативного акта, обладающего высшей юридической силой, а также идею верховенства Конституции в правовой системе страны [3, с. 170].

В этой связи мы предлагаем рассмотреть вопрос о дополнении ст. 79 Конституции 1993 года частью 2 следующего содержания: «Запрещается ратификация и присоединение Российской Федерации к международным договорам, положения которых противоречат

Конституции Российской Федерации, создают угрозу ее государственному суверенитету, национальной безопасности и традиционным ценностям». Думается, что подобное положение позволит укрепить национальный правовой суверенитет России и усилить гарантии невмешательства извне во внутренние дела нашей страны.

Таким образом, следует еще раз отметить, что Конституция 1993 года является фундаментом конституционного развития Российской Федерации. Она создает необходимые условия для поступательного развития институтов государства и гражданского общества, выступает платформой гражданского диалога и средством общественно-политического консенсуса. Конституция Российской Федерации пользуется достаточной поддержкой со стороны граждан страны, определяя векторы конституционного развития государства. К указанным векторам, на наш взгляд, можно отнести укрепление суверенной государственности России, поиск национальной патриотической идеи, централизацию института местного самоуправления, ограничение влияния норм международного права на конституционное законодательство. Очевидно, что вышеназванные тенденции свидетельствуют об укреплении суверенитета России на международной арене, формировании самобытного российского конституционализма с опорой на демократические ценности, идеи преемственности и идентичности конституционного строя. Думается, что дальнейшее разумное совершенствование норм Конституции 1993 года способно укрепить Россию как демократическое правовое суверенное государство.

Библиографический список

1. Баранов, Н.А. Российская государственность в условиях современных геополитических вызовов / Н.А. Баранов // Мир русскоговорящих стран. – 2023. – N 3 (17). – С. 5-20.
2. Барнашов, А.М. Конституции государств и международное право / А.М. Барнашов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – N 2 (8). – С. 24-28.
3. Кравец, И.А. Верность конституции и проблема согласования идей конституционализма и исполнения международных обязательств в сфере прав человека / И.А. Кравец // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – Т. 5. – N 1 (14). – С. 167-180.
4. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: Юнити-Дана, 2002.
5. Немова, Н.Ю. Влияние конституционных норм на взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Н.Ю. Немова, В.П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – N 3 (52). – С. 52-58.
6. Румянцев, О.Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления) / О.Г. Румянцев. – М.: Юрист, 1994.
7. Трусов, Н.А. Проявление функций Конституции в конституционной реформе России 2020 года / Н.А. Трусов // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – N 4. – С. 3-6.
8. Хамчиева, З.Б. Конституционное развитие и конституционная стабильность – две стороны одной медали / З.Б. Хамчиева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – N 5. – С. 95-103.
9. Шахрай, С.М. Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры / С.М. Шахрай. – М.: Статут, 2017.
10. Яценко, В.В. Решение проблемы государственного суверенитета в условиях централизации власти в России / В.В. Яценко, А.Н. Грохотов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2012. – N 1-2. – С. 15-19.

УДК 342.9

Николай Николаевич ЦУКАНОВ,
заместитель начальника Сибирского юридического
института МВД России (по научной работе)
(г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор
nikolai_zukanov@mail.ru

ЭФФЕКТ СОЛЯРИСА: О ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

THE SOLARIS EFFECT: TO THE ISSUE OF COMPREHENSION OF ADMINISTRATIVE PROCEDURE

Несмотря на многолетние научные исследования в области административного процесса, сохраняются существенные различия в принципиальных подходах к его пониманию. В работе представлена попытка объяснения этого эффекта, сформулирована гипотеза, подтверждение или опровержение которой может, по мнению автора, способствовать развитию представлений об административном процессе, о перспективных направлениях его систематизации.

Despite many years of scientific research in the field of administrative procedure, significant differences in fundamental approaches to its comprehension remain. The article presents an attempt to explain this effect, formulates a hypothesis, the confirmation or refutation of which, in the author's opinion, can contribute to the development of ideas about the administrative procedure, as well as about long-term directions for its systematization.

Ключевые слова: административный процесс, подходы к пониманию административного процесса, административные производства, административно-процессуальный кодекс.

Keywords: *administrative procedure, approaches to comprehension of administrative procedure, administrative proceedings, administrative procedure code.*

В 1961 году вышло первое книжное издание научно-фантастического романа С. Лема «Солярис». Основным фоном сюжетной линии служит изучение людьми будущего возможности общения с разумным океаном, населяющим планету Солярис. По сюжету десятилетия сложнейших научных исследований, усилия выдающихся ученых, десятки тысяч выявленных и систематизированных фактов в конечном итоге не продвинули исследователей к решению основной поставленной задачи, соляристика стала своеобраз-

ной описательной наукой, которая не смогла сделать никаких определенных выводов об устойчивых закономерностях, позволяющих объяснять прошлое, управлять настоящим и прогнозировать будущее.

К сожалению, при определенных условиях этот фантастический сюжет может иметь место и в реальной жизни, и практика изучения административного процесса это в какой-то мере подтверждает. Причем, как и в производстве, причина такого предполагаемого результата кроется вовсе не в поверх-

ности производимых исследований, а в уникальности объекта, снижающей результативность стандартных подходов.

Основным предметом дискуссии уже несколько десятков лет остается вопрос о целесообразности того или иного взгляда на содержание и структуру административного процесса. Отсутствие необходимых нормативно-правовых ограничений предопределяет возможность параллельного развития интересных и содержательных научных теорий, не имеющих в то же время значимых точек пересечения. «При этом задача выявления и систематизации закономерностей, позволяющих прогнозировать возникновение и развитие определенных правоприменительных ситуаций, должным образом не решается ... весьма затруднительно сформулировать неочевидные, но новые, научно обоснованные закономерности, имеющие универсальное практическое значение для любых проявлений административного процесса. Отсутствуют не только единые рекомендации относительно таких прикладных вопросов, как, например, порядок исчисления сроков или оформления представительства в административно-процессуальных отношениях, но и понимание даже таких ключевых категорий, как «процесс», «производство», «процедура» [подр.: 14, с. 14-19]. При этом имеется в виду не отсутствие внимания к этим вопросам со стороны исследователей, а разнообразие подходов к их решению. В условиях неопределенности границ административного процесса исключается возможность выявления общих практически значимых закономерностей. И наоборот, предложение считать такой закономерностью то или иное правило должно растворяться в неопределенности возможности его применения в конкретной ситуации по причине не ясности: идет ли речь об административном процессе или нет?

Известную проблему составляет не только «бесконечность количества производств», но и их неоднородность. Например, в процессуальном отношении в нормотворческих производствах федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления различного больше, чем общего,

равно как и в производствах, связанных с регистрацией политических партий и автотранспорта.

В 1964 году опубликована одна из наиболее известных работ в области административного процесса – монография Н.Г. Салищевой «Административный процесс в СССР». Ключевой вопрос, который решается автором: «Можно ли утверждать, что административный процесс – это деятельность по разрешению всех индивидуальных дел в области государственного управления? Или административный процесс – это рассмотрение государственными органами споров, возникающих при разрешении индивидуальных дел, а также применении мер принуждения? Мы склоняемся ко второму мнению и тем самым даем ограничительное толкование понятию «административный процесс»» [8, с. 11]. Интересно, что в работах, опубликованных до и после данного высказывания, Надеждой Георгиевной приводились иные мнения по этому поводу [цит. по: 17; 4, с. 17]. Однако главное не это. Вопреки распространенному мнению, было бы неправильным считать, что предложенная Н.Г. Салищевой концепция возникла «из ничего». Сама Надежда Георгиевна, ссылаясь на работы Г.И. Петрова, А.Е. Ефремова, Ц.А. Ямпольской, В.М. Манохина, В.И. Поповой и ряда других авторов, отмечала, что проблематика научного процесса уже являлась предметом научных исследований, а выделение в научной литературе широкого и узкого подходов к его определению – сформировавшаяся к моменту подготовки работы данность [8, с. 6]. При этом, предлагая ограничительное толкование административного процесса, Н.Г. Салищева говорит о нем в сочетании с многочисленными административными производствами, которые должны учитываться, но в содержание административного процесса не входят.

Иное решение, но, по сути, того же вопроса о множественности содержания административного процесса, выражающееся в предложении закрытой классификации существующих административных производств, предлагал не менее известный административист – автор управленческой

концепции В.Д. Сорокин [11, с. 72-111; 10, с. 124].

Приходится констатировать, что указанный вопрос по-разному решается и в современной научной литературе, хотя более чем шестьдесят лет в той или иной форме остается предметом обсуждения.

Как указывает А.И. Каплунов, на сегодняшний день можно выделить четыре подхода к пониманию административного процесса:

- 1) судебный (Ю.Н. Старилов);
- 2) комплексный на основе юрисдикционного (Н.Г. Салищева);
- 3) интегративный (А.Б. Зеленцов, П.И. Кононов, А.И. Стахов);
- 4) комплексный на основе управленческого (А.И. Каплунов) [6, с. 264].

Этот перечень можно дополнить, приняв к сведению мнения, отраженные в работах М.Я. Масленникова [7], А.А. Демина [5], Ю.П. Соловья [9] и ряда других авторов. Очевидно, что разница заключается совсем не только в систематизации содержания административного процесса, но и в его разграничении со смежными категориями, прежде всего – с процедурами.

Возникает ощущение, что законодатель (равно как и высшие органы судебной власти) избегает использования термина «административный процесс» (возможно, по причине неопределенности его содержания), однако было бы ошибкой утверждение, что анализ законодательства совсем не позволяет делать никаких выводов относительно этой категории.

Термин «процесс» достаточно активно используется в федеральных законах, но в большинстве случаев имеется в виду иная деятельность, не ориентированная на реализацию норм материального права, а охватывающая другие виды юридически значимой активности субъектов права: учебно-воспитательный

процесс, технологический процесс, перевозочный процесс, процессы производства, организации дорожного движения, назначения и предоставления мер социальной защиты, приватизации, сбора подписей и т.д. В отдельных случаях данный термин применяется для обозначения деятельности по реализации отдельных мер, например «процесс контрольной закупки» (ч. 4 ст. 67 Федерального закона от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации») и даже описания противоправных действий физических лиц (например, «процесс потребления табака», ст. 6.23 КоАП РФ).

В традиционном для юридической литературы смысле термин «юридический процесс» упоминается в законодательстве для обозначения очень ограниченного круга видов деятельности. К числу последних можно отнести уголовный процесс, гражданский процесс, избирательный процесс¹, бюджетный процесс², законодательный процесс, процесс разрешения спора третейским судом³, процесс в Конституционном Суде Российской Федерации⁴, производство по делам об административных правонарушениях и т.д.

Нет оснований считать этот перечень исчерпывающим, но его содержание позволяет обратить внимание на некоторые общие закономерности и признаки.

Во-первых, речь идет о таких общеизвестных общетеоретических признаках, как направленность на реализацию норм материального права, стадийность, государственно властный характер, юридическая опосредованность, способность служить своеобразным каналом действия методов правового регулирования, допустимость применения аналогий и т.д. «Процесс, – как отмечает А.И. Каплунов, – представляет собой организационную форму нормотворческой и правопримени-

1 О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ.

2 Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований : Федеральный закон от 07.02.2011 N 6-ФЗ.

3 Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ.

4 О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ.

тельной деятельности уполномоченных на то субъектов, обеспечивающей достижение предусмотренного материально-правовыми нормами юридического результата» [2, с. 11].

Во-вторых, законодатель явно не связывает реализацию любой материально-правовой нормы с понятием «юридический процесс». Любая материально-правовая норма нуждается в механизме реализации, но не в каждом случае речь идет о юридическом процессе. В этом смысле известное утверждение К. Маркса о том, что процесс есть форма жизни материального закона, следует понимать расширительно. Процесс – одна из таких форм, пусть даже и наиболее организованная. Об этом вполне обоснованно говорится и в современной литературе. Например, нельзя не отметить достаточно перспективный термин «внепроцессуальные материально-правовые процедуры», предложенный А.И. Каплуновым [3, с. 14].

В-третьих, юридический процесс может быть не связан с применением мер юридической ответственности и иных мер государственного принуждения, хотя бы по причине существования избирательного или бюджетного процессов.

В-четвертых, нельзя утверждать, что процессом может называться только судопроизводство. Помимо уже отмеченных видов процесса нет сомнений, что уголовно-процессуальная деятельность осуществляется в досудебном производстве субъектами, не относящимися к судебной власти. Применительно же к административному процессу нельзя не согласиться со А.И. Стаховым, отмечая, что в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ административно-процессуальное законодательство представлено шире, чем это необходимо для административного процесса, осуществляемого судами. В силу норм, составляющих правовую основу системы судебной власти, в Российской Федерации исключена возможность правового регулирования процессуальной деятельности судов посредством законов субъектов Российской Федерации [12, с. 316].

В-пятых, речь идет о деятельности, урегулированной федеральными законами (отно-

сительно перечисленных видов юридического процесса). В частности, нормы, процессуальные по своему содержанию, но имеющие организационное предназначение, не относятся к содержанию административного процесса. Действительно, можно ли считать, что установленный приказом МВД России от 28 апреля 2023 г. N 260 «Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России» порядок организации научной деятельности в системе органов внутренних дел либо утвержденный приказом МВД России от 2 сентября 2024 г. N 515 порядок делопроизводства в органах внутренних дел Российской Федерации составляют предмет административного процесса? Можно ли вообще говорить об административном процессе, имея в виду уникальные правила, опосредованные ведомственными и локальными актами? Полагаем, что нет.

В-шестых, процесс – понятие более широкое, чем система определенных правил. В общетеоретическом отношении разница между материально-правовой и процессуальной нормами кроется не в причастности последней к нормативно зафиксированной разновидности юридического процесса, а в предназначении. «Нормы процессуального права регулируют отношения, связанные с осуществлением, реализацией права. Главная особенность норм процессуального права – это их процедурный характер» [1]. Соответственно, могут существовать нормы, процессуальные по своему содержанию, но не входящие в какой-либо юридический процесс, поскольку последний – это, кроме того, полнота соответствующей системы правил, соответствие логике, принципам и методам процессуального права. Отдельные разрозненные правила не могут в полной мере именоваться ни производством, ни процессом [подр.: 16, с. 18]. В нормативном отношении это система норм и институтов, выстроенная законодателем в соответствии с определенными правилами. Например, статья 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации устанавливает меры дисциплинарного воздействия, применяемые за нарушение установленного порядка отбывания наказания к

осужденным к лишению свободы, однако порядок их применения, регламентированный статьей 117 УИК РФ, не принято называть процессом.

В-седьмых, во всех отмеченных случаях имеется в виду в том числе особая среда, которую образует взаимодействие участников на основе реализации их специальных процессуальных статусов. На наш взгляд, это не случайный, а существенный признак. Именно вариативность такого взаимодействия во многом обеспечивает динамичность процессуальной деятельности. Без этого компонента установленный законодательством порядок реализации норм материального права не может называться юридическим процессом. Например, нельзя назвать административным процессом порядок реализации материально-правовых норм, связанных с режимом военного положения.

При всем своем разнообразии существующие на сегодняшний день подходы к пониманию административного процесса имеют общую особенность: пределы административного процесса связаны с его предназначением, с неодинаково понимаемой различными авторами необходимостью обеспечить реализацию тех или иных норм материального права в административно-процессуальном порядке. Возможно, именно поэтому размываются представления о юридических свойствах административного процесса, поскольку в одних случаях предмет оказывается необоснованно ограниченным (как, например, при судебном подходе), в других – предполагает охват норм и правил, которых на текущий момент может и не быть. Однако гипотетически возможен и иной подход. Как уже нами отмечалось, перспективной может оказаться попытка движения от обратного. Рассуждая о понятии административного процесса, возможно, следует говорить не столько о том, что может и должно быть его предметом, сколько о том, что на текущий момент облачено в соответствующую процессуальную форму [подр.: 14, с. 14-19].

Если процесс – это «изделие», то приобретение этого качества, кроме того, возможно с течением времени, по мере развития

регламентирующего его законодательства. Следовательно, для определения границ административного процесса необходимо применение правил темпоральной логики, необходим текущий анализ действующего законодательства на предмет наличия совокупности соответствующих критериев. Например, положения п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ в части отнесения административно-процессуального законодательства к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов можно толковать в том числе и как пока еще не реализованную возможность.

При этом вполне допустима мозаичность общей картины в рамках созвучных видов деятельности. Так, например, законодательство о порядке привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащих соответствует, на наш взгляд, признакам административного процесса, а законодательство о дисциплинарной ответственности учащихся средних школ нет, хотя и то, и другое связано с реализацией дисциплинарной ответственности по административному праву.

Ранее нами уже высказывалось предположение о том, что первичным элементом административного процесса следует считать административное производство, обладающее определенными признаками [подр.: 14, с. 14-19]. А сам административный процесс можно воспринимать как сформировавшуюся на текущий момент совокупность этих производств. Следует отметить, что это предложение в целом не противоречит в том числе и комплексному подходу на основе юрисдикционного. Так, в учебнике по административному процессу Н.Г. Салишева, раскрывая содержание административных процедур как разновидности административного процесса, выделяет производство по рассмотрению заявлений и предложений граждан в органах публичной власти, лицензионно-разрешительные производства, разрешительные производства, регистрационные производства и др. [4, с. 57-103].

Более того, эту же логику использует и В.Д. Сорокин в части аргументации предлагаемого перечня производств: «... в настоящее время, с учетом изменений, происшед-

ших в стране, в структуру административного процесса входят производства, имеющие уже определенное законодательное закрепление...» [10, с. 123].

Разница лишь в том, что предлагаемый для обсуждения подход предполагает необходимость фиксации заверченного на какой-то момент времени перечня таких производств (причем не в обобщенном виде, поскольку отдельные виды дисциплинарного, лицензионного или иного вида производства могут соответствовать критериям процесса, а другие, аналогичные, но имеющие иную регламентацию, – нет) посредством использования критериев, к которым, на наш взгляд, следует отнести следующие:

а) установление на уровне закона (федерального или субъекта Российской Федерации) в целях реализации определенных норм материального права;

б) необходимость вынесения специально предусмотренного законом индивидуального акта для возбуждения соответствующего производства;

в) предусмотренная законом обязанность властного субъекта совершать циклические срочные действия;

г) наличие участников производства, обладающих субъективными процессуальными правами и обязанностями, и системы правоотношений, связанных с реализацией этих прав и обязанностей;

д) «документальная оформляемость», предполагающая, что «поставленную задачу следует решать, используя такие специальные категории, как «административное дело», «судебное административное дело», «внесудебное административное дело»» [12, с. 321-324];

е) вынесение письменного индивидуального акта, обеспечивающего официальную реализацию исходной материально-правовой нормы.

На текущий момент можно говорить о соответствии критериям административного процесса судебных административных производств, регламентируемых Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, производства по делам об административных правонарушениях (вклю-

чая часть, реализуемую в соответствии Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации), а также отдельных видов несудебных административных производств, перечень которых должен стать предметом обсуждения с учетом их соответствия перечисленным критериям.

Предлагаемый для обсуждения вариант позволяет иначе взглянуть и на перспективы систематизации административно-процессуального законодательства. Сегодня задача разработки административно-процессуального кодекса выглядит еще более сложной, чем полвека назад, когда волевое решение законодателя могло бы относительно безболезненно создать условия для дальнейшей адаптации научных представлений об административном процессе. Однако кодификацию, во-первых, не следует рассматривать как самоцель. Необходимость в таком решении возникает по мере развития законодательства (сама по себе кодификация не предопределяет повышение эффективности). Кроме того, далеко не все виды юридически властной деятельности, направленные на реализацию материально-правовых норм, могут и должны быть урегулированы в соответствии с правилами процессуальной деятельности. Трудно, например, представить такую необходимость при реализации права полиции осуществлять блокирование территорий при ликвидации последствий аварий (ч. 2 ст. 16 Федерального закона «О полиции») или применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие (ст. 19 Федерального закона «О полиции»).

Во-вторых, в контексте обсуждения кодификации административно-процессуального законодательства чаще всего принято исходить из того, что соответствующий кодекс, как универсальный акт, должен охватывать одновременно все проявления административно-процессуальных отношений. Однако при современных наиболее распространенных подходах к пониманию административного процесса это или невозможно, или ограничивается содержанием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Особенностью же предлагаемого для обсуждения подхода служит возможность обоснованного законодательством ограничения объема содержания административного процесса, но использование последнего термина будет, прежде всего, свидетельствовать о различных степенях и формах детализации процессуального оформления той или иной деятельности в сфере государственного управления. Соответственно, единый административно-процессуальный кодекс окажется заведомо эклектичным документом, поскольку будет строиться на основе не столько единства предмета регулирования, сколько соответствия определенным особенностям правовой регламентации порядка применения.

Более перспективными представляются иные способы систематизации административно-процессуального законодательства. Например, в части совершенствования правового регулирования законодательства об административных процедурах, реализации предложений ряда авторов относительно принятия Основ административно-процессуального законодательства [10, с. 423; 15, с. 100-103] либо законов «Об основах админи-

стративного законодательства в Российской Федерации», «Об основах административно-процессуального законодательства в Российской Федерации» [13, с. 151-155]. Наконец, по аналогии со сферой законодательства об административной ответственности возможна кодификация по отдельным правовым институтам. Примером может служить Федеральный закон от 4 мая 2011 г. N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», в известной степени являющийся результатом систематизации материально-правового и процессуального законодательства в области лицензирования.

В отличие от событий, описанных в романе «Солярис», научные исследования в области административного процесса, конечно, отнюдь не безрезультатны, а ученые-административисты не имеют иного пути, как успешное научное освоение той неотъемлемой части юридической сферы, которую принято связывать с административным процессом. Хочется надеяться, что представленный в настоящей работе подход, определяющей контуры еще требующей проверки гипотезы, хотя бы в качестве материала для критики может способствовать решению этой задачи.

Библиографический список

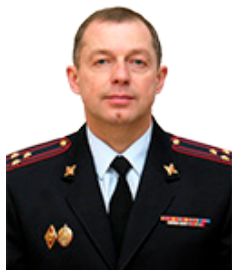
1. Абдулаев, М.И. Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений / М.И. Абдулаев. – М.: Магистр-Пресс, 2004. – 410 с.
2. Административно-процессуальное право : учебник / А.И. Каплунов, А.Н. Жеребцов, А.М. Субботин [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Каплунова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2024. – 380 с.
3. Административно-процессуальное право: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Каплунова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2015. – 376 с.
4. Административный процесс : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. М.А. Шатиной. – М.: Юрайт, 2017. – 317 с.
5. Демин, А.А. Уточним понятие административного процесса / А.А. Демин // Административное право и процесс. – 2004. – N 1. – С. 6-10.
6. Каплунов, А.И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства / А.И. Каплунов // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. – N 3. – С. 261-276.

7. Масленников, М.Я. Административный процесс: теория и практика / М.Я. Масленников ; отв. ред. д.ю.н., проф. А.С. Дугенец. – М.: НОУ Школа спецподготовки «Витязь», 2008. – 364 с.
8. Салищева, Н.Г. Административный процесс в СССР / Н.Г. Салищева. – М.: Юридическая литература, 1964. – 158 с.
9. Соловей, Ю.П. К завершению дискуссии о понимании административного процесса / Ю.П. Соловей // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. – N 3. – С. 359-378.
10. Сорокин, В.Д. Административный процесс и административно-процессуальное право / В.Д. Сорокин. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2002. – 474 с.
11. Сорокин, В.Д. Вопросы теории советского административно-процессуального права : дис. ... докт. юрид. наук / В.Д. Сорокин. – Л., 1968.
12. Стахов, А.И. Интегративная теория административного процесса – единственно верная основа построения модели административного процесса / А.И. Стахов // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. – N 3. – С. 313-327.
13. Стахов, А.И. О некоторых аспектах кодификации отечественного административного и административно-процессуального законодательства в условиях глобализации публичного права / А.И. Стахов // Глобализация и публичное право : материалы III международной научно-практической конференции. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2015. – С. 151-155.
14. Цуканов, Н.Н. Административно-процессуальная наука: к вопросу поиска объединяющей задачи / Н.Н. Цуканов // Административное право и процесс. – 2022. – N 8. – С. 14-19.
15. Цуканов, Н.Н. О возможных направлениях систематизации административно-процессуального законодательства / Н.Н. Цуканов // Государство и право. – 2011. – N 5. – С. 100-103.
16. Цуканов, Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел : монография / Н.Н. Цуканов ; науч. ред. Ю.П. Соловей. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012. – 328 с.
17. Штатина, М.А. Эволюция теории административного процесса в научных работах заслуженного юриста Российской Федерации Н.Г. Салищевой / М.А. Штатина // Административное право и процесс. – 2017. – N 6. – С. 19-24.

УДК 340

Виктор Николаевич БОРКОВ,
начальник кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор
borkovv@mail.ru

Глеб Евгеньевич МОСКАЛЕНКО,
доцент кафедры теории и истории
права и государства Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук
glmos55@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF BALANCE OF INTERESTS IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

В статье исследуются проблемы реализации принципа баланса интересов в правоохранительной деятельности, ставшие особенно актуальными в условиях современных социально-политических вызовов. Выделяются причины, препятствующие воплощению баланса частных и публичных интересов, предлагаются юридические средства, направленные на обеспечение такого баланса. Обосновывается необходимость гибкости и пропорциональности мер, обеспечивающих права граждан и безопасность общества, подчеркивается значимость судебной практики, а также важность создания условий для открытого диалога между социальными группами с целью достижения консенсуса и укрепления социальной сплоченности.

The article examines the problems of implementing the principle of balance of interests in law enforcement activity, which have become especially topical in the context of modern socio-political challenges. The reasons that oppose the implementation of the balance of private and public interests are highlighted, and legal means aimed at ensuring such a balance are proposed. The need for flexibility and proportionality of measures to ensure the rights of citizens and the safety of society is substantiated, the significance of judicial practice, as well as the importance of creating conditions for an open dialogue between social groups in order to achieve consensus and strengthen social cohesion are emphasized.

Ключевые слова: баланс интересов, правоприменение, правоохранительная деятельность, принцип права, частный интерес, публичный интерес.

Keywords: balance of interests, law enforcement, law enforcement activities, principle of law, private interest, public interest.

Концепция баланса интересов в значительной степени стала предметом юридического осмысления со второй половины XIX – начала XX вв., когда в политико-правовых доктринах достаточно твердо укрепи-

лись идеи либерализма, давшие основания для выработки теоретических и методологических подходов, направленных на обеспечение прав и законных интересов граждан. Историко-правовое развитие принципа ба-

ланса интересов свидетельствует о его глубокой связи с основополагающими правовыми и этическими категориями, такими как справедливость, равенство и законность.

В последние годы концепция баланса интересов получила очередной веток актуальности в современной отечественной и зарубежной юридической науке. Причиной этого послужили активные изменения в законодательстве и правоприменительной практике, вызванные пандемией COVID-19, а также нестабильностью международной обстановки, следствием которой является возросшая потребность государства в укреплении национальной безопасности. С одной стороны, пандемия и глобальные кризисы усилили необходимость защиты общественных интересов и ужесточения правового регулирования. С другой стороны, возникает потребность в сохранении и защите прав и свобод граждан, интересов частных лиц и организаций, что требует большей гибкости правоприменительной практики и учета индивидуальной специфики применительно к каждому случаю.

Баланс интересов представляет собой ключевой принцип правового регулирования, направленный на достижение справедливого соотношения между противостоящими и противоречивыми интересами различных субъектов правовых отношений. Он подразумевает не только соблюдение формального равенства в правах и обязанностях сторон, но и создание условий, при которых субъекты правоотношений могут реализовать свои законные интересы в рамках действующего правового порядка. При этом баланс интересов должен быть эффективным, гибким и соответствовать требованиям справедливости, которые могут меняться в зависимости от характера правоотношений и социальных условий.

Рассматривая данную проблему в ракурсе развития современной отечественной правовой системы, следует отметить, что вопрос поиска оптимального сочетания частного и публичного интересов приобретает особую актуальность на переломных этапах развития государства, решающего сложные задачи, требующие консолидации общества. История демонстрирует, что необходимое объ-

единение усилий граждан перед лицом внутренних и внешних угроз достигается в числе прочего посредством государственного принуждения.

В юридической доктрине публичные интересы представляют собой интересы государства и общества в целом. Такие интересы направлены на защиту общественного порядка, национальной безопасности, поддержание стабильности и справедливости в обществе. «Здесь возможно применение мер, в какой-то степени ущемляющих интересы конкретного человека, но это делается во благо общества, а значит, и данного индивида, и в строго дозированных масштабах, когда другими методами невозможно решить ту или иную проблему» [5, с. 290]. В таких условиях актуализируется деятельность правоохранительных органов и роль публичного права, в частности антикриминального законодательства. Его формирование как важнейшего раздела системы права немыслимо без «приведения правовых институтов в согласие с конституционными императивами» и доктринальными положениями теоретико-правовой науки. «По большому счету, – верно отмечает В.Ф. Луговик, – право в целом имеет (по крайней мере, должно иметь) антикриминальный потенциал, так как предопределено гармонизировать личные, общественные и государственные интересы, обеспечивая тем самым охрану правопорядка и безопасность общества» [10, с. 114].

Исключительным средством регулирования общественных отношений и реагирования на опасное поведение является уголовный закон. Мера его возможной репрессивности предполагает соблюдение справедливого баланса между интересами личности и общества при криминализации деяний и в процессе применения уголовно-правовых норм. Так, в уголовном праве баланс интересов проявляется в необходимости сочетания прав личности на справедливое и гуманное наказание с интересами общества в защите от преступности. Одним из средств достижения такого баланса является учет всех смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, через призму анализа личности преступника,

а также характера совершенного общественно опасного деяния.

Проблема определения допустимой меры ограничения личных свобод граждан для защиты интересов общества и государства, обеспечения их безопасности при осуществлении уголовно-правовой охраны общественных отношений часто становится предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Например, раскрывая конституционно-правовой смысл ст. 212.1 УК РФ, предусматривающей наказание за нарушение установленного порядка проведения пикетирования, высший орган конституционного контроля указал, что основанием уголовной ответственности может быть только такое незаконное проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, которое «повлекло за собой причинение или реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям»¹. Уточнение Конституционным Судом РФ содержания уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 212.1 УК РФ, обязывающее правоприменителя помимо формального установления признаков соответствующего состава устанавливать опасность деяния для общества, вполне соответствует идее об исключительном характере уголовно-правового реагирования только на деяния, обладающие криминальной степенью общественной опасности.

Достаточно остро проблема сохранения баланса интересов индивида и общества стоит при осуществлении государством правоохранительной функции вызванной необходимостью борьбы с преступностью. Однако особые трудности вызывает определение сущности такого баланса в сфере национальной безопасности, где компромисс между общественным и личным зачастую сложно реализуем как в теории, так и на практике, особенно если речь идет о высоком уровне угроз и рисков для государства.

В то же время частные интересы связаны с реализацией прав и свобод физических и отдельных юридических лиц. Стремление обеспечить баланс между этими интересами обусловлено необходимостью учитывать требования прав человека и одновременно поддерживать государственный порядок. «Право на неприкосновенность частной жизни не идеально, – пишет В.А. Гусев, – и, несмотря на то что относится к естественным правам человека, может быть ограничено органами государственной власти в интересах подавляющего большинства общества. Более того, государство по своей сути призвано защищать права, свободы и законные интересы общества, которое наделило его этой обязанностью. В связи с этим государственные правоохранительные органы обладают полномочиями ограничивать право отдельных граждан на неприкосновенность их частной жизни, в том числе в рамках оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования...» [6, с. 26]. И если правоотношения, развивающиеся в сфере уголовного судопроизводства, достаточно регламентированы, имеют предполагающее учет сторон позитивное регулирование, а уголовный закон предусматривает специальные средства их уголовно-правовой охраны, то оперативно-розыскная деятельность требует дальнейшего развития законодательного оформления. «Абстрактность ряда определений и понятий либо полное отсутствие раскрытия содержания отдельных из них» позиционируется в качестве «недостатка оперативно-розыскного законодательства» [3, с. 464].

Злободневность идеи развития оперативно-розыскного законодательства придает тенденция к повышению роли результатов оперативно-розыскной деятельности при осуществлении правосудия. Например, В.С. Балакшин и М.В. Назаров предлагают «с учетом актуальных вызовов со стороны преступного мира, а также наличия технических средств, позволяющих осуществлять ОРМ «объективного характера», ... упростить процессуальную форму ввода оперативно-служебных

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 N 2-П.

документов в материалы уголовного дела» [4, с. 9]. «Борьба с преступностью в современных условиях неизбежно связана с негласным использованием всего комплекса правовых, организационно-тактических, информационно-аналитических и технических средств получения, анализа и оценки сведений, что практически невозможно без использования оперативно-розыскных сил, средств и методов» [8, с. 38]. Рост влияния на решения, принимаемые в сфере уголовного судопроизводства, результатов оперативно-розыскной деятельности не может не сопровождаться уточнением ее форм, развитием средств обеспечения баланса интересов ее участников с задачами борьбы с преступностью и обеспечением безопасности общества.

«При проведении практически любого оперативно-розыскного мероприятия, – отмечает Г.С. Шкабин, – возможно причинение вреда объектам, охраняемым уголовным законом. Это может произойти как при опросе или наведении справок, когда собираются сведения, которые могут составлять личную или семейную тайну, так и проведении оперативного эксперимента или оперативного внедрения» [12, с. 36]. О соблюдении в таких условиях баланса между мерой ограничения права человека и необходимой защитой публичного интереса можно говорить, только если деятельность оперативных сотрудников осуществлялась исключительно в правоохранительных целях.

Судебная практика играет важнейшую роль в выработке и формировании подходов к обеспечению баланса интересов участников различных правоотношений. Конституционный Суд РФ регулярно ссылается на принцип баланса интересов в своих решениях, обосновывая им необходимость соразмерного ограничения прав и свобод граждан в интересах общества и государства либо, напротив, обосновывая ограничение публичных интересов в пользу частных.

Использование прецедентов позволяет судам опираться на уже принятые решения и подходы, сформулированные в них, при

разрешении конкретных споров и разграничении интересов участников правоотношений. Хотя судебный прецедент и не является источником права в отечественной правовой системе, использование практики вышестоящих судов позволяет нивелировать правовую неопределенность принципа баланса интересов, обеспечив при этом унификацию правоприменительной практики и принятие справедливого решения относительно конкретной жизненной ситуации, нуждающейся в урегулировании.

В исследуемом аспекте интересна правовая позиция Конституционного Суда РФ по жалобе П.О. Вильке на несоответствие Конституции РФ ст. 137 УК РФ, которая позволила признать его «виновным в совершении незаконного собирания сведений о частной жизни граждан, составляющих их личную или семейную тайну, без их согласия». Заявитель установил на телефон малолетнего сына программное средство родительского контроля, позволяющее прослушивание и запись происходящего вокруг ребенка, желая обеспечить его безопасность и защитить от негативного влияния матери, с которой он находился в разводе. Квалификацию действий П.О. Вильке по ч. 1 ст. 137 УК РФ суды обосновывали тем, что он фактически собирал сведения о частной жизни других лиц, составляющую их личную тайну, без их согласия. Конституционный Суд РФ, признавая ч. 1 ст. 137 УК РФ не противоречащей Конституции РФ, выявил ее конституционно-правовой смысл, в соответствии с которым данная норма не предполагает привлечения к ответственности родителя, который использовал мобильное приложение «исключительно в целях реализации своих прав и обязанностей по обеспечению безопасности ребенка», хотя при этом ему и стали доступными сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну¹. Принимая такое решение, высший орган конституционного контроля исходил из приоритетности ценностей материнства, отцовства, а также права ребенка на жизнь, свободу, защиту от

1 По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке : постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 N 2-П.

преступных посягательств и любого другого неблагоприятного воздействия на его нормальное развитие в сравнении с неприкосновенностью частной жизни.

В западной юридической науке проблема обеспечения баланса интересов также является предметом активных научных изысканий. О необходимости поиска такого баланса высказывался выдающийся американский правовед и философ Рональд Дворкин, который, прибегнув к метафоре, отмечал: «Так же как интерпретация в рамках коллективного романа-цепочки для каждого интерпретатора является нахождением тонкого баланса между различными видами литературных и художественных подходов, так же и в праве это нахождение тонкого баланса политических убеждений различного рода; в праве, как и в литературе, они должны быть достаточно взаимосвязаны, но отделены, для того чтобы позволять делать общее суждение, находящее баланс между успехом той или иной интерпретации в соответствии со стандартом одного рода и его провалом в плане другого» [6, с. 323]. Зарубежные исследователи констатируют расплывчатость концептуальных основ принципа баланса интересов, что, по их мнению, приводит к правовой неопределенности и затрудняет достижение единообразной правоприменительной практики. В данном контексте зарубежная юридическая доктрина сталкивается с теми же проблемами, что и отечественная.

Анализ результатов исследований зарубежных правоведов демонстрирует тот факт, согласно которому реализация принципа баланса интересов осуществляется путем применения к конкретным правоотношениям иных действующих общеправовых и отраслевых принципов права, выстроенных в определенной иерархической последовательности. Р. Дворкин развивал идею, следуя которой, судьи должны искать «лучшее толкование» права в условиях конкретной правовой системы, учитывающее моральные принципы, идеи равенства и справедливости. По его мнению, баланс между частными и публичными интересами достигается через применение принципов, которые обеспечивают

справедливое решение, учитывающее права индивидов, а также ценности, лежащие в основе законных интересов общества.

Теоретик права Роберт Алекси также признает ведущую роль принципов права при обеспечении баланса интересов. Исследователь пишет: «Принципы – это нормы, которые предписывают, что нечто должно быть реализовано в максимально возможной степени с учетом юридических и фактических возможностей. Принципы – это требования оптимизации» [1, с. 54]. По его мнению, принципы требуют, чтобы заложенная в их содержание идея, ценность или цель обязательно реализовались. «Если кто-либо осуществляет при вынесении решения поиск баланса (интересов), он неизбежно опирается на принципы», – отмечает автор [2, с. 93]. Однако реализация одного принципа может быть ограничена либо требованиями другого принципа, либо фактическими обстоятельствами, в связи с чем утрачивается возможность реализации баланса интересов. Для преодоления данного препятствия Р. Алекси развил и усовершенствовал сформулированный Р. Дворкиным закон баланса, состоящий в оценке «веса» конкретного принципа: «Чем больше степень несоблюдения или ограничения одного принципа, тем более весомым должно быть выполнение другого принципа» [1, с. 56]. Аналогичный способ обеспечения реализации принципа баланса интересов предлагают и другие зарубежные правоведы, в числе которых Лон Фуллер, Марк ванн Хук, Пьер Бурдьё и др.

На наш взгляд, изложенный подход, безусловно, заслуживает признания и отчасти способствует поиску баланса интересов участников правоотношений, однако при этом, измерение «веса» принципов не решает поставленной проблемы. Во-первых, само по себе определение иерархии принципов права создает ряд трудностей. Во-вторых, интерпретация принципов права является одной из ключевых проблем юридической науки. В-третьих, определение степени интенсификации и абстрактного веса принципов является достаточно субъективным. В конечном счете динамичные социальные условия всег-

да оказывают влияние на правоприменительную практику, даже в условиях теоретически возможного преодоления всех вышеперечисленных препятствий.

Также в вопросе поиска баланса интересов заслуживает внимание позиция Юргена Хабермаса. Мыслитель, развивая теорию коммуникативного действия, акцентировал внимание на необходимости согласования различных социальных интересов через широкий рациональный дискурс. Он утверждал: «Правовая система должна обеспечивать условия для открытого диалога, способствующего достижению консенсуса между различными социальными группами» [11, с. 147]. Такой подход находит отражение в современной отечественной науке. Так, В.И. Червонюк и И.В. Калинин отмечают: «С практической точки зрения (потребностей конституционной практики) баланс интересов есть общий критерий действительности законодательно признаваемых норм права, является индикатором и показателем качества закона, его конституционности и социальной адекватности (точности, приемлемости)» [1, с. 39]. Реализация данной идеи позволяет увидеть право как механизм обеспечения баланса и интеграции разнообразных общественных интересов.

Следует констатировать, что основной проблемой реализации принципа баланса интересов является сложность его четкого концептуального оформления и методологического осмысления. К сожалению, баланс интересов не может быть сформулирован в качестве строго определенного юридического принципа, а является юридическим идеалом, что затрудняет его применение в правоприменительной практике. Это приводит к тому, что в каждом конкретном случае правоприменитель вынужден самостоятельно искать оптимальное соотношение публичных и частных интересов, опираясь на собственные суждения и другие принципы права. Такой подход, хотя и обеспечивает гибкость, при этом делает процесс правоприменения непредсказуемым и подверженным субъективным интерпретациям.

Кроме того, отсутствие универсальных критериев, по которым можно было бы «взвешивать» интересы, создает неопределенность в трактовке баланса интересов. Это затрудняет выработку единообразных правоприменительных решений, что может стать причиной различий в практике применения одного и того же принципа. Неопределенность принципа «баланс интересов» препятствует его восприятию как устойчивой правовой категории, которая могла бы быть четко сформулирована в законодательных актах или актах официального толкования.

Соотношение публичных и частных интересов требует, чтобы меры, ограничивающие права граждан, были обоснованы, разумны и соразмерны общественным целям, что предотвращает злоупотребления и укрепляет доверие общества к правоохранительной системе. Баланс интересов при осуществлении правоприменительной деятельности возможен в условиях использования целого ряда мер, направленных на его достижение. Применение к конкретным правоотношениям комплекса общеправовых, межотраслевых и отраслевых принципов права является необходимым для разграничения частных и публичных интересов. Судебная практика, в первую очередь решения Конституционного Суда РФ, задают стандарты обеспечения баланса интересов при осуществлении правоохранительной деятельности, способствуя единообразию и снижению правовой неопределенности.

Важным основанием эффективного правоприменения является создание условий для открытого взаимодействия, позволяющего представителям различных социальных групп достигать компромисса. Это способствует гармонизации интересов и укреплению социальной сплоченности. Наконец, повышение квалификации, а также развитие правосознания правоприменителей укрепляет их способность в принятии законных и обоснованных решений, имеющих определяющее значение для соблюдения принципа баланса интересов.

Библиографический список

1. Alexy, R. A Theory of constitutional rights. – Oxford university press. – 2002. – 462 p.
2. Алекси, Р. Понятие и действительность права = Begriff und Geltung des Rechts: Begriff und Geltung des Rechts (ответ юридическому позитивизму) / Роберт Алекси ; пер. с нем. А.Н. Лаптева, при участии Ф. Кальшойера. – М.: Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. – 173 с.
3. Астафьев, Ю.В. Баланс интересов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / Ю.В. Астафьев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – N 1. – С. 463-472.
4. Балакшин, В.С. О необходимости дополнения статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации новым видом доказательств (результаты оперативно-розыскной деятельности) / В.С. Балакшин, М.В. Назаров // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – N 1. – С. 5-10.
5. Босхолов, С.С. В поисках баланса интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения национальной безопасности / С.С. Босхолов // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24. – N 3. – С. 288-292.
6. Гусев, В.А. Право человека на неприкосновенность частной жизни и обязанность государства обеспечить общественную безопасность / В.А. Гусев // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : материалы VII международной научно-практической конференции / предс. редкол. С.К. Буряков. – Омск: ОМА МВД России, 2023. – С. 24-26.
7. Дворкин, Р. Империя права / Рональд Дворкин ; пер. с англ. С. Моисеева ; научн. ред. С. Коваль, А. Павлова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 587 с.
8. Десятов, М.С. Тектонические сдвиги в представлениях о сущности правоприменения / М.С. Десятов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29. – N 1. – С. 36-39.
9. Калинин, И.В. Баланс интересов как идея права, общеправовой концепт (правовая ценность), юридическая конструкция и технологии обеспечения / И.В. Калинин, В.И. Червонюк // Криминологический журнал. – 2021. – N 3. – С. 37-43.
10. Луговик, В.Ф. О конституционной иерархии и структуре антикриминального законодательства / В.Ф. Луговик // Общество и право. – 2023. – N 2 (84). – С. 112-117.
11. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности / Юрген Хабермас ; пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: Весь мир, 2022. – 878 с.
12. Шкабин, Г.С. Уголовно-правовые фикции в оперативно-розыскном законодательстве / Г.С. Шкабин // Союз криминалистов и кримиологов. – 2020. – N 2. – С. 38-44.

УДК 343.11

Наталья Викторовна ТКАЧЕВА,

заведующий кафедрой судебной и правоохранительной
деятельности Южно-Уральского государственного
университета (НИУ) (г. Челябинск),
кандидат юридических наук, доцент

tkachevanv@susu.ru

ПРИРОДА ПРАВООТНОШЕНИЙ ПОДСУДИМОГО И ЗАЩИТНИКА НА ЭТАПЕ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

THE NATURE OF THE LEGAL RELATIONSHIP BETWEEN THE DEFENDANT AND THE DEFENDER AT THE STAGE OF PROCEEDINGS IN THE COURT OF FIRST INSTANCE

Актуальность исследования взаимоотношений подсудимого и защитника заключается в том, что защитник, являясь профессиональным участником уголовного судопроизводства, обязан согласовывать свою позицию с подзащитным. С другой стороны, защитник может не соглашаться с мнением подзащитного, что влечет сложности с точки зрения психологического аспекта их взаимодействия. Автор приходит к выводам о том, что правовое положение защитника как субъекта доказывания и его подзащитного, обладающего широким процессуальным статусом, позволяет им установить психологический контакт на основе доверия, адвокатской тайны, согласованности позиций, что крайне необходимо для реализации права на защиту при справедливом рассмотрении и разрешении уголовного дела в производстве суда первой инстанции.

The relevance of the study of the relationship between the defendant and the defender lies in the fact that the defender, being a professional participant in criminal proceedings, is obliged to coordinate his position with his client. On the other hand, the defense attorney may not agree with the defendant's opinion, which entails difficulties in terms of the psychological aspect of their interaction. The author concludes that the legal position of the defender as a subject of proof and his client, who has a broad procedural status, allows them to establish psychological contact on the basis of trust, attorney-client privilege, consistency of positions, which is extremely necessary for the realization of the right to defense in a fair hearing and resolution of a criminal case in the proceedings of the court of first instance.

Ключевые слова: суд первой инстанции, защитник, подсудимый, право на защиту, функция защиты в суде.

Keywords: the court of first instance, the defender, the defendant, the right to defense, the function of defense in court.

Результатом рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции является законный, обоснованный, мотивированный, справедливый приговор. Результат производства зависит от многих факторов, среди кото-

рых взаимоотношения подсудимого, вступающего в правоотношения с рядом участников производства в суде первой инстанции.

Правоотношения подсудимого и защитника регулируются не только уголовно-процес-

суальным законом, но и нормативными актами об адвокатской деятельности. Их анализ позволяет утверждать, что взаимодействие подсудимого и защитника выходят за пределы правоотношения «подсудимый – защитник». Закон позволяет подсудимому самому защищать свои права самостоятельно и не прибегать к помощи защитника. Заметим, что участие защитника в суде первой инстанции предполагает не только и не столько оказание подсудимому юридической помощи при производстве по уголовному делу, а в большей степени построение правильной тактики защиты для реализации положения ч. 1 ст. 49 УПК РФ с целью достижения назначения уголовного судопроизводства (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Сфера уголовных правоотношений такова, что лицу, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, приходится кардинально изменять привычный уклад жизни и подстраиваться под требования, предъявляемые властным уполномоченным лицом (следователь, судья).

Профессионализм адвоката играет в данных условиях решающую роль, так как доверять государственным органам, которые обладают принудительным ресурсом и вправе повлиять на дальнейшую судьбу человека, крайне опасно с точки зрения лица, привлекаемого к ответственности. Несмотря на то что роль адвоката важна на любом этапе уголовного судопроизводства, наиболее ярко адвокат проявляет свой профессионализм именно на стадии производства в суде первой инстанции. Предварительно ознакомившись с материалами уголовного дела, когда собрана информация и материалы, сформирована согласованная с подсудимым позиция, адвокат реализует функцию защиты и в полной мере способен противостоять обвинению.

В интересах правосудия каждому обвиняемому гарантировано Конституцией РФ (ст. 48) получение квалифицированной юридической помощи. Во всех уголовно-процессуальных функциях (обвинение, защита, рассмотрение и разрешение уголовного дела) проявляются элементы защиты. Поскольку Конституцией РФ каждому гарантируется

судебная защита его прав и свобод, защита – одно из направлений деятельности суда и один из видов правоотношений суда, один из элементов содержания функции суда – рассмотрения и разрешения дела [12, с. 16].

В случае обязательного участия защитника в производстве суда первой инстанции по закону или приглашения самим подсудимым и заключения с ним соглашения уголовное дело не может быть рассмотрено в судебном заседании без участия защитника. Такое положение закона подчеркивает исключительность правоотношений, которые складываются между подсудимым и защитником в производстве суда первой инстанции.

На защиту подсудимого направлены любые не запрещенные законом действия или бездействие защитника, не причиняющие ему вред (п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Запрет, наложенный на защитника, запрещающий ему отказаться от принятой на себя защиты (ч. 7 ст. 49 УПК РФ) и осуществлять защиту двух подсудимых, чьи интересы противоречат друг другу (ч. 6 ст. 49 УПК РФ), является государственной гарантией добросовестности и профессионализма защитника.

Далеко за пределы норм уголовно-процессуального закона и права в целом выходят психологические аспекты взаимодействия защитника и подзащитного. Согласованность позиции защитника с позицией своего подзащитного, адвокатская тайна, нравственные принципы взаимоотношения людей выходят на первый план по сравнению с «сухими» нормами закона. Действуя в правовой сфере, являясь сторонниками политики укрепления правопорядка и защищая справедливость, адвокаты всегда ориентировались на нравственные ценности общества, используя в качестве оружия цивилизованное право и здоровую мораль, отмечают В.Н. Смирнов и А.С. Смыкалин [19, с. 100].

Федеральным законом от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлена обязанность осуществлять защиту разумно (п. 1 ч. 1 ст. 7), то есть руководствуясь умом, своими знаниями, опытом, а также рядом морально-нравственных качеств – по-

рядочностью, честностью, справедливостью. Но... что такое эта самая порядочность, честность, справедливость? Чистой воды философия? Дефиниции, установленные людьми при взаимоотношениях, в том числе при правоотношениях? Вопросы, которые невозможно урегулировать законом, вызывают дискуссии в уголовно-процессуальной литературе. Относительно согласованности позиции защитника и подсудимого М.С. Строгович отмечал, что представительство, осуществляемое защитником, выражается в определенной его самостоятельности по отношению к подсудимому [20, с. 247]. Защитник вправе разойтись с позицией обвиняемого, если для этого имеются основания, – таково мнение И.Д. Перлова [16, с. 144]. Вся деятельность адвоката не может идти вразрез с законом, вводить суд в заблуждение, поэтому адвокат не должен быть солидарен с подсудимым, указывал М.В. Духовской [24, с. 178]. Интересным представляется мнение, что адвокат и его доверитель имеют тождественные (единые) интересы, поскольку адвокат участвует в уголовном процессе от имени и в интересах доверителя, а не от собственного имени [15, с. 136]. Подобной позиции придерживается Н.А. Алиев, называя «процессуальным соучастием» правоотношения между защитником и его подзащитным в силу тождественности, единства их интересов. Потому они должны действовать как единый субъект уголовно-процессуального правоотношения [5, с. 113].

Можно утверждать, что интерес подсудимого всегда, ну, или почти всегда, связан с вынесением оправдательного приговора. Закон в этом смысле стоит на стороне подсудимого, устанавливая принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), общее условие производства в суде первой инстанции – пределы судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ), а также право подсудимого не признавать свою вину (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Ученые противоположны во мнениях законности интереса подсудимого быть оправданным. Так, З.В. Макарова считает таковой незаконным, обосновывая свое мнение тем, что право подсудимого не признавать свою вину является его средством защиты, не за-

прещенным УПК РФ, а оправдание подсудимого за преступление, которое он совершил, при доказанности его вины в предусмотренном законом порядке противоречит защите прав и законных интересов потерпевшего, охраняемым законом интересам общества и государства, что, собственно, и является назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) [12, с. 180]. И. Резниченко, наоборот, считает такой интерес подсудимого законным [18, с. 54-60].

Отличается теория и практика регулирования этих вопросов в различных правовых системах. Природа взаимодействия защитника и его подзащитного различна в романо-германской и англосаксонской правовых системах. Первая предполагает, что, оказывая юридическую помощь, защитник служит праву и его права при этом договором об оказании услуг не ограничены [23, с. 28-29]. Во втором случае защитник может не согласиться с позицией своего подзащитного и, усмотрев ложность в показаниях и введение суда в заблуждение, он вправе предупредить об этом суд и отказаться от защиты подсудимого [14, с. 315].

Возникает вопрос – существуют ли границы служения клиенту? Справедливыми представляются мнения юристов о том, что такие границы существуют, и они не беспредельны [8, с. 14], и позиция адвоката может расходиться с позицией подзащитного [12, с. 173]. Безумием и бесчестьем считается поиск средств обойти закон и выиграть неправоудное дело. Громадным уважением и преимуществом пользуется адвокат, заручившийся привычкой говорить правду всегда [21, с. 14-18].

Субъект доказывания, коим, на наш взгляд, является адвокат, не должен стремиться к безоговорочному единодушию с подсудимым. Свое мнение помогает ему объективно оценить доказательства и обстоятельства дела, избежать серьезных судебных ошибок. Согласование своей процессуальной позиции с подзащитным, руководствуясь здравым смыслом, на основании материалов уголовного дела, обстоятельств, доказательств по уголовному делу и требований закона является наиболее приемлемым при выборе тактики защиты [12, с. 174-175].

Профессионализм адвоката в суде первой инстанции заключается в полноценности использования своего процессуального статуса и опыта общения с подзащитными. Проявляется это в сочетании юридической квалификации защитника, позволяющей выявить обстоятельства уголовного дела, оценить собранные доказательства, исследовать их с точки зрения защиты подсудимого и согласованной с ним позиции.

Предмет и пределы защиты в уголовном судопроизводстве являются предметом дискуссии. В целом функция защиты, возникающая в тот момент, когда появляется обвинение, имеет своей целью защиту от уголовного преследования. Появляясь с началом уголовного преследования и прекращаясь с вступлением в силу приговора, понимается законодателем в узком смысле, отмечают авторы [25, с. 132]. Интересным представляется понятие предмета защиты в производстве суда первой инстанции, а также объем пределов защиты.

Предмет защиты и предмет права на защиту подсудимого понятия не тождественные. Так, в научной литературе встречаются мнения о том, что нарушенные права подсудимого, его субъективные интересы составляют предмет защиты. Право на защиту затрагивает ту часть предмета защиты, которая связана с всесторонним, полным и объективным исследованием обстоятельств дела [3, с. 112-115].

Подсудимый стремится к защите всех своих интересов, поскольку нести ответственность за свои поступки свойственно не каждому лицу. Поэтому законность или незаконность интересов, которые стремится защитить подсудимый, является дискуссионным.

Э.Ф. Куцова считала, что не всякий личный интерес подсудимого является законным, а право на защиту – это право на защиту его законных интересов [10, с. 23, 53]. В.М. Корнуков отмечал, что законные интересы подсудимого не должны противоречить нормам и общеправовым принципам закона [9, с. 85]. Юридическим дозволением, имеющим характер правового стремления и правовой возможности, является законный интерес, по мнению А.В. Малько [13, с. 62, 68].

О.А. Зайцев и П.А. Смирнов считают, что защита законными средствами и способами всегда законна [7, с. 86], стремление использовать различные средства защиты выступает процессуальным интересом, стремление защищаться – материальным [2, с. 61].

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» использует этические термины – разумность, честность, добросовестность, обязывая адвоката в своей деятельности поступать именно так, как указано в законе (п. 1 ч. 1 ст. 7).

Публичное и частное начала в уголовном процессе были и остаются обсуждаемыми вопросами, в частности, как отмечала профессор З.В. Макарова, проблема законных интересов лежит в данной области, где частное не подчинено публичному. Однако есть мнения и о том, что законные интересы человека охраняются нормами права и признаны не только правом [11, с. 113], но и государством, выражающим волю общества [17, с. 178].

Поскольку публичный интерес включает в себя законные интересы отдельного человека, подлежат защите только те частные интересы человека, которые связаны с правами и свободами.

Согласимся с мнением Ю.Ф. Лубшева о том, что не нашедший прямого закрепления в законе интерес наравне с не противоречащим закону интересом может входить в предмет защиты по уголовным делам [12, с. 39-40]. Поэтому считаем, что предметом защиты являются его права, свободы, законные интересы подсудимого, которые он вправе защищать самостоятельно или прибегнуть к помощи профессионального защитника.

Что же касается средств и способов защиты, то в научной литературе встречаются мнения об их отличии. Права и обязанности защитника можно понимать, как средства защиты, а методику защиты воспринимать как способ [22, с. 127]. С другой стороны, деятельность субъекта защиты может выступать средством защиты, а правила и приемы, применяемые для достижения поставленной цели в деятельности защитника, выступают способом защиты [3, с. 75].

Защитник имеет право использовать не запрещенные законом средства и способы защиты в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. Способ – это метод, применяемый при исполнении действий. Средство – это прием, используемый для достижения цели. Таким образом, под средствами и способами защиты необходимо понимать ряд действий, выраженных, во-первых, в виде деятельности, осуществляемой вне правоотношений (кропотливая ежедневная работа защитника с процессуальными и не процессуальными документами и т. п.), во-вторых, в форме правоотношений, когда защитник участвует в предусмотренных законом следственных и судебных действиях.

Таким образом, в суде первой инстанции для защиты реализуются диспозитивные правомочия посредством использования когнитивных (познавательных) и коммуникативных приемов, predetermined юридическим усмотрением лица, осуществляющего защиту. Направленность деятельности при этом связана с целью убедить суд в несостоятельности обвинения либо в целесообразности его смягчения, в необходимости постановления, с одной стороны, законного, обоснованного, мотивированного, справедливого приговора или иного правоприменительного акта, а с другой – отвечающего интересам подсудимого.

Право подсудимого на защиту в суде первой инстанции может быть реализовано путем предоставления бесплатной помощи (защитник назначается) либо в виде платных услуг (защитник выбирается подсудимым и с ним заключается договор). При оказании платных услуг по защите закон не ограничивает количество защитников, по желанию подсудимого их может быть несколько (ст. 50 УПК РФ). Полагаем, что соблюдение баланса публичного и частного интересов предопределяет потребность в реализации функции защиты. Для соблюдения условий состязательной формы уголовного судопроизводства такой баланс является показателем государственных гарантий соблюдения прав личности в уголовном судопроизводстве.

Психологические аспекты взаимодействия субъектов – одно из направлений для иссле-

дования в любой сфере жизнедеятельности человека. Уголовное судопроизводство по причине, которая не раз уже упоминалась, – возможность принуждения уполномоченными органами – требует особого подхода к исследованию взаимодействия людей. Право призвано оказывать воздействие на человека, заключать его деятельность в особые рамки, иногда ограничивать его деятельность, желания, цели.

Правоотношения в суде первой инстанции, не обремененные психологическими особенностями, невозможны. В частности, правоотношения защитника и подсудимого связаны адвокатской тайной, доверием друг другу, согласованностью позиции защиты и т.п. Таким образом, вопрос психологических аспектов правоотношений «защитник – подсудимый» выходит за рамки правового регулирования.

Ментальность русского человека такова, что понятие чести и совести, порядочности и обязательности наряду с законностью являются определяющими в любом виде деятельности, в том числе и при осуществлении защиты. Нравственной безупречностью слова и дела адвокат может в глазах общества добиться высокого престижа [4, с. 402]. Действия адвоката, которые составляют его поведение не только с подсудимым, но и с иными участниками производства в суде первой инстанции, разнообразны, и их влияние на тактику защиты неоспоримо. В основе выбора тактики защиты адвоката лежат такие категории, как осознанность, правосознание, соблюдение моральных правил

В научной литературе встречаются мнения ученых, поддерживающих важность нравственно-психологических отношений адвоката с подзащитным [12, с. 183], умение адвоката изучить свойства личности доверителя и снять психологическое напряжение [1, с. 80], наличие природного дара у защитника, позволяющего настроить подзащитного на доверие и откровенность [6, с. 196; 19, с. 100].

Ряд нормативных актов, касаясь профессионализма адвоката, призывают его поддерживать стандарты доверия и сопричастности (Кодекс профессиональной этики адвоката),

соблюдать обычаи и традиции адвокатуры, сложившиеся в профессиональном сообществе (п. 3 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката), учитывать правило превалирования закона и нравственности над волей подсудимого (ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката). Требование честности и добросовестности при исполнении своих обязанностей установлено в присяге адвоката (п. 1 ст. 13 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 30 июня 2015 г. N 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» разъяснил правила отвода адвоката при невозможности защиты, основанной на противоречиях между несколькими подсудимыми.

Усложнение взаимоотношений между защитником и подсудимым видится в их многоаспектности. На регулируемые законом правоотношения накладываются этические и моральные нормы, психологическая совместимость/несовместимость, адвокатская тайна и т.п. Являясь для подсудимого незнакомой личностью, что бывает чаще всего (подсудимый заключает с защитником согла-

шение или защитник участвует в уголовном деле при его обязательном участии), подсудимый руководствуется только своей интуицией с полной уверенностью в сохранности адвокатской тайны.

Участие в прениях сторон, заключительная речь защитника – это кульминация его деятельности в производстве суда первой инстанции.

Успех участия адвоката в суде первой инстанции во многом зависит и от его заключительной речи в прениях. Право подсудимого на защиту реализуется посредством согласованной позиции подсудимого и защитника, формирующей тактику защиты при справедливом рассмотрении и разрешении уголовного дела в производстве суда первой инстанции. Являясь самостоятельным субъектом доказывания, имеющим возможность собирать и исследовать доказательства, свидетельствующие в пользу подзащитного, защитник наравне с прокурором и судом всесторонне, полно и объективно оценивает полноту собранных по уголовному делу доказательств для справедливого решения по делу.

Библиографический список

1. Аврах, Я.С. Психологические проблемы защиты по уголовным делам / Я.С. Аврах. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 106 с.
2. Адаменко, В.Д. Охрана свобод, прав и интересов обвиняемого / В.Д. Адаменко. – Кемерово: Кузбасиздат, 2004. – 129 с.
3. Адаменко, В.Д. Предмет и сущность защиты обвиняемого / В.Д. Адаменко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – 158 с.
4. Адвокатская деятельность и адвокатура в России. Введение в специальность / под ред. И.Л. Трунова. – М.: Эксмо, 2006. – 527 с.
5. Алиев, Н.А. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе / Н.А. Алиев // Правоведение. – 2005. – N 6. – С. 109-123.
6. Гарднер, Э.С. Собр. соч.: в 8 т. / Э.С. Гарднер. – М.: Гендальф, 1992. – Т. 1. – 416 с.
7. Зайцев, О.А. Подозреваемый в уголовном процессе / О.А. Зайцев, П.А. Смирнов. – М.: Экзамен, 2005. – 320 с.
8. Зинатуллин, Т.З. Этика адвоката-защитника / Т.З. Зинатуллин. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. – 136 с.

9. Корнуков, В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 179 с.
10. Куцова, Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание) / Э.Ф. Куцова. – М.: Юрид. лит., 1973. – 200 с.
11. Лубшев, Ю.Ф. Адвокат в уголовном деле / Ю.Ф. Лубшев. – М.: Манускрипт, 1997. – 408 с.
12. Макарова, З.В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых / З.В. Макарова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 338 с.
13. Малько, А.В. Субъективное право и законный интерес / А.В. Малько // Правоведение. – 1998. – N 4. – С. 62-68.
14. Михайленко, А.Р. Расследование преступлений. Законность и обеспечение прав граждан / А.Р. Михайленко. – Киев: Юринком интер, 1999. – 448 с.
15. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрайт, 2004. – 850 с.
16. Перлов, И.Д. Право на защиту / И.Д. Перлов. – М.: Знание, 1969. – 79 с.
17. Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский ; под ред. Д.С. Карева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 271 с.
18. Резниченко, И. Защита клиента, не признающего своей вины / И. Резниченко // Российская юстиция. – 2001. – N 9. – С. 54-60.
19. Смирнов, В.Н. Адвокатура и адвокатская деятельность : учебное пособие / В.Н. Смирнов, А.С. Смекалин. – М.: Проспект ; Екатеринбург : Изд. дом «Урал. гос. юрид. акад.», 2011. – 296 с.
20. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 304 с.
21. Традиции адвокатской этики: избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.) / сост. И.В. Елисеев, Р.Ю. Панкратов, Е.Г. Тарло. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 368 с.
22. Фаткуллин, Ф.Н. Обвинение и защита по уголовным делам : учебное пособие / Ф.Н. Фаткуллин, З.З. Зинатуллин, Я.С. Аврах. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 166 с.
23. Филимонов, Б.А. Защитник в германском уголовном процессе / Б.А. Филимонов. – М.: Спарк, 1997. – 112 с.
24. Хрестоматия по уголовному процессу России / авт.-сост. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – 272 с.
25. Якимович, Ю.К. Участники уголовного процесса / Ю.К. Якимович. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. – 176 с.

УДК 342.15

Светлана Васильевна ПРАСКОВА,

старший научный сотрудник
Института правовых исследований
Байкальского государственного университета
(г. Иркутск),
кандидат юридических наук, доцент
savap@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ ТЕРРИТОРИИ КАК ФИЗИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ON THE ISSUE OF UNDERSTANDING THE TERRITORY AS A PHYSICAL SPACE IN THE SOCIAL SCIENCES

В статье рассматривается используемое в социальных науках понимание территории как физического пространства. Отмечается, что в этом значении территория характеризует лишь часть физического пространства, пригодную для использования человеком. В то же время физическая территория не может быть частью или свойством социального процесса или явления, в том числе государства. Не следует ее рассматривать и как условие существования государственно-правовых явлений. Автор делает вывод, что физическая территория не является категорией социальных наук.

The article examines the understanding of territory as a physical space used in social sciences. It is noted that in this sense, the territory characterizes only a part of the physical space suitable for human use. At the same time, a physical territory cannot be a part or property of a social process or phenomenon, including the State. It should not be considered as a condition for the existence of state-legal phenomena. The author concludes that the physical territory is not a category of social sciences.

Ключевые слова: территория, пространство, физическое пространство, границы.

Keywords: territory, space, physical space, borders.

Категория территории является одной из самых распространенных и широко используемых во всех отраслях знаний. В юриспруденции в силу неразрывной связи с государством территория занимает одно из центральных мест в понятийно-категориальном аппарате. При этом трудно найти еще одно насколько распространенное, настолько и неопределенное по содержанию понятие. Термином «территория» и производными от него прилагательными обозначаются самые разные правовые явления (территория государства, территориальное общественное

самоуправление, территориальное планирование и т.д.).

Встречая необходимость выявить смысловое значение термина, ученые, как правило, обращаются к его этимологическому значению. По меткому выражению М. Хайдеггера: «на случай крайней нужды есть спасательный мостик, правда, ветхий и шаткий. Попробуем прислушаться к языку. О чем он говорит» [19, с. 313] в этом слове.

В словарях русского языка его содержание, как правило, толкуется предельно кратко и однозначно. Так, согласно Толко-

вому словарю живого великорусского языка В.И. Даля территория – это весь объем и простор земли государства¹. Наиболее известные толковые словари прошлого века определяют территорию несколько иначе, но столь же кратко: как ограниченное земельное пространство² или земельное пространство, ограниченное каким-нибудь пределами, границами³. Каждый словарь предлагает только одно толкование. Такая лаконичность свидетельствует об однозначности и понятности значения слова «территория». Однако это верно лишь для его общеупотребимого значения. В науке же «территория» превращается в термин, обозначающий крайне сложное и неоднозначное понятие.

В отечественном государствоведении на уровне базового понятийно-категориального аппарата закреплено пространственное понимание территории государства. Так, в конституционном праве в равной степени присутствует понимание территории Российской Федерации как части земной поверхности, находящейся под суверенитетом государства [6, с. 373], и ее понимание как пространственного предела государственной власти [8, с. 273]. Встречается и своего рода синтез, когда территория понимается как «пространственный предел, на который распространяется суверенитет Российской Федерации» [7, с. 536]. Таким образом, в юриспруденции территория в первую очередь связывается с физическим пространством. Однако такое понимание порождает антагонистические противоречия.

Физическое пространство изучается прежде всего естественными науками и понимается как основная форма существования материи наряду со временем. Пространство выражает порядок сосуществования отдельных объектов,

обеспечивая отождествление и различение (индивидуализацию) отдельных фрагментов материальной действительности⁴.

Отождествление территории с физическим пространством было первичным в рамках исследований социальных процессов. Так, Ф.Ф. Мартенс писал: «Территория есть пространство земли и воды, подчиняющееся исключительно верховной власти государства» [12, с. 164]. Признает такое понимание и пространственная теория⁵. Г. Еллинек называл ее естественной природной средой обитания человека. «Территория, – писал он, – если рассматривать ее с физической стороны, обнимает все естественные условия государства, за исключением физических свойств его обитателей. Сюда относятся, таким образом, плодородие и другие свойства почвы, богатство естественными продуктами, размеры, строение и характер границ территории, континентальное или морское положение, наличие водных путей, географическая широта, климат и т.д.» [4, с. 50]

Однако ответ на вопрос, являются ли категории территории и физического пространства тождественными, не так прост. На наш взгляд, их нельзя отождествлять. Территория – лишь одна из составных частей физического пространства. И ее обособление связано не со свойствами объективной реальности, а с тем, каким образом физическое пространство освоено социумом.

Во-первых, физическое пространство многоаспектно. Его свойства различным образом преломляются в мега-, макро- и микромире. Территория же охватывает только одно его проявление – поверхность Земли как естественную среду обитания человека. Под этим пространством мы понимаем не только плоскость, собственно составляющую

1 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Олма-Пресс : Крас. пролетарий, 2004.

2 Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 100000 слов, терминов и выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2015.

3 Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция. М.: Дом Славянской кн., 2008.

4 Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1983.

5 В отечественной юриспруденции принято выделять четыре основные теории территории: объектную, патримониальную, пространственную и теорию компетенции. Основной для современного периода является пространственная теория. Подробно о теориях территории см.: [16].

поверхность планеты Земля, а трехмерное физическое пространство, включающее в себя все части природной среды, используемые человеком для проживания, перемещения, производственной деятельности, а также объекты, созданные в результате человеческой деятельности. Столетие назад Я.М. Магазинер описывал составляющие территории государства следующим образом: «часть земного шара, состоящая из земной, водной и воздушных сфер». В земную сферу он включал и недра [11, с. 105]. Можно сказать, что это понимание не изменилось.

Во-вторых, физическое пространство является территорией лишь в той степени, как оно вовлечено в социальные отношения – постольку, поскольку оно является местом нахождения социальных явлений или развития социальных процессов. Часть земной поверхности, не вовлеченная в социальные процессы, может признаваться территорией лишь в том случае, когда она входит в другое пространство, вовлеченное в социальные процессы. Иное пространство, абсолютно необитаемое, при котором исключена и самая возможность заселения его в будущем, – как отмечал Г. Еллинек – никогда не могло бы составить часть территории [4, с. 211]. Соответственно, территорией может быть только физическое пространство, освоенное социумом. Это освоение не обязательно должно иметь характер постоянного использования, пространство может использоваться и для перемещений или кратковременного нахождения людей. Но к территории не может быть отнесено физическое пространство, которое полностью недоступно для использования человеком (например, недра Земли ниже глубин, доступных для геологического изучения и освоения).

В-третьих, в отличие от физического пространства в целом, которое характеризуется бесконечностью, территория – это его ограниченная часть. По своей сути территория – это результат разграничения земной поверхности условными линиями. Граница территории представляет собой замкнутую линию, т.к. иначе условное отграничение одной части физического пространства от другой

не было бы завершено. Оговоримся, что это обособление порождено социумом – его обратное влияние на физическую реальность. В природной среде границ не существует. Каким бы образом не проводились границы территории (по природным объектам (горным массивам, рекам, береговой линии и др.), по воображаемым географическим линиям (параллелям и меридианам), по географическим или геодезическим координатам и др.), они остаются условными воображаемыми линиями. Даже при условии демаркации границы она не становится частью естественной природы или физического пространства. Физическое воплощение приобретут лишь знаки, при помощи которых обозначено прохождение границы, но не она сама. Потому, говоря о территории как части физического пространства, следует учитывать, что ее ограниченность имеет условный характер.

Также ограниченность территории не стоит абсолютизировать. В мире существует множество споров о месте прохождения государственной границы, внутригосударственные территории могут иметь еще меньшую степень географической определенности. Однако речь идет лишь о степени определенности, достигнутой в рамках социальных процессов, по вопросу о разграничении части поверхности Земли, но не об отсутствии этого ограничения. Поэтому элементом территории всегда является граница.

В-четвертых, отражая свойство непрерывности (континуальности) физического пространства, территория также имеет непрерывный характер. Для физического пространства непрерывность имеет место в любой точке его существования. Территория же, имея свойство ограниченности, сохраняет непрерывность только в пределах своих границ. Это значит, что в рамках границ территория выступает единым протяжением. Иначе ее нельзя было бы определять как пространство. Это не следует понимать как утверждение, что территория всегда является единым целым. Она может состоять из нескольких частей, которые не граничат между собой. Так, в мире всегда существовали государства с территориями – анклавами. Однако

каждая часть такой территории является непрерывной в пределах границ¹.

Таким образом, территорию как физическое пространство следует понимать как условно ограниченную непрерывную часть земной поверхности, являющуюся местом нахождения социальных явлений, развития социальных процессов. Назовем такое понимание физической территорией.

В качестве конкретного земного пространства, включающего особенности ландшафта (горы, равнины, реки, озера и пр.), протяженность и общий размер, наличие или отсутствие полезных ископаемых и прочие характеристики, территория является в основном объектом изучения естественных наук, прежде всего, – географии. Так, Географический энциклопедический словарь определяет территорию как «часть поверхности земной суши с присущими ей природными, а также созданными в результате человеческой деятельности свойствами и ресурсами»².

Используется такое понимание территории и в социальных науках – при характеристике места нахождения конкретных социальных явлений или процессов. Например, если мы говорим о территории Российской Федерации, то имеем в виду конкретную часть земной поверхности в пределах государственных границ. Таким образом мы привязываем социальное бытие государства – России к конкретной части физической реальности.

И в этом контексте территория составляет уникальную характеристику государства, которая позволяет безошибочно отличить одно государство от другого. Так, разные государства могут иметь один и тот же государственный язык, общность исторического развития,

религии и пр. (например, Корейская Народная Демократическая Республика и Республика Корея, Китайская Народная Республика и Китайская Республика (Тайвань). Даже индивидуальный состав населения может частично пересекаться за счет множественного гражданства и постоянного проживания иностранных граждан. Но одно и то же физическое пространство государства занимать не могут. Даже частичное пересечение территории может быть лишь временным состоянием. Территория государства как часть земной поверхности – столь же уникальная характеристика как наименование и символика, но далеко не столь произвольно изменчивая.

Аналогичной будет ситуация, если мы будем говорить об иных проявлениях территориальности социума. Например, когда речь идет о районах Крайнего Севера Российской Федерации или Усть-Ордынском Бурятском округе – имеется в виду конкретно определенная часть земной поверхности.

В рамках социальных наук есть попытки связать физическую территорию и с другим аспектом физического пространства – использованием его конкретных объектов как ресурса. Такой подход прежде всего характерен для геополитики, где физическую территорию относят к универсальным ресурсам первого порядка [18]. Так, К.Э. Аксенов выделяет ресурсно-объектные свойства пространства, под которыми понимает наличие у пространства функции ресурса источников для реализации политического интереса и осуществления власти [1, с. 12]. Не чуждо такое понимание и юриспруденции.

В советский период в рамках подхода к территории как объекту международной собственности территорию рассматривали

1 В этой связи отдельной оговорки требует тезис, высказанный С.Н. Бабуриным: «если физическое пространство может характеризоваться дискретностью (прерывистостью), то географическому полю свойственна континуальность (непрерывность)» [2, с. 15]. Первоначально этот тезис был сформулирован Л.И. Грачом, который использовал его в контексте иллюстрации особенностей географического положения Крыма и его вовлеченности в политические процессы [5, с. 34]. И во многих работах, посвященных территории, вышеприведенный тезис повторяется без какого-либо критического осмысления. Однако с ним ни в коей мере нельзя согласиться. Физическое пространство не является дискретным. Переход от одной формы существования земной поверхности к другой (суша, реки, моря и т.д.) не означает ее дискретности. Географическое же поле в том смысле, что это понятие отражает абстрагированное представление о свойствах земной поверхности в географии, также характеризуется непрерывностью, но в отличие от физического пространства, которое бесконечно, оно может быть ограничено.

2 Географический энциклопедический словарь: Понятия и термины / гл. ред. А.Ф. Трешников. М.: Советская Энциклопедия, 1988. С. 307.

именно как ресурсную базу. Так, А.Н. Талалаев, по существу, включает в понятие государственной территории флору и фауну, естественные богатства, заключенные в недрах земли [17, с. 161]. Б.М. Клименко писал: «Значение территории в международных отношениях — весьма велико, поскольку она является не просто пространством, а средой обитания и материальной базой существования каждого государства в отдельности и человечества в целом [5, с. 5]. Естественная среда, в которой существует государство с его населением — это естественные ресурсы, которые целиком принадлежат тому государству, в пределах которого они находятся»¹.

Несколько иначе подходит к вопросу С.Н. Бабурин. Он называет следующие пространственные характеристики территории государства, влияющие на ее качество: размеры, то есть общая площадь; протяженность с севера на юг и с востока на запад; компактность, то есть сконцентрированность в единое целое; географическое положение на карте мира, в том числе наличие рек и выхода к морю, и др. Вопрос качества территории, по его мнению, всегда был и остается в центре любого территориального урегулирования, будь то средневековые европейские войны или споры о размежевании в Боснии хорватско-мусульманской конфедерации и республики православных сербов. И в этом смысле верным представляется его, ставшее крылатым, выражение: «территория закономерно ассоциируется с могуществом и величием государства, либо с его слабостью и уязвимостью» [2, с. 14-16].

В целом ресурсный подход, а также учет отдельных характеристик конкретной части земной поверхности в рамках правоотношений представляется возможным. В духе теории международной собственности физическая территория служит предпосылкой для использования конкретных природных ресурсов на основании *dominium*. Однако в рамках настоящего исследования мы на нем останавливаться не будем.

Использование категории физической территории в социальных науках порождает

ет глобальную методологическую проблему. Ведь, она не только не входит в их предмет, но и не является объектом изучения. Предметом любой социальной науки, к которым однозначно относятся и науки юридические, выступает человеческое общество [16, с. 637], разные стороны общественной жизни человека. Территория, как часть земной поверхности, не является частью общественных отношений. Она является местом их существования. И эта проблема ярче всего проявляется, когда мы пытаемся применить категорию физической территории к государству как социальному явлению. Именно в этом и заключается неразрешимое методологическое противоречие пространственной теории: территория — явление физической реальности, а государство — социальной. Соответственно, физическая территория не может быть ни элементом, ни признаком государственно-организованного общества.

На это противоречие неоднократно обращали внимание отечественные государственноведы. Так, И.В. Лексин справедливо отмечает, что «указывать территорию в качестве признака государства неверно практически при любом понимании последнего (как организации, организованного народа, правопорядка, юридической личности или правоотношения), поскольку наряду с государством территория (равно как и население или власть) относится к категории явлений, а не свойств. Одно явление само по себе не может считаться свойством (признаком, характеристикой, чертой) другого» [10, с. 464].

Л. Шалланд писал: «Территория таким образом является безусловным фактическим предположением всякого общественного строя, равно как и человек не может жить без воздуха и предметов окружающего мира. Но юридическое понятие лица — субъекта прав и обязанностей — независимо от материальных условий существования: в число признаков субъекта права, мы, конечно, не введем ни воздуха, ни кислорода» [20, с. 11].

В советский период эту критику поддерживал Я.М. Магазинер: «Воздух есть такой же фактически-необходимый, безусловно-обя-

1 Географический энциклопедический словарь: Понятия и термины. С. 28.

зательный момент, без которого немислимо никакое государственное общение. Но мы не говорим о том, что государство состоит из воздуха, населения и власти» [11, с. 108].

Верность вывода о том, что физическое пространство не может быть элементом или признаком государства подтверждается и посредством доказательства от противного. Если бы физическая территория являлась элементом государства, то с исчезновением государства должна было бы исчезнуть и территория. Однако этого не происходит. Как отмечал Еллинек, «территория является мертвым и в то же время бессмертным элементом государства. Она переживает – если только не поглощается морем – всякое государство, образующееся на ней, с тем, чтобы тотчас же послужить основой другого государства. ... В отношении территории коренные преобразования на глазах истории не имеют места, несмотря на все изменения ее под влиянием природы и культуры» [4, с. 51].

Как попытку устранить это противоречие следует воспринимать тезис о физической территории как условии (предпосылке) существования государства. Так, в советской юридической литературе было широко распространено утверждение: «территория является не только признаком, но и объективным условием существования государства, составляет наряду с населением его материальную основу, тем самым выступая структурной составляющей государства» [21, с. 80]. Повторяют этот тезис и некоторые современные авторы [13, с. 95]. Однако с ним также нельзя согласиться.

Естественная природная среда является неотъемлемым условием существования всего на планете Земля. Равно как и время выступает таким же неотъемлемым условием. Но это не делает пространство и время элементом всего существующего, это лишь формы бытия. Всеобщность их заключается в том, что они – формы бытия всех предметов и процессов, которые были, есть и будут в бесконечном мире. В мире все простирается и длится [15, с. 253-254].

Аналогичный аргумент высказывает И.В. Лексин: «Человечество никогда не су-

ществовало вне физического пространства, и как проявление материального мира оно, конечно, предшествует любым социальным явлениям, – наравне, например, со временем, атмосферным давлением или гравитацией. Отсутствие необходимости упоминания последних в качестве предпосылок государства заставляет усомниться и в уместности рассмотрения в этом качестве и пространства ... Территория в широком (естественном, природном) понимании (а точнее, физическое пространство) по отношению к любым социальным явлениям, включая государство, имеет характер не предпосылки, обуславливающей их формирование, а данности, неизбежной среды существования» [10, с. 465].

На наш взгляд, снять это противоречие можно только одним образом: признать, что *физическая территория не принадлежит к числу социальных явлений, не может быть их частью или свойством*. Соответственно, и для государства физическая территория не является элементом, признаком или условием существования. Как справедливо указывает И.В. Лексин, эти «трактовки могут быть приняты лишь как образные выражения, не вполне уместные в современной академической литературе» [10, с. 466].

Таким образом, физическая территория может использоваться в рамках социальных наук в целом, и юриспруденции в частности, только для характеристики конкретного социального явления или процесса (территория Российской Федерации, территория Иркутской области и пр.). Но и в этом случае земная поверхность не является частью или элементом этого явления (процесса) – это лишь характеристика его места нахождения.

Этот вывод не следует понимать как отсутствие категории территории в социальных науках. Территория является неотъемлемой характеристикой большинства глобальных социальных процессов и явлений. Однако для признания ее частью государственно-правовых явлений необходимо обратиться к иному пониманию – социальному, которое хотя и тесно связано с физическим пространством, но не тождественно ему.

Библиографический список

1. Аксенов, К.Э. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области / К.Э. Аксенов. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1993. – 35 с.
2. Бабурин, С.Н. Территория государства : теоретико-правовые проблемы : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Бабурин. – М., 1998. – 297 с.
3. Грач, Л.И. Геополитика и современность / Л.И. Грач // Марксизм и современность. – 1995. – N 2. – С. 32-34.
4. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб.: «Юридический центр», 2004. – 752 с.
5. Клименко, Б.М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права / Б.М. Клименко. – М: Междунар. отношения, 1974. – 168 с.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л.В. Лазарева. 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Новая правовая культура, Проспект, 2009. – 816 с.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М.: Эксмо, 2009. – 1056 с.
8. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. д.ю.н., проф. Ю.А. Дмитриева. – М.: «Деловой двор», 2009. – 600 с.
9. Курс международного права: в 7 т. Т. 3: Основные институты международного права. Т. 3 / М. М. Аваков, М. М. Богуславский, В. А. Вадапалас и др. – М.: Наука, 1990. – 260 с.
10. Лексин, И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством / И.В. Лексин // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24. – N 4(94). – С. 457-470. – DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).457-470. – EDN SMLGSV.
11. Магазинер, Я.М. Общее учение о государстве : курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918-1922 гг. / Я.М. Магазинер. – 2-е изд., перераб. – Петроград : Кооперация, 1922. – 490 с.
12. Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Том 1 / Ф.Ф. Мартенс ; под ред. и с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В. А. Томсинова. – М.: «Зерцало», 2008. – 209 с.
13. Орлов, А.С. Неопределенность правовой природы государственной территории как фактор международных территориальных конфликтов / А.С. Орлов // Вестник Удмурдского университета. – 2007. – N 6. – С. 95-104.
14. Праскова, С.В. К вопросу о состоятельности теорий территории / С.В. Праскова // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – N 2. – С. 51-60. – DOI 10.18572/1812-3767-2024-2-51-60. – EDN ZIHFKА.
15. Спиркин, А.Г. Философия : учебник / А.Г. Спиркин. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2006. – 736 с.
16. Сырых, В.М. Теория государства и права : учебник для вузов / В.М. Сырых. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2012. – 704 с.
17. Талалаев, А.Н. Природные богатства – под защиту международного права / А.Н. Талалаев // Советское государство и право. – 1971. – N 9. – С. 160-162.
18. Тынянова, О.Н. Концепция организованного геополитического пространства: инфраструктурная организация приграничных ТВД в постклассическую эпоху / О.Н. Тынянова // Альманах Пространство и Время : электронное научное издание. – 2013. – Т. 3. – Вып. 1.
19. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Акад. проект, 2015. – 447 с.
20. Шалланд, Л. Юридическая природа территориального верховенства. Историко-догматическое исследование / Л. Шалланд. – СПб., 1903. – Т. 1. – 306 с.
21. Шевцов, В.С. Суверенитет Советского государства / В.С. Шевцов. – М., 1982. – 264 с.

Павел Николаевич ПОТАПОВ,

начальник юридического отдела ООО «ТД Шкуренко»,
аспирант Сибирского юридического университета
(Омск)

ferre.2012@mail.ru

Вадим Игоревич СУРГУТСКОВ,

заместитель начальника кафедры административного
права и административной деятельности органов
внутренних дел Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

surgutskov55@mail.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ РЕАЛИЗУЕМЫХ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ В РОССИИ (X – НАЧАЛО XX ВВ.)

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF NORMATIVE REGULATION IN THE SPHERE OF QUALITY AND SAFETY OF FOOD PRODUCTS SOLD IN RUSSIA (X – EARLY XX CENTURIES)

Рассматривается проблема развития нормативного регулирования общественных отношений при реализации продуктов питания. Проведен анализ законодательства Древней Руси, Российского централизованного государства, Российской империи, регулирующего отношения в сфере торговли, в том числе продуктами питания. Выявлены нормы, определявшие порядок торговли продуктами питания, правила надзора за исполнением требований к торговле, порядок защиты прав продавцов, продемонстрированы исторические особенности становления исследуемого института. Постепенное развитие правил торговли продуктами питания в нашей стране сформировалось к началу XX в. В этот же период сложилось понимание необходимости разработки и принятия специального закона, регулирующего безопасность и качество продуктов питания.

The problem of development of normative regulation of social relations in selling food products is considered in the article. The analysis of the legislation of Ancient Rus (Early Russia), the Russian centralized state, the Russian Empire, regulating relations in the sphere of trade, including food trade, is carried out. The norms determining the order of trade in food products, the rules of supervision over the fulfillment of requirements for trade, the order of protection of the rights of sellers are revealed, the historical features of the formation of the institution under study are demonstrated. Gradual development of the rules of food trade in our country was formed by the beginning of the XX century. In the same period there was an understanding of the need to develop and adopt a special law regulating the safety and quality of food products.

Ключевые слова: нормативное регулирование, качество и безопасность, реализация пищевых продуктов, защита прав потребителей, медицинское право, санитарно-пищевые требования.

Keywords: normative regulation, quality and safety, sale of food products, consumer rights protection, medical law, food sanitary requirements.

Безопасное и качественное питание – залог здоровья как конкретного индивидуума, так и общества в целом. Соблюдение санитарных норм, в том числе относящихся к продуктам питания, является жизненной необходимостью. Свод и правила о пищевой безопасности известны с древних времен. Фундаментальные основы санитарии закладывались в обществе еще в период заселения пещер. Обычаи Древнего Египта, описанные Геродотом, требовали от членов общины умеренности в приеме пищи. Еду надлежало употреблять из определенной посуды. Схожие требования к гастрономической культуре людей предьявлялись в Месопотамии. Древнеиндийская цивилизация на законодательном уровне запрещала потребление некачественной, загрязненной пищи. Социально-медицинское законодательство Древнего Рима устанавливало порядок осуществления городскими магистрами надзора за рынками. Византийская цивилизация унаследовала от античности быт городов [17, с. 19, 32, 41, 50, 83, 187].

Социокультурная языческая среда древнерусского народа значительно отличалась от современных представлений жизни в обществе. Одухотворение природы, культы предков и сверхъестественных сил как главные черты мировоззрения выступали связующим звеном представлений о тех или иных явлениях в ранний период нашей истории. Возникновение природных стихий (солнце, вода, огонь, ветер) толковалось людьми как явление мистическое, возникшее по воле бога или по вине человека. «Не отделяя себя от природы, растворяясь в ней, человек выстраивал свою жизнь согласно естественным ритмам космоса и природы» [2, с. 17]. Засуха, голод, мор, массовые отравления: их причины объяснялись путем смешения различных элементов, например культурных, религиозных или философских, в единое целое.

Крещение Руси Великим князем Киевским Владимиром Святославовичем в 988 г.

способствовало интеграции в социально-бытовую культуру наших предков византийских традиций, в том числе и санитарно-гигиенических [17, с. 103]. Религия стала неотъемлемым элементом публичного и частного взаимодействия индивидов. Православное богословие начинает формировать общую и частную этику и мораль в обществе. Наряду с этим церковь устанавливает положения о необходимости употреблять здоровую и полезную пищу. Ярким примером такого наставления можно назвать составленные в период с XII в. по XIII в. церковно-учительские сборники «Златоуст» и «Пролог» [1, с. 211].

Вследствие значительного укрепления духовно-нравственных религиозных догматов церковь как важнейший государственный институт того времени стремительно формирует источники древнерусского права. Устав упомянутого князя Владимира Святославовича о церковных судах, основанный на образцах римского права, заимствовавший многие его положения и принятый раньше Русской Правды на полтора столетия [16, с. 76], отдельными нормами поручает святым епископам быть хранителями мер и весов в городах и торжищах, а также устанавливает компетенцию церкви в покровительстве монастырям, больницам, гостиницам, странноприимным домам¹. Ведовство, изготовление зелий, колдовство являлись преступным поведением, которое охватывалось юрисдикцией церкви. Светской власти воспрещалось вмешиваться в рассмотрение этих дел.

Русское право регулировало отношения в сфере потребления пищи. Так, Уставом Великого князя Киевского Ярослава Мудрого о церковных судах² запрещалось употребление в пищу мяса, запретного для христиан, в частности: медвежатины, конины или мяса задушенных (а не зарезанных) птиц [14, с. 154]. Осуществляя регулирование общественных отношений в здравоохранительной и социально-бытовой сферах, церковь наделялась правами в торговых отношениях. Например,

1 Устав князя Владимира Святославовича о церковных судах. URL: <https://fipsub.udsu.ru/files/assets/> (дата обращения: 25.06.2024).

2 Устав князя Ярослава о церковных судах. URL: <https://f-ipsu.udsu.ru> (дата обращения: 25.06.2024).

Уставная грамота церкви Иоанна Предтечи на Опоках определяла участие церкви в торговле в качестве хранителя весов¹.

Нормы, регулирующие порядок общественных отношений в сфере торговли, содержатся также и в главном источнике древнерусского законодательства того времени – Русской Правде. Уставы вассальных Киеву князей также не оставляют без внимания эту часть жизни. В частности, Рукописание князя Всеволода закрепляло правила торговли. Также регулировали торговлю Псковские и Новгородские судебные грамоты. В частности, Пространная Русская Правда наделяла покупателя правом вернуть больного коня продавцу и потребовать возврата платы [14, с. 126, 262-279, 300-354]. Однако требований продавать на торгу продукты питания надлежащего качества эти документы не содержат.

Князья, передав правоприменительные функции по охране здоровья населения духовенству, регулировали незначительный объем жизнедеятельности общества в этой сфере. Таким образом, публичная власть, установив запрет на девиантное поведение людей в интимной сфере быта [14, с. 251] значительным количеством охранительных норм в церковном праве и обеспечив светское право нормами, защищающими человека от усечения рук, ног или их значительного повреждения, регулированию в сфере потребления пищи посвятила только одно положение, запрещающее потреблять определенный вид мяса. Полагаем, что это обстоятельство было связано с низким уровнем развития медицины в обществе и недостаточным пониманием важности развития санитарного дела в стране. Для жителей еще только формирующегося средневекового государства, которые слабо обеспечивались охранительными нормами права в здравоохранительной сфере, существовала возможность обратиться с жалобой на действия (бездействие) лица, нарушившего интересы челобитника. Вместе с тем нормы, защищавшие интересы участника таких отно-

шений, были далеки от совершенства. Дозволяя обратиться с соответствующей жалобой к уполномоченному лицу, законодатель письменно не регламентировал обязанность этого лица рассмотреть эту жалобу.

В целом период с XI в. по XIII в. характеризуется фрагментарным, спорадическим развитием нормотворческой деятельности в исследуемой нами сфере общественных отношений.

Лишь в 1497 г. в Судебнике Московской Руси был установлен запрет «жалобников от себе отсылати»². В последующем московский правитель стремится ограничить произвол чиновников на местах. В Белозерской уставной грамоте 1488 г. отдельная норма закрепляла порядок обжалования действий, бездействия, решений должностных лиц великому князю [15, с. 191]. Несмотря на развитие администрирования страны в период с XV в. по XVI в., в Грамоте наместнического управления, а также в Белозерской таможенной грамоте отсутствуют правила, регламентирующие охрану здоровья людей и оборот пищевой продукции. Губные и земские грамоты также не служили гарантией обеспечения населению благоприятной санитарной среды.

Отсутствие понимания важности регулирования здравоохранения привело к деградации санитарной обеспеченности общества. А.Н. Медведь отмечает: «В более поздний период (XV в.) довольно часто описываются случаи внезапных заболеваний церковных и светских «первых лиц». Некоторые из них описываются довольно подробно (например, болезнь и смерть в 1441 г. князя Юрия Дмитриевича Красного, великого князя московского Василия Васильевича в 1462 г.). Из этих описаний ясно, что врачебная помощь при дворах знати в первой половине XV в. почти полностью отсутствовала» [11, с. 175]. Столь сложное положение в медико-социальной сфере послужило основанием для первого русского царя Ивана IV Грозного направить в 1547 г. посла Ганса Шмета в Европу с целью привлечь в страну

1 Уставная грамота церкви Иоанна Предтечи на Опоках. URL: <https://constitutions.ru/> (дата обращения: 25.06.2024).

2 Судебник 1497 года. URL: <https://museumreforms.ru> (дата обращения: 25.06.2024).

врачей и аптекарей [19, с. 131]. Результатом предпринятых мер стало появление в 1581 г. Государственной (или «царевой») аптеки. Функция учреждения заключалась в осуществлении врачебной помощи царю, его семье и приближенным, выписывании рецепта лечения, изготовлении лекарств. Качество и безопасность лекарства проверялось лицом, выписавшим рецепт, лицом, изготовившим лекарство, и человеком, транспортировавшим лекарство царю. В порядке исключения после обращения с челобитной непосредственно к царю аптека оказывала услуги служивым людям. В 1620 г. служба преобразовывается в Аптекарский приказ. 20 марта 1672 г. указом царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим, учреждается «Новая» аптека для продажи лекарств населению. Третья аптека открылась в 1682 г. указом царя Федора III Алексеевича при первом гражданском госпитале у «Никитских» ворот в Москве. Увеличение числа аптек не только в первопрестольной столице, но и в Киеве, Пензе, Курске и других городах расширило функции медицинского учреждения [18, с. 315]. К.С. Худин называет следующие функции государственного медицинского административного учреждения того времени: лечебную, ветеринарную, заготовительную, производственную, садоводческую, медико-полицейскую, военно-медицинскую, образовательную, управленческую [20, с. 33-34]. Аптекарский приказ также готовил и продавал водку, вино, пиво [18, с. 315]. Утверждение О.Б. Дроновой об осуществлении Аптекарским приказом в 1584 г. санитарно-пищевого надзора представляется маловероятным [4, с. 65]. До реформ Петра I в нашей стране отсутствовала правовая и ресурсная база для развития санитарного контроля над оборотом пищевой продукции. Т.В. Жиброва отмечает, что в России осуществлялась борьба уже с возникшим массовым заболеванием. Охраняющие здоровье населения мероприятия сводились к проведению карантина [5, с. 22].

В середине 1718 г. будущий первый император Всероссийский царь всея Руси Петр I Алексеевич основал Главную полиц-

мейстерскую канцелярию под руководством генерал-полицмейстера. Указал ему надзирать за исполнением пунктов «О смотре, чтобы строение домов производилось по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указанных местах; о съестных припасах, о подозрительных домах, о гулящих людях, о приезжих и отъезжающих; об определении с дворов караульщиков, в каждой слободе или на улице старост и при каждых десяти дворах десятского и о распространении повинности постоя на людей всякого чина». Пунктом 5 торговцам предписывалось реализовывать продукты питания надлежащего качества. Продукты, способные причинить вред здоровью, продавать запрещалось. Необходимость надзора должностными лицами полиции за исполнением обязательных требований устанавливалась п. 13. Согласно закреплённому порядку надзора выборные из крестьян или городских жителей для выполнения полицейских и различных общественных функций служители полиции (десятские) постоянно следили за исполнением установленных правил. При обнаружении нарушений они сообщали старосте о выявленном факте. Староста, в свою очередь, докладывал полицмейстеру [3, с. 43].

Именным указом от 19 января 1772 г. «О бытии в Москве Обер-Полицмейстеру» была введена соответствующая должность. Обер-полицмейстер подчинялся напрямую генерал-полицмейстеру [9, с. 47]. Инструкция Московскому обер-полицмейстеру Грекову содержала 48 пунктов. Из них семь пунктов регулировали правила торговли на рынке. Пункт 24 запрещал продавать зараженные продукты питания. Возбранялось хранить долго смордящее мясо и рыбу, предназначенные животным на съедение. Обнаруженные некачественные продукты надлежало бросить собакам на съедение или закопать. Нарушитель этих императивных требований подлежал битью батогами. Хранение мертвечины каралось битьем кнутом, вырыванием ноздрей и ссылкой на каторгу на урочные годы. Надзор по исполнению этих запретов определялся за специальным старостой. Уличенному в нарушениях торговцу жаловаться воспрещалось.

Структурно к субъекту надзора относился десятский, контролирующий вверенную ему территорию и сообщавший старосте о правонарушениях. Староста уведомлял о нарушении полицейского офицера, а тот – обер-полицейского, сообщая также в словесный орган городского управления – Магистрат. Примечателен способ устранения некачественных продуктов из оборота. Его иллюстрирует Именной указ, объявленный из Кабинета Ея Величества Полицмейстерской Канцелярии 20 января 1738 г. В связи с участвовавшими случаями продажи некачественного мяса, способствующими увеличению болезней, к местам торговли были приближены офицеры полиции и лекари Медицинской канцелярии, преобразованной путем ряда реформ из Аптекарского приказа, для проверки поступившей информации. Приказывалось в случае подтверждения сведений пресекать продажу и впредь не допускать. Контроль над правильной реализацией мяса в рамках компетенции возлагался на полицию [9, с. 55-59, 243].

Заметим, что в настоящее время право поручать проведение внеплановой проверки уполномоченным должностным лицам возложено на Президента Российской Федерации и Правительство Российской Федерации¹.

23 апреля 1733 г. на докладе Полицмейстерской канцелярии «Об утверждении Полиции в городах» императрица Всероссийская Анна Иоановна наложила резолюцию: «Быть по сему представлению в показанных городах Полициям, а во оные определить из гарнизонных по одному офицеру; а как им поступать, о том дать инструкции от Главной Полиции» [9, с. 147-148]. Утвержденное представление по учреждению полиции в иных городах было реализовано значительно позже².

Стремясь распространить полицию по всему государству для формирования нормальных общественных отношений, регулирование которых было на нее возложено,

Император Всероссийский Петр III Федорович в 1762 г. учреждает в провинциях и городах полицмейстеров. Главным директором над всеми полициями император назначает генерала Н.А. Корфа [10, с. 58-59]. Устранив от престола своего мужа, Императрица и Самодержица Всероссийская Екатерина II Алексеевна оставила генерал-полицмейстера Н.А. Корфа в должности. Практически не подвергая ротации высшее чиновничество, она проводит интенсивную работу по улучшению работы полиции. Реформирование коснулось и охраны здоровья населения от продажи некачественных продуктов. В 1774 г. на сельских торжках и ярмарках сотскому предписывается следить за реализуемым товаром. Продавцам на торжках, торгах и ярмарках запрещалось продавать яды и крепкую водку. Реализация этого товара допускалась в аптеках. Нарушителей запрета привлекали к ответственности по «силе указов 731 февраля 10, 733 генваря 8 и 758 годов июня 19 чисел». Названные указы предусматривали санкции в виде ссылки в дальние населенные пункты, в частности в города Сибири. Помимо этого по указу 1731 г. указанным продавцам предусматривалось жестокое наказание. Интересно, что указ 1758 г. предусматривает основания для проверки выполнения запрета. Таким поводом могло быть заявление любого человека³. Устав благочиния или полицейский в качестве должностного лица, осуществляющего надзор за качеством продуктов питания на городском рынке, определял частного пристава. Основанием для проверки исполнения запрета на продажу некачественного товара служили сведения, полученные им из любого источника. Запрет устанавливался ст. 232 Устава благочиния или полицейского. Продавец не имел права реализовывать «испорченный припас пропитания». Лицо, уличенное в продаже некачественных припасов, надлежало отдавать под суд. В отличие от правил, регулирующих де-

1 О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ, пп. 3 п. 2 ст. 10.

2 Императрицей Екатериной II был учрежден Устав благочиния или полицейский. URL: <https://www.prilib.ru/history/619180> (дата обращения: 23.06.2024).

3 Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 12.06.2024).

тельность сотского, продавец на городском рынке в силу ст. 152 упомянутого Устава мог обратиться с жалобой на поступок частного пристава к городничему [6, с. 546, 575, 577, 592, 604]. Особенностью городской торговли этого периода является появление купца: специального субъекта, профессионально занимающегося торговлей. Жалованная грамота городам делегировала право торговли на рынках только купеческому сословию [7, с. 164], в то время как в деревнях торговлей могли заниматься и крестьяне. Пункт 22 Жалованной грамоты наделял правом городское руководство установить «товарам брак». В последующем полицейский чиновник должен был соотносить требования к качеству продаваемых продуктов с предлагаемым к приобретению пищевым товаром.

Следующим шагом в развитии попечения об общественном здоровье стало издание Устава медицинской полиции. Глава II «Об охране безвредности жизненных припасов» как видно из названия нормативно обеспечивала порядок оборота пищевых продуктов. С 1832 г. законодательно возлагалась обязанность земской и городской полиции наблюдать за реализацией свежих и не вредных для здоровья продуктов питания. В частности, в Санкт-Петербурге в рыбных рядах устанавливался двадцатичасовой срок хранения рыбы, помещенной в садки. Установлениями циркуляра МВД от 28 января 1837 г. и 17 апреля 1839 г. налагался запрет на употребление соленого сырого мяса белуги. Главой III «Об участии городского общественного управления в делах по благоустройству города» Городского положения 1870 г. члены городских дум наделялись правом издавать постановления, регулирующие реализацию продуктов питания. Названным Положением впервые в российском законодательстве был закреплён принцип публичности. Надзор за исполнением таких постановлений возлагался на полицию. Статья 108 Положения предписывала полиции оперативно извещать городское общественное управление о выявленных случаях торговли опасными продуктами питания.

Уличенные в нарушении обязательных постановлений, предписывающих реализовывать неопасные пищевые продукты, привлекались к ответственности по ст. 29 Устава о наказаниях. Закон устанавливал норму, оберегавшую продавца от постановления, которое несправедливо ущемляло интересы предпринимателя. Законодатель наделил правом заинтересованных лиц обжаловать постановления Городской думы, регулирующей устройство торговой полиции, порядок надзора за производством торговли. В случае если предмет жалобы не мог быть отнесен к исковому производству в общем судебном порядке, прошение приносилось Правительствующему Сенату (по 1-му Департаменту)¹.

В отличие от Устава благочиния или полицейского, предельно лаконично описывавшего основания для проверки, ни Устав медицинской полиции, ни другие положения не определяли порядок проведения проверки соблюдения обязательных требований хозяйствующим субъектом. 11 июня 1892 г. вышло новое Городовое положение, которое уточнило правила принятия обязательных постановлений. Теперь к обсуждению постановления, регулирующего общественные отношения в сфере пищевых продуктов, привлекался врач управления или один из местных врачей, назначенных губернатором. Принцип публичности нормативного документа обеспечивался двухнедельным сроком вступления принятого постановления в юридическую силу. Органом, осуществлявшим надзор за исполнением этих постановлений, по-прежнему оставалась полиция. В законе 1892 г., утвержденном Императором Всероссийским, царем Польским и великим князем Финляндским Александром III Александровичем, был разъяснен порядок обжалования. Постановления разделялись по признаку: вступившие в законную силу или нет. Для первых закон предусматривал необходимость обращения в Правительствующий Сенат. Второй тип постановлений подлежал обжалованию у губернатора. Доводы об отсутствии у управы и участковых попечителей

¹ Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php. (дата обращения: 12.06.2024).

возможности на обращение в суд для преследования нарушителя опровергается ст. 113 Городского положения. Полиция, управы и участковые попечители наделялись правом инициировать судебное преследование лиц, нарушавших соответствующее предписание. Указание в ст. 109 закона 1892 г. на необходимость присутствия врача при составлении положения, регулирующего отношения в сфере оборота безопасной пищевой продукции, отражало общую тенденцию развития санитарно-пищевого надзора конца XIX – начала XX вв.

Комитет по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов, позиционировавший себя как нейтральная сторона между бизнесом и государством, в 1910 г. предложил к обсуждению Закон «Об обеспечении доброкачественности пищевых и вкусовых продуктов и напитков». Данный нормативный правовой акт, в частности, описывал права и обязанности надзора, определял субъектов контроля, устанавливал должностное лицо, осуществляющее борьбу с фальсификацией, закреплял порядок проведения надзора [13, с. 204]. Медицинским советом вниманию правительству и бизнесу был предложен закон о санитарном надзоре над изготовлением и торговлей пищевыми припасами [21, с. 204]. Вопрос создания правовой архитектуры санитарного обеспечения общества в целом и санитарно-пищевого обеспечения в частности на начало XX в. являлся одной из актуальнейших проблем [12, с. 172]. Выход общества на новый уровень социально-бытового развития создавал необходимость развития правового регулирования санитарной полиции в сфере санитарно-пищевой отрасли [8, с. 153].

Таким образом, к концу XIX века в России сложился разрозненный комплекс нормативных правовых актов, регулирующих контрольно-надзорные мероприятия за оборотом пищевой продукции при реализации ее хозяйствующими субъектами. Забота о здоровье граждан, осуществляемая Полицмейстерской канцелярией, а далее Министерством внутренних дел, несмотря на прилагаемые усилия, не была в должной мере эффективной. Законодательство не обеспечивало хозяйствующих субъектов правовой защитой в полном объеме. Так, основание для проверки хозяйствующего субъекта, описанное лишь однажды в законе еще в XVIII в., было весьма расплывчатое. Должностные лица, уполномоченные надзирать за оборотом пищевых продуктов, в целом имели весьма широкую дискрецию.

Вполне очевидно, что служащие полиции, осуществляющие непосредственный надзор, не обладали необходимыми навыками для надлежащего контроля за оборотом пищевой продукции на рынке. По нашему мнению, они полагали, что целью контроля является соблюдение общественного порядка. Объектом же правового регулирования служит именно обеспеченность населения безопасной для здоровья пищевой продукцией.

События 1917 г. изменили властно-политическую структуру общества, придав социальную направленность административно-правовому регулированию общественных отношений в сфере качества и безопасности реализуемых пищевых продуктов. Большевистское правительство продолжило развитие санитарно-продовольственного дела в нашей стране.

Библиографический список

1. Аграновский, З.М. Вопросы гигиены питания в русских рукописных лечебниках XVII и XVIII вв. / З.М. Аграновский // Труды Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института. – Т. 4. – М., 1953. – С. 211-217.
2. Блохина, Н.В. Брак, семья и гендерное соотношение как необходимые составляющие эволюции на примере общества языческой Руси / Н.В. Блохина // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2020. – N 14. – С. 17.

3. Борисов, А.В. Полиция Российской империи / А.В. Борисов, А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2014. – 320 с.
4. Дронова, О.Б. Исторические этапы использования специальных познаний при осуществлении контроля оборота потребительских товаров (XIII-XIX вв.) / О.Б. Дронова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – N 1 (60) – С. 64-68.
5. Жиброва, Т.В. О деятельности Аптекарского приказа в провинции во второй половине XVII – начале XVIII вв / Т.В. Жиброва // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия. Социально-гуманитарные науки. – 2015. – N 2 (6). – С. 18-24.
6. Законодательство Екатерины II: в 2 т. – Т. 1. – М.: Юридическая литература, 2000. – 1056 с.
7. Ибнеева, Г.В. Российское купечество в борьбе за сословные права во второй половине XVIII в. / Г.В. Ибнеева // Уральский исторический вестник. – 2023. – N 3 (80). – С. 159-165.
8. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / под ред. Р.У. Хабриева. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. – 248 с.
9. История полиции России XVIII-XIX века : хрестоматия / сост. С.С. Зенин, М.А. Некрасов. – Т. 1. – М.: Проспект, 2020. – 449 с.
10. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы / В.М. Курицын, В.В. Альхименко, В.П. Коряков [и др.]. – М.: Шит-М, 1998. – 200 с.
11. Медведь, А.Н. Врачевание в Древней и средневековой Руси и его изучение в современной историографии / А.Н. Медведь // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2013. – N 10 (111). – С. 167-183.
12. Полицейское право. (Административное право) : конспект лекций (вместо литографированных записок) / Белявский Н.Н., проф. Имп. Юрьев. ун-та. – 3-е изд., доп. – Петроград: Тип. «Екатерингоф. печ. Дело», 1915. – 409 с. – репринтная копия.
13. Прохорова, Е.В. Организация санитарно-продовольственного надзора в Санкт-Петербурге (1900-1917 гг.) / Е.В. Прохорова // Клио. – 2016. – N 6 (114). – С. 109-114.
14. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. – М.: Юридическая литература, 1984. – 432 с.
15. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.
16. Сапунков, А.А. Медицина и суд Древней Руси: по материалам источников XI-XIII вв. / А.А. Сапунков, Э.М. Малева // 30 лет современной России : материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 15 апреля 2021 года. – Омск: Сибирский юридический университет, 2022. – С. 75-78.
17. Складорова, Е.К. История медицины / Е.К. Складорова, Л.В. Жаров. – Ростов-на-Дону: Издательство Феникс, 2014. – 346 с.
18. Сорокина, Т.С. История медицины : учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений / Т.С. Сорокина. – 7-е изд., испр. – М.: «Академия», 2008. – 560 с.
19. Терешонков, А.А. Аптекарский приказ: история создания и развития / А.А. Терешонков, В.О. Парфенов, Е.В. Ермолаева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2016. – Т. 6. – N 1. – С. 131.
20. Худин, К.С. Документы аптекарского приказа (1629-1672 гг.) как исторический источник : дис. ... канд. юрид. наук / К.С. Худин. – М., 2021. – 280 с.
21. Шерстнева, Е.В. Законодательное регламентирование контроля качества продуктов питания в России в начале XX в. / Е.В. Шерстнева // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. – 2012. – N 1. – С. 138-140.

УДК 34(091) (470) : 351.74

Сергей Петрович ШАТИЛОВ,
доцент кафедры гражданского и уголовного права
Сибирского государственного университета путей
сообщений (г. Новосибирск),
кандидат юридических наук, доцент
shatilov_sp@mail.ru

Оксана Анатольевна ШАТИЛОВА,
доцент кафедры гражданского и уголовного права
Сибирского государственного университета путей
сообщений (г. Новосибирск),
кандидат исторических наук, доцент
shatilova_oa@mail.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)
(НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

**THE ACTIVITY OF ECONOMIC CRIMINAL COURTS DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)
(BASED ON THE MATERIALS OF THE ALTAI TERRITORY)**

В статье рассматриваются особенности процессуальной деятельности судов Алтайского края в период Великой Отечественной войны по рассмотрению уголовных дел о преступлениях экономической направленности. Дается анализ постановлений Президиума Верховного Суда СССР, регулирующих отдельные вопросы квалификации и назначения наказания по делам данной категории. Исследован порядок обобщения судебной практики Алтайским краевым судом с целью повышения эффективности профилактической работы и в целом борьбы с преступлениями в сфере экономики. Определены процессуальные нарушения, наиболее часто допускаемые народными судьями при рассмотрении дел данной категории.

The article examines the features of the procedural activity of the courts of the Altai Territory during the Great Patriotic War in the consideration of criminal cases of economic crimes. The analysis of the Decisions of the Presidium of the Supreme Court of the USSR regulating certain issues of qualification and sentencing in cases of this category is given. The order of generalization of judicial practice by the Altai Regional Court has been studied in order to increase the effectiveness of preventive work and, in general, the fight against crimes in the field of economics. The procedural violations that are most often committed by people's judges when considering cases of this category are identified.

Ключевые слова: органы государственной власти, суд, правоохранительные органы, уголовное дело, квалификация, приговор, наказание, лишение свободы, Великая Отечественная война.

Keywords: public authorities, court, law enforcement agencies, criminal case, qualification, sentence, punishment, imprisonment, the Great Patriotic War.

С началом Великой Отечественной войны социально-экономическое, политическое положение в стране существенно ухудшилось. Сбои в работе государственных органов, массовая эвакуация, дефицит товаров первой необходимости, голод и т.д. создали благоприятную обстановку для преступников, усложняя в значительной степени работу государственных органов.

Новые обстоятельства требовали принятия нормативно-правовых актов, направленных на урегулирование вызванных войной общественных отношений. В рассматриваемый период правотворчество осуществлялось посредством внесения изменений в законодательство путем перевода в разряд криминальных значительного числа противоправных проявлений, возникших на основе формирования ряда новых общественных отношений в сфере обеспечения обороны страны, перестройки экономики к условиям военного времени и ужесточения уголовной ответственности за преступления, опасность которых в военный период многократно возрастала.

В годы войны судебная система Алтайского края не изменилась, чрезвычайная ситуация способствовала только увеличению нагрузки и расширению компетенции судей.

Так, постановление Президиума Верховного Суда СССР N 11/М/3/У от 8 июня 1942 г. обязывало суды указывать процент удержания в приговорах в том случае, если мера наказания была определена в виде исправительно-трудовых работ на общих основаниях¹.

Постановление Президиума Верховного Суда СССР от 26 июня 1943 г. N 14/М/8/У обязывало народные суды применять ст. 19 Основных начал уголовного законодательства СССР к осужденным, подлежащим призыву в РККА, т.е. применять прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР к военноосужденным независимо

от меры наказания, если к ним не была применена ст. 31 УК РСФСР².

Постановление Президиума Верховного Суда СССР от 29 июля 1943 г. обязывало суды прекращать дела за нецелесообразностью их рассмотрения в судебном заседании, приостановленные в связи с уходом обвиняемых в РККА (за исключением крупных злоупотреблений, растрат и хищений)³.

Постановление Президиума Верховного Суда СССР от 13 апреля 1944 г. N 68 обязывало суды приостанавливать имущественное исполнение приговоров в отношении лиц, находящихся в РККА⁴.

В связи с ростом преступности в целом по стране увеличилось поступление дел в суды. В 1942 г. преступность в СССР возросла на 22% по сравнению с 1941 г., в 1943 г. – на 20,9% по сравнению с 1942 г., в 1944 г. – на 8,6%, и только в 1945 г. наметилось некоторое снижение уровня преступности: в первом полугодии количество преступных деяний уменьшилось на 9,9% [2, с. 32].

Наглядно об этом свидетельствуют данные о деятельности военного трибунала г. Барнаула Алтайского края. Так, в 1941 г. им к ответственности были привлечены 447 человек, в 1942 г. – 943, в 1943 г. – 333, в 1944 г. – 94 человека⁵.

Вторжение агрессора произошло в экономически важные регионы страны, где в мирное время была сосредоточена значительная часть промышленной и сельскохозяйственной продукции страны, что привело к существенным экономическим потерям на начальном этапе войны. В первые месяцы Великой Отечественной войны существенно сократился объем промышленного производства, особенно это коснулось оборонных отраслей, объем валовой продукции промышленности СССР уменьшился в 2,1 раза [1, с. 64]. В связи с утратой существенных промышленных и сельскохозяйственных регионов страны воз-

1 Архив Алтайского краевого суда. Наряд N 18. Статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1944 г. Л. 33.

2 Архив Алтайского краевого суда. Наряд N 19. Статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1944 г. Л. 14.

3 Там же. Л. 17.

4 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 157. Л. 131.

5 Секретариат Барнаульского гарнизонного военного суда. Наряд с описями отправленных уголовных дел в военный трибунал ЗапСибВО в архив и делопроизводство с 1941 по 1945 гг. N 911. Л. 1-201.

никла напряженная ситуация со снабжением Красной Армии и Военно-морского флота, а также гражданского населения товарами первой необходимости.

В рассматриваемый период обеспечение защиты экономических основ советского государства, а также вопросы охраны социалистической собственности приобрели особое значение [5, с. 24]. В связи с этим Государственным Комитетом Обороны, Президиумом Верховного Совета СССР был принят ряд нормативных правовых актов, ужесточающих ответственность за экономические преступления. За хищение социалистической собственности в Алтайском крае за период 1 июля по 1 декабря 1941 г. судами были привлечены к уголовной ответственности 2215 человек, в том числе по закону от 7 августа 1932 г. – 143 человека, по ст. 105 УК РСФСР (нарушение правил торговли) – 57 человек, по ст. 116 УК РСФСР (растрата) – 201 человек, по п. «г» и «д» ст. 162 УК РСФСР (кражи) – 1814 человек¹.

Так, в первом квартале 1944 г. в Усть-Пристанском районе по закону от 7 августа 1932 г. к уголовной ответственности была привлечена группа лиц. Организованная группа, состоящая из 11 человек, возглавляемая бывшим директором райпищепромкомбината З., похитила 11 тонн муки, 208 килограммов масла, 90 килограммов сахара, 144 свиньи на общую сумму 1562904 рублей. По закону от 7 августа 1932 г. краевым судом З. был приговорен к лишению свободы сроком на 10 лет, остальные члены преступной группы – к различным срокам лишения свободы².

В третьем квартале 1944 г. по закону от 7 августа 1932 г. были привлечены к уголовной ответственности З. и Г. Являясь старшими гуртоправы Завьяловского «Заготскота», при сопровождении в пути следования меняли лучший скот гражданам, за что получали деньги и водку. Кроме того, в пути следования забивали скот, при сдаче скота была выявлена недостача: овец – 924 головы, круп-

ного рогатого скота – 116 голов. З. и Г. были осуждены к 10 годам лишения свободы³.

Своевременное проведение всех сельскохозяйственных работ для получения высокого урожая и развития животноводства было возможно осуществить только усилив меры по сохранению сельскохозяйственной продукции и увеличения количества трудодней работникам сельского хозяйства.

В связи с тем, что Алтайский край относился к районам глубокого тыла и всегда являлся сельскохозяйственным регионом, данное направление деятельности становится одним из приоритетных направлений государственных органов региона, в том числе и судов.

С целью выявления причин, способствующих совершению преступлений, и выработки профилактических мероприятий по борьбе с преступлениями, совершенными в сельском хозяйстве, Алтайский краевой суд проводил обобщение судебной практики по различным категориям уголовных дел. Например, во исполнение постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» по уголовным делам судами 1-й инстанции составлялись доклады, на основании которых Алтайским краевым судом проводился анализ и обобщение судебной практики по делам данной категории. В дальнейшем данные обобщения направлялись краевому Совету депутатов трудящихся с предложениями по усилению охраны социалистической собственности и кадров, связанных с допуском к материальным ценностям [4, с. 453].

По гражданским делам 2-й инстанции в первом квартале 1943 г. краевым судом было проведено обобщение судебной практики по искам «Райуполнаркомзага» в отношении колхозных дворов, единоличных хозяйств и хозяйств отдельных граждан, не выполнивших обязательные поставки сельхозпродуктов

1 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 262.

2 Архив Алтайского краевого суда. Наряд N 21. Статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1944 г. Л. 32.

3 Там же. Л. 33.

государству во исполнение постановления СНК СССР от 24 ноября 1942 г. «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов колхозными дворами и единоличными хозяйствами»¹. Результаты обобщения также были обсуждены на оперативном совещании членов краевого суда, на котором присутствовали представители «Райуполнаркомзага», Управления Народного комиссариата юстиции, прокуратуры, народные судьи близлежащих районов и г. Барнаула².

В годы Великой Отечественной войны ответственность судебных работников за качество рассмотрения уголовных дел была в несколько раз выше, чем в мирное время. Для правильного осуществления правосудия необходимо было, чтобы сами судебные работники хорошо знали советские законы, особенно относящиеся непосредственно к их практической работе по рассмотрению уголовных и гражданских дел.

С этой целью руководством краевого суда на совещаниях народных судей Алтайского края доводились произошедшие изменения в законодательстве, новые требования ГКО, СНК СССР, Президиума Верховного Суда СССР и других государственных органов в части расследования уголовных и гражданских дел. Давалось толкование нормативным правовым актам и определялась судебная практика в регионе. Так, постановление Президиума Верховного Суда от 26 июня 1942 г. № 12/М/4/У санкционировало квалифицировать умышленное повреждение посевов и урожая коллективных и индивидуальных огородов по ст. 79 УК РСФСР как умышленное истребление государственного имущества. Однако руководство Алтайского суда считало неправильным квалифицировать преступления по ст. 79 УК РСФСР, когда вместо повреждения посевов квалифицируют хищение урожая с огородов, требуя квалифици-

ровать действия лиц по ст. 162 УК РСФСР [подр.: 6, с. 153].

На основании постановления Президиума Верховного Суда СССР от 8 мая 1941 г. дела по хищению мелкого скота у частного и общественного сектора следовало квалифицировать по п.п. «в», «г», «д» ст. 162 УК РСФСР в зависимости от объекта и размера похищенного, а не по ст. 166 УК РСФСР³.

В связи с тем, что за первый квартал 1944 г. 30,5% осужденных по ч. 2 ст. 79-4 УК РСФСР были осуждены к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, 11% – к лишению свободы на 1 год, руководство Алтайского краевого суда считало, что мера наказания по данной категории дел являлась мягкой, не обеспечивающей эффективность борьбы с данным видом преступлений. Краевым судом было дано толкование о том, что, если суд приходит к убеждению необходимости квалификации преступления по ч. 2 ст. 79-4 УК РСФСР, то меру наказания следует определять более суровую, нежели предусматривает ч. 1 ст. 79-4 УК РСФСР⁴.

Ужесточение законодательства привело к увеличению лиц, привлекаемых судом к уголовной ответственности по делам о превышении власти (ст. 110 УК РСФСР). Только в период с 1943 г. по первое полугодие 1945 г. по ст. 109 и 111 УК РСФСР по стране были осуждены 228 370 человек⁵. Только на 10 декабря 1942 г. в Алтайском крае были осуждены: а) за саботаж сдачи зернопоставок государству председателей колхозов – 97, бригадиров – 47, колхозников – 47; б) за порчу хлеба председателей колхозов – 25, бригадиров – 45; в) за хищение хлеба председателей колхозов – 10, бригадиров – 17, колхозников – 597, счетоводов – 1; г) за перерасход хлеба внутри колхоза председателей колхозов – 91; д) за незаконную засыпку семян председателей колхозов – 3, бригадиров – 4. Итого на 10 декабря 1942 г. осуждены 984 человека,

1 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 68. Л. 20.

2 Архив Алтайского краевого суда. Наряд № 15. Статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1944 г. Л. 17.

3 Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 261.

4 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9492. Оп. 3. Д. 47. Л. 34.

5 Там же. Ф. 1474. Оп. 62. Д. 455. Л. 248, 113.

из них председателей колхозов – 226, бригадиров – 113, колхозников – 645¹.

В первом квартале 1944 г. был привлечен к уголовной ответственности С. Работая директором Белоярской МТС, С. допустил ненадлежащее отношение к своим служебным обязанностям, не проверил готовность МТС к ремонту тракторного парка, сведения о неисправных тракторах не были им проверены. В результате 7 тракторов, имевшие дефекты после ремонта, были неправильно включены в список отремонтированных. С. был осужден Алтайским краевым судом по ст. 111 УК РСФСР к 6 месяцам исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 25%².

Во втором квартале 1944 г. по закону от 7 августа 1932 г. был привлечен к уголовной ответственности Ф. Работая председателем колхоза «Путь к социализму» Угловского района, Ф. допустил вредительский посев зерновых культур с нарушением агротехнических правил. Посев проводился ручным способом под плуг некондиционными и не протравленными семенами. Посев был произведен с пониженной нормой посева от 70 до 90 килограммов на гектар, вместо одного центнера на гектар. Со стороны вышестоящих организаций Ф. было запрещено производить посев ручным способом, однако он встал на путь игнорирования указаний вышестоящих организаций. Таким образом Ф. нанес существенный экономический вред колхозу. Ф. был осужден Алтайским краевым судом к 10 годам лишения свободы и конфискации имущества³.

Если народные судьи устанавливали нарушения при расследовании уголовных дел органами дознания и следствия, дела направлялись на доследование, либо прекращались, либо выносились оправдательные приговоры.

В первом квартале 1944 г. краевым судом были возвращены 11 уголовных дел по закону от 7 августа 1932 г., т.к. следственными органами не была установлена сумма

причиненного ущерба, не была произведена опись имущества, а также не был наложен арест на имущество в обеспечении гражданских исков. По ряду уголовных дел не была разграничена ответственность каждого обвиняемого и степень участия их в совершенном преступлении⁴.

По некоторым делам по материалам предварительного следствия не была установлена причинная связь между действиями обвиняемых и результатом наступивших последствий. Так, по обвинению бывшего председателя колхоза им. Ким Топчихинского района Г. не была установлена причина массового падежа скота в колхозе. Не выяснено, почему на овцеферме образовалась недостача 86 голов. Не были привлечены к ответственности должностные лица – животновод, сторож, бригадир, являвшиеся конкретными виновниками за падеж и недостачу скота⁵.

По делу К. по материалам следствия вменялось в вину, что он при перевозке зерна на государственные склады, пользуясь доступом к этому зерну похитил 870 килограммов. На суде было установлено, что зерно он обменивал на соль и другие товары по распоряжению председателя колхоза. В подтверждение этого К. просил допросить ряд свидетелей и проверить документы по сдаче зерна. Суд был не в состоянии проверить все факты, поэтому дело было отправлено на доследование в следственные органы⁶.

Увеличение нагрузки, изменения в законодательстве приводило к процессуальным нарушениям со стороны народных судей.

Во-первых, народные судьи допускали неправильную квалификацию преступлений, в связи с чем выносили несправедливые приговоры. Так, народный судья г. Рубцовска принял уголовное дело к своему производству по Указу от 26 декабря 1941 г., тогда как данная категория дел была подсудна военным трибуналам. Помимо этого в данном суде действия

1 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 64-64об.

2 Архив Алтайского краевого суда. Наряд N 19. Статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1944 г. Л. 42.

3 Там же. Л. 47.

4 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 207.

5 Архив Алтайского краевого суда. Наряд N 21. Статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1944 г. Л. 19.

6 Там же. Л. 20.

дезертиров с предприятий оборонной промышленности квалифицировались по закону от 26 июня 1940 г., однако они подпадали под признаки Указа от 26 декабря 1940 г.¹

Народные судьи Змеиногорского района Алтайского края вследствие того, что они не знали постановления Президиума Верховного Суда СССР от 8 мая 1941 г., квалифицировали действия лиц совершивших хищение мелкого скота у частных лиц по ст. 166 УК РСФСР вместо квалификации по п. «в» ст. 162 и п.п. «г» и «д» ст. 162 – хищение овец из общественного сектора [3, с. 97-98].

Народный судья Знаменского района Алтайского края, не зная постановления Президиума Верховного Суда СССР от 8 июня 1942 г., не указал в резолютивной части приговора процент удержания при осуждении к исправительно-трудовым работам на общих основаниях².

По делу N 76 краевым судом была оправдана начальник цеха Плодоовощного комбината О., обвиняемая по ст. 107 и 109 УК РСФСР. По материалам дела ей вменялась в вину то, что она вместе с директором комбината П. незаконно взяли в колхозе 15 центнеров картофеля, в дальнейшем, поделив его между собой, продали его на рынке. Однако на суде было установлено, что О. брала свой картофель со склада, который она там хранила. Факт присвоения 15 центнеров государственного картофеля в судебном заседании ничем не был подтвержден³.

Народным судом Тогульского района был осужден К. к двум годам лишения свободы по ч. 2. ст. 79-4 УК РСФСР за то, что привязал к сенокосилке 2 лошадей, в результате чего лошади порезались о режущие части машины и в течение 30 суток не могли привлекаться к работам. Однако в действиях К. имелись признаки ч. 1 ст. 79-4 УК РСФСР, поскольку отсутствовало жестокое отношение к живот-

ным и последние в результате данных действий не пали⁴.

Судебной коллегией краевого суда отменялись приговоры народных судов за нарушение материальных и процессуальных законов. Некоторые из них судебная коллегия краевого суда оставляла в силе, указывая народным судьям на допускаемые ими нарушения путем вынесения частных определений. За 5 месяцев 1944 г. были вынесены 189 частных определений, что составило в среднем по 2 определения каждому народному судье⁵.

Во-вторых, народные судьи нарушали сроки рассмотрения уголовных дел в суде.

В 1943 г. 42% уголовных дел народными судами были рассмотрены с нарушением сроков⁶. Так, в Смоленском районе дело по обвинению Б. по ст. 79-4 УК РСФСР находилось без движения в течение двух месяцев, в Белоглазовском народном суде из рассмотренных 6 дел по животноводству 3 дела (50% от общего количества) были рассмотрены в срок свыше 1 месяца⁷.

В-третьих, помимо нарушения сроков рассмотрения данной категории дел и неправильной их квалификации народные судьи допускали ряд грубых процессуальных нарушений по этим делам. Так, по делу N 1265 Поспелихинского района в определении не было подписи судьи, по делу N 1279 народным судом Быстро-Истокского района было установлено, что оно не рассматривалось в подготовительном заседании, чем грубо была нарушена ст. 27 Закона «О судостроительстве». По 4-м делам Поспелихинского района определение подготовленного заседания было датированы 22 июня 1943 г., а обвинительное заключение утверждено прокурором 30 июня 1943 г., т.е. после рассмотрения дела в подготовительном заседании⁸.

Как нам представляется, основной причиной неправильного рассмотрения уголовных

1 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 158. Л. 170.

2 Архив Алтайского краевого суда. Наряд N 18. Статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1944 г. Л. 11.

3 Архив Алтайского краевого суда. Наряд N 21. Статистические отчеты по делам 1-й инстанции за 1944 г. Л. 14.

4 Там же. Л. 34об.

5 Там же. Л. 5.

6 Там же. Л. 29.

7 Там же. Л. 34-34об.

8 Там же. Л. 35об.

народными судами являлось, то что многие судьи не знали законов и руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР и приказов НКЮ по вопросам судебной практики, вследствие чего народные судьи неправильно квалифицировали составы преступлений, неправильно определяли меры уголовного наказания, нарушали порядок ведения судебного следствия, не в полном объеме составляли протоколы судебных заседаний, неправильно составляли описательную часть приговора, не всегда могли дать объективную оценку доказательствам, полученным в ходе судебного разбирательства.

В то же время следует отметить, что процессуальные нарушения не носили массового характера, это были единичные случаи и, как уже отмечалось, руководством Алтайского краевого суда в годы войны делалось все возможное, чтобы снизить уровень процессуальных нарушений совершаемых народными судьями на местах.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в связи с военным положением деятельность судов при рассмотрении уголовных дел не имела существенных изменений, однако в это время был принят ряд нормативных правовых актов, которыми необходимо было руководствоваться при рассмотрении уголовных дел экономической направленности. Они вносили существенные изменения в действующее законодательство, осложняя тем самым деятельность судов и повышая ответственность народных судей при рассмотрении дел данной категории. Однако, несмотря на все трудности, работники судов Алтайского края старались обеспечить нормальную работу судов общей юрисдикции по разрешению уголовных дел, сохраняя тем самым жизнеспособность судебной системы даже в условиях чрезвычайной ситуации.

Библиографический список

1. Вознесенский, Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н.А. Вознесенский. – М.: Госполитиздат, 1948. – 192 с.
2. Денисов В.А. А в это время в тылу / В.А. Денисов // Милиция. – 1994. – N 7. – С. 30-32.
3. Под властью закона. Очерки истории Алтайского краевого суда: люди, события документы / под общ. ред. В.И. Пашкова. – Барнаул: Азбука, 2007. – 342 с.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 3. Конец 1930-1933. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1008 с.
5. Хмелева, А.В. Страницы истории: следствие в годы Великой Отечественной войны / А.В. Хмелева // История государства и права. – 2015. – N9. – С. 23-29.
6. Шатилов, С.П. Органы милиции в реализации правоохранительной функции Советского государства в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) : монография / С.П. Шатилов. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2008. – 256 с.

УДК 343.9

Максим Сергеевич ГАЙКИН,

эксперт отдела взрыво- и пожарно-технических
экспертиз управления инженерно-технических
экспертиз Экспертно-криминалистического центра
Министерства внутренних дел
Российской Федерации (г. Москва)
maxon291@yandex.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИНФОРМАЦИОННОМ ОСВЕЩЕНИИ ФАКТОВ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БОЕПРИПАСОВ И ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

A FORENSIC APPROACH TO MEDIA COVERAGE OF THE FACTS OF WAR CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF AMMUNITION AND EXPLOSIVE DEVICES

В статье приводятся статистические данные военных преступлений, совершаемых с использованием боеприпасов и взрывных устройств, на примере одного из регионов России. Рассматриваются основные мероприятия, связанные с их фиксацией и документированием. Анализируются существующие подходы при решении данных вопросов, а также эффективность применения определенных методов и средств. Данный анализ позволяет выявить существующий положительный опыт и недостатки методического и технического характера в ходе выполнения вышеуказанных мероприятий. Определяется практическая значимость криминалистического подхода в освещении фактов военных преступлений, а также его влияние на информационную составляющую в их освещении. Это позволяет выработать предложения по методическому обеспечению данных мероприятий, которые позволят повысить эффективность освещения военных преступлений в информационной среде.

The article provides the statistical data on war crimes committed with the use of ammunition and explosive devices on the example of one of the Russian regions. The main activities related to their recording and documentation are considered. The existing approaches of solving these issues are analyzed, as well as the effectiveness of using certain methods and means. This analysis primarily allows us to identify existing positive experience, as well as identify shortcomings of methodological and technical nature when performing the above-mentioned measures. The practical significance of the forensic approach in covering the facts of war crimes is determined, as well as its impact on the information component in their coverage. This makes it possible to develop proposals for methodological support of these activities, which will increase the efficiency of reporting war crimes in the information environment.

Ключевые слова: военные преступления, боеприпасы, взрывные устройства, осмотр места происшествия, криминалистический подход, специалист, информация, анализ, ЦККК.

Keywords: war crimes, ammunition, explosive devices, observation of the crime scene, forensic approach, specialist, information, analysis, Joint Center for Control and Coordination of Ceasefire Issues and Stabilization of the Demarcation Line of the Parties (JCCC).

Поскольку военная история является неотъемлемой частью истории человечества, стоит обратить внимание, что каждая эпоха сопровождалась различными войнами или локальными вооруженными конфликтами. Любой здравомыслящий человек понимает, что война – это плохо, но как бы парадоксально это ни звучало, как говорил Аристотель, «целью войны является мир». Как отмечают А.М. Жигулин и А.М. Моисеев: «В ходе вооруженных конфликтов нередко отмечаются нарушения правил ведения войны, факты совершения военных преступлений, преступлений против человечности, которые могут стать предметом рассмотрения в международных судебных инстанциях» [1, с. 70].

С февраля 2022 года Российская Федерация начала проведение специальной военной операции (далее – СВО). Государство встало на защиту от вооруженной агрессии националистических вооруженных формирований в первую очередь мирных жителей Донецкой и Луганской народных республик. Стоит согласиться с мнением В.А. Никонова: «СВО стала схваткой за создание нового, более справедливого, более плюралистического и многоцветного мира...» [3, с. 9].

С начала проведения СВО на территории Российской Федерации фиксируются факты военных преступлений, совершенных вооруженными формированиями Украины. В новостных лентах различных средств массовой информации (далее – СМИ) активно освещаются последствия ракетных и артиллерийских ударов по мирным населенным пунктам, атак беспилотных летательных аппаратов по объектам критически важной инфраструктуры. Большей угрозе подверглись территории западной части страны, которые граничат с территорией Украины. К ним прежде всего относятся Белгородская, Брянская и Курская области. Так, но-

востью, опубликованной в СМИ, вызвавшей большой общественный резонанс, является нанесение массированного артиллерийского удара с применением реактивных систем залпового огня иностранного производства по центральной части города Белгорода 30 декабря 2023 г.¹ В результате удара жертвами стали мирные жители, а инфраструктура города получила значительные повреждения. С вхождением в состав Российской Федерации новых территорий, а именно Донецкой, Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей на их территориях начали активно совершаться террористические акты, организация и проведение которых проходят не без участия спецслужб Украины. Одним из примеров, освещенных в публикации², является взрыв автомобиля экс-главы поселка Акимовка Запорожской области Максима Зубарева в центре города Мелитополя. Стоит понимать, что террор в новых реалиях приобрел совершенно иную форму. Он стал одним из инструментов ведения партизанской войны, целью которой является запугивание мирного населения.

В настоящее время подавляющее большинство военных преступлений совершаются с использованием боеприпасов и взрывных устройств. Данные преступления, как и любые другие общественно опасные деяния, должны быть наказаны, а процесс их фиксации и документирования прежде всего направлен на сбор неопровержимых доказательств. Данные мероприятия можно разделить на два типа – процессуальные и непроцессуальные. Процессуальные мероприятия проводятся уполномоченными на это должностными лицами правоохранительных органов и заключаются в проведении первоочередных следственно-оперативных мероприятий. Непроцессуальные мероприятия проводятся представителями различных СМИ, военными корреспондентами, а так-

1 Лякин А. ВСУ нанесли удар по центру Белгорода, есть жертвы // Официальный сайт «Первого канала» 30 декабря 2023 г. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-12-30/468109-vsua_nanesli_udar_po_tsentru_belgoroda_est_zhertvy.

2 При взрыве в Мелитополе пострадал экс-глава местного поселка // Сетевое издание «РИА Новости». 3 апреля 2023 г. URL: <https://ria.ru/20230403/melitopol-1862563653.html?in=t>.

же иными общественными организациями, заключаются в освещении определенных событий и придании их общественной огласке. Для осуществления вышеуказанных мероприятий в обоих случаях целесообразно использовать криминалистический подход. Этот подход также предлагает использовать А.М. Моисеев [2]. Для анализа его эффективности рассмотрим пример его внедрения в деятельность конкретной организации.

Этот подход был активно внедрен в деятельность Совместного центра контроля и координации вопросов, связанных с военными преступлениями Украины (далее – СЦКК), представительства которого имеются в Донецкой и Луганской народных республиках. Изначально данный центр был создан как общественная комиссия по фиксации и расследованию преступлений международного характера, а позже был реорганизован в самостоятельную структуру. Из вышеуказанных республик большей военной угрозе подверглась территория Донецкой народной республики (далее – ДНР), поэтому рассмотрим деятельность представительства на ее территории. В настоящее время одними из основных задач представительства в республике являются выявление, проверка и документирование фактов вооруженной агрессии государства Украина против республики, создание и администрирование Единой республиканской электронной базы задокументированных фактов последствий вооруженной агрессии государства Украина, имеющих признаки военных преступлений, совершенных на территории республики. Представительство ведет статистику военных преступлений, а также имеет интерактивную карту, на которой отмечены места нанесения ракетных и артиллерийских ударов по объектам гражданской инфраструктуры с фотоматериалами и пояснениями. Данная карта доступна

для просмотра в режиме реального времени на официальном сайте¹.

Согласно статистическим данным, размещенным там же², в период с 17 февраля 2022 г. по 4 марта 2024 г. вооруженными формированиями Украины было применено 178 840 различных боеприпасов по территории республики: 43 ракеты оперативно-тактического ракетного комплекса «Точка-У», 485 ракет реактивной системы залпового огня «Himars», 39 ракет реактивной системы залпового огня БМ-30 «Смерч», 288 ракет реактивной системы залпового огня БМ-27 «Ураган», 17848 ракет реактивной системы залпового огня калибра 122 мм, 56130 артиллерийских снарядов калибра 155 мм, из которых 2090 с кассетной боевой частью. В результате их применения повреждения получили 2181 транспортное средство, 3498 объектов гражданской инфраструктуры, из которых 207 медицинских учреждений, 706 образовательных учреждений, 1443 объекта социального обеспечения, 118 объектов критической инфраструктуры, 1024 объекта электро-, водо-, тепло- и газоснабжения; 13854 жилых строений. Жертвами стали 4852 гражданских лица, из которых 143 ребенка, ранения различной степени тяжести получили 5970 гражданских лиц, в том числе 389 детей.

Сбор информации и последующее обобщение статистических данных в СЦКК условно можно разделить на два этапа. Достаточно подробно об этом рассказала в интервью одному из местных изданий руководитель представительства в ДНР Наталья Шуткина³. На первом этапе происходит фиксация и документирование фактов военных преступлений на месте. Эти задачи возложены специалистов отдела оперативной работы. Затем вся собранная ими информация с места передается специалистам информационно-аналитического отдела для последующей

1 URL: <https://map.dnr-sckk.ru/>.

2 URL: <https://dnr.sckk.info/infografika-27/>.

3 О реорганизации СЦКК, военных преступлениях Украины, оружии НАТО и перспективах для Киева // «Донецкое Агентство Новостей» 12 марта 2024 г. URL: <https://dan-news.ru/interview/o-reorganizacii-sckk-voennyh-prestuplenijah-ukrainy-oruzhii-nato-i-perspektivah/>.

обработки и включения в реестр Единой республиканской электронной базы. Собранные материалы также передаются в установленном порядке в следственные органы, что, несомненно, оказывает практическую помощь в расследовании.

Анализ фотоматериалов практической деятельности специалистов свидетельствует, что они достаточно полно отражают всю картину места происшествия. Фотоизображения выполнены с различными приемами судебной фотографии. Прочитав А.В. Дулова, который утверждал: «Специфичность целей и методов фотосъемки, применение при этом особых правил значительно отличают судебную фотографию от общей» [5, с. 5]. Специалисты отдела оперативной работы СЦКК преимущественно подбираются из числа бывших военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, что позволяет достаточно оперативно обнаруживать на местах происшествий фрагменты боеприпасов и устанавливать их конкретный тип. Фактически данные мероприятия сводятся к предварительному исследованию обнаруженных объектов на месте происшествия. Эффективности предварительного исследования следов взрыва на месте происшествия посвящена статья З.Л. Шагапсоева и В.А. Гаужаевой [6]. Участие в данных мероприятиях специалистов позволило не только их эффективно выполнять, но и предоставлять общественности достоверные сведения, что немаловажно.

В эпоху достаточно бурного развития информационных технологий и СМИ в погоне за эксклюзивными репортажами некоторые журналисты порой публикуют недостоверные сведения при освещении фактов военных преступлений. В одних случаях это происходит неосознанно, так как каких-либо консультаций со специалистами перед публикацией материала они не проводят. В других случаях факты намеренно искажаются различными оппозиционными СМИ. Дезинформация является одним из инструментов ведения информационных войн, которая сильно действует на сознание людей.

На этом акцентирует внимание А.М. Робски [4]. Подчеркнем, что практическая деятельность работы представительства ДНР в СЦКК позволила аккумулировать криминалистический подход в фиксации и документировании военных преступлений с информационной составляющей их освещения.

Проводя параллели с территорией Белгородской области, которая в большой степени подвергается военной агрессии, необходимо отметить, что освещение фактов военных преступлений различными СМИ производится в текущем режиме. Какой-либо общественной комиссии, которая бы осуществляла сбор, анализ и освещение данной информации, с момента начала СВО не создавалось. Безусловно, не каждую информацию стоит освещать, так как в условиях вооруженного конфликта она может быть использована противником как демонстрация своих побед, поэтому фильтрация информации необходима. Но явные факты военных преступлений, когда наносятся артиллерийские удары по центру мирного города, должны быть задокументированы и преданы огласке.

Подводя итог, отметим, что информационная составляющая в освещении фактов военных преступлений является конечным результатом достаточно большого труда, который осуществляется в ходе ее сбора. Для достоверного освещения конкретного факта военного преступления, совершаемого с использованием боеприпасов и взрывных устройств, необходимо использовать криминалистический подход, который позволит достаточно точно и информативно зафиксировать их последствия, а роль специалистов при исследовании следов преступлений позволит избежать каких-либо искажений в дальнейшем освещении их фактов. Внедрение практического опыта представительства СЦКК в работу различных СМИ позволит повысить уровень достоверности и объективности в вопросах освещения фактов военных преступлений в информационной среде.

Библиографический список

1. Жигулин, А.М. Документирование военных преступлений: криминалистический аспект / А.М. Жигулин, А.М. Моисеев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – N 3. – С. 70-78.
2. Моисеев, А.М. Криминалистический подход к документированию военных преступлений / А.М. Моисеев // Юрист-Правовед. – 2016. – N 1 (74). – С. 55-60.
3. Никонов, В.А. Специальная военная операция и новый миропорядок / В.А. Никонов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – N 99. – С. 7-34.
4. Робски, А.М. Медийные провокации в современных информационных войнах / А.М. Робски // Вестник науки. – 2022. – N 3 (48). – С. 24-31.
5. Судебная фотография / под ред. А.В. Дулова. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Вышэйшая школа, 1978. – 192 с.
6. Шхагапсоев, З.Л. Задачи предварительного исследования следов взрыва на месте происшествия / З.Л. Шхагапсоев, В.А. Гаужаева // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – N 2. – С. 283-285.

Александр Вадимович ПАРФЕНОВ,

начальник кафедры
организации оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России (г. Москва),
доктор юридических наук, доцент
tischagin@yandex.ru

**О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ ОПЫТЕ
КАФЕДРЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ С ОПЕРАТИВНЫМИ ГЛАВКАМИ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КАК ВАЖНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ON THE POSITIVE EXPERIENCE OF THE DEPARTMENT OF THE ORGANIZATION
OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES OF THE ACADEMY OF MANAGEMENT
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN ESTABLISHING CREATIVE
COOPERATION WITH OPERATIONAL HEADQUARTERS AND EDUCATIONAL
INSTITUTIONS, AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE OPERATIONAL SEARCH
POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Актуальность рассмотрения данной темы связана с рассмотрением концептуального подхода использования положительного опыта кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России по установлению творческих связей с оперативными главками и учебными учреждениями с позиции рассмотрения важности данного направления в условиях интенсивного развития оперативно-розыскной политики Российской Федерации.

В статье обозначены проблемные вопросы рассматриваемого направления, делаются соответствующие предложения. На основе имеющегося положительного опыта, автором статьи проведена работа по соотношению структуры мнений, взглядов и требований современности для решения задач оперативных кафедр образовательных учреждений МВД России. С использованием методов анализа, обобщения, сравнения, описания, абстрагирования аргументируются выводы о том, что распространение и внедрение положительного опыта кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России по установлению творческих связей с оперативными Главками и учебными учреждениями представляет из себя важную составляющую оперативно-розыскной политики Российской Федерации.

The relevance of considering this topic is associated with the consideration of the conceptual approach to using the positive experience of the Department of the Organization of Operational Search Activities of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia in establishing creative cooperation with operational departments and educational institutions from the position of considering the importance of this area in the context of intensive development of the operational search policy of the Russian Federation.

The article identifies problematic issues of the area under consideration, makes appropriate proposals. Based on the existing positive experience, the author of the article identified the relationship between the opinions, views and requirements of our time to solve the problems of operational departments of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Using the methods of analysis, generalization, comparison, description, abstraction, the conclusions are argued that the dissemination and implementation of good practices of the Department of the Organization of Operational Search

Activities of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia in establishing creative cooperation with operational departments and educational institutions is an important component of the operational-search policy of the Russian Federation.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, кафедра организации оперативно-розыскной деятельности, творческие связи, оперативные подразделения органов внутренних дел.

Keywords: operational search activities, Department of the Organization of Operational Search Activities, creative cooperation, operational units of internal affairs bodies.

Вопросы, связанные с оперативно-розыскной политикой, занимают центральное место в современной теории оперативно-розыскной деятельности [9, с. 244]. Одним из обязательных условий успешного решения сложных задач борьбы с преступностью в современный период является высокий профессионализм сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. В конечном счете он приобретает в процессе осуществления практической деятельности этих лиц, но его «начала» закладываются на более раннем этапе – при обучении слушателей в высших учебных учреждениях системы МВД России. Именно там им дают необходимые знания, прививают первоначальные практические умения и навыки, составляющие основу для дальнейшего «наращивания» оперативного мастерства и формирования высококвалифицированного специалиста. Поэтому без преувеличения можно сказать, что уровень преподавания дисциплин «Оперативно-розыскная деятельность», «Организация оперативно-розыскной деятельности» и т.д. опосредованно влияет на состояние борьбы с преступностью. Сказанное обуславливает необходимость повышения его качества. Решение такой задачи возможно лишь на основе широкого использования в обучении материалов практики, ее передового опыта. Данное обстоятельство предопределяет потребность в установлении тесных творческих контактов кафедр с оперативными подразделениями органов внутренних дел. Наличие таких связей приносит немалую пользу в решении общих задач.

Вместе с тем совершенствование препода-

вания специальных дисциплин по направлению оперативно-розыскной деятельности, как и проведение научных исследований, результаты которых используются при проведении занятий, в значительной мере зависит от общения между самими учебными заведениями и оперативными подразделениями, их взаимодействия и т.д. На основе объединения созидательных возможностей этих коллективов и комплексного их применения они могут добиться больших успехов в решении различных вопросов.

Обоюдное понимание кафедр и практических органов позволяет им успешно выполнять важные задачи сугубо прикладного, а также теоретического и учебно-методического характера.

Сложившиеся на сегодня отношения между такими коллективами дают неплохие результаты. Однако эти контакты еще далеки от совершенства, в силу чего не обеспечивают использование взаимодействующими сторонами всех их потенциальных резервов. В этой связи вопрос об улучшении связи кафедр между собой и с оперативными подразделениями органов внутренних дел приобретает особую актуальность. Его решение должно вестись с учетом потребностей, интересов и реальных возможностей кафедр и практики. Немаловажным моментом здесь, по-видимому, является верное определение того, что они «могут дать друг другу» и принести определенную пользу в решении стоящих перед ними задач, носящих зачастую общий характер.

Проблема творческих связей кафедр высших учебных заведений системы МВД России

между собой и с оперативными подразделениями органов внутренних дел многогранна и многоаспектна. Поэтому, не претендуя на исчерпывающее изложение всех ее сторон, остановимся лишь на некоторых из них. Считаем возможным начать такое рассмотрение с разбора отдельных положений, касающихся контактов между кафедрами в осуществлении ими учебной, учебно-методической и научно-исследовательской работы.

Вопрос о творческих контактах кафедр оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел высших учебных заведений системы МВД России не новый. Он не раз поднимался и обсуждался на различных уровнях, но до настоящего времени должным образом пока не решен. Причем имеется положительный пример создания и организации работы учебно-методической секции по учебным дисциплинам (модулям) оперативно-розыскного профиля, созданной на базе Омской академии МВД России.¹

Учебная, учебно-методическая и научно-исследовательская работа кафедр самым тесным образом связаны между собой и зачастую не могут быть изолированы друг от друга². Несмотря на это, мы все же попытаемся в ходе дальнейшего изложения как-то их разделить и сформулировать основные направления, по которым следует осуществлять контакты применительно к каждому из названных направлений деятельности кафедр.

1. Контакты в области учебно-методической и учебной работы

Здесь, на наш взгляд, основными направлениями творческих связей кафедр являются подготовка фондовых лекций, разработка иных учебно-методических материалов, непосредственное участие в учебном процессе. Рассмотрим коротко эти направления.

1.1. Подготовка фондовых лекций. Разработка таких материалов – задача достаточно сложная. Она требует применения боль-

ших усилий всего кафедрального коллектива. Ее решение нередко осложняется тем, что к выполнению этой работы в силу ряда объективных и субъективных причин не всегда целесообразно (а то и просто невозможно) привлекать отдельных сотрудников. Данное обстоятельство обуславливает необходимость расширения круга лиц, чья помощь может оказаться полезной. Использование возможностей кафедр других учебных заведений позволяет успешно выполнить такую задачу. Могут быть названы следующие пути ее решения: взаимный обмен фондовыми лекциями и взаимное рецензирование этих материалов.

Взаимный обмен фондовыми лекциями. Разумеется, фондовые лекции разрабатываются членами соответствующих кафедр. Но это не исключает возможности использования ими материалов, подготовленных по аналогичным темам курса сотрудниками других учебных заведений системы МВД России. Их применение может быть двояко: во-первых, непосредственное использование при проведении занятий и, во-вторых, учет при подготовке собственного текста лекции. Взаимный обмен такими материалами в значительной степени облегчает работу по их разработке, позволяет отразить в них все то передовое, что накоплено у коллег, поднять качество рукописей на более высокий уровень. Но практическая реализация названного направления контактов кафедр возможна при соблюдении, по крайней мере, двух основных условий: во-первых, полученные из других учебных заведений материалы ни в коем случае не должны переписываться и выдаваться за свои, они могут быть лишь творчески использованы. Научная добросовестность их применения во всех случаях является обязательной. Во-вторых, здесь должно строго соблюдаться правило взаимообмена, гарантирующее взаимное обеспечение кафедр

1 Об утверждении Положения об учебно-методических секциях, осуществляющих методическую деятельность в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка : приказ МВД России от 26.12.2018 N 869. Об утверждении состава учебно-методической секции по учебным дисциплинам (модулям) оперативно-розыскного профиля : приказ ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 07.02.2023 N 58.

2 Как положительный пример можно указать на совместную с Уфимским юридическим институтом МВД России научно-исследовательскую работу [5; 6].

необходимыми материалами. Его нарушение неминуемо ведет к своего рода иждивенчеству и разрыву творческих связей между кафедральными коллективами.

Взаимное рецензирование фондовых лекций. Существующая в настоящее время практика рецензирования подготовленных материалов только членами кафедры порою бывает малоэффективной. Причин тому много. Одна из них состоит в том, что при изучении рукописи такими рецензентами они обычно оценивают ее с позиций определенных требований, выработанных в том или ином коллективе и предъявляемых к тексту лекции. Рецензент же «со стороны» не связан этими «канонами» и поэтому может заметить то, на что не обратит внимание рецензент кафедральный. И не потому, что последний хуже, слабее подготовлен и т.д. Просто он ориентирован на иной, кафедральный, эталон, привык к нему и в силу этого зачастую не может преодолеть его «воздействия». Взаимное рецензирование лекций позволит устранить этот недостаток и внести в разработку кафедральных фондов определенную творческую струю.

1.2. Разработка иных учебно-методических материалов. Необходимость творческих контактов кафедр при разработке ими иных учебно-методических материалов прежде всего для практических занятий, игр и учений) обуславливается, по существу, теми же причинами, что и потребность в таких связях при подготовке фондовых лекций: «срабатывает кафедральный стереотип». Причем для каждого коллектива он может быть специфичен. Это приводит к неоднозначной отработке одних и тех же вопросов в различных учебных заведениях, что вряд ли может способствовать совершенствованию учебного процесса. Разумеется, в зависимости от специфики того или иного вуза (степени подготовленности слушателей и т.д.) содержание и методика проводимых в них практических занятий (игр, учений) по одной и той же теме может быть иной. Более того, такие различия в ряде случаев даже обязательны. Но уже накопленный опыт должен стать достоянием других кафедр, которые могут его оценить и,

если сочтут его более прогрессивным, взять также на вооружение.

Такие же связи нужны и при разработке иных учебно-методических материалов: видеолекций, слайдов и т.д. Здесь также целесообразно проводить их взаимное рецензирование с привлечением практических сотрудников, обмениваться этими материалами.

1.3. Непосредственное участие в учебном процессе. Применительно к названному направлению творческих контактов кафедр наиболее приемлемыми являются привлечение практических сотрудников Центрального аппарата к проведению занятий и приему экзаменов, в первую очередь на высших академических курсах, а также профессорско-преподавательского состава других вузов к чтению лекций. Что же касается иных видов учебной работы (семинары, практические занятия и т.д.), то «включение в них» коллег с родственных кафедр хотя и не исключается, но, по нашему мнению, малоперспективно. Исключение здесь, пожалуй, могут составить «круглые столы» и слушательские конференции, проводимые по итогам изучения курса (разделов курса).

Чтение же лекций «другим лицом» имеет определенные достоинства. Здесь наиболее четко проявляется ее новизна. Она может выражаться в содержании излагаемого материала, методике его рассмотрения и т.д. Такие лекции обычно посещают сотрудники кафедры того вуза, где проходят занятия. Последующий обмен мнениями позволяет критически оценить лекцию и принести пользу как самому лектору (получить замечания «со стороны» при необходимости должным образом на них отреагировать и т.д.), так и преподавателям, посетившим занятие (позаимствовать новые идеи, оригинальность построения и изложения материала и т.д.). Кроме того, лектор из другого вуза предстает перед слушателями в качестве нового источника знаний и уже поэтому привлекает к себе повышенное внимание с их стороны. Такое отношение к занятию, несомненно, способствует более глубокому усвоению ими учебного материала.

2. *Контакты в области научно-исследовательской работы.* Наиболее важными направлениями контактов между кафедрами в области НИР, по нашему мнению, являются следующие: совместные исследования проблем (отдельных вопросов), участие сотрудников кафедр других вузов в издании отдельных работ, взаимное рецензирование материалов, подготавливаемых для издания, взаимное информирование кафедр о результатах проведенных научных исследований, участие профессорско-преподавательского состава в научно-практических конференциях, семинарах и т.д., проводимых в других вузах. Рассмотрим коротко эти направления.

2.1. *Совместные исследования проблем (отдельных их вопросов).* Приобретенный на кафедре организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России опыт показывает, что проводимые кафедрами научные исследования нередко носят общий характер. Тем не менее каждый коллектив работает самостоятельно, изолированно от других. Это неизбежно приводит к распылению сил, дублированию и т.д. Одним из путей устранения названного недостатка является объединение кафедральных усилий и направление их на решение взаимно совпадающих задач. Такое кооперирование позволит с наименьшими затратами труда и времени провести глубокие и всесторонние исследования общих проблем (отдельных их вопросов).

2.2. *Участие сотрудников кафедр других вузов в издании отдельных работ.* Необходимость названного направления контактов диктуется рядом причин, среди них, в частности, могут быть названы следующие. Во-первых, следует признать, что в силу некоторых обстоятельств объективного и субъективного свойства далеко не каждый кафедральный коллектив может только своими силами подготовить к изданию работу (пособие, сборник статей и т.д.), отвечающую современным требованиям (отсутствие на кафедре квалифицированных авторов, несовпадение научных интересов с тематикой подготавливаемого издания и т.д.). Во-вторых, не надо сбрасывать со счета престижность участия тех или иных

исследователей в подготовке публикаций. В-третьих, важное значение имеет временной фактор выхода в свет подготавливаемых работ. В-четвертых, настоятельная потребность в широком освещении на страницах специальной литературы множества проблемных вопросов, связанных с совершенством оперативно-розыскного законодательства и соответствующих нормативных актов, обуславливает необходимость привлечения к подготовке материалов немалого числа авторов, работающих в разных вузах страны. Так, за последнее время при организации кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России совместно с оперативными кафедрами вузов системы МВД России подготовлены и изданы: «Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»» [8], учебное пособие «Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий» [4], совместно ГУУР МВД России подготовлен «Справочник начальника отдела (отделения) уголовного розыска территориального органа МВД России» [14], совместно с ГУНК МВД России издан хронологический справочник памятных дат и событий, посвященный истории подразделений по контролю за оборотом наркотиков [7] и т.п. В-пятых, возможность опубликования работ в изданиях других учебных заведений в значительной мере снимает проблему публикаций адъюнктов и соискателей кафедр. На наш взгляд, практическая реализация рассматриваемого направления контактов на сегодняшний день в целом выглядит неплохо. Но, видимо, все же есть еще «неиспользованные резервы», которые нужно реализовать.

2.3. *Научное рецензирование материалов, подготавливаемых для издания.* В данном случае мы имеем в виду рецензирование, которое следует проводить до обсуждения рукописи на кафедре и передачи ее в редакционно-издательский отдел для дальнейшего прохождения. Такая практика позволит автору еще на стадии подготовки материала получить, а при необходимости и учесть замеча-

ния и предложения не только «местных», но и коллег «со стороны». Она будет способствовать более глубокому изучению рукописей до их рассмотрения в кафедральных коллективах и поставит дополнительные преграды для работ, не отвечающих требованиям печатной продукции.

2.4. Взаимное информирование кафедр о результатах проведенных научных исследований. Необходимость использования результатов научных исследований в преподавании дисциплин, содержащих вопросы оперативно-розыскной деятельности, очевидна. Данное положение носит аксиоматичный характер. Из этого следует, что кафедры должны постоянно вести различные исследования и их результаты внедрять в учебный процесс. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин они не всегда могут успешно это сделать и обеспечить нужную разработку проблем по всем темам преподаваемого курса. Одним из путей решения такой задачи является обмен результатами изучения практики, проведенного в других вузах, и их использование в учебно-методической работе еще до официального опубликования этих материалов. Известно, что на издание публикаций нередко уходит немало времени, в силу чего результаты исследований в известной мере начинают «стареть». Своевременное же информирование кафедр о полученных ими данных позволяет в нужный момент ввести их в учебный процесс. Разумеется, при использовании таких материалов необходимо строго соблюдать правила обращения с результатами научных исследований, полученными другими авторами.

Помимо названных творческие контакты между кафедрами и оперативными Главками МВД могут проявляться и в иных формах: научное руководство адъюнктами (соискателями), осуществляемое учеными, работающими в других вузах, стажировка профессорско-преподавательского состава в Центральном аппарате МВД России, а также на родственных кафедрах, совместные заседания кафедр и т.д. На кафедре имеется достаточный опыт по подготовке научной продукции.

Автором обозначены и коротко рассмотрены лишь основные направления, по которым, на наш взгляд, должны строиться творческие контакты кафедр оперативно-розыскной деятельности вузов системы МВД России. Как показывает опыт, по многим из них как раз и осуществляются связи кафедральных коллективов. Однако в их реализации имеют место определенные проблемы, обусловливаемые рядом причин. Их устранение позволило бы укрепить контакты кафедр, что в конечном счете положительно сказалось бы на активизации их деятельности. Сознательно обходя молчанием все иные причины имеющихся недостатков, остановимся только на трех из них.

Первой (не по значимости, а по счету) из таких причин является отсутствие должной информации о том, что делается на кафедрах других вузов, чем эти кафедры занимаются, какие вопросы исследуют, какие материалы (для внутреннего пользования) издают, какую помощь они могут оказать другим кафедрам, чем последние могут быть им полезны и т.д. Выяснение всех этих вопросов эпизодично и строится преимущественно на основе сугубо личных отношений членов кафедр. Это не плохо, что такие отношения есть и они приносят определенную пользу. Но этого явно недостаточно. Решению таких вопросов надо придать целеустремленный и плановый характер. Для этого в качестве одной из мер может быть предложена следующая. Необходимо определить основные вопросы, по которым кафедры всех вузов обязаны будут периодически сообщать соответствующую информацию в специфический центр. Им, по нашему мнению, должен стать Методический центр профессионального образования и координации научных исследований при ГУР/ПС МВД России. Передаваемая информация может касаться различных сторон деятельности кафедр (о подготовке новых фондовых лекций, материалов для практических занятий, игр, учений, о проводимых или уже законченных научных исследованиях и т.д.). Здесь не следует бросаться в крайности. Речь должна идти о наиболее существенных материалах. На основе этих данных центр издает

периодически (например, один раз в квартал) краткий информативный сборник по всем этим вопросам и рассылает его во все вузы для использования. Таким образом, кафедры получают возможность своевременно узнать исходную информацию по интересующим их вопросам и в зависимости от потребностей и обстановки принять решения о путях использования этих данных.

Второй причиной, отрицательно влияющей на деятельность кафедр по установлению ими творческих связей, является отсутствие должных контактов между руководителями кафедр оперативно-розыскной деятельности вузов системы МВД России. Если быть более точным, то надо сказать, что определенные отношения между этими лицами существуют. И приносят немалую пользу. Но такие связи, как правило, эпизодичны, строятся на частной основе и т.д. На наш взгляд, им нужно придать организованный характер. Успешное решение такой задачи возможно лишь на основе использования «коллективного разума» кафедр и их функционирования в «одном ключе». На наш взгляд, было бы целесообразно ввести практику проведения регулярных (по крайней мере, один раз в два года) совещаний-семинаров этих лиц с рассмотрением на них различных вопросов, касающихся деятельности кафедр. Обсуждению на таких форумах, главным образом, должны подлежать следующие блоки проблем:

- организация работы кафедры (комплектование профессорско-преподавательского состава кафедры, его расстановка, повышение профессионального уровня; планирование учебной, учебно-методической и научно-исследовательской работы, контроль за выполнением планов, подготовка заседаний кафедры и их проведение, подведение итогов работы и т.д.);

- учебная учебно-методическая работа кафедр (подготовка фондовых лекций и иных учебно-методических материалов, использование в учебном процессе исторического

опыта и результатов научных исследований, привитие слушателям практических умений и навыков, применение технических средств обучения и наглядности, особенности преподавания курса слушателям-заочникам и т.д.);

- научно-исследовательская работа кафедры (основные направления научных исследований, методика их проведения, результаты проведенных исследований, их использование, подготовка к изданию, опубликование монографий, учебников, учебных пособий, научных трудов и других работ, организация работы адъюнктов и соискателей, научно-исследовательской работы слушателей и т.д.;

- теория оперативно-розыскной деятельности. За последние годы, как известно, она в своем развитии сделала значительный шаг вперед. Не считая сотен кандидатских, подготовлены и защищены несколько десятков докторских диссертаций, посвященных исследованию различных сторон названной деятельности. Опубликовано большое количество монографий, учебных пособий, статей и иных научных трудов. На страницах специальной литературы высказаны заслуживающие серьезного внимания теоретические положения, в основе которых лежит изучение и обобщение оперативно-розыскной практики. Все они имеют право на существование, хотя по целому ряду позиций многие из них не совпадают друг с другом. Это предопределяет необходимость коллективного обсуждения таких концепций в целях выработки определенного единства в трактовке отдельных позиций в ходе преподавания курсов по тематике, связанной с оперативно-розыскной деятельностью и изданием последних нормативных актов МВД России¹, содержащих принципиально новые положения, относящиеся к организации и осуществлению оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Причем многие из них раньше вообще в теории ОРД не рассматривались.

3. Как уже отмечалось, для успешного решения стоящих перед кафедрами задач

1 В качестве положительного примера можно привести создание рабочей группы МВД России по развитию нормативной базы, регулирующей оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел Российской Федерации (распоряжение МВД России от 03.09.2020 N 1/9832). В данную группу входят, помимо руководителей оперативных Главков МВД России, руководители кафедр: ООРД Академии управления МВД России и ОРД и СТ Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

они должны поддерживать тесные контакты не только между собой, но и с оперативными подразделениями органов внутренних дел. Эта связь может осуществляться на различных уровнях. В процессе таких общений взаимодействующие стороны оказывают друг другу обоюдную помощь.

Рассмотрим коротко основные направления этих контактов.

3.1. Содействие кафедр оперативным подразделениям органов внутренних дел. Как показывает опыт, такое содействие проявляется в следующих основных формах.

3.1.1. Изучение кафедрами отдельных проблем борьбы с преступностью. К проведению таких исследований помимо профессорско-преподавательского состава могут привлекаться докторанты и адъюнкты кафедр (при необходимости и целесообразности – слушатели вузов) в рамках подготовки ими диссертаций. Многие из этих лиц имеют достаточный практический опыт и навыки исследовательской работы, что позволит им успешно справиться с такой задачей. Но здесь надо учитывать, что тематика диссертационных исследований определяется, как правило, в период с сентября по декабрь каждого года. Поэтому привлечение названных лиц к проведению исследования конкретных проблем, интересующих оперативные подразделения органов внутренних дел, возможно при условии, что те своевременно (до сентября) представят на кафедру соответствующие заявки. Необходимо также иметь в виду сроки проведения таких исследований. Они должны определяться периодом обучения докторантов и адъюнктов. Поэтому при даче заявок оперативным подразделениям органам внутренних дел необходимо ориентироваться на эти сроки. Необходимо обратить внимание, что по объективным причинам провести на квалифицированном уровне исследовательскую работу в более сжатое время крайне затруднительно, а порою вовсе невозможно.

3.1.2. Совместные командировки сотрудников оперативных подразделений МВД и

представителей кафедр (профессорско-преподавательский состав, докторанты, адъюнкты) в территориальные органы внутренних дел для проверки их деятельности и оказания им практической помощи. Опыт таких выездов имеется¹. Сотрудники кафедр, как правило имеющие практический опыт, в том числе занимающие руководящие должности, вполне подготовлены для решения задач таких командировок.

3.1.3. Участие сотрудников кафедр в подготовке материалов, разрабатываемых оперативными подразделениями МВД (проекты нормативно-правовых актов, обзоры, методические рекомендации и т.д.). Возможны два основных варианта такого содействия: во-первых, включение сотрудников кафедр в состав рабочих групп и их непосредственное участие в разработке названных документов и, во-вторых, рецензирование (экспертиза) подобных материалов, подготовленных оперативными подразделениями МВД. Рассматриваемая форма содействия кафедр может принести пользу при соблюдении, по крайней мере, двух обязательных условий. Во-первых, устанавливаемые оперативными подразделениями сроки представления им подготовленных кафедрами материалов (проекты обзоров, рекомендаций, рецензии и т.д.) должны быть реальными, вполне достаточными для выполнения заявки на надлежащем уровне. В противном случае со стороны «соисполнителя» неизбежно будет проявляться формальный подход к выполнению заявки. Во-вторых, «заказчикам» следует внимательно подходить к предложениям и замечаниям, высказанным кафедрой по документам, которые она прорецензировала. Разумеется, не все они являются «истинной в последней инстанции», и поэтому не всегда с ними можно и нужно соглашаться. Но в любом случае их «отвержения» было бы разумным обсуждение этих предложений и замечаний с теми с теми лицами, которыми они были сформулированы. Совместное их рассмотрение авторами рецензируемого материала и экспертами

¹ В качестве положительного примера, можно привести командировку в ИК-18 УФСИН России «Полярная сова» (пос. Харп, Ямало-Ненецкий автономный округ) и подготовку по материалам командировки учебно-практического пособия [10].

позволит уточнить отдельные положения и в ходе дискуссии найти, возможно, вариант, «устраивающий все стороны».

3.1.4. Подготовка сотрудниками кафедр совместно с практическими работниками органов внутренних дел материалов для их опубликования в Бюллетене «Оперативно-розыскная работа» и иных изданиях. Эта форма содействия в значительной мере связана с рассмотренной выше, но вместе с тем имеет и определенную специфику. Она обуславливается, как правило, «обнародованием» на страницах специальной литературы имен конкретных лиц, подготавливающих материал. Это обстоятельство предопределяет персональную ответственность авторов за его разработку. На кафедре ООРД имеется положительный опыт совместного с сотрудниками оперативных Главков МВД России написания и опубликования статей, что имеет, как практическую, так и научную ориентацию [1-3; 11-13; 15].

Кафедры в состоянии оказывать и иное содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел в решении стоящих перед ними задач. Но при обращении к ним «заказчики» должны учитывать реальные возможности кафедрального коллектива. Они не безграничны. Сотрудники кафедры постоянно заняты в учебном процессе, осуществляют научно-исследовательскую, учебно-методическую, воспитательную работу и т.д. Поэтому содержание работы, подлежащей выполнению кафедрой, ее объем, время и срок исполнения должны определяться на основе обоюдного понимания взаимодействующих сторон. Отступление от этих условий может не дать желаемого результата.

3.2. Содействие оперативных подразделений органов внутренних дел кафедрам вузов системы МВД России. Основными направлениями и формами такого содействия являются следующие:

– обеспечение кафедр всеми материалами, подготавливаемыми оперативными подразделениями МВД, УВД и рассылаемыми ими в периферийные органы внутренних дел

для использования в практической деятельности;

– предоставление сотрудникам кафедр находящихся в делах оперативных подразделений органов внутренних дел материалов, необходимых им для обеспечения учебного процесса и проведения научных исследований проблем оперативно-розыскной деятельности;

– выступления руководителей оперативных подразделений органов внутренних дел на заседаниях кафедр с сообщениями по актуальным вопросам оперативно-розыскной деятельности названных органов (проблемы, опыт, примеры и т.д.). Они должны быть достаточно регулярными, что принесет несомненную пользу не только сотрудникам кафедр, но и руководителям от общения с ними;

– участие сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел (в первую очередь руководителей этих подразделений) в учебном процессе, обеспечиваемом кафедрами;

– рецензирование материалов (учебных программ, рукописей учебников, учебных пособий, статей и т.д.), подготовленных кафедрами;

– привлечение сотрудников кафедр к участию в проводимых органами внутренних дел совещаниях по обсуждению актуальных вопросов оперативно-розыскной деятельности (итоги работы, заслушивание периферийных подразделений. Рассмотрение отдельных направлений деятельности и мер по ее совершенствованию и т.д.);

– обеспечение оперативными подразделениями практического обучения слушателей непосредственно в органах внутренних дел (ознакомительная и учебная практика, стажировка в должности);

– организация руководителями оперативных подразделений стажировки преподавателей кафедр в практических аппаратах органов внутренних дел¹, оказание им необходимой помощи и т.д.

3.3. Помимо названных и рассмотренных нами творческие контакты кафедр и

1 В частности, профессорско-преподавательский состав кафедры ООРД Академии управления МВД России на постоянной основе повышает квалификацию в форме стажировки в оперативных Главках МВД России.

оперативных подразделений органов внутренних дел могут осуществляться и в иных направлениях и формах. К ним, в частности, относятся проведение рабочих встреч профессорско-преподавательского состава, докторантов и адъюнктов кафедр с сотрудниками названных подразделений с обсуждением на них различных вопросов, представляющих для взаимодействующих сторон обоюдный интерес, совместное участие сотрудников кафедр и оперативных подразделений органов внутренних дел в организуемых и проводимых ими научно-представительских конференциях, семинарах и т.д.¹

3.4. В целях повышения уровня рассматриваемого содействия, на наш взгляд, было бы целесообразно заключение договоров между кафедрами и органами внутренних дел (оперативными подразделениями) об их творческом сотрудничестве. В этих документах следует предусмотреть цели и задачи совместной работы названных коллективов, определить их полномочия, установить механизм реализации прав и обязанностей взаимодействующих сторон и т.д.

В заключение считаем возможным высказать следующие суждения. Во-первых, в настоящей статье (с учетом ее ограниченного объема) рассмотрены не все, а только некоторые (основные) направления и формы творческих контактов кафедр оперативно-розыскной деятельности органов внутренних

дел вузов системы МВД России между собой и с оперативными подразделениями названных органов.

Во-вторых, для успешного решения стоящих перед кафедрами задач они должны устанавливать и поддерживать творческие связи с научно-исследовательскими учреждениями МВД России, а также с соответствующими кафедрами вузов иных ведомств, готовящих специалистов для органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности (ФСБ, ФСИН и т.д.).

В-третьих, вопросы о творческих контактах нами рассмотрены применительно к кафедрам оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Но многие положения, сформулированные в настоящей статье, носят общий характер и, по нашему мнению, вполне могут быть использованы также другими кафедрами вузов системы МВД России для установления и поддержания ими связей со своими коллегами

В-четвертых, реализация высказанных в статье предложений, на наш взгляд, позволит укрепить творческие связи кафедр оперативно-розыскной деятельности и на этой основе поднять их работу на более высокий уровень, что будет способствовать успешному решению задач, поставленных перед кафедрами Министерством внутренних дел Российской Федерации.

1 Как положительный пример можно указать на проведение 12.10.2023 в Академии управления МВД России межведомственной конференции «Актуальные вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии», организованной кафедрой ООРД Академии управления МВД России.

Библиографический список

1. Бачурин, С.С. Использование психологической информации в организации оперативно-розыскной деятельности по раскрытию серийных преступлений прошлых лет против жизни, половой неприкосновенности и половой свободы личности / С.С. Бачурин // Закон и право. – 2022. – № 8. – С. 128-131.
2. Гридасов, Н.В. Организационно-структурное обеспечение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованными группами бандитской направленности / Н.В. Гридасов // Закон и право. – 2022. – № 9. – С. 157-159.

3. Дамдинов, Б.В. Применение специальных познаний в организации оперативно-розыскной, розыскной и идентификационной деятельности по борьбе с организованной преступностью и привлечению к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии / Б.В. Дамдинов // Закон и право. – 2021. – N 5. – С. 176-178.
4. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учебное пособие: в 2 ч. / А.В. Аносов, В.В. Баранов, Д.А. Васильченко [и др.]. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – Ч. 1. – 208 с.
5. Деятельность подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите : учебник: в 3 ч. Ч. 1 / под общ. ред. С.В. Михалёва. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2023. – 208 с.
6. Деятельность подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите : учебник: в 3 ч. Ч. 2 / под общ. ред. С.В. Михалёва. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2023. – 208 с.
7. История подразделений по контролю за оборотом наркотиков : хронологический справочник памятных дат и событий / сост.: А.В. Морозов, А.В. Парфенов, Ю.А. Лапунова, М.Н. Тимонин. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – 164 с.
8. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. Н.В. Павличенко. – М.: Академия управления МВД России, 2022. – 280 с.
9. Павличенко, Н.В. Гносеологическая природа розыскной и идентификационной деятельности / Н.В. Павличенко, Ю.А. Лапунова, А.Ф. Шуплецов // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т.13. – N 2. – С. 243-251.
10. Парфенов, А.В. Использование психологической информации в организации оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений против жизни, половой неприкосновенности и половой свободы личности : учебно-методическое пособие / А.В. Парфенов, С.И. Владимиров. – М.: Академия управления МВД России, 2017. – 63 с.
11. Парфенов, А.В. Основные формы и направления деятельности органов внутренних дел в борьбе с организованной преступностью / А.В. Парфенов, И.М. Зубков // Актуальные вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии : сборник трудов межведомственной научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2023. – С. 141-146.
12. Пупынин, С. Особенности розыска лиц, пропавших без вести / С. Пупынин // Закон и право. – 2021. – N 4. – С. 156-158.
13. Пустовалов, А.В. Организация оперативно-розыскной, розыскной и идентификационной деятельности по раскрытию серийных особо тяжких преступлений против личности / А.В. Пустовалов // Вестник экономической безопасности. – 2021. – N 5. – С. 216-218.
14. Справочник начальника отдела (отделения) уголовного розыска территориального органа МВД России : учебно-практическое пособие / А.В. Воронцов, Ю.В. Гаврилин, В.Б. Княжев [и др.]. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – 288 с.
15. Шпрингер, А.А. О методическом обеспечении оперативно-розыскной деятельности при решении задач по борьбе с организованной преступностью / А.А. Шпрингер // Актуальные вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии : сборник трудов межведомственной научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2023. – С. 147-151.

УДК 519.2:343.9 + 343.92

Вячеслав Витальевич МОЛОКОВ,
начальник кафедры информационно-правовых
дисциплин и специальной техники
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат технических наук, доцент
vvmolokov@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

REGIONAL TRENDS IN CRIME DEVELOPMENT BY THE EXAMPLE OF KRASNOYARSK REGION

В статье на основе априорной статистической информации исследуются тенденции изменения преступности в Российской Федерации и ее административно-территориальных образованиях на примере Сибирского федерального округа и Красноярского края. С использованием методов теории статистики на основе индексных и относительных показателей иллюстрируются криминологические различия преступности как по отдельным видам, так и категориям. Изучение основных статистических характеристик преступности позволило определить основные тенденции развития преступности в современных условиях, а также установить структурные сдвиги и размах вариации показателей в регионах на примере Красноярского края.

The article examines trends in crime in the Russian Federation and its administrative-territorial entities using a priori statistical information as an example of the Siberian Federal District and Krasnoyarsk Krai. Using methods of statistical theory based on index and relative indicators, criminological differences in crime are illustrated both by individual types and categories. The study of the main statistical characteristics of crime allows to determine the main trends in the development of crime in modern conditions, as well as to establish structural displacements and the scope of variation of indicators in the regions by the example of Krasnoyarsk krai.

Ключевые слова: методы теории статистики, анализ динамических рядов, показатели преступности, тенденция, относительные показатели.

Keywords: methods of statistical theory, analysis of dynamic series, crime rates, trend, relative indexes.

Изучение и оценка криминологических показателей в масштабах Российской Федерации является важной и стратегической задачей в плане организации и выработке государственных стратегий в области профилактики и противодействия преступности. Между тем интерес представляют и региональные тенденции, как правило, обладающие большей степенью вариации и не так выраженной инерцией, напрямую зависящие от различных внешних и внутренних факторов, социально-экономических условий и демо-

графических особенностей [1; 3; 7]. Анализ региональных особенностей является важной составляющей системных исследований преступности в целом [8].

Подобные исследования, как правило, базируются на методах статистического анализа, математического моделирования и в современных тенденциях на принципах анализа больших данных [2; 4-6].

Априорную информацию предлагаемых для исследования статистических показателей составляют ряды динамики наблюдений

за период 2017-2023 гг., основанные на интервальных измерениях отдельных показателей преступности как по категориям, так и видам. Оценка и характеристики преступности в Красноярском крае (КК) представляются в сравнении с данными Сибирского федерального округа (СФО) и Российской Федерации (РФ).

Традиционно описание криминологических характеристик начинают с динамики наблюдений и тенденций их развития. Характеризуя уровни развития преступности в триаде край – округ – федерация, можно отметить как общие, так и частные тенденции (рис. 1). Так, коэффициент преступности на 100 тыс. населения в Красноярском крае значительно выше того же показателя в Российской Федерации, но ниже, чем в Сибирском федеральном округе. Кроме того, можно отметить некоторый тренд на увеличение уровня преступности в Красноярском крае в 2023 г.,

хотя в Российской Федерации и СФО в этот интервал наблюдается его снижение. Вариативность коэффициента преступности в КК между тем характеризуется боковым трендом, то есть относительно неизменной тенденцией развития показателя. Данный факт подтверждает, что региональные тенденции не столь инертны и обладают более быстрой изменчивостью на наличие различных связанных факторов.

Интересные результаты демонстрирует динамика демографических наблюдений в регионах (рис. 2). Можно отметить, что население России в общей массе изменяло численность, снижаясь к 2021 г. и прирастая в последующие годы, при этом Сибирский федеральный округ только в период 2017-2019 гг. демонстрировал снижение населения в субъекте, а Красноярский край находился в некотором балансе, практически не изменяя уровень демографической составляющей.

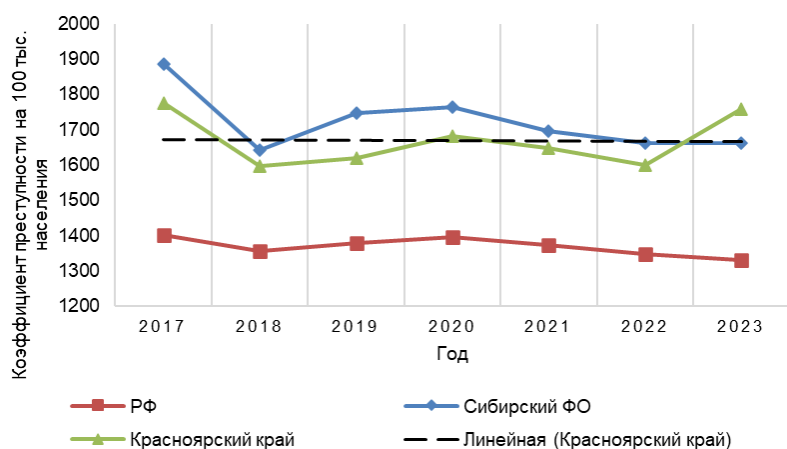

Рис. 1. Динамика изменения коэффициента преступности на 100 тыс. населения в регионах Российской Федерации в 2017-2023 гг.

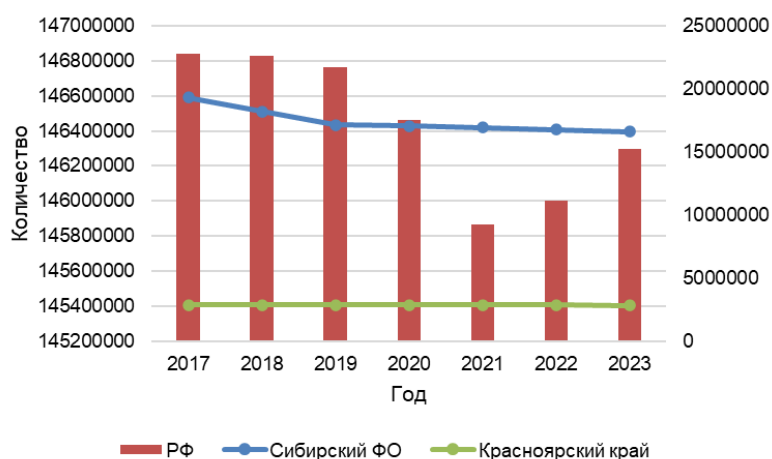

Рис. 2. Динамика изменения численности населения в 2017-2023 гг.

Затрагивая динамические изменения преступности, непременно следует рассмотреть ее состав по категориям. На рис. 3-5 представлены графики динамики преступности

по категориям в различных субъектах Российской Федерации в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния.

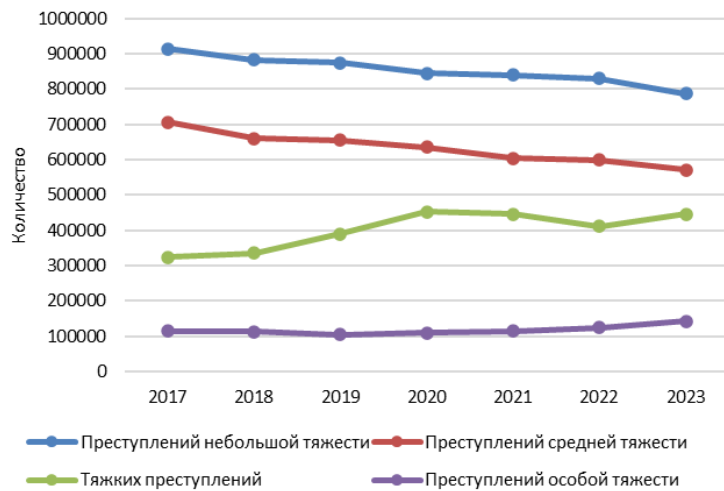

Рис. 3. Динамика изменения преступности по категориям в Российской Федерации в 2017-2023 гг.

Рис. 4. Динамика изменения преступности по категориям в Сибирском федеральном округе в 2017-2023 гг.

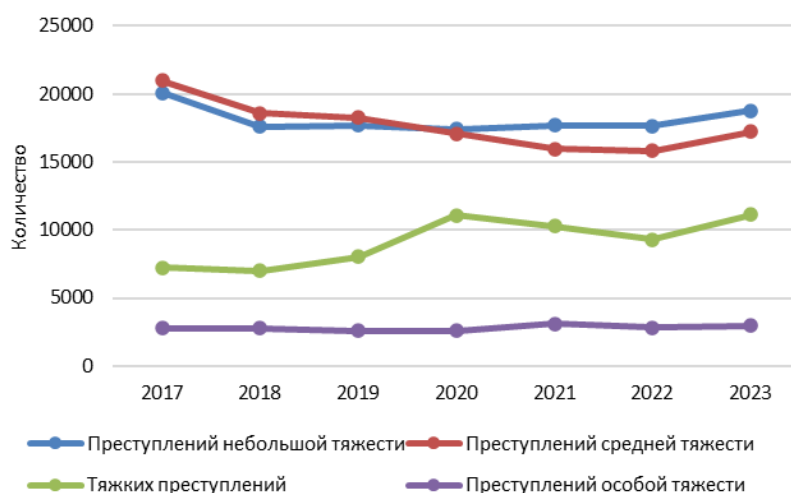

Рис. 5. Динамика изменения преступности по категориям в Красноярском крае в 2017-2023 гг.

Так же как и в случае с коэффициентом преступности, тенденции изменения показателей по категориям в Сибирском федеральном округе и Российской Федерации совпадают. Снижается количество преступлений небольшой и средней тяжести, при этом увеличивается количество тяжких и особо тяжких преступлений. В Красноярском крае такая тенденция не ярко выражена, причем в 2023 г., в отличие от федерального округа, незначительно возросло количество преступлений небольшой и средней тяжести.

В некотором смысле похожая тенденция изменения преступности наблюдается по ее отдельным видам. На рис. 6 представлен график изменения количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в 2017-2023 гг. Для

удобства сравнения данные представлены в виде коэффициента преступности на 100 тыс. населения.

Отмечено, что количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в Российской Федерации неизменно снижается, незначительно варьирует показатель в Сибирском федеральном округе и Красноярском крае. С 2021 г. направление изменения тренда в Красноярском крае и Сибирском федеральном округе взаимно противоположно, но в 2023 г. показатели сходятся практически в один уровень.

В 2023 г. ярко выражена тенденция увеличения изменения количества зарегистрированных преступлений, связанных с хищением чужого имущества, совершенных путем мошенничества – ст. 159-159.6 УК РФ (рис. 7).

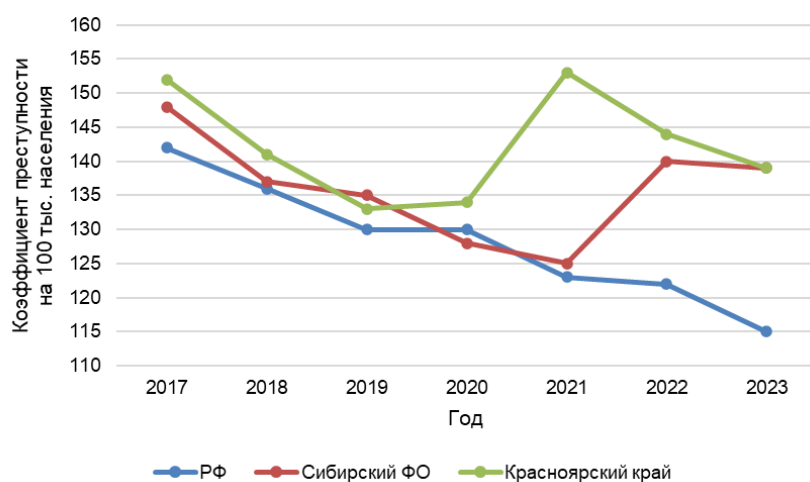

Рис. 6. Динамика изменения числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в 2017-2023 гг.

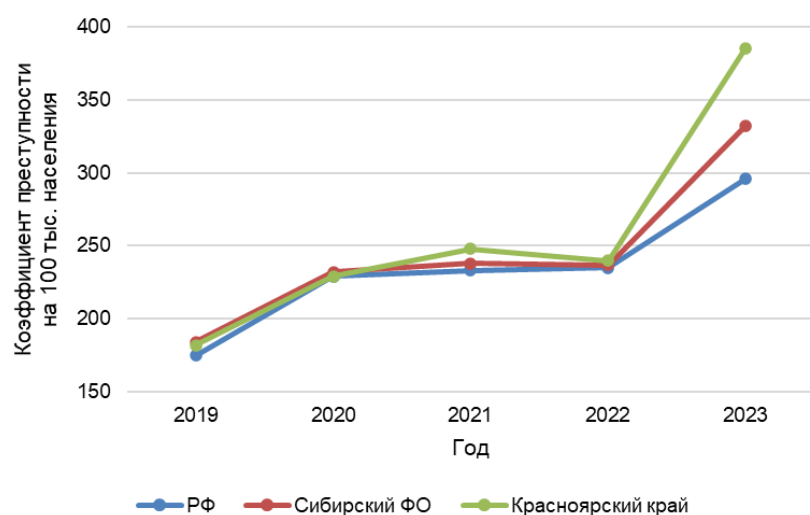

Рис. 7. Динамика изменения числа зарегистрированных преступлений, связанных с хищением чужого имущества, совершенных путем мошенничества (ст. 159-159.6 УК РФ) в 2019-2023 гг.

Более сильный тренд увеличения данного вида преступности отмечается в Красноярском крае, но это, скорее всего, характеризует быструю изменчивость показателя в субъекте Российской Федерации, нежели в крупном территориальном образовании.

Для всесторонней характеристики динамики преступности воспользуемся значениями среднего темпа роста за период 2017-2023 гг. В таблице 1 сведены значения среднего темпа роста по категориям и отдельным видам преступлений в Российской Федерации.

Таблица 1
Средние значения темпа роста по категориям и отдельным видам преступности в 2017-2023 гг.

Показатель преступности	Российская Федерация, %	Сибирский ФО, %	Красноярский край, %
Всего зарегистрировано преступлений	99,1	95,5	99,7
Преступления небольшой тяжести	97,5	93,9	98,9
Преступления средней тяжести	96,5	92,9	96,8
Тяжкие преступлений	105,5	101,8	107,4
Преступления особой тяжести	103,8	104,1	101,1
Убийства и покушения на убийство (ст.ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ)	95,7	90,2	95,4
Преступления по ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	93,8	90,7	91,1
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью ст. 112 УК РФ	94,5	93,3	94,1
Умышленное причинение легкого вреда здоровью ст. 115 УК РФ	93,4	94,2	97,7
Преступления экономической направленности	100,0	98,9	103,1
Хищение чужого имущества, совершенное путем кражи ст. 158 УК РФ	93,2	93,0	95,7
Хищение чужого имущества, совершенное путем мошенничества ст. 159-159.6 УК РФ	114,0	114,9	120,3
Хищение чужого имущества, совершенное путем грабежа ст. 161 УК РФ	83,5	85,6	92,0
Хищение чужого имущества, совершенное путем разбоя ст. 162 УК РФ	84,0	85,9	85,1
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	96,5	96,5	98,4
Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия	88,2	86,9	88,7

Обобщенный показатель среднего темпа роста дополняет ранее обозначенные тренды и ярко иллюстрирует, что растущую динамику преступности поддерживают в основном тяжкие и особо тяжкие преступления, а также хищения чужого имущества, совершаемые путем мошенничества.

Дополним характеристику преступности показателями структуры. На рис. 8 изображена динамика изменения структуры преступности по категориям в Российской

Федерации. Наиболее значимо изменяется удельный вес преступлений небольшой, средней и особой тяжести. Основную долю (около 70%) составляют преступления небольшой и средней тяжести.

Средние значения долей различных показателей преступности в общем числе зарегистрированных преступлений в 2017-2023 гг. по территориальным образованиям представлены в таблице 2.

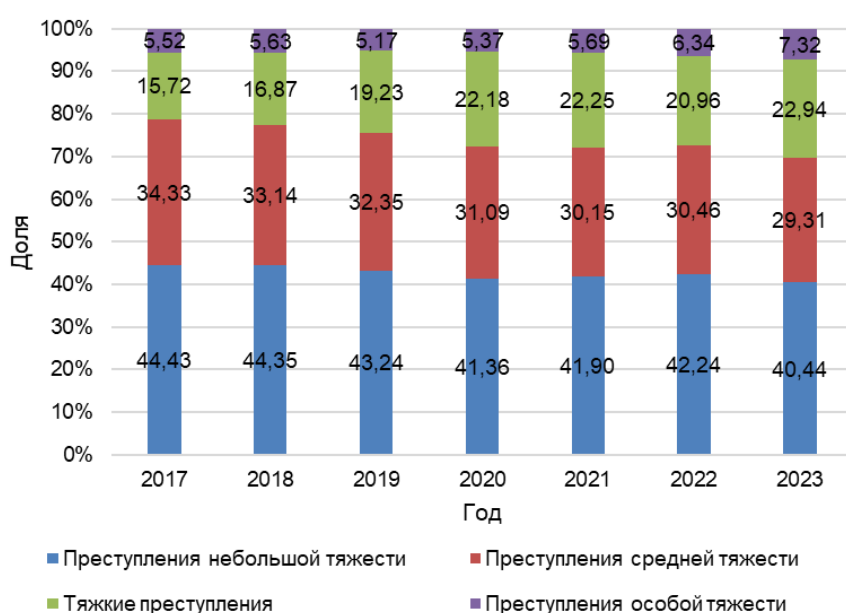

Рис. 8. Структурные изменения преступности по категориям в Российской Федерации в 2017-2023 гг.

Как можно заметить, структурный состав преступности имеет региональные различия, даже в рамках одного федерального округа.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Общее количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации и ее территориальных образованиях снижается. Данная положительная динамика отмечается как в значениях абсолютных показателей, так и индексных.

Увеличивается удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений.

Наибольший рост наблюдается в числе зарегистрированных хищений чужого имущества, совершенных путем мошенничества (ст. 159-159.6 УК РФ), где агломеративные различия весьма существенны.

Региональные тенденции развития преступности на примере Красноярского края демонстрируют высокую вариативность и зависимость как от внешних, так и внутренних факторов.

Таблица 2

Средние значения долей категорий и отдельных видов преступлений в общей численности зарегистрированных преступлений в рассматриваемых территориях Российской Федерации в 2017-2023 гг.

Показатель преступности	Российская Федерация, %	Сибирский ФО, %	Красноярский край, %
Преступления небольшой тяжести	42,58	41,99	37,94
Преступления средней тяжести	31,57	33,98	37,05
Тяжкие преступлений	20,00	19,17	19,15
Преступления особой тяжести	5,85	4,86	5,86
Убийства и покушения на убийство (ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ)	0,40	0,46	0,51
Преступления по ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	1,01	1,42	1,49
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью ст. 112 УК РФ	1,33	1,93	1,30
Умышленное причинение легкого вреда здоровью ст. 115 УК РФ	1,90	2,58	2,15
Преступления экономической направленности	5,41	3,60	3,55
Хищение чужого имущества, совершенное путем кражи ст. 158 УК РФ	35,44	26,28	38,37
Хищение чужого имущества, совершенное путем мошенничества ст. 159-159.6 УК РФ	17,11	9,80	15,44
Хищение чужого имущества, совершенное путем грабежа ст. 161 УК РФ	1,67	1,14	1,51
Хищение чужого имущества, совершенное путем разбоя ст. 162 УК РФ	0,24	0,16	0,23
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	9,37	7,88	8,52
Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия	1,19	1,15	1,28

Библиографический список

1. Бадов, А.Д. Региональные особенности преступности в России / А.Д. Бадов // Наука. Инновации. Технологии. – 2019. – N 1. – С. 77-90.
2. Заславская В.Л. Актуальные технологии, методы и приемы интеллектуального анализа данных / В.Л. Заславская // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 1. – N 11(131). – С. 151-164.
3. Исаченко, Е.А. Влияние региональных факторов на трансграничную преступность / Е.А. Исаченко // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2023. – N 1(62). – С. 59-63.
4. Многомерный статистический анализ показателей преступности в субъектах Российской Федерации в задаче синтеза оценки уровня криминогенности / А.С. Приказчикова, Г.С. Приказчикова, Р.Э. Асланов [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – N 1. – С. 18-29.
5. Практические аспекты статистического моделирования и прогнозирования преступности на основе данных рядов динамики / А.М. Терехов, С.И. Кувычков, Н.А. Миронов, С.А. Смирнов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – N 3(55). – С. 91-97.
6. Примакин, А.И. Применение математических методов в криминологических исследованиях (на примере коррупционных преступлений) / А.И. Примакин, А.Б. Ефимова // Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов в противодействии коррупции : материалы межведомственной научно-практической конференции / сост. А.Д. Рубан. – СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 181-187.
7. Стоун, Е.М. Региональные особенности современной преступности особой тяжести (по материалам Дальневосточного федерального округа) / Е.М. Стоун // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – N 42. – С. 81-89.
8. Филиппова, О.В. Методы изучения региональной преступности / О.В. Филиппова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2023. – N 48. – С. 75-83.

УДК 343.985.2

Наталья Вячеславовна ШЕПЕЛЬ,
доцент кафедры уголовного процесса
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
shepelnv@mail.ru

Марина Олеговна ЯНГАЕВА,
доцент кафедры криминалистики
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
marina-ymo@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОЗДАНИИ ДИПФЕЙКОВ

USING THE POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CREATING DEEPFAKES

Статья посвящена проблемам, связанным со стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, в том числе при создании звуковой информации дипфейка и использовании их в преступных целях. Авторами представлен обзор алгоритмов, применяемых для создания убедительной подделки голосовых сообщений, синтезированных с помощью искусственного интеллекта. В связи с этим разработка технологий, которые могут автоматически обнаруживать и оценивать звуковую информацию является актуальной. В статье представлен обзор методов для обнаружения дипфейка, рассмотрены тенденции и направления, применяемые с указанными технологиями.

The article is devoted to the problems related to the rapid development of artificial intelligence technologies, including the creation of deepfake audio information and their use for criminal purposes. The authors present an overview of the algorithms used to create convincing forgery of voice messages synthesized using artificial intelligence. In this regard, the development of technologies that can automatically detect and evaluate audio information is relevant. The article provides an overview of methods for detecting deepfake and considers trends related to these technologies.

Ключевые слова: дипфейк, искусственный интеллект, нейросети, звуковая информация, голос, преступление.

Keywords: deepfake, artificial intelligence, neural networks, audio information, voice, crime.

Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) с самого своего появления демонстрировали удивительные достижения в решении задач, с которыми, как традиционно считалось, способен справиться только человеческий разум. Не удивительно,

что с древних времен человек старался облегчить умственный труд, создавая простейшие формы искусственного интеллекта, такие как абак, калькулятор, которые обладали способностью решения ограниченного количества задач.

В настоящее время наблюдается стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и машинного обучения, которые все активнее проникают в нашу жизнь. По мере понимания ключевых свойств таких технологий появляются разные спектры моделей интеллектуальной деятельности мышления, в том числе применяемые в преступных целях.

Обращение к данным статистической отчетности на примере УМВД России по Калининградской области позволяют отметить актуальность преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По итогам 2023 г. количество зарегистрированных в регионе преступлений в данной сфере возросло в 1,6 раза (с 2596 до 4252)¹.

Телефонные звонки по схеме «Родственник попал в беду» все еще действуют, но постепенно уходят в прошлое. С недавних пор мошенники стали чаще использовать «дипфейк» – технологию, которая позволяет подделывать изображение и голос. Подавляющее большинство (62%) россиян уверены, что умеют отличать ложь (фейк) от правды². Однако в данном случае желаемое выдается за действительное.

В 2022 г. были выявлены почти 4 тысячи уникальных фейков, общее число копий фейковых сообщений составило порядка 10 миллионов. При этом специалисты прогнозируют ежегодное двукратное увеличение фейковой информации³. Ожидается многократный рост и «дипфейков», создаваемых с помощью технологий искусственного интеллекта⁴.

Вполне очевидно, что в сложившихся условиях юридическая наука не может оставаться в стороне от осмысления техно-

логии глубокого синтеза дипфейка. Термин «Deepfake» происходит от словосочетания «deep learning» («глубокое обучение») и слова «fake» (подделка). Дипфейк (deepfake) – методика синтеза изображения, основанная на технологии генеративно-состязательных нейросетей (GAN) [6, с. 93].

С использованием технологий искусственного интеллекта можно изготовить убедительные подделки изображения и голоса человека, которые в силу развития алгоритмов глубинного обучения становятся все более реалистичными [7, с. 144]. Одним из наиболее актуальных способов совершения преступлений является использование ИИ для подделки голоса и дальнейшей рассылки таких сообщений с просьбами о переводе денег. Так, злоумышленники подделали голос и видео жительницы г. Барнаула В. и смогли совершить кражу денег ее знакомых. Лже-сообщения получили десятки ее контактов из Телеграм-аккаунта, который был взломан. Пять человек откликнулись на просьбу, и на неизвестную карту отправили суммарно свыше 100 тысяч рублей⁵.

Развитие и внедрение в повседневную жизнь технологий искусственного интеллекта, в свою очередь, создает условия для расширения поля деятельности преступников. Актуальность таких технологий и проблемные аспекты их использования требуют совершенствования знаний правоохранителей в сфере цифровых технологий, в том числе при создании звуковой информации. В настоящее время в Государственную думу внесен законопроект, устанавливающий право на защиту голоса гражданина как объекта его личных неимущественных прав. Инициатива направлена на предотвращение недобросо-

1 Комплексный анализ состояния оперативной обстановки и результатов оперативно-служебной деятельности УМВД России по Калининградской области за 2023 год. URL: https://39.mvd.rf/activities/reports/main_reports/2023-god/informatsionno-analiticheskaya-zapiska (дата обращения: 03.09.2024).

2 Исследование: более 60% россиян уверены, что умеют отличать фейки от правдивых новостей // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14005711>.

3 В России к 2024 году число фейков может вырасти более чем в два раза. URL: <https://www.ap22.ru/paper/V-Rossii-k-2024-godu-chislo-feykov-mozhet-vyrasti-bolee-chem-v-dva-raza.html>.

4 Топ 5 фейков 2023 года: как не дать себя обмануть. URL: https://www.gosnews.ru/news/obshchestvo/top_5-feykov_2023_goda_kak_ne_dat_sebya_obmanut/ (дата обращения: 08.09.2024).

5 На Алтае зарегистрирован первый случай мошенничества с помощью искусственного интеллекта. URL: https://vk.com/wall-76916936_88591 (дата обращения: 26.09.2024).

вестного использования голоса. В документе подчеркивается: использование и распространение голоса гражданина, включая записи с голосом или воссозданные с помощью технологий голосовые имитации, возможны только с его согласия. После смерти это право переходит к его детям или супругу, а при их отсутствии – к родителям.

Вместе с тем в законопроекте указано, что если голос человека был использован без согласия и распространен в Интернете, гражданин может требовать удаления записи, запрета на ее дальнейшее использование и распространение. Пояснительная записка к законопроекту предлагает дополнить Гражданский кодекс РФ новой статьей 152.3, которая установит охрану голоса как объекта личных неимущественных прав гражданина по аналогии с его изображением. Кроме того, планируется ввести уголовное наказание за дипфейки, что нашло отражение в законопроекте N 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Предложенной законодательной инициативой планируется установить санкции за использование технологии подмены лица и голоса. Подмена голоса станет отягощающим обстоятельством.

Тот факт, что технология подделки голоса все чаще используется обычными людьми, а не специалистами, открывает путь для ее неправомерного использования и заставляет нас рассматривать дипфейк через призму уголовного закона. В уголовно-правовом контексте можно уверенно говорить о том, что дипфейк может выступать средством совершения любых преступлений, связанных с распространением недостоверной либо иной вредоносной информации. Рассмотрим некоторые из них.

1. Финансовые преступления. Существует несколько методов, которые используются преступниками для этой цели:

– фальсификация фотографий или видео в компрометирующей манере, когда пре-

ступники вымогают деньги у жертвы. Если деньги не будут уплачены, материалы будут отправлены всем их близким. Такая тактика все чаще используется в форме атаки программ-вымогателей Deepfake;

– обход аутентификации по Face ID, в частности, на сайтах онлайн-знакомств. Преступник получает доступ к конфиденциальной информации и реквизитам кредитной карты, что позволяет ему совершать платежи удаленно;

– использование программного обеспечения deepfake audio для имитации голоса высокопоставленного человека, например руководителя организации. Голосовой звонок или телефонный звонок с конкретными инструкциями по переводу денег на банковский счет преступника – основная форма этого преступления;

– использование инсайдерской информации от высокопоставленных должностных лиц организации или политических деятелей с целью манипулирования рынком. Выдавая себя за должностное лицо, преступник получает доступ к определенной информации, которая может дать ему преимущество в сфере торговли.

2. Вымогательство. Использование так называемых «deepnudes» фейковых интимных фотографий жертвы на основе ее реальных фото из социальных сетей, с целью шантажа и дальнейшего требования выкупа.

3. Кража личных данных. Использование изображения и голоса другого лица. Этот метод часто сочетается с мошенничеством, когда преступник выдает себя за другое лицо. Например, в марте 2019 г. с помощью дипфейковых видео управляющего директора британской энергетической компании было похищено около 240 миллионов долларов¹. В 2021 г. в Китае разоблачена группа мошенников, которые два года обманывали госсистему распознавания лиц с помощью технологии дипфейк, создающей реалистичные замены лиц на видео или заставляющей

¹ Мошенник подделал голос CEO и украл \$243 тыс. при помощи технологии deepfake // Inc. Russia. URL: <https://incrussia.ru/news/deepfake-moshennik-ukral-243-tys/>.

фотографии двигаться¹. Так, злоумышленники покупали фотографии реальных людей в высоком качестве в даркнете, затем «оживляли» их с помощью технологии дипфейк. Через специально перепрошитые смартфоны, у которых система распознавания лиц работает некорректно и принимает дипфейк за реальное лицо, подделывали налоговые накладные.

4. Политические манипуляции репутацией и мнением. Поддельный контент может быстро распространяться с помощью ботов и ферм троллей² для манипуляции будущим целой страны.

5. Не исключена возможность использования дипфейка при совершении должностных преступлений. Здесь наиболее наглядным примером может выступать использование технологии при служебном подлоге (например, для фальсификации приложений к официальному документу). Технология глубокого синтеза³ может быть также использована при совершении такого преступления, как фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности. В таких случаях современная редакция ст. 303 УК РФ позволяет надлежащим образом квалифицировать содеянное.

Для полного понимания технологии изготовления голосового дипфейка сотруднику правоохранительных органов необходимо обладать некоторыми техническими познаниями. Глубокое обучение успешно применяется для решения различных сложных задач, начиная от анализа больших данных и заканчивая компьютерным зрением [4, с. 83]. Рассмотрим некоторые аспекты копирования голоса на примере доступного цифрового хранилища. Связывание речи и текста – одна

из функций искусственного интеллекта, где в качестве прочтения текста на основе наборных данных содержится пара «текст-звуковая файловая запись». Проблемным вопросом в связывании текста и речи является сохранение характерных особенностей голоса. Когда человек общается по телефону, мозг, получая звуковой сигнал, оценивает тембр голоса, манеру разговора и интонацию, возникает уверенность в узнаваемости голоса. Отдельное внимание таким особенностям голоса уделяется при создании цифровой копии голоса, «переносе голоса» или «клонировании голоса». В числе основных форм переноса голоса используются автокодировщики, это тип нейронных сетей, сжимающие входные данные (часть Encoder) до компактного внутреннего представления, а затем посредством обучения учатся разжимать их из этого представления обратно (часть Dekoder), чтобы восстановить исходные данные. На вход модели заносятся две аудиозаписи, причем звук со второй записи наносится на первую. Из первого звука с помощью Content Encoder выделяется, что было произнесено, из второго с помощью Speaker Encoder выделяются характеристики получаемого голоса, т.е. речь определенного объекта. Декодером генерируется, что говорит объект и как он это говорит. В итоге получается, что имеющееся в первой записи произносится голосом объекта из второй записи. Существуют и другие способы, например, основанные на генеративно-состязательных сетях (GAN) или диффузионных моделях⁴.

В сети Интернет имеется достаточное количество бесплатных и открытых инструментов, но качественный звуковой дипфейк создать при помощи доступного инструмен-

1 Мошенники в Китае с помощью дипфейков обманули госсистему распознавания лиц на \$76,2 млн // Право на vc.ru/ URL: <https://vc.ru/legal/228953-moshenniki-v-kitae-s-pomoshyu-dipfeikov-obmanuli-gossistemu-raspoznavaniya-lits-na-762-mln>.

2 «Ферма троллей» или «фабрика троллей» – это организованная группа интернет-троллей, которая стремится повлиять на политические взгляды и принятие решений. Интернет-троль – это человек, который намеренно публикует оскорбительные или провокационные сообщения в интернет (в социальных сетях, новостной группе, форуме, чате, онлайн-игре).

3 Технология глубокого синтеза (Deep Synthesis) – это технология, позволяющая использовать алгоритмы глубокого обучения и иные алгоритмы генерации и синтеза для создания текста, изображений, аудио, видео, виртуальных сцен и других информационных объектов.

4 МВД занялось системой распознавания фейковых видео. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Зеркало_\(Верблюд\)_система_МВД_для_распознавания_фейковых_видео](https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Зеркало_(Верблюд)_система_МВД_для_распознавания_фейковых_видео) (дата обращения: 23.09.2024).

та совсем не просто. Человеку необходимо владеть навыками программирования на «Python» и иметь опыт работы в программах по обработке звука, но и в этом случае результат будет не сильно убедительным. Для создания высококачественного звукового дипфейка необходимо обратиться к закрытым и платным сервисам. Например, Microsoft в 2023 г. представил алгоритм, способный по звуку продолжительностью всего три секунды воспроизвести голос человека, причем на разных языках. Этот сервис пока еще не доступен пользователям, так как Microsoft продолжает исследования по совершенствованию сервиса. В рамках реализации подобных программ действует платформа ElevenLabs, которая на своем сайте дает возможность изготовления голосовых дипфейков. Для этого лицу при подготовке к преступлению достаточно загрузить аудиозапись голоса потенциальной жертвы продолжительностью не менее пяти минут и необходимый для озвучивания текст. Коротких, отрывочных фраз для этой платформы будет недостаточно, поскольку ElevenLabs приняла меры для ограничения доступа к своему сервису и изменили правила его пользования, блокируя доступ анонимным пользователям, которые создают дипфейки на основе самостоятельно загруженных голосов [5, с. 58].

Особое место занимает способ генерации звука с помощью искусственного интеллекта старых голосовых сообщений владельцев аккаунтов сетей Telegram, WhatsApp. Этот способ позволяет убедительно просить в долг или на благотворительность деньги у списка контактов. Эта схема считается новой для нашей страны. Сначала злоумышленники получают доступ к аккаунту, затем присылают потенциальным потерпевшим из круга контактов его владельца просьбу о переводе определенной суммы денег с генерируемым голосом, отправляют банковскую карту с нужными реквизитами. Аудиосообщение дублируется в личную переписку и во все чаты, где состоит владелец аккаунта. Схема опасна тем, что мошенники используют несколько факторов идентификации жертвы – аккаунт, голос и банковскую карту, соответственно, для при-

готовления к преступлению злоумышленнику необходимо иметь готовый текст и образец голоса потерпевшего, образцы фотографий и банковских карт, что в дальнейшем может стать доказательством приготовления к преступлению [2, с. 50].

В обязательном порядке при совершении преступления лицу необходимо донести звуковую информацию до потерпевшего, для этого используется телефонная связь, посредством IP (Internet Protokol) телефонии, основанная на принципах передачи голосовой информации в сетях с пакетной коммутацией. Устройствам в сети присваивается IP-адрес, уникальный код, по которому разные устройства опознают друг друга, передавая голос. Компания провайдер владеет и подключает пользователей к IP-телефонии, которая соединяет абоненты с IP-адресом с помощью специального оборудования. Суть заключается в том, что абонент номер один, набирая абонента номер два, направляет запрос провайдеру со своим IP-адресом. Далее провайдер находит его в сети и устанавливает интернет-связь между ними. Голос абонента номер один переводится в цифровой аудиофайл. Провайдер отправляет аудиофайл на компьютер или телефон абонента. Для того чтобы воспользоваться IP-телефонией, нужно подобрать поставщика услуги, заключить с ним договор, зарегистрировать личный кабинет, выбрать тарифы и опции, приобрести IP-телефон, который преобразует аналоговый сигнал в цифровой и отправляет его через Интернет. В заключение установить софтфон, специальное программное обеспечение, с помощью которого можно звонить с компьютера или смартфона. Установить автоматическую телефонную станцию с помощью, которой можно объединить в работу сразу нескольких сотрудников или подразделений. Это даст возможность принимать большое количество звонков одновременно при возможности сохранения записи разговора. В настоящее время IP-телефония активно используется злоумышленниками с функцией подмены номера телефона, когда абонент, получающий вызов, видит известный ему номер [3, с. 204].

Масштабный механизм по вовлечению граждан в преступную деятельность с использованием ИИ для подделки голоса и рассылки голосовых сообщений с просьбами о переводе денег предопределил необходимость разработки мер борьбы с ними. Так, особую актуальность на данный момент приобретает разработанная система «Антифрод», которая используется для блокировки звонков и SMS с подменных номеров. В 2023 г., по данным Роскомнадзора, система предотвратила более 756 миллионов вызовов телефонных мошенников, самый большой объем которых производился через операторов связи, имеющих небольшое количество абонентов, в основном направляющих эти вызовы транзитом абонентам крупных операторов¹.

В феврале 2024 г. крупные мобильные операторы стали пропускать мошеннические звонки чаще, в отличие от небольших операторов. Как пояснил мобильный оператор «Мегафон», мошенники продолжают звонить, как с подменой номера на нумерацию малых операторов, не подключенных к «Антифроду», так и без подмены с SIM-карт крупных операторов. В «ВымпелКоме» отметили, что мошенники научились получать доступ к личному кабинету абонента, создавать и использовать несколько виртуальных номеров. В начале февраля 2024 г. к «Антифроду» были подключены более 700 телекоммуникационных операторов, это чуть выше половины всех имеющихся компаний в России [1, с. 138].

На фоне сложившейся ситуации для решения проблемы распознавания дипфейков МВД России начало использовать разработку АО «Научно-промышленной компании «Высокие технологии и стратегические системы» «Зеркало» («Верблюд»). Эта разработка предназначена для выявления поддельных голосовых сообщений и видеороликов в рамках проведения видеотехнической экспертизы. Кроме того, задачами технологии будут являться:

- проведение теоретических и экспериментальных исследований по изучению вопроса выявления признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений, выполненного с помощью нейронных сетей;

- проведение анализа информации о технологиях применения искусственного интеллекта при выполнении монтажа видеоизображений;

- изучение и систематизирование данных о зарубежном опыте исследований в области выявления признаков монтажа видеозаписей, в том числе выполненного с помощью нейронных сетей;

- проведение анализа имеющихся на российском рынке разработок в области выявления признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений, в том числе выполненного с помощью нейронных сетей;

- определение наличия возможности проведения экспертного исследования цифровых видеозаписей, созданных с помощью нейронных сетей, содержащихся в видео-файлах распространенных форматов и представленных при отсутствии информации об обстоятельствах их получения, в том числе из интернет-ресурсов;

- определение комплекса диагностических признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений, выполненного с помощью нейронных сетей, в том числе визуального синтеза человеческого образа;

- определение способа выявления признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений, выполненного с помощью нейронных сетей, учитывая дальнейшее развитие и совершенствование искусственного интеллекта;

- определение критериев пригодности видеоизображений, ограничивающие использование установленных способов анализа. Одновременно АНО «Диалог Регионы» разработал систему «Зефир», которая распознает дипфейк и реальные видео- или аудиозаписи².

1 Система Роскомнадзора «Антифрод» заблокировала свыше 260 млн звонков мошенников. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17953897> (дата обращения: 02.09.2024).

2 Не верь ушам своим: голосовые дипфейки. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/audio-deepfake-technology/35694> (дата обращения: 20.08.2024).

Таким образом, противодействие преступной деятельности с использованием возможностей искусственного интеллекта, в том числе с созданием звуковой информации, требует системного подхода и изучения различных аспектов данного явления.

Анализ способов и механизмов формирования дипфейков позволит выявить уязвимые места в его технологии, способствовать более эффективному выявлению и расследованию преступлений. Также необходимо отметить проблемные аспекты перспективы развития дипфейков, они таковы, что в ско-

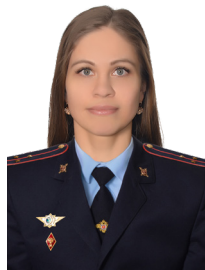
ром времени появится генерация голоса в реальном времени, в результате дистанционное мошенничество и другие виды преступлений, в совершении которых используется клонированный голос, возрастет в разы. Модели для создания дипфейков постоянно совершенствуются, а качество неуклонно растет. Востребованность в выявлении таких технологий искусственного интеллекта у правоохранительных органов достаточно велика, необходимо создавать методики для предотвращения противоправного использования таких технологий.

Библиографический список

1. Абдраязпов, Р.Р. Привлечение к ответственности операторов связи за подмену абонентского номера как одно из средств профилактики телефонных мошенничеств / Р.Р. Абдраязпов // Аграрное и земельное право. – 2023. – N 6 (222). – С. 138-139.
2. Буграева, А.Р. Особенности уголовно-правовой квалификации преступлений, совершенных с использованием DEEPFAKE технологий / А.Р. Буграева // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 18-19 мая 2021 г. / под ред. Т.А. Огарь, Д.М. Кокина. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2021. – Ч. 2. – С. 48-51.
3. Гайдин, А.И. Механизм хищений денежных средств, совершаемых с использованием технологий IP-телефонии и программ подмены номеров / А.И. Гайдин, И.С. Звягин, И.С. Садырин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – N 3. – С. 202-206.
4. Довгаль, В.А. Применение глубокого обучения для создания и обнаружения поддельных изображений, синтезированных с помощью искусственного интеллекта / В.А. Довгаль // Вестник АГУ. – 2021. – N 4 (291). – С. 82-94.
5. Киселев, А.С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности / А.С. Киселев // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – N 3. – С. 54-64.
6. Красовская, Н.Р. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере / Н.Р. Красовская, А.А. Гуляев // Власть. – 2020. – N 4. – С. 93-98.
7. Лемайкина, С.В. Проблемы противодействия использования дипфейков в преступных целях / С.В. Лемайкина // Юристъ-Правоведъ. – 2023. – N 2 (105). – С.143-148.

УДК 343.9

Екатерина Закариевна СИДОРОВА,
заместитель начальника кафедры уголовного права
и криминологии Восточно-Сибирского института
МВД России (г. Иркутск),
кандидат юридических наук, доцент

ketrik6@mail.ru

СКУЛШУТИНГ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

SCHOOLSHOOTING AS A FORM OF EXTREMISM IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

В настоящее время образовательная среда подвержена воздействию большого количества негативных факторов и угроз, главенствующее место среди которых занимает экстремизм, находящий отражение в том числе в скулшутинге, которому способствует наличие ряда неразрешенных проблем. Автор акцентирует внимание на детерминационном комплексе, который порождает скулшутинг, и аргументирует необходимость противодействия скулшутингу именно путем борьбы с обозначенными в статье детерминантами изучаемого явления.

Ключевым выводом проведенного исследования выступает авторский тезис о том, что для обеспечения высокого уровня безопасности в образовательных организациях необходимо предпринимать для этого все возможные меры профилактики, и борьба со скулшутингом должна лежать в основе такой профилактики. Противодействие скулшутингу должно осуществляться путем применения комплексного подхода; к разрешению данной проблемы требуется подключение большого числа субъектов (родителей, психологов, учителей, руководителей образовательных организаций, представителей органов власти и т.д.).

Currently, the educational environment is exposed to a large number of negative factors and threats, the dominant place among which is occupied by extremism, which is reflected, among other things, in schoolshooting, which is facilitated by the presence of a number of unresolved problems. The author focuses on the determinative complex that generates schoolshooting, and argues for the need to counteract schoolshooting precisely by combating the determinants of the phenomenon under study indicated in the article.

The key conclusion of the study is the author's thesis that in order to ensure a high level of safety in educational institutions, it is necessary to take all possible preventive measures for this, and the fight against schoolshooting should be the basis of such prevention. Countering schoolshooting should be carried out by applying an integrated approach; solving this problem requires the involvement of a large number of subjects (parents, psychologists, teachers, heads of educational organizations, government representatives, etc.).

Ключевые слова: скулшутинг, экстремизм, безопасность, образовательные организации, школа, обучающиеся, буллинг.

Keywords: schoolshooting, extremism, security, educational organizations, school, students, bullying.

Обращаясь к проблематике скулшутинга, необходимо сказать об актуальности данного исследования. В наше время массовая культура пропагандирует различные деструктивные направления общественной жизни, такие как употребление наркотиков, алкоголя, насилие, беспорядочные половые связи, аморальное поведение. При этом наибольшую опасность пропаганда подобного поведения представляет именно для представителей молодого поколения. Очень часто юношеский максимализм вкупе с малым жизненным опытом приводит к возникновению различных негативных девиаций. Одной из наиболее опасных форм девиантного поведения подростков является скулшутинг. Скулшутинг (от англ. School – школа, Shooting – стрельба) – нападение внутри образовательной организации с применением огнестрельного оружия.

В научной литературе уже обсуждался вопрос о необходимости обеспечения криминологической безопасности образовательной среды от различного рода угроз и опасностей [подр.: 13, с. 60]. Такая безопасность должна обеспечиваться целым комплексом действий, которые нередко зависят от самих участников образовательных отношений. Реализуемая превентивная деятельность должна, несомненно, строиться на соответствующей юридической базе, о чем правоведы неоднократно говорили [подр.: 15, с. 108]. Для того чтобы эффективно противодействовать тем или иным криминальным угрозам, создающим опасность для образовательной среды, требуются соответствующие правовые предписания, которые должны быть разработаны на основе проведенных научных исследований по обозначенной проблематике.

Новизна работы заключается в том, что в представленном исследовании сделан акцент на детерминационном комплексе, который порождает скулшутинг, и говорится о необходимости противодействия скулшутингу именно путем борьбы с обозначенными детерминантами. Цель работы заключается в анализе отдельных характеристик такого негативно-социального явления современности, как скулшутинг, и выдвижении предложений по

борьбе с ним. На наш взгляд, именно в этом заключается практическая значимость подобных исследований, поскольку их результаты могут быть применены в реальной жизни при осуществлении профилактики экстремизма в образовательной среде.

Проблематике противодействия скулшутинга в научной литературе уделено достаточно много внимания, что объясняется актуальностью обозначенной проблематики. Как зарубежные [1; 2; 10], так и отечественные [5; 6] криминологи и социологи подчеркивают, что борьба со скулшутингом является в настоящее время необходимым условием для обеспечения безопасности образовательной среды. Так, А.А. Коновалова, О.Г. Савчишкина отмечают, что скулшутинг – совершение массовых убийств учащихся и персонала образовательных организаций, которые проводятся учащимися или посторонними лицами, проникшими в школу с оружием [8, с. 105].

Методы исследования выражаются в виде комплексного подхода к изучению обозначенной проблематики, в представлении и анализе актуальных примеров скулшутинга. Автор выявляет корреляционные связи между поведением скулшутера и теорией социальной интеграции Э. Дюркгейма. В работе использованы общенаучные методы анализа, индукции и дедукции, метод изучения мнений различных ученых по обозначенной проблематике.

Независимо от того, что именно толкает подростков на совершение преступлений, выражающихся в скулшутинге, их девиантное поведение неразрывно связано со степенью социализации и восприятия их внутри семей, а также учебных и рабочих коллективов.

В настоящее время продолжается серьезная дискуссия на тему того, кто же все-таки ответственен за воспитание и социализацию детей. С одной стороны, родители как наиболее близкие для подростка в физическом и нравственном плане люди обязаны в полной мере обеспечивать ребенку полноценную заботу, базовую социализацию и образование.

С другой стороны, семья является достаточно узким кругом людей, педагогический потенциал которых нередко исчерпывается

по достижению ребенком переходного возраста. Внутри семьи практически невозможно обеспечить полноценную социализацию подростка, поскольку для формирования мировоззрения и навыков коммуникации необходимо контактировать с широким кругом лиц с разными взглядами, убеждениями и коммуникативными особенностями.

Таким образом, в период начала формирования личности, то есть в возрасте от семи до десяти лет, единственным эффективным и доступным способом социализации детей выступает обучение в школе. Попадая в полноценный коллектив, ребенок учится взаимодействовать как со сверстниками, так и со взрослыми в самых различных аспектах.

Однако наблюдаемые неблагоприятные тенденции, связанные с повышением уровня преступности, насилия и нетерпимости в подростковой среде, прямо сигнализируют о кризисе педагогической системы и семейного воспитания.

Скулшутинг как одно из проявлений подростковых девиаций также является прямым следствием этого кризиса. Как показывает практика, большинство совершенных преступлений произошли из-за безразличия родителей и педагогов, о чем говорят проведенные научные исследования [9, с. 42].

Проблемы во взаимоотношениях подростков возникают неизбежно, однако в последнее время далеко не всегда педагоги компетентны в решении таких проблем. В рамках внутришкольных взаимоотношений главной проблемой и причиной возникновения преступных девиаций всегда был и остается буллинг, или психологическая травля.

Многие дети в России так или иначе сталкиваются с психологической травлей, однако получить достоверные данные о масштабах данной проблемы достаточно трудно.

Кроме того, при возникновении буллинга в стенах образовательной организации школам попросту не хватает ресурсов для решения проблемы.

Однако, по нашему мнению, основным фактором, обуславливающим данную проблему, прежде всего является нежелание некоторых работников образовательных орга-

низаций решать их. Ввиду специфики работы учителей, в рамках которой они должны не только непосредственно преподавать и воспитывать, им приходится также выполнять обязанности методистов, а именно составлять планы и самостоятельно организовывать учебный процесс. При этом некоторые учителя отказываются воспринимать и интегрировать актуальные образовательные тенденции, что приводит как к снижению уровня эффективности системы образования, так и к подрыву авторитета учителя в глазах обучающихся.

Данная проблема непосредственно касается и родителей, которые ввиду чрезмерной загруженности, а также безразличия и отсутствия способности адекватного восприятия подростковых проблем, в ряде случаев пренебрегают обеспечением социализации своих детей, считая это обязанностью педагогов. По мнению специалистов, родители, отказывающиеся помогать детям в решении проблем либо не воспринимающие всерьез их слова и поступки, считая их несерьезными издержками пубертатного периода, допускают катастрофическую ошибку в воспитании своего ребенка, которая может обернуться страшными последствиями [7, с. 78].

Все вышеперечисленное рано или поздно приводит к тому, что подросток замыкается в себе, начинает развивать в себе ненависть и агрессию, что в конечном итоге может привести к тому, что подросток выплеснет это на окружающих тем или иным способом.

Подростковый экстремизм, а в частности скулшутинг, является закономерным итогом данной проблемы. Затравленный и запуганный подросток, сталкиваясь с неспособностью педагогов помочь ему, а также с безразличием родителей и членов семьи, спокойно может взять в руки оружие и без колебаний устроить самосуд над обидчиками и просто не симпатизирующими ему лицами.

На наш взгляд, скулшутинг является одной из многих проблем, которые вызваны кризисом семьи и педагогической системы. Помимо того, что некомпетентность и безразличие являются одними из основных причин возникновения и развития таких проблем, они

же являются и теми обстоятельствами, которые препятствуют выявлению, пресечению и профилактике совершения преступлений, связанных с нападениями на образовательные организации.

Практически все совершенные преступления можно было предотвратить, так как признаки подготовки к их совершению постоянно замечались как сверстниками, так и педагогами и родителями стрелков, однако безразличие и нежелание уже неоднократно приводило к человеческим жертвам.

Важно подчеркнуть, что большая часть скулшутеров после нападения заканчивают жизнь самоубийством. Незначительная часть из них погибают в перестрелке с полицией либо задерживаются живыми и приговариваются к большим тюремным срокам и принудительному лечению.

Сопоставлять скулшутинг и теорию социальной интеграции одним из первых предложил американский психолог и юрист департамента уголовного права Университета Нью-Йорка Джоэл Каппелан. В рамках докторской диссертации он предположил, что по ряду психологических признаков поведение скулшутера во многом похоже на поведение самоубийцы: типичный убийца, совершив преступление, всячески старается скрыть его следы, тогда как типичный скулшутер ведет себя ровно наоборот [3].

Как и самоубийство, скулшутинг обладает схожим посылом. По сути, это некий протест против отвергнувшего стрелка мира, только в случае суицида он направлен на попытку ухода от раздражающих субъекта факторов, тогда как скулшутинг направлен на их уничтожение.

В целом в западных работах, посвященных тем же стрелкам, отмечается, что человек, идущий совершать массовое убийство, на самом деле всегда совершает самоубийство [4, р. 8]. Либо оно буквальное – человек готов к тому, что его убьют при задержании, либо символическое – ведь таким, как был до преступления, человек никогда не будет. То есть шутинг – это всегда суицид. И всегда есть комплекс факторов, которые человека к этому подталкивают.

Практически полное совпадение обнаруживается с теорией социальной интеграции Э. Дюркгейма. Исходя из этой теории, основной причиной суицидов является недостаток или избыток регуляции или интеграции.

Проанализировав криминологические составляющие совершенных нападений, Каппелан приходит к выводу о том, что скулшутинг является экстремальной формой суицида, вызванный недостатком социальной интеграции [3]. Поскольку степень социальной интеграции является достаточно широкой категорией, этим и объясняется значительная дифференциация субъектов скулшутинга, что дополнительно позволяет связать поведение стрелков с поведением самоубийц.

С теорией Дюркгейма также можно связать и то, что субъекты преступлений в основном являются выходцами из благополучных семей. По мнению Дюркгейма, количество самоубийств напрямую зависит от степени социального благополучия, так как общие трудности, в виде войны или попросту неблагоприятных условий жизни, больше укрепляют степень интеграции людей в общество [11, с. 96].

Как правило, выходцы из неблагополучных семей реже подвержены как суицидам, так и скулшутингу, чего не скажешь о подростках, растущих в полных и обеспеченных семьях.

Таким образом, можно провести еще одну параллель с теорией Дюркгейма, выражающуюся в том, что ввиду значительных социальных преобразований, произошедших в обществе в последние десятилетия, значительно выросла доля индивидуализма в общественных отношениях.

Все это приводит к тому, что, избавившись от диктата семьи и религии и получив нравственную свободу и независимость, люди приобрели и значительно большую чувствительность восприятия. В настоящее время гораздо легче ощущать себя изгоем, не имея на это объективных оснований, что приводит к значительному повышению степени развития девиантного поведения в подростковой среде. И проявляется это в том числе в случаях скулшутинга.

На наш взгляд, скулшутинг является одной из многих проблем, которые вызваны кризисом семьи и педагогической системы. Помимо того, что некомпетентность и безразличие являются одними из основных причин возникновения и развития таких проблем, они же являются и теми обстоятельствами, которые препятствуют выявлению, пресечению и профилактике совершения преступлений, связанных с нападениями на образовательные организации.

В свете всего вышесказанного подчеркнем, что в научной литературе обоснованно указывается, что в настоящее время образовательная среда подвержена воздействию большого количества негативных факторов и угроз, главенствующее место среди которых занимает экстремизм, находящий отражение в том числе в скулшутинге [подр.: 14, с. 64]. На наш взгляд, для того чтобы обеспечить высокий уровень безопасности в образовательных организациях, необходимо предпринимать для этого все возможные меры профилак-

ки. И борьба со скулшутингом должна лежать в основе такой профилактики.

Следует заключить, что скулшутингу способствует наличие ряда неразрешенных проблем, в том числе связанных с буллингом в школах, а значит, в настоящее время существует острая необходимость борьбы с подобными явлениями, угрожающими безопасности и стабильности развития образовательной среды. Противодействие скулшутингу должно осуществляться путем применения комплексного подхода, на что специалисты уже обращали свое внимание [12, с. 74]. К разрешению данной проблемы требуется подключение большого числа субъектов (родителей, психологов, учителей, руководителей образовательных организаций, представителей органов власти и т.д.). Только при комплексном подходе к вопросу обеспечения безопасности образовательной среды от скулшутинга возможно противодействовать данному явлению.

Библиографический список

1. Alexander, B.A. Public School Preparedness for School Shootings: A Phenomenological Overview of School Staff Perspectives / B.A. Alexander, H. Harris // *School Mental Health*. – 2020. – Vol. 12. – N 3. – P. 595-609.
2. Aliev, R.T. Crossing the Threshold: School Shooting as a «Ritual of Chiral Initiation» / R.T. Aliev // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2023. – Vol. 5. – N 3. – P. 221-245.
3. Koehler, G. The Politics of Social Inclusion: Bridging Knowledge and Policies Towards Social Change / Gabriele Koehler, Alberto D. Cimadamore, Fadia Kiwan, Pedro Manuel Monreal Gonzalez (Eds.). – Monreal, 2020.
4. Walters, A.S. Talking with youth about school shootings: Taking initiative in the new school year / A.S. Walters // *The Brown University Child and Adolescent Behavior Letter*. – 2022. – Vol. 38. – N 10. – P. 8-12.
5. Бочарникова, И.С. Скулшутинг как социальная проблема / И.С. Бочарникова // *Теория и практика общественного развития*. – 2023. – N 7(183). – С. 43-47.
6. Джафарова, А.А. Скулшутинг среди преступлений, совершенных молодыми людьми: причины и основные направления борьбы / А.А. Джафарова // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина*. – 2023. – N 3. – С. 40-44.
7. Залужная, М.В. Ответственное родительство в контексте российских реалий / М.В. Залужная, М.В. Заярная // *Современные проблемы науки и образования*. – 2019. – N 4. – С. 77-85.
8. Коновалова, А.А. Скулшутинг или причины массовых убийств школьниками / А.А. Коновалова, О.Г. Савчишкина // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2023. – N 10-3(85). – С. 104-106.

9. Кравченко, Е.В. Виктимологические аспекты вооруженной преступности / Е.В. Кравченко, А.Б. Кодзов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – N 10(137). – С. 102-105.
10. Маликов, Ж.А. Скулшутинг ұғымы және алдын алу жолдары / Ж.А. Маликов, С.К. Күмісбеков // Хабаршы-Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2022. – N. 4(78). – Р. 185-191.
11. Сергеева, А.И. Осмысление суицида в контексте учения Эмиля Дюркгейма / А.И. Сергеева // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2018. – N 2(10). – С. 95-99.
12. Пушкарёв, А.Л. Скулшутинг: криминологическая характеристика и предупреждение / А.Л. Пушкарёв // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2020. – N 2(39). – С. 73-75.
13. Сидорова, Е.З. Криминологическая безопасность образовательных организаций: проблемы понятийного аппарата / Е.З. Сидорова // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – Т. 16. – N 1. – С. 60-65.
14. Сидорова, Е.З. О противодействии экстремизму и терроризму в образовательной среде на современном этапе / Е.З. Сидорова // Социально-психологические аспекты профилактики и разрешения конфликтов : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск, 2023. – С. 64-69.
15. Сидорова, Е.З. Правовые основы государственного и муниципального управления в сфере образования / Е.З. Сидорова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – N 3(98). – С. 107-112.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

УДК 342.77

Селди Короглуевич АГАРЗАЕВ,
адъюнкт кафедры управления органами
внутренних дел в особых условиях центра
командно-штабных учений Академии
управления МВД России (г. Москва)
agarzaev024@gmail.com

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕЖИМА ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

PARTICIPATION OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ENSURING THE MARTIAL LAW REGIME AT THE PRESENT STAGE: THEORETICAL, LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Статья посвящена исследованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по участию в обеспечении режима военного положения. Осуществляется краткий анализ современных угроз и опасностей для Российской Федерации, которые имеют прямой и скрытый характер. Подвергнуты анализу правовые и организационные аспекты исследуемой деятельности в соответствии с новыми вызовами и угрозами общественной безопасности. Обращается внимание на трансформации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в связи с введением многоуровневой системы реагирования. Формулируются рекомендации по повышению эффективности деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности от современных угроз и выполнению задач по обеспечению режима военного положения в условиях гибридной прокси-войны.

The article is devoted to the study of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation to participate in ensuring the martial law regime. A brief analysis of modern threats and dangers for the Russian Federation, which have direct and latent nature, is carried out. The legal and organizational aspects of the activity under study are analyzed in accordance with new challenges and threats to public safety. Attention is drawn to the transformation of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in connection with the introduction of a multi-level response system. The recommendations are formulated to improve the effectiveness of the activities of internal affairs bodies to ensure public safety from modern threats and fulfill the tasks of providing martial law regime under conditions of a hybrid proxy war.

Ключевые слова: правовой режим, военное положение, гибридные угрозы, особые условия, органы внутренних дел, полиция, безопасность.

Keywords: legal regime, martial law, hybrid threats, special conditions, internal affairs bodies, police, security.

Объективный анализ истории становления и развития российской государственности показывает, что на долю нашей страны приходится значительное количество нелегких испытаний. На протяжении многих веков одной из основных задач для населения России являлось отстаивание суверенитета и территориальной целостности, что не являлось исключительной самоцелью, а было жизненно необходимо как средство выживания многонационального народа.

В истории мы находим многочисленные примеры защиты свободы и независимости России от внешних агрессоров. Нередко для отражения агрессии государство вынуждено было применить весь потенциал сил и средств, находящихся в стране. Отсюда становится понятным, какую большую роль в военной безопасности имели органы государственной власти на всем историческом этапе развития России.

Следует признать, что военные угрозы и опасности не минуют Россию и сегодня. Неблагоприятная геополитическая ситуация, развитие конфликтности с США и Организацией Североатлантического договора (далее – НАТО), сопровождаемые наложением многочисленных санкций на Россию, чреватые усилением глобальной конкуренции, изменением структуры мировых рынков и сжатием сырьевой ренты, оказывают отрицательное воздействие на внутреннюю обстановку в Российской Федерации, на ослабление экономического, научного, технологического потенциалов и на обеспечение национальной безопасности.

Опровергая обывательское утверждение о том, что в настоящее время война против России невозможна, уместно привести тезис из речи Президента Российской Федерации В.В. Путина в Послании к Федеральному Собранию, где было отмечено: «Россия никому не угрожает, а все наши действия в сфере безопасности носят исключительно ответный, а значит, оборонительный характер. Мы не

заинтересованы в конфронтации и не хотим ее ... Но, похоже, наши партнеры не замечают, как и какими темпами меняется мир, куда он движется. Они продолжают свою разрушительную и явно ошибочную политику»¹. Попытки стратегического сдерживания и ослабления экономического потенциала нашей страны изначально привели к существенным противоречиям, что к настоящему времени выразилось в прямых военных угрозах для России. Становится понятной актуальность современных событий на Украине. Начатая 24 февраля специальная военная операция на Донбассе к концу 2022 года не только получила новый статус по защите вновь образованных субъектов Российской Федерации, но и все больше входит в открытое противостояние с НАТО. Именно так можно трактовать слова генсека НАТО Й. Столтенберга о том, что победа России на Украине будет означать поражение альянса, сказанные им на пресс-конференции в Брюсселе перед заседанием министров обороны стран НАТО 11 октября 2022 года².

Рассматривая потенциальные военные угрозы безопасности, следует обратить внимание на то, что классический вариант развязывания агрессии сегодня заменен на латентную и долгосрочную, реализуемую посредством эскалации внутренних вооруженных конфликтов в приграничных государствах, милитаризацию соседних стран и их подготовку к широкомасштабной войне против Российской Федерации, раскачивание внутригосударственной стабильности путем обострения межэтнических и межнациональных конфликтов, проведения террористических и экстремистских акций. В рамках отдельной статьи охватить все аспекты заявленной тематики не представляется возможным, в связи с чем следует выделять ряд основных.

Развитие теоретических вопросов военного положения и его обеспечения органами внутренних дел направленно на переосмыс-

1 Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 20.02.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 10.09.2024).

2 В НАТО заявили, что победа РФ на Украине станет поражением альянса. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2727617/> (дата обращения: 10.11.2023).

ление института военного положения ввиду произошедших изменений в концепции современных войн, их усложнения посредством слияния различных, в том числе латентных, методов противоборства, что в настоящее время совокупно характеризуется концепцией гибридной прокси-войны. Одним из направлений развития мысли в контексте противодействия современным угрозам военной безопасности является эволюция в содержании института военного положения и его наделение новым отличительным признаком многоуровневости [1, с. 14]. По мнению ряда ученых, с которыми мы согласны, отмеченные вопросы подлежат закреплению в соответствующих нормативных правовых актах [2, с. 206; 7, с. 46].

«В первую очередь нам на сегодняшний день нужно переоценить угрозы», – пояснил С.А. Меликов на вопросы журналистов после осмотра объектов г. Махачкалы и г. Дербента, подвергшихся атаке террористов 23 июня 2024 г., в ходе отражения которой погибли 16 сотрудников органов внутренних дел, представленных к государственным наградам посмертно. Глава Республики Дагестан также добавил: «Если нас сегодня сложно достать «Atacms», «Himars» и беспилотными системами, то нас пытаются достать и раскачать способом, который был применен и использован вчера»¹. Именно неявными способами, включающими методы информационного, идеологического, экономического, террористического и иного характера, применяющимися комплексно и планируемыми на долгосрочный период, достигаются стратегические интересы современных государств.

Изложенное позволяет констатировать, что современная ситуация в мире и, в частности, вокруг России однозначно свидетельствует о наличии объективных угроз для нашего Отечества. Осуществляя защиту независимости и территориальной целостности государства, обеспечивая безопасность личности и населения Президент Российской

Федерации предпринял ряд мер политического, военного, экономического, дипломатического и иного характера.

Темпы развития и видоизменения общественных отношений достигли оборотов, превышающих научно-исследовательские и теоретико-правовые возможности их осмысления и выработки ответных мер реагирования. В этой связи правовое регулирование осуществляется *de facto* сложившихся общественных отношений. Соответствующие тенденции имеют проявления в сфере обеспечения общественной безопасности и правопорядка органами внутренних дел Российской Федерации при реагировании на новые вызовы и угрозы различного характера.

Как известно, основным субъектом по защите от внешних угроз являются Вооруженные Силы Российской Федерации. Однако исключительно военными силами на театрах военных действий обеспечить в настоящее время национальную безопасность невозможно. В этой связи для обеспечения защиты прав и свобод граждан России, для создания условий процветания и развития нашего государства привлекаются и иные силовые, политические и общественные организации. Данные положения были выделены в выступлении Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России, где было отмечено, что необходимо «вывести на новый уровень обеспечение правопорядка и безопасности ... и ключевую роль в решении этой задачи призваны играть органы внутренних дел. Подчеркну, у МВД значительный опыт и полномочия в сфере обеспечения общественной безопасности»².

Поскольку органы внутренних дел ключевым образом предназначены для обеспечения защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, противодействия преступности, охраны общественного порядка и собственности, обеспечения общественной безопасности, то и приоритетную значимость обретают вопросы профессиональной дея-

1 Сергей Меликов посетил религиозные объекты после теракта и провел заседание оперативного штаба. URL: <https://glava.e-dag.ru/press/876/> (дата обращения: 26.06.2024).

2 Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/115/events/73770> (дата обращения: 03.09.2024).

тельности при возникновении угроз и в условиях военного положения, равно как и подготовки к ним¹. В совокупность причинных факторов легли события в новейшей истории России, в числе которых следует особенно отметить введение режима военного положения на территории четырех субъектов Российской Федерации и уровней реагирования². Реализация мер военного положения и выполнение оперативно-служебных задач в рамках введенных на территориях Российской Федерации уровней реагирования выявили потребность в осмыслении и развитии теоретических, правовых и организационных аспектов деятельности органов внутренних дел по их обеспечению.

Иными словами, в связи с введением военного положения на отдельных территориях Российской Федерации Президент России дал указания на проведение ряда дополнительных мер политического, организационного, военного, экономического и иного характера, среди которых следует выделить правоохранные мероприятия. Именно меры, которые должны осуществлять территориальные органы внутренних дел, являются для нас наиболее интересными и востребованными.

Наиболее емкой задачей органов внутренних дел выступает охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, усиление которой осуществляется на всей территории Российской Федерации. Наряду с этим в зависимости от введенного уровня реагирования на территории отдельного субъекта страны подлежат дифференцированному введению и реализации органами внутренних дел меры военного положения.

Соответственно, содержание режима военного положения и деятельности органов внутренних дел по участию в его обеспечении составляет реализация предусмотренного Федеральным конституционным законом

от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ «О военном положении» (далее – ФКЗ N 1) комплекса правовых, режимных, ограничительных и иных мер, дифференцированно применяющихся на территории Российской Федерации на основании Указов Президента Российской Федерации при централизации подчинения власти в районах, где ведутся боевые действия, органам военного управления и сопряженном с перераспределением и уточнением полномочий.

При этом в зависимости от уровня реагирования на военные вызовы и угрозы на территориальные органы внутренних дел могут быть возложены как общие, так и специфические задачи по обеспечению режима военного положения [9, с. 46]. Анализ правовых основ участия органов внутренних дел в исследуемой области позволяет выявить ряд пробелов и отметить незначительную регламентацию деятельности при отсутствии единого систематизированного правового акта, особенно ведомственного уровня.

Стоит отметить, что в п. 1 ст. 9 ФКЗ N 1 перечисляются субъекты обеспечения военного положения: «Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы». В последующем в Указе Президента Российской Федерации все же выделяются органы внутренних дел в качестве обособленного субъекта обеспечения военного положения, тем самым отмечается их особая роль в обеспечении режима военного положения³. Правовую основу участия органов внутренних дел в обеспечении режима военного положения составляют также нормы Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, где данная задача входит в перечень полномочий МВД России⁴.

Отдельные регулятивные нормы отмечаются в иных ведомственных актах. Так, например, в период действия военного

1 О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ.

2 О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : Указ Президента РФ от 19.10.2022 N 756.

3 О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. N 756 : Указ Президента РФ от 19.10.2022 N 757.

4 Об утверждении и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.12.2016 N 699.

положения, подлежит ограничению выезд сотрудников органов внутренних дел в свободное от выполнения служебных обязанностей время за пределы субъекта Российской Федерации, на территории которого находится территориальный орган МВД России, организация или подразделение, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел¹. Изложенное позволяет констатировать наличие отдельных правовых норм, частично охватывающих вопросы регулирования деятельности органов внутренних дел по участию в обеспечении режима военного положения, при отсутствии единого специального нормативного правового акта, в том числе ведомственного уровня, что формирует сложности в последующей правоприменительной деятельности.

Наличие же оснований введения военного положения, таких как агрессия против Российской Федерации, образует особые условия деятельности органов внутренних дел [6, с. 96], требующие соответствующей нормативной проработки. Профессор О.В. Зиборов справедливо отмечает, что «наряду с базовым документом, регламентирующим основы перевода деятельности государства на работу в условиях военного положения (напомним, такой документ – Федеральный конституционный закон «О военном положении» – принят в 2002 году), должен быть заблаговременно разработан и утвержден целый пакет документов (в большинстве подзаконного характера), который в своей совокупности представлял бы полный алгоритм действий каждого заинтересованного участника административных правоотношений в условиях военного положения» [5, с. 110]. На современном же этапе правовую основу исследуемой деятельности фактически составляет Федеральный закон «О полиции», выступающий законом мирного времени [4]. Вышеотмеченные теоретические аспекты дополнительно актуализируют по-

требность в принятии ведомственного нормативного правового акта, регулирующего действия органов внутренних дел в условиях многоуровневой системы реагирования при введении военного положения и соответствующего запросу современных обстоятельств.

Следует заключить, что эффективность оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по участию в обеспечении режима военного положения находится в прямой зависимости от степени и качества правового обеспечения. Обстоятельная проработка и закрепление в нормативных правовых актах, регулирующих деятельность органов внутренних дел при введении военного положения, будет способствовать поддержанию легитимности принимаемых решений, соблюдению Конституции РФ и международных обязательств Российской Федерации в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина в условиях военного времени, а также обеспечит единство правовых и организационных аспектов деятельности.

Существенным трансформациям подвергаются организационные аспекты, важность и актуальность которых отмечалась в докладе министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. Так, было отмечено: «Выполнение новых задач вызвало необходимость оптимизации организационно-штатного построения. Для эффективной координации имеющихся в Министерстве сил и средств, в том числе на освобожденных территориях, создано Главное управление оперативного реагирования. Одновременно образован главк по работе с личным составом. Среди его функций – повышение качества подготовки сотрудников полиции к профессионально грамотным действиям в условиях любой оперативной обстановки»².

Помимо отмеченного сохраняют проблемность вопросы обеспечения безопасности от угроз, осуществляемых с использованием беспилотных аппаратов. Темпы технологи-

1 Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 01.02.2018 N 50 (ред. от 30.01.2023).

2 Расширенное заседание коллегии МВД. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 30.09.2024).

ческого развития последних десятилетий и прогностические взгляды ученых, позволяют сделать вывод о том, что мир находимся на заре массовых социальных изменений, вызванных технологиями. Технологии принципиально изменяют характер угроз общественной безопасности. Данные вопросы были выделены в выступлении Президента РФ, который отметил: «Чуть ли не каждую неделю происходят определенные обновления, и кто быстрее реагирует на эти требования на поле боя, тот и побеждает. Одновременно с развитием беспилотников нужно искать, действительно, средства их радиоэлектронного и огневого поражения. Это позволит сохранить жизни наших военнослужащих, мирных людей, более надежно защитить военную технику и гражданскую инфраструктуру, критически важные объекты»¹. Требуют адаптации под реализуемые органами внутренних дел оперативно-служебные задачи штатные единицы, включая аспекты как применения беспилотных аппаратов в собственных целях, так и противодействия беспилотным аппаратам, нарушающим установленный порядок функционирования. Для этих целей следует расширить практику создания специальных мобильных подразделений соответствующего назначения для обеспечения общественной безопасности.

Успешное выполнение оперативно-служебных задач сотрудниками органов внутренних дел в условиях военного положения и уровней реагирования предполагает их профессионально-личностное развитие и подготовку, направленную в том числе на выработку компетенций – уверенность, решительность, эмоциональная и стрессовая устойчивость, коммуникабельность, выдержка, а также психологической подготовленности, технических и тактических действий, связанных с применением специальных средств и огнестрельного оружия.

В числе наиболее эффективных средств выработки вышеупомянутых компетенционных качеств выделяют вовлечение в спортивно-массовую работу и занятия служебно-при-

кладными видами спорта. Так, например, повышение профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел является одной из целей и задач спортивных соревнований по служебно-прикладному виду спорта «стрельба из боевого ручного стрелкового оружия» (далее – стрельба из БРСО) [10, с. 116]. В условиях стремительно изменяющихся общественных отношений, находящихся во взаимосвязи с процессами глобализации, навыки саморазвития сотрудников органов внутренних дел выступают на первый план в качестве средств адекватной реакции на новые вызовы и угрозы безопасности Российской Федерации.

В процессе подготовки сотрудников необходимо развивать способность мысленно конструировать успешные сценарии, которые включают оценку сложности решаемых задач, а также выбирать такие механизмы воздействия, которые будут ориентированы на достижение успеха. При этом важно формировать способности к прогнозированию возможных препятствий и выработке эффективных способов их преодоления, что значительно расширит профессиональные навыки и выведет на более высокий уровень личностного развития в профессиональной деятельности [3, с. 196].

С развитием технологий искусственного интеллекта и существенным повышением вычислительных возможностей в число приоритетных задач становятся вопросы применения прогнозирования и расчета возможных событий как инструмента управленческой и организационной деятельности, а также при планировании деятельности органов внутренних дел. Особенно положительным для органов внутренних дел данный вектор развития представляется при реализации отмечаемого в научных трудах перехода от управления по ситуации к ситуационному управлению [8].

Таким образом, отмеченные изменения, охватывающие области теоретических, правовых и организационных аспектов деятельности органов внутренних дел по участию в обеспечении режима военного положения,

1 Заседание Военно-промышленной комиссии по вопросу развития БПЛА специального назначения. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75145> (дата обращения: 22.09.2024).

формируют объективный запрос на необходимость принятия ряда мер по их развитию.

С теоретических позиций предполагается осмысление содержания деятельности органов внутренних дел по участию в обеспечении режима военного положения, которую в современных условиях составляет реализация предусмотренного ФКЗ N 1 комплекса правовых, режимных, ограничительных и иных мер, дифференцированно применяющихся на территории Российской Федерации на основании Указов Президента Российской Федерации при централизации подчинения власти в районах, где ведутся боевые действия, органам военного управления, сопряженного с перераспределением и уточнением полномочий.

Эффективность оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по участию в обеспечении режима военного положения находится в прямой зависимости от степени и качества правового обеспечения. Обстоятельная проработка и закрепление в нормативных правовых актах, регулирующих деятельность органов внутренних дел при

введении военного положения, будет способствовать поддержанию легитимности принимаемых решений, соблюдению Конституции РФ и международных обязательств Российской Федерации в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина в условиях военного времени, а также обеспечит единство правовых и организационных аспектов деятельности.

В числе приоритетных и необходимых трансформаций деятельности органов внутренних дел в исследуемой области должны явиться меры по автоматизации процессов анализа информации и адаптации возможностей искусственного интеллекта, интеграции возможностей ситуационного управления, созданию специализированных подразделений по выполнению отдельных задач военного времени, мобилизации возможностей профессионально-личностного развития кадрового потенциала органов внутренних дел, посредством реализации передовых методик и комплексного междисциплинарного подхода в обучении.

Библиографический список

1. Агарзаев, С.К. Многоуровневый режим военного положения: понятие и признаки / С.К. Агарзаев // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. – 2023. – N 12 (317). – С. 11-15.
2. Винокуров, В.А. Военное положение, уровни реагирования, специальная военная операция: понятие и содержание / В.А. Винокуров // Право и государство: теория и практика. – 2023. – N 7 (223). – С. 203-207.
3. Горелов, А.А. Субъектность как фактор личностного и профессионального совершенствования сотрудника полиции / А.А. Горелов, С.А. Горелов, Н.Н. Силкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – N 4 (88). – С. 190-197.
4. Действия сотрудников полиции, привлекаемых для выполнения задач в особых условиях : учебное пособие / И.А. Калиниченко, О.В. Зиборов, А.Р. Баранов [и др.]. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 188 с.
5. Зиборов, О.В. О необходимости заблаговременной правовой регламентации военного положения / О.В. Зиборов // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – N 11. – С. 110-114.
6. Княжев, В.Б. О некоторых особенностях правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях / В.Б. Княжев, А.Ф. Майдыков // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – N 3 (47). – С. 91-96.

7. Корякин, В.М. Правовое положение органов государственной власти и управления на территориях, где введено военное положение и (или) прилегающих к зоне вооруженного конфликта / В.М. Корякин // Военное право. – 2024. – N 2 (84). – С. 38-47.

8. От управления по ситуации – к ситуационному управлению : монография / Л.Л. Грищенко, К.А. Егоров, В.Б. Княжев, Д.А. Назаренко. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. – 218 с.

9. Рыльская, М.А. Особенности реализации специальных административных режимов / М.А. Рыльская // Административное и муниципальное право. – 2012. – N 3 (51). – С. 44-52.

10. Тихонов, Е.М. К вопросу о реализации целей служебно-прикладных видов спорта в системе МВД России (на примере служебно-прикладного вида спорта «стрельба из боевого ручного стрелкового оружия») / Е.М. Тихонов, С.К. Агарзаев // Право и государство: теория и практика. – 2023. – N 11 (227). – С. 114-119.

УДК 343.13

Александра Геннадьевна КЛИШИНА,

адъюнкт кафедры уголовного процесса

Краснодарского университета МВД России

KushnarevaAG@yandex.ru

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE IN THE CRIMINAL PROCEDURE SYSTEM: FURTHER DISCUSSION

Нормы, регламентирующие деятельность стадии возбуждения уголовного дела, занимают особое место в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Особое внимание уделяется рассмотрению аргументов сторонников и противников сохранения такого этапа уголовного процесса, как стадия возбуждения уголовного дела. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела с одновременным ее совершенствованием.

The norms regulating the activities of the stage of initiation of a criminal case occupy a special place in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. Special attention is paid to the consideration of the arguments of supporters and opponents of the keeping of such a stage of the criminal process as the stage of initiation of a criminal case. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that it is necessary to keep the stage of initiation of a criminal case while simultaneously improving it.

Ключевые слова: уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела, реформирование, возбуждение уголовного дела.

Keywords: criminal procedure, stage of initiation of criminal proceedings, reformation, initiation of criminal proceedings.

Стадия возбуждения уголовного дела, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, представляет собой начальный этап уголовного процесса, характеризующийся осуществлением ряда процессуальных действий, направленных на обоснование принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Если рассмотреть этапы развития стадии возбуждения уголовного дела с исторической точки зрения, то в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., действовавшем на тер-

ритории Российской империи, «возбуждение уголовного дела прокурором» и «возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя» наряду с объявлениями и жалобами частных лиц или явкой с повинной признавались законными поводами к «начатию предварительного следствия» [3, с. 139]. Важно отметить, что на данном этапе развития уголовного процесса не упоминалась стадия возбуждения уголовного дела как самостоятельный процессуальный институт, а также не требовалось вынесения формально-

го постановления о возбуждении уголовного дела. При этом предварительное следствие по получении объявления или жалобы не начиналось, пока судебный следователь или полицейское должностное лицо немедленно не расспросит объявителя или жалобщика об обстоятельствах преступления. Нормативно-правовой акт указывал и на ответственность данных лиц за лживые доносы. При сомнительных признаках преступления или проступка перед направлением судебному следователю информации предусматривалось проведение дознания: «действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка»¹. В данном случае проведение следственных действий не допускалось.

В первом кодифицированном источнике советского уголовно-процессуального права – Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 года была закреплена глава VII «Возбуждение производства по уголовному делу», которая определила усовершенствованные поводы к возбуждению уголовного дела. При наличии поводов в поступившем заявлении, указывающих на признаки состава преступления, должностные лица были обязаны приступить к производству по делу. В уголовно-процессуальном законе впервые был введен термин «заявитель» (ст. 92, 95 кодекса) для обозначения лица, которое сообщает о преступлении. Также в целях реализации права на обжалование законодатель ввел требование об обязательном уведомлении лица, подавшего заявление о преступлении, о вынесении решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Несмотря на существование норм, регламентирующих действия должностных лиц при приеме заявления о преступлении, рассматриваемый нормативный правовой акт не закреплял за этой процедурой статус самостоятельного процессуального института.

В дальнейшем уголовно-процессуальное законодательство в части стадии возбуждения уголовного дела претерпело изменения, направленные на повышение гарантий за-

конности и защиты прав участников процесса. В частности, в УПК РСФСР 1961 года в главе 8 «Возбуждение уголовного дела» введен обязательный порядок вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, который и определял начало производства по уголовному делу. Предусматривалась проверка поступившей информации о преступлении не более трех суток, в исключительных случаях до десяти, без проведения следственных действий. Процессуальные права на данном этапе не предоставлялись. Вместе с тем в рамках данного нормативно-правового акта был продолжен процесс формирования правового поля стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельного института.

Особенность современной стадии возбуждения уголовного дела, регламентированной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации 2001 года, заключается в увеличении механизма проведения доследственной проверки. Законодатель установил порядок рассмотрения сообщения о преступлении, предусмотрел проведение следственных действий в ограниченном количестве, увеличил максимальный срок принятия законного решения по ее результатам до 30 суток. При этом участники стадии возбуждения уголовного дела получили расширенные полномочия (в соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ – не свидетельствовать против самого себя, своих близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) должностных лиц), при этом их процессуальный статус не претерпел существенных изменений.

На наш взгляд, достаточно четко сущность стадии возбуждения уголовного дела на современном этапе определил С.Б. Росинский. Он указывает, что «основная цель данного этапа досудебного производства состоит в разрешении по существу единственного уголовно-процессуального вопроса: о необходимости осуществления производства по новому уголовному делу (быть или не быть уголовному делу!)» [6, с. 49].

1 Устав уголовного судопроизводства // Свод законов Российской империи: в 16 т. СПб., 1892. Т. 1. Ч. 1.

Обосновывая указанную цель, автор считает, что она обеспечивает правовую основу для дальнейшего применения процессуальных мер и следственных действий, тем самым закрепляя начало уголовного преследования, а также осуществляя предварительную оценку поступивших сведений, что позволяет исключить из дальнейшего рассмотрения дела, не содержащие признаков преступления.

В течение достаточно продолжительного времени ведется дискуссия по поводу необходимости стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельного этапа уголовного процесса. Так, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова неоднократно предлагала отказаться от стадии возбуждения уголовного дела, мотивируя это тем, что данная стадия уголовного процесса не соответствует принципам правового государства и защиты прав и свобод граждан. В частности, она утверждает, что текущий механизм возбуждения уголовного дела не только затрудняет работу следователей, но и вносит элемент неопределенности для участников.

Т.Н. Москалькова свою позицию аргументирует мнением о том, что стадия возбуждения уголовного дела часто становится препятствием для эффективного расследования. Автор указывает, что в 2022 году к ней обращались граждане с жалобами о нарушении прав на стадии доследственной проверки. Из 4592 поступивших жалоб 1864 касались отказов в возбуждении уголовного дела. Анализ результатов проверок, инициированных по данным обращениям, выявил системные проблемы в работе органов предварительного следствия и дознания. Так, только по ее ходатайствам прокурорами были отменены 348 решений об отказе в возбуждении уголовного дела, что свидетельствует о необоснованном сужении круга лиц, подлежащих уголовно-правовой защите¹.

Анализ динамики зарегистрированных сообщений о преступлениях за период 2020-2023 годов (2020 г. – 2 044 221, 2021 г. – 2 004 404, 2022 г. – 1 996 795, 2023 г. – 1 947 161)² позволяет сделать вывод о том, что количество обращений и жалоб, поступивших к Уполномоченному по правам человека, и результаты их рассмотрения, а также количество отмененных прокуратурой решений в контексте общего числа зарегистрированных сообщений не имеет статистически значимого веса.

Рассматривая вопрос о правовом положении заявителя, участвующего в доследственной проверке, Т.Н. Москалькова отмечала, что положение заявителя в уголовном процессе не сбалансировано по сравнению с другими участниками, хотя это лицо является ключевым в проверке сообщения о преступлении³.

Аналогичного мнения о необходимости отмены стадии возбуждения уголовного дела придерживаются и ряд исследователей. Так, П.К. Гаджирамазанова считает, что «существование стадии возбуждения уголовного дела нецелесообразно» [1, с. 128]. Одним из основных критериев обоснования своей позиции автор предлагает анализ статистики регистрации сообщений о преступлении и дальнейших процессуальных действий.

По нашему мнению, даже если стадия возбуждения уголовного дела будет отменена, криминальная обстановка не изменится. Регистрация преступлений является обязательной процедурой, и она будет осуществляться независимо от наличия данной стадии, тем самым статистика останется неизменной.

Е.М. Головащук отмечала, что действующая система возбуждения уголовного дела может приводить к необоснованным отсрочкам в принятии решения по сообщению о преступлении, что нарушает права заявителя и может препятствовать своевременному и эф-

1 Комментарий Уполномоченного о защите прав потерпевших от преступлений от 22 февраля 2023 г. // Официальный сайт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/aa32fe08-811c-4b1d-8ee2-8f44b0c8b780> (дата обращения: 18.03.2024).

2 Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 05.04.2024).

3 Москалькова Т.Н. Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d/> (дата обращения: 12.04.2024).

фективному расследованию преступления [2, с. 70]. Предлагается отмена этой стадии для устранения дублирования процедур и обеспечения более оперативного рассмотрения дел.

В целях изучения данного вопроса нами было проведено анкетирование сотрудников органов предварительного следствия и дознания. 71% опрошенных признали, что, действительно, процедура доследственной проверки представляет собой формат «мини-расследования», но при этом позволяет собрать достаточно оснований для возбуждения уголовного дела¹.

Следует отметить, что сторонники отмены стадии возбуждения уголовного дела не учитывают ее основополагающую функцию. Данная стадия служит гарантией недопущения необоснованного применения мер принуждения и обеспечивает реализацию принципа защиты личности от незаконного обвинения (ст. 6 УПК РФ). Как отмечает А.И. Бастрыкин, «отказ от этой стадии доследственной проверки, по существу, означает презумпцию события и состава преступления, как только возникает повод в виде заявления о преступлении»².

О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве высказываются ряд ученых. Так, О.В. Химичева полагает, что отказ от стадии возбуждения уголовного дела не позволит оптимизировать процесс проверки сообщения о преступлении, поскольку это приведет к тому, что проверочные действия будут осуществляться вне рамок уголовно-процессуального регулирования, без применения предусмотренных законом гарантий [7, с. 146]. Аргументируя важность сохранения стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе, указывает, что она выполняет роль фильтра, который позволяет предварительно оценить информацию о преступлении, отсеивая те случаи, которые не требуют уголовного преследования, что предотвращает чрезмерную

нагрузку на следственные органы, позволяя сосредоточить ресурсы на расследовании тех деяний, в которых усматриваются признаки преступлений.

Е.В. Егорова также высказывается о целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела и считает, что «в случае ликвидации данного правового института прямо пропорционально возрастет число необоснованных решений о прекращении уголовных дел или о приостановлении производства по нему» [4, с. 321].

Правовая статистика и специальные учеты Генеральной прокуратуры Республики Казахстан подтверждают выводы, сделанные автором. В 2014 году в стране был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, отменяющий стадию возбуждения уголовного дела. Для наглядности рассмотрим динамику ключевых показателей до и после реформы:

до реформы (конец 2013 года): всего зарегистрированы 359 844 преступлений, прекращены 18 346 (5,1%) уголовных дел за отсутствием состава или события преступления (п.1,2 ч. 1 ст. 37 УПК РК), направлены в суд 65 318 (18,2%);

после реформы (конец 2023 года): всего зарегистрированы 140 272 уголовных правонарушения, прекращены по пунктам 1, 2, 5-8 ч. 1 ст. 35 УПК РК 66 565 (47,5%) уголовных дел, направлены в суд 47 583 (33,9%)³.

Представленные статистические данные демонстрируют неоднозначные результаты реформы УПК РК 2014 года. С одной стороны, наблюдается значительное снижение общего количества зарегистрированных преступлений, с другой – увеличилось количество прекращенных уголовных дел за отсутствием состава и события преступления. Кроме того, отмечается снижение количества направленных в суд уголовных дел.

Таким образом, отмена стадии возбуждения уголовного дела приведет к резкому

1 При подготовке статьи было проведено анкетирование 157 респондентов – следователей и дознавателей территориальных органов внутренних дел Краснодарского края, Республики Дагестан, Республики Крым, г. Санкт-Петербурга, Калмыкской Республики.

2 Бастрыкин А.И. Стадия возбуждения уголовного дела за и против. URL: <https://proza.ru/2018/04/02/1394> (дата обращения: 11.04.2024).

3 Портал органов правовой статистики и специальных учетов. URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 17.05.2024).

увеличению прекращений уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, что серьезно увеличит энергоресурсные затраты, поскольку прекращение уголовного дела требует больше времени и оформления дополнительных статистических документов.

Опрос сотрудников органов предварительного следствия и дознания показал, что 86,3% высказались против ее отмены. Данный результат свидетельствует о высокой степени поддержки этой стадии и среди практических сотрудников.

Следует обратить внимание еще на то, что с 2002 года главу УПК РФ, посвященную стадии возбуждения уголовного дела, модифицировали более 50 раз. Это говорит о намерении законодателя оптимизировать данную стадию, повысив ее результативность и соответствие современным реалиям.

Существует и третья точка зрения, согласно которой ряд ученых-процессуалистов сходятся во мнении, что данный этап уголовного процесса необходимо сохранить, но тщательно переработать.

Так, М.И. Николаева, считает, что «сейчас, после всех законодательных экспериментов, до неузнаваемости изменивших облик стадии возбуждения уголовного дела, актуализируется проблема дальнейшего ее реформирования» [5, с. 101]. Автор считает, что данная ситуация свидетельствует не о теоретической составляющей проблем, а о серьезных нарушениях прав и законных интересов лиц, вовлеченных в процессуальную проверку. М.И. Николаева приводит в пример актуальные проблемы участия защитника в процессуальной проверке, процессуального статуса лиц, вовлеченных в стадию возбуждения уголовного дела, проведение отдельных процессуальных и следственных действий с участием данных лиц.

Так, в подтверждение позиции автора рассмотрим пример из судебной практики. Краснодарский краевой суд признал незаконными действия начальника Управления МВД России по г. Краснодару об отказе в

ознакомлении с материалом проверки и в выдаче надлежащей заверенной копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела заявителю С. по его ходатайству в порядке ст. 121 УПК РФ, мотивируя это тем, что данные действия, ограничивающие права и свободы граждан, создают препятствие для дальнейшего обращения за судебной защитой нарушенного права.

В своем ходатайстве заявитель С. ссылался на Конституцию Российской Федерации, в частности ч. 2 ст. 24, а также на ч. 7 ст. 5 Федерального закона «О полиции». Тем самым начальник УМВД России по г. Краснодару обосновывал свою позицию тем, что в соответствии с УПК РФ заявитель не наделен процессуальным статусом, поэтому он не обладает правом на ознакомление с материалами процессуальной проверки¹.

Таким образом, в целях обеспечения реализации права заявителя на обжалование решений должностных лиц считаем необходимым дополнить ст. 148 УПК РФ новой частью 4.2. Суть предлагаемых изменений заключается в предоставлении заявителю права знакомиться с материалами доследственной проверки по его письменному ходатайству.

Обобщая различные мнения ученых по вопросу целесообразности стадии возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что данный этап выполняет важные функции и должен быть сохранен с целью обеспечения правосудия и защиты прав заинтересованных участников процесса. Стадия служит необходимым этапом для предварительной оценки материалов поступившего сообщения, обеспечивая тем самым рациональное использование ресурсов правоохранительных органов, защищая граждан от необоснованных обвинений и содействуя справедливости процесса. Однако существующая практика реализации требует реформ, направленных на усиление процедурной прозрачности, повышение эффективности и сокращение возможности для злоупотреблений.

1 Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 12.12.2023 по делу N 22-8398/2023. Документ опубликован не был.

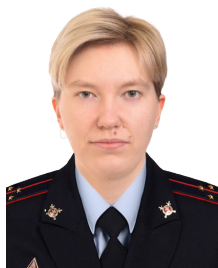

Библиографический список

1. Гаджирамазанова, П.К. К вопросу о необходимости отказа от стадии возбуждения уголовного дела / П.К. Гаджирамазанова, М.Г. Рабданова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2017. – Т. 21. – N 1.
2. Головашук, Е.М. Проблемные аспекты существования стадии возбуждения уголовного дела / Е.М. Головашук // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – N 2(49).
3. Гусева, И.И. Характеристика современного состояние стадии возбуждения уголовного дела / И.И. Гусева, А.В. Ильин // MODERN SCIENCE. – 2021. – N 1-1.
4. Егорова, Е.В. О целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе / Е.В. Егорова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – N 2(49).
5. Николаева, М.И. Стадия возбуждения уголовного дела: тенденции реформирования / М.И. Николаева, В.В. Рябчиков // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – N 2(55).
6. Россинский, С.Б. Возбуждение уголовного дела как автономная стадия российского уголовного судопроизводства: за и против / С.Б. Россинский // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – N 3(31).
7. Химичева, О.В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь / О.В. Химичева, Д.В. Шаров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – N 4.

УДК 343.98

Елизавета Алексеевна МАНАКОВА,

адъюнкт 3 факультета (подготовки научных
и научно-педагогических кадров)

Академии управления МВД России (г. Москва)

monaliza070600@yandex.ru

ПСИХОТРОПНОЕ ОРУЖИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ БОЕВОГО ОТРАВЛЯЮЩЕГО ВЕЩЕСТВА ДИВЕРСИОННОГО НАЗНАЧЕНИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

PSYCHOTROPIC WEAPONS AS A TYPE OF WARFARE TOXIC AGENT FOR SUBVERSIVE PURPOSES: A FORENSIC ASPECT

В статье автор рассматривает массовые отравления людей, в том числе с летальным исходом, как способ совершения диверсий. Обосновывается позиция, касающаяся несомненного наличия в существующей сверхприбыльной системе транснационального наркотрафика признаков, указывающих на его использование в геополитических целях, которая заключается во «вбросе» диверсионных наркотиков на определенные территории Российской Федерации с целью подрыва демографии, экономики и государственного суверенитета в целом. Приводятся актуальные данные, подтверждающие факт распространения диверсионных наркотиков.

In the article, the author considers mass poisoning of people, including fatal ones, as a way of committing sabotage. The article substantiates the position concerning the undoubted presence in the existing super-profitable system of transnational drug trafficking of signs indicating its use for geopolitical purposes, which consists in the «injection» of subversive drugs into certain territories of the Russian Federation in order to undermine demography, economy and state sovereignty in general. The current data confirming the fact of the spread of subversive drugs are presented.

Ключевые слова: диверсия, транснациональный наркотрафик, наркотики, массовые отравления, гибридное средство, геополитические цели.

Keywords: sabotage, transnational drug trafficking, drugs, mass poisoning, hybrid means, geopolitical goals.

По мнению К.В. Харабета, «психоактивные вещества в настоящее время выступают основой для создания и проектирования нового вида оружия массового поражения людей психотропного действия» [5, с. 15-23]. Как показывает практика, они относятся к боевым отравляющим веществам (далее – БОВ) диверсионного назначения.

Диверсия – «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федера-

ции», – в такой формулировке в УК РФ представлено общественно опасное деяние, которое все чаще совершается иностранными агентами на территории Российской Федерации в целях дестабилизации общественных отношений в условиях ведения специальной военной операции.

Ранее состав диверсии включал в себя более расширенный перечень, причем особое внимание уделялось «совершению массовых отравлений или распространению эпидемий и эпизоотий с целью ослабления Советского государства»¹.

Следует признать, что ввиду исключения вышеперечисленных противоправных преступных действий в настоящее время их совершение уголовно не наказуемо и стратегически они становятся особо привлекательны для интересантов массового отравления российского населения, преимущественно с помощью наркотиков. Такой вид диверсионных актов является более гибридным и, если угодно, не очевидным.

Данное обстоятельство, по нашему мнению, тактически выстроено протекает в системе функционирования транснационального наркотрафика, который имеет двойственную природу: с одной стороны, он является сверхприбыльным бизнесом, а с другой – выступает средством по достижению геополитических целей.

В первом случае речь идет о массовых продажах с конца XX века кокаина, героина, марихуаны, а в настоящее время α -PVP, мефедрона и других наркотиков, которые имеют большой спрос среди потребителей и приносят в связи с этим сверхдоходы, а во втором – мы понимаем «вброс» в продажу под видом существующих «на слуху» у потребителей наркотиков веществ с измененной химической структурой, что увеличивает риск передозировок и приводит к летальному исходу.

Ввиду этого мы вводим понятие «диверсионные наркотики», которое более полно отражает специфику этого криминального бизнеса, особенно в настоящее время.

Создание новых психоактивных веществ (далее – ПАВ), считает А.Д. Резник, идет по двум направлениям: первое – с помощью химического синтеза удастся получать вещества, которые, порой неожиданно для самих создателей, становятся известными как ПАВ, хотя первоначально создавались для других целей (что произошло, например, с амфетамином); второе – приводящее к появлению новых ПАВ, так называемых дизайнерских ПАВ (в данном случае речь идет не столько о создании ранее неизвестных ПАВ, сколько об определенной химической «переделке» уже существующих, при которой они сохраняют (или даже усиливают) отличающуюся от «оригинала» токсичность [4, с. 453].

Проведенные учеными криминолого-криминалистические исследования за период развала украинской государственности (с 2013 г.) позволили выявить и особенности сбыта наркодилерами из числа граждан Украины на территории РФ нового ПАВ «MDMB(N)-BZ-F». Их результаты показали, что введение фтора в алкильный фрагмент этого синтетического каннабимиметика существенно повысило психомиметичность соединения, что обусловило наступление более тяжелых психозов, грубую дезорганизацию поведения и резкое возрастание вероятности смерти от внешних причин (утопление, падение с высоты, аспирация рвотными массами и т.д.) [1, с. 88].

Действительно, особую опасность представляют такие диверсионные наркотики, как синтетические каннабимиметики; поскольку они не являются аналогами природного тетрагидроканнабинола, при их употреблении связь «доза-эффект» не имеет верхнего предела, тем самым увеличение дозы приводит к усилению оказываемого ею эффекта, что открывает прямой путь к передозировке и тяжелой интоксикации. Помимо этого синтетический каннабимиметик является оптимальной платформой для синтеза других наркотических веществ, которые, не находясь под формальным контролем

1 Уголовный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. N 40. Ст. 591 (утратил силу).

государства, зачастую по своей токсичности представляют такую же повышенную опасность, как известные отравляющие вещества, стоящие на вооружении армии или спецслужб различных государств. Таким образом, синтетические каннабимиметики выступают основой для создания оружия массового поражения людей психотропного действия.

Для наглядности следует указать, что летальность от общей массы потребивших данные наркотические средства составляла 3% [2, с. 18-22]. Для примера: согласно приведенным тактико-техническим характеристикам Министерства обороны РФ, летальность боевой противопехотной мины ПФМ-1 «Лепесток» составляет 2,5-5% [3, с. 159-164]. В данном случае лица, что непосредственно распространяли наркотики и сбывали их на территории Российской Федерации, украинские граждане, были привлечены к ответственности за сбыт по Уголовному кодексу РФ. А те, кто организовал, – не понесли никакой ответственности.

Случаи появления диверсионного наркотика, активно распространявшегося в 2014 г., продолжают фиксироваться и в настоящее время. Так, согласно проведенному анализу в системе «АИПСИН АнтиНаркотики» в начале марта 2024 г. на территории Вологды сотрудниками полиции были изъяты при личном досмотре расфасованные пластичные вещества темно-коричневого цвета. Экспертиза установила, что данное вещество является уже известным нам «MDMB(N)-BZ-F» и новым синтетическим каннабимиметиком «MDMB(N)-MINACA». Соединение MDMB-MINACA по химической структуре представляет собой синтетический каннабиноид подгруппы 3-карбонилиндазола, является аналогом целого ряда синтетических каннабиноидов: MDMB(N)-073, MDMB(N)-073-F, MDMB-5Br-INACA, MDMB-7Br-INACA, а также MDMB-INACA, который активно изымался на территории Российской Федерации на протяжении всего 2023 года¹.

19 февраля 2024 года в г. Лысьве Пермского края было изъято 1 972,57 г MMB(N)-

BZ и практически в то же время, а точнее 21 февраля 2024 г. в п. Вырица Гатчинского района Ленинградской области изъято 591,8 г производного MMB(N)-BZ. Соединение MMB(N)-BZ представляет собой синтетический каннабиноид, подгруппы индазола. Следует отметить, что были зафиксированы многочисленные случаи интоксикации в результате использования вещества MMB(N)-BZ-F, он в 85 раз мощнее, чем Δ9-ТГК. Доступных данных о фармакологических свойствах MMB(N)-BZ нет. Основываясь на его структурном сходстве с MMB(N)-BZ-F, можно предположить, что он будет также действовать как мощный агонист каннабиноидных рецепторов CB1 и CB2².

В июле 2024 года в ходе оперативно-розыскных работ в квартире Невского района г. Санкт-Петербурга был изъят образец пластичной массы с мелкодисперсной структурой, предположительно растительного происхождения, почти черного цвета с вкраплениями коричневого цвета, с незначительным запахом (сухофруктов). В ходе проведенных исследований в составе образца были обнаружены синтетические каннабиноиды: MDMB(N)-BZ-F, MDMB(N)-2201, MDMB-MINACA и MDMB-INACA (MDMB(N)-H). Соединение «MDMB(N)-2201» относится к синтетическим каннабиноидам ряда 3-карбамоилиндазолов. Действует как полный агонист CB1 и CB2 рецепторов. Оказывает действие, сходное с действием каннабиса, тетрагидроканнабинола и других синтетических каннабиноидов. MDMB(N)-2201 распространяется и потребляется как в виде самостоятельных продуктов, так и в виде смесей и фальсификатов. Выявляются неоднократные случаи использования MDMB(N)-2201 в составе продуктов каннабиса, продаваемых как гашиш. Имеется информация о выявлении MDMB(N)-2201 в продуктах и других групп психоактивных веществ. Например, зимой 2020 года были выявлены попытки реализации его под видом ЛСД. В 2014 году, в Японии было зафиксировано 10 смертельных случаев при употреблении данного

1 Программный комплекс «АИПСИН АнтиНаркотики». URL: <https://aipsin.com/news substance/1431/>.

2 Там же.

вещества, предположительно при курении. Было установлено, что причиной смерти была асфиксия, вызванная отравлением синтетическим каннабиноидом MDMB(N)-2201. Соединение MDMB-INACA представляет собой синтетический каннабиноид, подгруппы индазола. Является одним из метаболитов синтетических каннабиноидов MDMB(N)-073-F, MDMB(N)-022 и MDMB(N)-2201. В то же время MDMB-INACA можно отнести к категории прекурсоров для синтеза различных синтетических каннабиноидов, в частности MDMB(N)-022. MDMB-INACA может быть и побочным продуктом целого ряда синтезов других синтетических каннабиноидов¹.

Примером массового отравления диверсионными наркотиками, но уже другого вида послужил случай в Астрахани, произошедший 20 ноября 2023 года, когда в больницу попали сразу 25 человек, причем многие в тяжелом состоянии. Позже появилась информация, что три человека умерли, в том числе две девятнадцатилетние девушки и мужчина 29 лет, летальность вышеприведенного при этом составляет 12%. Речь идет об отравлении веществом под названием метадон, причем покупающие этот наркотик «думали, что это мефедрон». И в данном случае также обратили на себя внимание несколько фактов: лица, сбывавшие наркотик, и сам вид наркотика. Задержанными являются 3 иностранных гражданина: Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана. Наркотиком, который они сбывали, по имеющейся на данный момент информации, оказался метадон. Однако ни на территории России, ни на территории этих государств, откуда они прибыли, не осуществляется метадоновая терапия. Страной, практикующей ее, является Украина. «АИПСИН АнтиНаркотики» также регистрировала, что на протяжении марта-апреля 2023 года в целом ряде регионов РФ были зафиксированы случаи выявления смеси мефедрона с метаданом в качестве готового продукта. Практически в то же время резко участились случаи передозировок с летальным исходом, связанные с метаданом².

Конечным этапом в цепочке транснационального наркотрафика при использовании его в геополитических целях, по нашему мнению, выступает не такой состав преступления, как сбыт НСПВ, предусмотренный ст. 228.1 УК РФ, а такой способ, как «реализация гибридного оружия на основе ПАВ», то есть реализация гибридного средства, от которого массово гибнут люди, преимущественно представители молодежной среды, проживающие в мегаполисах и инвестируемых регионах, что объясняется более высокой по сравнению с другими социумами покупательской способностью (обеспеченная адресность), ответственность за что должна дополнительно квалифицироваться в том числе по ст. 355 УК РФ «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения».

Таким образом, новые синтетические и дизайнерские ПАВ бросают вызов той наркополитике, которая проводится международным сообществом и различными странами. Однако, к сожалению, пока не выработались адекватные меры противодействия «нашествию» подобных ПАВ, что позволяет им расширять свое присутствие на рынке. Это обстоятельство в значительной степени определяет распространенность использования диверсионных наркотиков не только бенефициарами транснационального наркобизнеса, но и интересантами проведения мероприятий диверсионного характера, направленных на дестабилизацию общественных отношений в отдельных странах на этапе, предшествующем активизации на их территории социально-деструктивных сил, ангажированных противоборствующей стороной.

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 года, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что противодействие незаконному обороту наркотиков является одной из ключевых задач МВД России и необходимо далее «... выявлять крупных организаторов, тех, кто стоит за наркобизнесом, пресекать трансграничные каналы поставок и деятельность под-

1 Программный комплекс «АИПСИН АнтиНаркотики».

2 Там же.

полных нарколабораторий, в целом искать более эффективные методы и технические решения в борьбе с наркоугрозой»¹.

Особенность информационно-аналитического обеспечения расследования преступлений, являющихся элементами транснационального наркотрафика, заключается в том, что эта деятельность должна быть направлена на установление всей преступной цепочки (то есть его элементов и их взаимосвязей, формально являющихся отдельными составами преступлений, предусмотренными главой 25 УК РФ) по функционированию канала наркотрафика с помощью исключительных для преступлений в сфере НОН источников и современных программных средств. Сейчас же территориальными органами выявляются лишь факты их приобретения, хранения и сбыта (98-99%), что приводит к фактическому отказу правоприменителей устанавливать обстоятельства получения наркотических

средств, психотропных веществ обвиняемым. Именно поэтому работа территориальных органов внутренних дел, направленная на выявление отдельных фактов преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, является малоэффективной, нацеленной в конечном счете не на борьбу с данным видом преступности, а на создание положительной статистической отчетности.

В силу вышесказанного правоохранительным органам различных ведомств необходимо сосредоточить силы и средства на анализе маршрутов передвижений лиц, подозреваемых в незаконном обороте наркотиков, и лиц, передвигающихся с ними. Специально для этого в настоящее время существуют специальные программные обеспечения, способные сосредотачивать в себе различного рода базы данных и выдавать необходимую криминалистически значимую информацию.

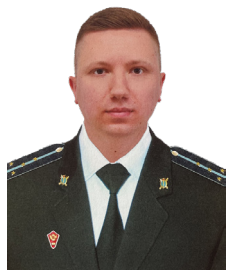
1 Расширенное заседание коллегии МВД России // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090/>.

Библиографический список

1. Владимиров, В.Ю. Наследие Белкина Р.С. Взгляд в будущее / В.Ю. Владимиров // Развитие научных идей профессора Р.С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции «63-и криминалистические чтения»: в 2 ч. – М., 2022. – Ч. 1.
2. Владимиров, В.Ю. О необходимости активизации научных исследований в сфере обеспечения борьбы с транснациональным наркобизнесом / В.Ю. Владимиров, Е.В. Грекова // Организационно-правовое регулирование безопасности жизнедеятельности в современном мире : сборник материалов международной научно-практической конференции, 18-20 мая 2016 г. – СПб., 2016.
3. Владимиров, В.Ю. Транснациональный наркотрафик как оружие массового поражения в гибридной войне, криминалистический и судебно-медицинский аспект / В.Ю. Владимиров, В.А. Сидоренко, Е.В. Грекова // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – 2019. – N 1-2(127-128). – С. 159-164.
4. Резник, А.Д. Мир наркотиков – наркотики в мире / А.Д. Резник. – М., 2014.
5. Харabet, К.В. Наркотизм (наркопреступность) как элемент (признак) криминологической характеристики преступности военнослужащих в период вооруженных конфликтов / К.В. Харabet // Наркоконтроль. – 2017. – N 4. – С. 15-23.

УДК 343.2 : 343.3/.7

Александр Михайлович ПАВЛИК,
адъюнкт кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
pavlik-am@mail.ru

**О ВОЗМОЖНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ ПРИ СОВЕРШЕНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ДВУМЯ ОБЪЕКТАМИ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 264 УК РФ)**

**ON THE POSSIBILITY OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY
DUE TO RECONCILIATION WITH THE VICTIM WHEN COMMITTING A CRIME
HAVING TWO OBJECTS (BY THE EXAMPLE OF ARTICLE 264
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

В статье анализируется уголовное законодательство и судебная практика относительно освобождения от уголовной ответственности при преступном нарушении правил дорожного движения. Особое внимание уделяется освобождению от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим при совершении преступлений с двумя объектами, уголовная ответственность за которые предусмотрена в ст. 264 УК РФ. Сделан вывод о необходимости введения в УК РФ примечания к данной статье, закрепляющего специальное основание освобождения от уголовной ответственности с учетом специфики общественной опасности соответствующих транспортных преступлений.

Criminal legislation and judicial practice regarding exemption from criminal liability in case of violation of traffic rules are analyzed in the article. Special attention is paid to exemption from criminal liability due to reconciliation with the victim when committing crimes having two objects, criminal liability for which is provided for by Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author draws the conclusion about the necessity to introduce a comment to this Article, which establishes a specific reason for exemption from criminal liability, taking into account the specific character of public danger of the relevant traffic offences.

Ключевые слова: освобождение, уголовная ответственность, примирение, потерпевший, объект, судебная практика.

Keywords: exemption, criminal liability, reconciliation, victim, object, judicial practice.

В Уголовном кодексе Российской Федерации получили широкое распространение нормы об освобождении от уголовной ответственности, образовавшие в своей совокупности соответствующую си-

стему. Общие основания освобождения от уголовной ответственности нашли отражение в главе 11 УК РФ и ст. 84, 90-91 УК РФ, а также более чем в 50 примечаниях к статьям Особенной части УК РФ закрепле-

ны специальные основания освобождения от уголовной ответственности. При этом УК РФ постоянно пополняется новыми основаниями освобождения от уголовной ответственности.

Наиболее распространено в судебной практике, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, применение ст. 76 УК РФ о примирении с потерпевшим. Это наглядно иллюстрируют следующие статистические данные (табл. 1)¹.

Таблица 1

Количество прекращенных судами уголовных дел по различным основаниям в 2019-2023 гг.

Основание	Количество дел, прекращенных судом				
	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год
Деятельное раскаяние (ч. 1 ст. 75 УК РФ)	15 572	7269	7772	7600	6185
Примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ)	106089	99106	99493	101384	90848
В связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ)	62	59	72	93	69
С назначением судебного штрафа	52461	56980	36685	20310	14956
В связи с истечением сроков давности	3537	3804	4688	5790	5634

Из приведенных статистических данных видно, что примирение с потерпевшим применяется в судебной практике больше, чем все остальные в совокупности общие основания освобождения от уголовной ответственности, закрепленные в главе 11 УК РФ. Такая практическая востребованность ст. 76 УК РФ обусловила и немало проблем относительно ее толкования и применения в определенных ситуациях. Одной из таких проблем является оценка возможности применения данной нормы при совершении лицом преступления, причиняющего вред двум объектам уголовно-правовой охраны. Попробуем решить данную проблему на примере ситуации совершения преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, которая закрепляет уголовную ответственность за совершение преступления с двумя объекта-

ми. Речь идет о преступном нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, которое посягает на два объекта – общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и, в зависимости от части указанной статьи, общественные отношения в сфере реализации права человека на жизнь или здоровье.

Данные преступления достаточно распространены в судебной практике (табл. 2).

Следует отметить, что количество осужденных по ст. 264 УК РФ лиц соотносимо с количеством лиц, освобожденных от уголовной ответственности при совершении соответствующего преступления только по одному из оснований, – в связи с примирением с потерпевшим (табл. 3) .

1 URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> Здесь и далее используются данные ведомственного статистического наблюдения (отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению – формы 10.2 и 10.3).

Таблица 2

Количество лиц, осужденных по статье 264 УК РФ в 2019-2023 гг.,
по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации

Часть статьи 264 УК РФ	Количество осужденных лиц				
	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год
часть 1	4283	3299	3156	3174	2983
часть 2	1113	1218	1452	1493	1643
часть 3	2329	1924	2035	2156	2080
часть 4	848	868	997	1078	1008
часть 5	372	305	316	355	287
часть 6	121	83	120	114	117

Таблица 3

Количество дел по статье 264 УК РФ, прекращенных в связи с примирением с потерпевшим
в 2019-2023 гг.

Часть статьи 264 УК РФ	Количество дел, прекращенных в связи с примирением с потерпевшим				
	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год
часть 1	3849	3442	3895	4043	4333
часть 2	255	334	408	288	300
часть 3	792	715	885	774	582
часть 4	31	7	1	–	–
часть 5	25	24	41	25	13

Но даже если погибли два и более лица при нарушении правил дорожного движения (ч. 5 ст. 264 УК РФ), суды усматривают возможность не наказывать виновных, освобождать их от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Данное деяние относится к преступлениям средней тяжести и препятствий для освобождения от уголовной ответственности по общим основаниям нет.

Есть и отдельные случаи освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшими при совершении преступления, за которое предусмотрена уголовная ответственность в ч. 6 ст. 264 УК РФ, которое относится к категории тяжких. В 2019 году были прекращены 2 уголовных

дела по данному основанию, в 2020 году – 1, а в 2021-2023 годах уголовные дела в связи с примирением с потерпевшим не прекращались.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о наличии достаточно обширной практики освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим виновных, совершивших преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ, с двумя ранее упомянутыми объектами, к которым относятся общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и в сфере реализации права человека на жизнь или здоровье. То есть примирение с потерпевшим имеет место и в случае наступления смерти человека. Возникает вопрос: «С кем и

как примиряться виновному?». Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации регламентирует в ст. 42 признание потерпевшими и иных лиц, помимо погибшего. Однако в правоприменительной практике возникают сомнения в целесообразности освобождения от уголовной ответственности в таких ситуациях. Насколько они обоснованы?

Относительно недавно было принято с точки зрения не только практики, но и науки очень интересное и достаточно, на наш взгляд, обоснованное решение Верховного Суда Российской Федерации (несмотря на то, что мы занимаем противоположную позицию), которое указывает на ограничение в некотором роде применения освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим при преступном нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших смерть человека. Полагаем, анализ соответствующего документа позволит по-иному взглянуть на возможность применения ст. 76 УК РФ при совершении преступлений с двумя объектами.

Как следует из материалов уголовного дела, виновный, управляя технически исправным автомобилем, неправильно выбрал скоростной режим и допустил столкновение со стоящим автомобилем, который от удара отбросило на стоящего перед ним дорожного рабочего В., получившего телесные повреждения, повлекшие наступление его смерти, а пассажир автомобиля виновного получила телесные повреждения, причинившие тяжкий вред ее здоровью¹. Данное деяние было квалифицировано по ч. 3 ст. 264 УК РФ.

Суд первой инстанции, принимая решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим, сослался в судебном решении на совокупность смягчающих обстоятельств: совершение впервые подсудимым преступления средней тяжести, признание своей вины, раскаяние в содеянном, добровольное заглаживание причиненного преступлением вреда потерпевшим, наличие на иждивении малолетнего ребенка. Потер-

певшей, с которой виновный вступил в брак, он выплатил в счет компенсации морального вреда 30 000 руб., у них родился ребенок, которого они воспитывают, жена не работает, поскольку находится в отпуске по уходу за ребенком. По месту работы подсудимый характеризуется положительно; с потерпевшей В. он примирился, ей принесены извинения и выплачена компенсация морального вреда; претензий к виновному потерпевшие не имеют.

Постановление суда первой инстанции было оставлено без изменения в судах апелляционной и кассационной инстанций. Однако в кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации поставил вопрос об отмене состоявшихся в отношении виновного судебных решений и направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение. В обоснование представления указывается, что при принятии судом решения о прекращении уголовного дела в отношении виновного судом оставлено без внимания, что объектами преступного посягательства, предусмотренного ст. 264 УК РФ, являются общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также здоровье и жизнь человека – непреходящая общечеловеческая ценность, утрата которой необратима и невосполнима, то есть основополагающее право человека, закрепленное в ст. 2, ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем отмечается, что согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 26 октября 2017 г. N 2257-О, в каждом конкретном случае при рассмотрении дела необходимо оценивать достаточность принятых после совершения преступления виновным лицом действий для того, чтобы оценить уменьшение общественной опасности содеянного, что позволило бы освободить его от уголовной ответственности.

По мнению автора кассационного представления, очевидно, что абсолютно любые

¹ Здесь и далее: кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2024 по делу N 1-УДП23-11-K3. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2328874.

позитивные действия, в том числе выплата компенсации морального вреда потерпевшим, а также принесение одной из них извинений никоим образом не снижают общественную опасность содеянного виновным, заключающуюся в гибели человека. Потерпевшим по делу, в соответствии со ст. 42 УПК РФ, является гражданин для жизни и здоровья которого от преступных действий виновного наступили тяжкие и необратимые последствия, а признанная потерпевшей по делу жена погибшего фактически является лишь его представителем, выполняющим в судебном заседании процессуальную функцию. По этой причине отсутствие лично у нее претензий к виновному, а также ее субъективное мнение о полном заглаживании вреда не могут быть единственным подтверждением такого снижения степени общественной опасности преступления, которое действительно позволило бы суду освободить виновного от уголовной ответственности.

Такая позиция имеет место и в литературе. В частности: наступление смерти потерпевшего до момента его примирения с лицом, совершившим преступление, должно исключать освобождение от уголовной ответственности по данному основанию, поскольку право дать согласие на такое освобождение неотторжимо от личности потерпевшего и не может быть заменено волеизъявлением других лиц в порядке правопреемства [7, с. 15]. Также предлагается закрепить в УПК РФ запрет на примирение с потерпевшим по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица [3, с. 62]. Есть и точка зрения, что в таких случаях изменению сложившейся практики способствовало бы соответствующие разъяснения со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ограничивающие судебное усмотрение [6, с. 357].

В поддержку данной позиции отмечается, что ошибочно приравнивать правовое положение близких родственников погибшего в уголовном судопроизводстве к правовому положению потерпевшего как лица, которому принадлежало утраченное в результате преступления такое личное нематериальное

благо, как жизнь [5, с. 315]. Однако умаление прав потерпевших, признанных таковыми в случае гибели другого человека, не соответствует уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации. В ст. 42 УПК РФ нет никаких изъятий на этот счет.

Вместе с тем отметим, что субъективное мнение потерпевшего является не единственным подтверждением в анализируемых материалах уголовного дела снижения общественной опасности виновного. Суд первой инстанции зафиксировал целую совокупность смягчающих обстоятельств. Принесение извинений и компенсация морального вреда – это, в сущности, единственно возможные позитивные постпреступные действия виновного в таких ситуациях, которые свидетельствуют о снижении его общественной опасности. Они выработаны правоприменительной практикой. Какие еще действия по заглаживанию вреда мог выполнить виновный?

Кроме того, отмечается в кассационном представлении, судом оставлено без внимания, что основным объектом преступления, совершенного виновным, являются общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Общественная опасность содеянного заключается в причинении вреда интересам государства и общества в сфере эксплуатации транспортных средств, являющихся источником повышенной опасности. Какие именно действия виновного расценены как заглотившие вред этим общественным интересам, судебными инстанциями не указано.

Однако ст. 76 УК РФ не устанавливает требований заглаживания вреда всем объектам преступления. В рассматриваемом случае был заглажен вред наиболее важному объекту – общественным отношениям в сфере реализации права человека на жизнь и здоровье. Поэтому такое условие освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, как заглаживание вреда, возможно счесть выполненным. При этом не понятно, каким образом может быть реально заглажен нематериальный вред, при-

чиненный общественным отношениям в сфере безопасности дорожного движения. На наш взгляд, правоприменительная практика может воспринять в подобных случаях два направления, которые носят, может быть, и формальный характер. Виновный пропагандирует соблюдение правил дорожного движения, например в трудовом коллективе. Другой вариант – организация фонда безопасности дорожного движения или взнос на его счет. При этом общественная опасность виновного если и снизится, то не на много. В первую очередь необходимо оценивать его позитивную посткриминальную деятельность в отношении потерпевшего. Отметим, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» нет ответа на вопрос о том, могут ли быть освобождены от уголовной ответственности лица, причинившие в результате совершения ими преступления вред нескольким объектам [4, с. 99]. Но данный документ не содержит и каких-либо запретов относительно таких ситуаций.

Вместе с тем, как справедливо считает автор представления, в данном случае именно лишение виновного на определенное время возможности управлять автомобилем как раз и могло обеспечить восстановление нарушенных им законных интересов общества и государства, а также послужило бы его исправлению и предупреждению совершения новых преступлений. Принятие судом решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон исключает возможность назначения виновного не только основного, но и дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами, соответственно, он снова вправе продолжать управлять автомобилем, подвергая опасности других участников дорожного движения.

В данном случае представителем государственного обвинения, действительно, отражен существенный пробел при освобождении от уголовной ответственности в связи с

примирением с потерпевшим. В связи с этим возникает необходимость предусмотреть в уголовном законодательстве новую иную меру уголовно-правового характера в виде лишения права управления транспортными средствами, которая применялась бы вместе с освобождением от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. В чистом виде одной позитивной постпреступной деятельности в рассмотренных ситуациях для выполнения задач уголовного законодательства – охраны соответствующих общественных отношений и предупреждения преступлений – недостаточно. Тем самым прогноз несомнения после освобождения от уголовной ответственности утратившим общественную опасность виновным нового преступления в будущем будет более обоснован, если таковой будет лишен права управления транспортным средством.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации согласилась с позицией заместителя Генерального прокурора Российской Федерации (на его доводах было основано кассационное определение) и отменила предыдущие судебные решения (дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции).

Вывод. Сегодня законодательство не препятствует прекращению уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим при заглаживании вреда одному из двух объектов уголовно-правовой охраны. Однако пробелом при освобождении от уголовной ответственности является, в том числе в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, с назначением судебного штрафа при преступных нарушениях правил дорожного движения, отраженных в ст. 264 УК РФ, отсутствие возможности у компетентного органа принять решение о лишении права управления транспортным средством виновного на определенный срок, что не позволяет при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в полной мере решить задачу предупреждения преступлений. Это обуславливает введение в УК РФ примечания к ст. 264 УК РФ, отражающего специфику освобождения от уго-

ловной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное данной статьей и указанными статьями, включающего применение иной меры уголовно-правового характера в виде лишения права управления транспортным средством виновного на определенный срок. Содержание данной меры должно быть закреплено в Общей части УК РФ в соответствующих разделе и главе (возможно, в форме запрета заниматься определенной деятельностью), а в примечании необходимо отразить все условия освобождения от уголовной ответственности в совокупности наряду с данной иной мерой уголовно-правового характера.

В литературе отмечается, что решение вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим при совершении преступлений, посягающих на два объекта, зависит от важности объектов преступлений, которым виновный причиняет вред [2, с. 21]. Однако предусмотренность иной меры уголовно-правового характера в виде лишения права управления транспортным средством в содержании предложенного специального основания освобождения от уголовной ответственности, наряду с позитивной постпреступной деятельностью виновного, позволит реализовать задачи уголовно-право-

вой охраны двух объектов преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ даже без определения приоритета одного над другим: общественных отношений в сфере безопасности дорожного движения и общественных отношений в сфере реализации права человека на жизнь или здоровье.

Таким образом, предлагается введение примечания к ст. 264 УК РФ следующего содержания: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, может быть освобождено от уголовной ответственности с условием лишения его права управления транспортным средством на определенный срок, если после совершения преступления загладило причиненный вред и примирилось с потерпевшим».

В данном случае мы исходим из того, что криминологической обусловленностью института освобождения от уголовной ответственности является утрата (снижение) общественной опасности виновного или специфика вида общественной опасности преступления [1, с. 6]. Позитивная постпреступная деятельность лица и изъятие его из числа участников дорожного движения позволяет сделать вывод об утрате им общественной опасности. При этом прогноз несовершения преступления виновным в будущем имеет высокую степень вероятности.

Библиографический список

1. Антонов, А.Г. Система освобождения от уголовной ответственности: вопросы уголовно-правовой оценки / А.Г. Антонов. – СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020.
2. Винокуров, В.Н. Объект преступления и освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / В.Н. Винокуров, Е.А. Федорова // Уголовное право. – 2018. – № 6.
3. Воронина, Н.А. Прекращение уголовного дела за примирением сторон в случае смерти потерпевшего / Н.А. Воронина, О.В. Химичева // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник материалов 3-й международной конференции, Уфа, 7 апреля 2022 года / под общ. ред. А.Ю. Терехова. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022.
4. Калинина, О.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: современные реалии / О.М. Калинина // Государство и право. – 2015. – № 6.

5. Патрушева, АА. Наступление смерти потерпевшего как препятствие прекращению уголовного дела в связи с примирением сторон / А.А. Патрушева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – N 1.

6. Скрипченко, Н.Ю. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: обеспечение частноправовых и публично-правовых интересов / Н.Ю. Скрипченко // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова, Рязань, 24 мая 2016 года / под ред. В.Ф. Лапшина. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2016.

7. Суверов, С.Е. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / С.Е. Суверов. – Омск, 2022.

УДК 343.1

Динар Минзеферович ФАРАХИЕВ,
оперуполномоченный
Управления экономической безопасности
и противодействия коррупции
МВД по Республике Татарстан (г. Казань)
dfarakhiev@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ БЮДЖЕТНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ПУТЕМ ФИКТИВНОГО ТРУДОУСТРОЙСТВА ГРАЖДАН

ABOUT SOME FEATURES OF DOCUMENTING THE THEFT OF BUDGET FUNDS THROUGH FICTIONAL EMPLOYMENT OF CITIZENS

В настоящее время сфера освоения и распределения бюджетных денежных средств подвергается систематическому воздействию со стороны криминальных слоев общества и относится к наиболее криминализованному финансовому институту. В связи с этим складывающаяся экономическая и социально-политическая ситуация требует от сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) надлежащего оперативно-розыскного противодействия преступлениям, связанным с хищением бюджетных денежных средств, выделенных на развитие занятости населения. В статье автором рассматриваются особенности осуществления наиболее распространенных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на документирование фактов хищения бюджетных денежных средств при фиктивном трудоустройстве граждан. Отдельное внимание уделяется материалам правоприменительной практики. Автор аргументирует вывод о том, что эффективность документирования зависит прежде всего от комплексного осуществления оперативно-розыскных мероприятий, а также слаженно выстроенного взаимодействия между соответствующими подразделениями и органами.

Currently, the sphere of development and distribution of budgetary funds is systematically influenced by criminal strata of society and belongs to the most criminalized financial institution. In this regard, the current economic and socio-political situation requires employees of the economic security and anti-corruption units (hereinafter referred to as ESACU) to properly counter crimes related to embezzlement of budgetary funds allocated for the development of employment. In the article, the author examines the features of the implementation of the most common operational investigative measures aimed at documenting the facts of embezzlement of budgetary funds in fictitious employment of citizens. Special attention is paid to the materials of law enforcement practice. The author argues that the effectiveness of documentation depends primarily on the comprehensive implementation of operational investigative measures, as well as well-coordinated interaction between the relevant departments and authorities.

Ключевые слова: бюджетные денежные средства, хищение, должностные лица, фиктивное трудоустройство, подразделения ЭБиПК, оперативно-розыскные мероприятия, документирование, взаимодействие.

Keywords: *budgetary funds, embezzlement, officials, fictitious employment, Economic Security and Anti-corruption Units – ESACU, operational search activities, documentation, interaction.*

В настоящее время в России огромное количество граждан находится в активном поиске постоянной трудовой деятельности. В период кризиса на рынке труда злоумышленники вырабатывают новые способы и механизмы совершения преступлений, в том числе в сфере трудоустройства. Особое внимание в настоящем исследовании уделяется выявлению и документированию фактов фиктивного трудоустройства граждан.

Новизной настоящего исследования выступают положения, связанные с разработкой наиболее латентных способов и алгоритмов совершения преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств при фиктивном трудоустройстве граждан, а также с проведением комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Согласно статистическим данным МВД России, за 2023 год более половины всех зарегистрированных преступлений (53,5%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем мошенничества – 433,7 тыс. (+26,4%)¹. Вместе с тем анализ эмпирических материалов² подтверждает, что в структуре преступлений, связанных с хищениями бюджетных денежных средств путем фиктивного трудоустройства граждан, подавляющее количество совершается путем мошенничества (ст. 159 УК РФ), злоупотребления должностными полномочиями или их превышения (ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ), служебного подлога (ст. 292 УК РФ). Следует отметить, что «в наибольшей степени подобные преступления характерны для бюджетных учреждений, в которых финансирование осуществляется не в должных объемах» [3, с. 32].

Кроме того, из всех вышеуказанных составов преступлений мошенничество является основным, поскольку, если рассматривать государственные (муниципальные) организа-

ции, то ущерб наносится государству (бюджетной системе), если коммерческие сферы – экономике в целом. К.П. Малянова и Э.Д. Нугаева справедливо отмечают, что «движимое и недвижимое имущество, транспорт, промышленные изделия, денежные средства, ценные бумаги, права на чужое имущество, а также заключение фиктивных договоров, в том числе трудовых являются непосредственным объектом мошеннических посягательств» [2, с. 141].

Единым характеризующим признаком данных преступлений является причинение ущерба бюджету путем хищений или корыстных проявлений, совершенное в ходе осуществления экономической, финансовой и производственно-хозяйственной деятельности участниками бюджетного процесса, в том числе получателями бюджетных средств.

Нельзя не согласиться с авторами, которые утверждают, что «наличие фиктивного трудоустройства в бюджетных учреждениях несет большую опасность для общества» [1, с. 69]. Кроме того, в настоящее время деятельность государственных (муниципальных) органов в рамках совершенствования и укрепления трудового законодательства активизировалась, однако преступных схем, связанных с хищением денежных средств, в том числе бюджетных, становится больше, к сожалению, даже в сферах деятельности, связанных с обеспечением обороноспособности страны³. Так, начальник третьего Центрального научно-исследовательского института Министерства обороны Российской Федерации К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 285 УК РФ, а именно фиктивно трудоустроил пять научных сотрудников, которые якобы работали дистанционно, а также заседали в диссертационном совете «для поднятия науч-

1 Состояние преступности на территории Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatel-nost/statistics> (дата обращения: 10.03.2024).

2 Исследованы 20 обвинительных приговоров на территории Республик Татарстан, Чувашия, Марий-Эл; Самарской, Ульяновской, Нижегородской и Кировской областей. Это позволило установить наиболее распространенные виды и способы совершенных преступлений, а также характерные черты лиц, участвующих в их совершении.

3 Пустые места: российских работодателей обкрадывают при помощи «мертвых душ». URL: <https://iz.ru/1508972/ivan-petrov/pustye-mesta-rossiiskikh-rabotodatelei-obkradyvaiut-pri-pomoshchi-mertvykh-dush> (дата обращения: 10.03.2024).

ного потенциала». Общая сумма ущерба составили 6,8 млн руб.¹

В целях выявления и документирования вышеуказанных противоправных действий экс-начальника осуществлены оперативно-розыскные мероприятия: наведение справок в информационно-поисковой системе «Следопыт-М», банковских учреждениях и т.д., опрос сотрудников института и иных лиц, обладающих оперативно значимой информацией, исследование предметов и документов, связанных с трудоустройством.

Кроме того, исследуемая проблема весьма актуальна в сфере строительства и системе жилищно-коммунального хозяйства, где основной массив рабочих – это иностранные граждане, которыми легче манипулировать. При нелегальном трудоустройстве материальную выгоду имеют как работодатель и работник, так и должностное лицо, наделенное полномочиями в сфере принятия на работу [5, с. 719].

Так, экс-главу поселения Тисульского района Кузбасса суд признал виновной в хищении бюджетных денежных средств путем мошенничества и присвоения, а именно фиктивного трудоустройства. На протяжении двух лет экс-глава получила порядка 840 тыс. руб. из федерального бюджета².

Наиболее распространенным способом хищений бюджетных денежных средств путем фиктивного трудоустройства граждан в государственные (муниципальные) учреждения, а также в иные коммерческие структуры, выступает внесение должностным лицом заведомо ложных сведений в официальные документы об устройстве сотрудников и подписание приказов о приеме на работу с целью присвоения их заработной платы.

Продолжая исследование, предлагается рассмотреть материалы оперативно-служебной деятельности, в которых раскрываются механизмы и способы совершения исследуемых видов преступлений. Как правило, директора общеобразовательных организа-

ций и заведующие дошкольных общеобразовательных организаций трудоустраивают сотрудников путем внесения заведомо ложных сведений в приказы о приеме на работу, незаконно издают и подписывают приказы о премировании, стимулирующих выплатах и совмещении должностей. Начисление заработной платы происходит на основании умышленного фиктивного внесения ложных сведений в табель учета использования рабочего времени.

Так, заведующая МКДОУ «Детский сад N 7» Р., используя свое служебное положение, внесла заведомо ложные сведения в приказы о приеме на работу сотрудников, а также в ежемесячные таблицы учета рабочего времени, являющиеся основанием для начисления работникам заработной платы. Указанные документы Р. предоставила в отдел образования администрации г. Шадринска Курганской области, на основании чего сотрудникам ежемесячно начислялись денежные выплаты. В ходе указанных действий бюджету был причинен материальный ущерб на общую сумму 1,3 млн руб.

Директор МКОУ СОШ «Образовательный центр» В. дала указание о составлении документов о приеме на работу на 0,5 ставки на должность «заместителя директора по воспитательной работе» учителя истории М. путем внесения заведомо ложных сведений в официальные документы. Так, по ее указанию были изготовлены приказ о приеме на работу, трудовой договор, должностная инструкция. М. находилась в указанной должности, фактически трудовых функций не выполняла, на рабочем месте отсутствовала. Таким образом, В. похитила бюджетные денежные средства в размере более 62,5 тыс. руб.

Заведующая МБДОУ «Детский сад N 16» Д., действуя из корыстных побуждений, посредством обмана, используя свое служебное положение, предложила В. устроиться в МБДОУ на должность оператора котельной без фактического исполнения должностных обя-

1 Уголовное дело N 22-542/2022 : архив 2-го западного окружного военного суда. URL: <https://clck.ru/3A6uyr> (дата обращения: 10.03.2024).

2 Экс-глава поселения Кузбасса осуждена на четыре года за хищение федеральных средств. URL: <https://www.sibmedia.ru/proisshestiya/eks-glava-poseleniya-kuzbassa-osuzhdena-na-chetyre-goda-za-hishhenie-federalnyh-sredstv/> (дата обращения: 10.03.2024).

занностей при условии начисления трудового стажа и передачи денежных средств, полученных в качестве заработной платы Д. В целях реализации преступного умысла Д. умышлено и фиктивно вносила ложные сведения в табеля учета рабочего времени В. и сдавала их в отдел образования администрации муниципального округа в целях начисления заработной платы на лицевой счет В. Общая сумма денежных средств, полученных В. в качестве заработной платы и переданных ею Д., составила 162,6 тыс. руб. В отношении Д., которая похитила денежные средства и распорядилась ими по своему усмотрению, возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Противоправная деятельность Р., З., Д. выявлена благодаря осуществлению комплекса оперативно-розыскных мероприятий: опрос, наведение справок в информационно-поисковой системе «Следопыт-М», банковских учреждениях, налоговом органе, исследование предметов и документов, прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи.

Заведующая дошкольной образовательной организацией <...> К., используя служебное положение, посредством обмана и злоупотребления доверием в период времени с сентября 2006 по февраль 2009 гг. систематически похищала денежные средства в размере 70 160 руб. Установлено, что К. внесла заведомо ложные сведения в приказы о приеме на работу сотрудника – своего мужа – на должность истопника, а также в ежемесячные табели учета рабочего времени. В дальнейшем К. фиктивно трудоустроила в дошкольную образовательную организацию <...> своих детей (дочь и сына). При этом заработные платы мужа, дочери и сына К. получала единолично в отделе образования на основании доверенностей. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Республики Татарстан обвинительный приговор в отношении К. отменила, а уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Судебной коллегией по уголовным

делам Республики Татарстан отмечено, что фактически обязанности истопника исполняла сама К. и П., который занимал должность охранника-дворника¹.

Вышеуказанный пример показывает и доказывает то, что формальное трудоустройство лиц, которые лично не исполняют свои обязанности, не свидетельствует об уголовно противоправном наказуемом деянии.

В целях документирования фактов противоправной деятельности необходимо получить оперативно значимую информацию. В свою очередь, получение оперативно значимых сведений осуществляется двумя основными способами [подр.: 7, с. 120-123]:

1) негласным способом – посредством взаимодействия с иными подразделениями органов внутренних дел, проведения оперативно-технических мероприятий;

2) гласным способом – путем подачи заявления представителем потерпевшей стороны, истребования документов.

Таким образом, в целях выявления и документирования исследуемых видов преступлений необходимо осуществлять комплекс оперативно-розыскных мероприятий. В настоящем исследовании рассмотрим наиболее распространенные и эффективные оперативно-розыскные и оперативно-технические мероприятия, проводимые в целях документирования исследуемых видов преступлений.

Наведение справок

В ходе проведения данного оперативно-розыскного мероприятия направляются запросы и истребуются документы, имеющие значение для выявления фактов преступной деятельности проверяемых (разрабатываемых) лиц:

1) в муниципальном (государственном) учреждении или коммерческих организациях:

- копии Устава, личных дел работников, приказов о приеме на работу;
- копии трудовых договоров с дополнительными соглашениями;
- копии должностных инструкций (должностных регламентов), приказов о расторжении трудовых договоров;

1 Сборник методических материалов для государственных обвинителей / под общ. ред. К.Ф. Амирова. Вып. 6 / Прокуратура Республики Татарстан. Казань, 2012. 51 с.

- копии трудовых книжек;
- копии табелей учета рабочего времени и расчета заработной платы;

- копии расчетных листов работников, согласно которым начислялась и выплачивалась заработная плата (платежные поручения о перечислении заработной платы, расчетные, платежные и расчетно-платежные ведомости, реестр о зачислении заработной платы, реестр сведений о доходах, карточки-справки по заработной плате);

2) в банковских учреждениях:

- расширенные выписки о движении денежных средств по лицевым счетам и счетам дебетовых карт сотрудников, незаконно получающих заработную плату;

- расширенные выписки о движении денежных средств по лицевым счетам руководителя (директора), его заместителей и (или) «близких» подчиненных, а также их родственников.

Особое внимание следует уделять лицам, которые на постоянной основе (ежемесячно) осуществляют переводы денежных средств на банковскую карту своего руководителя (директора) или их родственников, при наличии. Кроме того, рекомендуется направлять запросы в Федеральную службу по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг) в целях получения сведений о сомнительных денежных операциях проверяемых (разрабатываемых) лиц.

Опрос

Нельзя не согласиться с мнением авторов, которые справедливо отмечают, что «спефика работы по доказыванию наличия в штате организации фиктивно трудоустроенных лиц заключается в том, что основными доказательствами, как правило, служат показания реальных работников организации о том, что конкретные лица трудовых функций в данной организации не исполняют» [4, с. 149].

На основании вышесказанного, на наш взгляд, в процессе получения письменных показаний (объяснений) необходимо выяснить следующие данные:

- у педагогов, воспитателей и иных лиц, которым незаконно начислялась заработная плата (во сколько начинается и заканчивается

рабочий день, в каких отношениях находятся с директором (руководителем), какие обязанности выполнялись по должности, требовалось ли составление отчетов, планов работы на месяц, исполняли ли другие работники обязанности по своим должностям);

- у делопроизводителя (вносились ли записи в трудовую книжку лиц, которым незаконно начислялась заработная плата, каким образом изготовлены кадровые документы, каким образом оформлены лица (внутреннее/внешнее совместительство), на кого была возложена обязанность по ведению табелей учета рабочего времени);

- у заместителя директора по учебно-воспитательной работе (каким образом осуществлялось ведение табеля учета рабочего времени, на каком компьютере, известно ли о том, что сотрудники получали заработную плату фиктивно);

- у бухгалтера в управлении образования (начислялась ли заработная плата согласно окладу и пропорционально отработанному времени, на счет какого банка переводилась заработная плата, известно ли, что сотрудники получали заработную плату фиктивно);

- у начальника отдела территориального органа Федерального казначейства (каким образом начислялась заработная плата работникам, из каких средств (какого финансирования), возможно ли отследить, каким работникам и в каком количестве начисляется заработная плата).

Прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи

Прослушивание телефонных переговоров – это негласное оперативно-розыскное мероприятие, ограничивающее конституционные права граждан, проводимое на основании судебного решения, направленное на получение и фиксацию речевой смысловой информации, передаваемой по линиям телефонной связи фигуранта(ов) [подр.: 6, с. 77].

Осуществление прослушивания телефонных переговоров является одним из наиболее эффективных оперативно-розыскных мероприятий, поскольку в рамках его осуществления можно выявить и задокументировать

большое количество противоправных схем и алгоритмов, способствующих хищению бюджетных денежных средств при фиктивном трудоустройстве граждан, а также лиц, причастных к совершению преступлений.

Таким образом, при проведении прослушивания телефонных переговоров повышается возможность в установлении конкретных сведений о лицах, которые осуществляют фиктивное трудоустройство и в конечном итоге похищают денежные средства, о лицах, которых фиктивно трудоустраивают в целях хищения денежных средств.

Прослушивание телефонных переговоров на практике обычно осуществляется совместно с оперативно-розыскным мероприятием «снятие информации с технических каналов связи», представляющим собой негласное мероприятие, ограничивающее конституционные права граждан, проводимое на основании судебного решения, направленное на получение, преобразования и документирование противоправной деятельности проверяемых (разрабатываемых) лиц, посредством технических средств, а также разнообразных видов сигналов, которые передаются по техническим каналам связи [подр.: 6, с. 77].

Исследуемое мероприятие осуществляет сотрудниками специализированных подразделений при наличии аналогичных документов.

Следует отметить, что в качестве источников получения оперативно значимой информации по исследуемым видам преступлений могут выступать заявления и обращения физических и юридических лиц в отношении сотрудников органов государственной (муниципальной) власти и иных учреждений, жалобы граждан непосредственно в государственные (муниципальные) органы и подведомственные им государственные (муниципальные) учреждения, информация, полученная от уволенных сотрудников государственных (муниципальных) органов, государственных (муниципальных) учреждений, а также уволенных работников конкретных организаций, участвующих в государственных (муниципальных) закупках, анонимные заявления, жалобы, поступающие в контрольно-надзор-

ные органы, акты проверок контрольно-надзорных органов, обращения общественных организаций, информационные письма органов государственной (муниципальной) власти, учреждений образования, инициативные письма Росфинмониторинга и прочее.

В процессе выявления и документирования преступлений, связанных с хищением денежных средств, в том числе бюджетных, при фиктивном трудоустройстве граждан, сотрудники подразделений ЭБиПК должны активизировать взаимодействие с иными подразделениями органов внутренних дел, а также с органами, которые имеют возможность оказать помощь в соответствии с компетенциями взаимодействующих ведомств.

Таким образом, в целях повышения эффективности деятельности подразделений ЭБиПК по выявлению, документированию, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с хищением денежных средств, в том числе бюджетных, при фиктивном трудоустройстве граждан, необходимо на должном уровне организовать межведомственное взаимодействие по обеспечению надлежащего исследования достоверности сведений, предоставляемых гражданами, организациями, претендующими на получение государственной поддержки. Кроме того, необходимо осуществление постоянного мониторинга за использованием государственных и муниципальных ресурсов по целевому назначению путем практического применения финансово-распределительной и регулирующей функций финансового контроля, а также своевременно и оперативно получать оперативно значимую информацию об исследуемых противоправных фактах.

Вместе с тем необходимо отметить, что в большинстве своем в целях хищения бюджетных денежных средств фиктивно трудоустраивают технический персонал, занимающий низший уровень в иерархии государственного (муниципального) учреждения, и связано это, прежде всего, с тем, что данная категория лиц не оформляют ход и результаты своей деятельности, их отсутствие легче скрыть от фактических сотрудников. Принимая во внимание вышеизложенное, в целях повыше-

ния эффективности выявления и документирования исследуемых видов преступлений, сотрудникам подразделений ЭБиПК необходимо в первую очередь истребовать достоверную информацию о штатной численности технического персонала и проводить прове-

рочные оперативно-розыскные мероприятия именно в отношении данной категории сотрудников, в частности для установления реального преступника, занимающегося хищением бюджетных денежных средств.

Библиографический список

1. Григорян, Д.В. Выявление фиктивного трудоустройства в бюджетных учреждениях и пути его предотвращения / Д.В. Григорян, Е.В. Печерица // Актуальные теоретические и прикладные вопросы управления социально-экономическими системами : материалы международной научно-практической конференции, Москва, 20 декабря 2019 года. – М.: ФГБОУ ДПО «Институт развития дополнительного профессионального образования», 2019. – Т. 5. – С. 67-69.
2. Малянова, К.П. Способы совершения мошенничеств при трудоустройстве в Российской Федерации / К.П. Малянова, Э.Д. Нугаева // Юрист-Правоведь. – 2020. – N 1(92). – С. 141-145.
3. Мингалимова, М.Ф. Уголовная ответственность за трудоустройство «мертвых душ» / М.Ф. Мингалимова // Законность. – 2014. – N 8(958). – С. 28-32.
4. Родичев, М.Л. Некоторые проблемы, возникающие при выявлении в бюджетных учреждениях фактов фиктивного трудоустройства лиц, и пути их решения / М.Л. Родичев, С.Э. Тарасов // Современные проблемы правоприменительной практики российского антикоррупционного законодательства и пути его совершенствования : материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10 декабря 2013 года. – СПб.: СЗФ РПА Минюста России, 2014. – С. 148-154.
5. Рябченко, О.Н. Коррупционная составляющая содержания объекта преступлений против порядка управления главы 32 УК РФ / О.Н. Рябченко // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33. – N 4. – С. 715-721. – DOI 10.35634/2412-9593-2023-33-4-715-721.
6. Фарахiev, Д.М. Некоторые особенности выявления и документирования фактов взяточничества при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / Д.М. Фарахiev // Искусство правоведения. – 2024. – N 2(10). – С. 73-80.
7. Фарахiev, Д.М. Содействие граждан органам внутренних дел при выявлении и документировании фактов взяточничества / Д.М. Фарахiev, Г.Р. Фарахиева // Аграрное и земельное право. – 2023. – N 8(224). – С. 120-123. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_120.

Требования к статьям

1. К опубликованию в журнале принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи при условии их соответствия следующим требованиям:

- текст научной статьи содержит проблему, имеющую научное либо научно-практическое значение, а также ее научно обоснованное решение;
- в работе имеется не менее семи сносок на научные источники, не менее четырех из которых – сноски на научные статьи в журналах, включенных в базу данных РИНЦ;
- научные статьи по антинаркотической тематике подготовлены с учетом позиции и статистических данных субъектов государственной антинаркотической деятельности.

2. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

3. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

4. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

5. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

6. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

7. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

8. Элементы издательского оформления материалов включают:

- сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);
- заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;
- код УДК (универсальной десятичной классификации);
- аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);
- пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке), количество наименований литературы не должно превышать 25.

9. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, docx*);
- параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0х29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;
- шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;
- абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»!), межстрочный интервал полуторный;
- объем статьи 12-20 страниц;
- сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках);
- графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpeg, *.jpg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;
- файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

10. Не допускаются:

- многочисленные ссылки на работы, опубликованные в «Вестнике Сибирского юридического института МВД России»;
- более одной ссылки на собственные публикации автора;
- опубликование работ одного автора в двух номерах журнала подряд.

К опубликованию не принимаются работы, подготовленные единолично курсантами, студентами, слушателями.

Вопрос об опубликовании научной статьи, подготовленной курсантом (студентом, слушателем) в соавторстве, а также работы, не соответствующей одному или нескольким вышеуказанным требованиям, может быть решен редакционной коллегией журнала в индивидуальном порядке.

Ждем Ваши материалы по адресу:
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20
E-mail: onrio@yandex.ru
Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

Галимова Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Жильцов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Земцова Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Иванов Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент (г. Красноярск);

Дудина Надежда Афанасьевна, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Калугин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Куприянчик Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент (г. Красноярск);

Мальков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Мельников Евгений Борисович, кандидат химических наук, доцент (г. Красноярск);

Моляров Евгений Александрович, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Невирко Дмитрий Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Судницын Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Красноярск);

Токманцев Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Чумарова Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Шинкевич Владимир Ефимович, доктор социологических наук, доцент (г. Красноярск)

Шапин Даниил Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Омск).

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Editorial Board:

the editor-in-chief, he is also the chairman of the editorial board – Kim Dmitry Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

deputy Editor-in-Chief, he is also responsible for the issue – Tsukanov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Leontieva Yulia Vadimovna, Chief Specialist of the Editorial Department of the Research and Editorial Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Galimova Marina Alexandrovna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Zhiltsov Andrey Vladimirovich, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Zemtsova Svetlana Igorevna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Ivanov Andrey Yuryevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Dudina Nadezhda Afanasyevna, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Kalugin Alexey Gennadievich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kosmodemyanskaya Elena Evgenyevna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Kupriyanchik Tatyana Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Malkov Sergey Mikhailovich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Melnikov Evgeny Borisovich, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Molyarov Evgeny Alexandrovich, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Nevirko Dmitry Dmitrievich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Sudnitsyn Alexey Borisovich, Candidate of Law, Associate Professor (St. Petersburg);

Teplyashin Pavel Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk);

Tokmantsev Denis Valeryevich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Chumarova Ekaterina Yurievna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Shinkevich Vladimir Efimovich, Doctor of Sociology, Associate Professor (Krasnoyarsk)

Shashin Daniil Georgievich, Candidate of Law, Associate Professor (Omsk).